

выясненія внутренней жизни своего духа». Съ знаками препинанія г. Охотинъ никакъ не можетъ сладить и потому безпрестанно ставитъ тире, отъ чего во многихъ мѣстахъ также происходитъ неясность. Встрѣчаются и фигурныя выраженія, напоминающія также блаженной памяти Кайданова, напримѣръ: «Выраженіе бываетъ пріятно, если оно *пробуждаетъ въ насъ сладостный трепетъ сердца*. Для сего необходимо употреблять слова и цѣлыя рѣченія въ сочиненія совершенно равносильныя понятіямъ ума, чувствующимъ сердца и представленіямъ воображенія и располагать ихъ съ такою отчетливостью, чтобы *частныя* (?) предложенія къ главному относились, *какъ блестящіе лучи къ своему свѣтлому солнцу*».

Имя г. Охотина извѣстно (по крайней мѣрѣ пишущему эти строки) еще «Уроками изъ русской грамматики» (Спб. 1842). Въ этихъ «Урокахъ» мы не находимъ ученія о *частныхъ* предложеніяхъ; ва то находимъ напримѣръ, что предложенію есть «рѣчь, выражающая *кратко и внятно* (?) мысль, или сужденіе о предметѣ» и тому подобные *очаровательные фантастическіе мысли чудеснаго*.

Московская самоварница. Сочиненіе Петра Мед...а. Москва, 1854.

Русская литература въ 1854 году представила много поразительныхъ явленій. Читателями нашими, вѣроятно, еще не забыты «Любовь Поэта», «Каританъ», «Діагоръ» и множество другихъ произведеній подобнаго качества. «Московская Самоварница» по времени появленія въ свѣтъ послѣдняя въ ряду этихъ произведеній 1854 года, столь скуднаго розами и другими благоуханными цвѣтами, и столь обильнаго дикорастущими репейниками, но она далеко не послѣдняя въ ряду ихъ по своимъ достоинствамъ. «Московскую Самоварницу» прочитаютъ съ удовольствіемъ люди, которые до сихъ поръ принуждены были довольствоваться знаніемъ нѣкогда романомъ «Разгулье вупеческихъ сынковъ въ Марьвной рошѣ, или наши гуляюгъ!» А. А. Орлова. Увы, какія грустныя мысли рождаются при этомъ воспоминаші! Кто, кромѣ немногихъ избранныхъ, помнить теперь имя А. А. Орлова, котораго считалъ достойнымъ безмертія самъ Пушкинъ? А со времени смерти плодовитаго романиста протекло не болѣе десяти лѣтъ! Увы, екажемъ, подражая знаменитому восклицанію Гамлета, еще не засохли чернила на дивномъ порѣ А. А. Орлова, а мы ужъ забываемъ его! И кто позаботился сохранить для насъ біографическія извѣстія объ этомъ столь замѣчательномъ писателѣ? Никто, никто! Вотъ какъ ны дорожимъ памятью знаменитаго нѣкогда сатирическаго писателя. Да, ни похвалы Пушкина, ни неоспоримое родство и таланта, и заглавіи съ однимъ извѣстнымъ сочинителемъ нравственно-сатирическихъ романовъ — ничто, ничто не могло спасти А. А. Орлова отъ забвенія.

Рѣка временъ въ своемъ течевъ
Уноситъ всѣ дѣла людей...

какъ сказалъ Доржавинъ. Почему эта мысль не остановила г. Петра Мед—ва? Неужели онъ думалъ, что «Московская Самоварница» прославить его имя, когда

гениальное «Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной рошѣ» не доставило бессмертія своему автору? Мы не напрасно сравниваемъ эти два произведенія: основная идея въ нихъ одна и таже — изображеніе подмосковныхъ гуляній; далѣе мѣсто дѣйствія одно — Марьиная рошча; и когда мы расскажемъ содержаніе «Московской Сановаринцы», читатели увидятъ, что г. Петръ Мед—ъ не назвалъ своего романа «Разгулье въ Марьиной рошѣ» только потому, что это заглавіе было уже употреблено прежде А. А. Орловымъ.

У автора былъ разочарованный пріятель Алексѣй, думавшій отъ сплина застрѣлится и уѣхать за границу. Но авторъ сказалъ ему, что въ жизни есть много очаровательнаго, между прочимъ Настя, невинная красавица, промышляющая продажей чая и прочаго въ Марьиной рошѣ гуляющимъ купеческимъ сынкамъ. Алексѣй тотчасъ почувствовалъ влеченіе къ жизни, Марьиной рошѣ и Настенькѣ, прелестной сановарницѣ. Пріятель отправился искать любви и счастья. Пробираясь по рошѣ, они слышатъ, какъ повсюду гуляющіе мастеровые уговариваютъ другъ друга идти пить чай въ Настенькѣ, которую попросту называютъ «Настька» (стр. 21 и другія). Но едва только произносится имя «Настя» или «Настька», какъ мимо разговаривающихъ проходитъ мрачный человѣкъ съ острою бородкою и ядовитымъ взглядомъ, и бросаетъ на разговаривающихъ такой взоръ, отъ котораго леденѣетъ кровь гулякъ. Этого таинственнаго незнакомца зовутъ Кузмичъ. Алексѣй влюбляется въ Настю, хочетъ на ней жениться; отецъ ему не позволяетъ; Кузмичъ его преслѣдуетъ, и таинственною силою опредѣляетъ Настю въ служанки къ нѣицу-аптекарю, гдѣ честь ея подвергается разнымъ испытаніямъ. Наконецъ Алексѣй такъ живо и убѣдительно доказываетъ отцу невинность и красоту Настя, что старикъ даетъ свое согласіе; тогда и Кузмичъ изъ демона-гонителя обращается въ благодѣтеля Настя. Настя дочь его друга, завѣщавшаго Кузмичу хранить ея невинность; для сохраненія душевной чистоты своей воспитанницы, Кузмичъ отдаетъ ее на воспитаніе Оеонѣ, которая промышляетъ продажей чая в другихъ вещей пьянымъ гулякамъ. Однимъ словомъ, Настя невинна, Алексѣй счастливъ, все объясняется и кончается счастливымъ образомъ. Въ образецъ наивности и красоты картинъ, рисуемыхъ перомъ п. Петра Мед—а выпишемъ строки, въ которыхъ изображается первое появленіе Кузмича. Авторъ и Алексѣй, его пріятель, идутъ по Марьиной рошѣ, разеуждая о томъ, что московскіе цыгане артисты.

Въ это время раздались несвязныя слова в рѣзкія восклицанія; онѣ заставили насъ прекратить разговоръ и обернуться. Въ сторонѣ отъ дороги подъ деревомъ сидѣлъ молодой человѣкъ, безъ верхней одежды и галстука, съ разстегнутымъ воротомъ и мѣстами, запачканный грязью; онъ находился въ такомъ состояніи, въ которомъ человѣкъ очень близокъ къ животнымъ.

— Экъ нарѣзался, Попойкинъ! сказалъ маленькій человѣкъ съ бородкой (это и есть Кузмичъ), проходя мимо насъ и кивая на жалкаго бѣдняка.

Бѣдливъ вдругъ вскочилъ на ноги, подперся въ бока обѣими руками, и показываясь, завричалъ хриплымъ голосомъ, унававъ меня (то есть автора):

— А! Овейскій! Постовъ братецъ, я подойду! да куда же ты торопишься? А, знаю: къ Настькѣ! Чай пить... Чертъ съ ней... я все пропилъ! (стр. 21).

Избавляемъ читателей отъ продолженія. Еслибъ можно было давать совѣты писателю съ такимъ дарованіемъ, какъ г. Петръ Мед—ъ, мы посовѣтовали бъ ему прекратить знакомство съ г. Попойкинымъ: такія дружества не доводятъ до добра.

**Магазинъ землѣвѣдѣнія и путешествій. Географическій сборникъ, издаваемый
Николаемъ Фроловымъ. Томъ III. Москва, 1854.**

Въ прошедшемъ году издаше второго тома «Магазина» дало намъ случай помѣстить обширную критическую статью («Современникъ» 1854, май и июнь), въ которой показывалось развитіе основныхъ идей географіи и опредѣлялось высокое мѣсто, какое занимаетъ эта наука въ кругу человѣческихъ знаній. Не повторяя здѣсь высказанное такъ недавно въ нашемъ журналѣ, мы хотимъ, прежде нежели перейдемъ къ обзору статей, помѣщенныхъ въ третьемъ томѣ «Магазина», сказать нѣсколько словъ о ихъ общемъ характерѣ.

На физическую географію, на этнографію, даже на статистику до недавняго времени географы обращали очень мало вниманія; надъ всѣмъ преобладала такъ называемая «политическая географія», очень хорошо памятная каждому изъ насъ по тѣмъ учебникамъ, скучныя страницы которыхъ затверживалъ онъ съ такимъ трудомъ, и съ такою быстротою позабывалъ. Дѣло тогда обходилось очень просто, хотя, нельзя но признаться, очень сухо, такимъ образомъ: «границы Франціи: перечисленіе 86 или 87 ея департаментовъ, съ именами главныхъ городовъ; о каждомъ городѣ ровно по двѣ строки, какъ бы ни былъ важенъ, какъ бы ни былъ онъ ничтоженъ: Ліонъ, Марсель и Гавръ, Ванъ, Вове и Тарбъ описывались одинаковымъ количествомъ словъ, почти одними и тѣми же словами; о томъ, что за народъ французы, какіе у нихъ нравы, какія понятія и обычаи, говорилось менѣе, нежели о томъ, что такое Privas, главный городъ Ардешскаго департамента, или Aurillac, главный городъ Кантальскаго департамента. Англія и Ирландія считались однимъ и тѣмъ же, хотя между этими странами и жителями ихъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства; королевство Саксонское и прусская провинція Саксонія не имѣли между собою ничего общаго, хотя на самомъ дѣлѣ эти земли различаются только краскою на ландкартахъ. Итальянцевъ даже не существовало для географіи, говорившей только что королевство сардинское раздѣляется на десять округовъ, а великое герцогство Тосканское на пять. О Рейвѣ извѣстно было географіи только то, что онъ служить границею между Баденомъ и Франціею, потомъ между рейнскою Пруссіею и герцогствомъ Нассаускимъ; объ Альпахъ—что тамъ есть гора Монбланъ, имѣющая столько-то футовъ вышины. Однимъ словомъ, физической географіи отдѣлялось въ старину въ толстонъ географическомъ трактатѣ пять страницъ, статистикѣ пять строкъ, этнографіи—ни одной строки.

Изъ этихъ пренебрегаемыхъ старинною географіею важнѣйшихъ составныхъ частей ея, первая успѣла убѣдить всѣхъ въ огромномъ своемъ значеніи физическая географія. Теперь каждый порядочный учебникъ обращаетъ надлежащее вниманіе на физическую часть землеописанія; даже у насъ являются атласы съ картами распределенія горъ, климатовъ, почвы, растеній, животныхъ и т. д. Статьями по этой отрасли землѣвѣдѣнія и по неразрывно связанной съ нею математической географіи по преимуществу наполненъ и III томъ «Магазина» г. Фролова, какъ составляли онѣ исключительное содержаніе второго тома. Мы вовсе не хотимъ считать эту специальность недостаткомъ прекраснаго изданія г. Фролова; но мы должны поставить ее на видъ, и замѣтить, что ея далеко не исчерпываются интереснѣйшія для на-

шего времени стороны землевѣдѣнія; напротивъ, если даже оставить въ сторонѣ богѣ или менѣ случайныя и внѣшніе раздѣленія, которыми занимается такъ называемая политическая географіе, то остаются двѣ другія важнѣйшія стороны землевѣдѣнія — этнографія и статистическія отношенія различныхъ земель и областей. Не будемъ говорить о значеніи статистическаго элемента въ географіи, потому что важность статистики, какъ отдѣльной науки, нынѣ достаточно признается всѣми, хотя въ географіи статистическая часть далеко еще не достигла надлежащаго развитія. Но скажемъ нѣсколько словъ о важности этнографіи въ системѣ общаго образованія, куда проникать она должна черезъ посредство географіи.

Не считаемъ нужнымъ распространяться о важности знакомства съ обычаями народовъ, которые могутъ быть названы представителями той или другой цивилизаціи, — само собою разумѣется, что качества каждаго особеннаго направленія цивилизаціи и возникшихъ въслѣдствіе его общественныхъ отношеній должны быть ближайшимъ образомъ провѣряемы изученіемъ нравовъ и обычаевъ народа, сложившихся или видоизмѣнившихся подъ вліяніемъ этихъ отношеній; нравы народа, образъ его жизни, житейскихъ понятій и привычекъ съ одной стороны, съ другой статистическія данныя представляютъ лучшее вѣрило для оцѣнки достоинствъ и недостатковъ разныхъ направленій цивилизаціи. Необходимость имѣть определенное понятіе объ этомъ вопросѣ, одномъ изъ основныхъ въ общей системѣ понятій, не нуждается въ доказательствахъ. Но вмѣстѣ съ народами, стоящими на высокой степени развитія, землевѣдѣніе говоритъ о дикихъ и полудикихъ племенахъ, о народахъ съ мало выработавшимися или оцѣпенѣвшими формами жизни — оставляя всѣ другія области, изученіе которыхъ представляетъ гораздо большую, но съ тѣмъ вмѣстѣ и гораздо очевиднѣйшую важность, обратимъ вниманіе на значеніе ближайшаго знакомства съ нравами, понятіями и учрежденіями народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ умственнаго и общественнаго развитія.

Какъ ни возвышенно зрѣлище небесныхъ тѣлъ, какъ ни восхитительны величественныя или очаровательныя картины природы, человѣкъ важнѣе, интереснѣе всего для человѣка. Потому, какъ ни высокъ интересъ, возбуждаемый астрономіею, какъ ни привлекательны естественныя науки, важнѣйшею, коренною наукою остается и останется навсегда наука о человѣкѣ. Чтобы пуститься въ дешевую ученость общихъ мѣстъ, которые хороши тѣмъ, что безспорны, напомнимъ о надписи дельфійскаго храма: «Познай себя». Позднѣе была высказана греческимъ философomъ великая мысль, всю истину которой постигли только въ послѣднее время, со времевъ Канта, и особенно въ послѣднія десятилѣтія: «человѣкъ мѣрило всего». Конечно, ближайшимъ предметомъ нашихъ мыслей долженъ быть человѣкъ развитый цивилизаціею, его нравственныя и общественныя учрежденія, понятія, потребности. Но эти учрежденія и понятія жили такъ долго, образовалась и измѣнились подъ столькими различными условіями, что часто бываетъ трудно рѣшить, въ чемъ состоитъ ихъ первоначальная сущность и въ чемъ позднѣйшія измѣненія; не зная этого, часто бываетъ затруднительно рѣшить, что именно въ извѣстномъ обычаѣ или учрежденіи мы должны считать необходимымъ для насъ, какія стороны его служатъ выраженіемъ дѣйствительной потребности, какія отжили свое время и при измѣнившихся условіяхъ продолжаютъ существовать только по закону косности, господствующему и въ общественныхъ отношеніяхъ, какъ въ мірѣ физическомъ. Итакъ очень часто бываетъ необходимо прослѣдить исторію предмета съ первобыт-

ныхъ его зачатковъ, чтобы рѣшить, дѣйствительно ли онъ сохранилъ свой истинный смыслъ, дѣйствительно ли удовлетворяетъ онъ въ тонѣ видѣ, какой имѣетъ теперь, наетонщимъ отношеніямъ. Все это было бы можно показать на очень живыхъ примѣрахъ; но мы приведемъ только одинъ, конечно имѣющій въ народной жизни только второстепенную важность, но представляющій, между прочимъ, ту выгоду, что не требуетъ длинныхъ поясненій. Общая тема большей части романовъ, повѣстей, стихотвореній въ наше время, какъ и прежде—такъ называемая романическая любовь. Ясно, что въ современной жизни не играетъ она такой важной роли, какъ въ литературѣ, которая должна изображать жизнь. Отчего жъ это различіе между изображеніемъ и подлинникомъ? Составляетъ ли сущность поэзіи эта обыкновенная тема ея произведеній, такъ-что безъ влюбленныхъ героя и героини на самомъ дѣлѣ трудно обойтись роману? Многие такъ думаютъ и осуждаютъ романъ на вѣчную односторонность. Но взглянемъ на зародыши, изъ которыхъ развилась новая литература, и дѣло представится въ другомъ видѣ. Важнѣйшая изъ первообразовъ новой поэзіи—народная поэзія и пѣсни трубадуровъ; начало нашей беллетристики находимъ въ рыцарскихъ романахъ и сборникахъ, подобныхъ Декамерону Боккаччіо. Для народныхъ пѣсенъ и трубадуровъ любовь дѣйствительно была единственною поэтическою темою.

Точно таково же было положеніе дѣла въ обществѣ, которому принадлежали рыцарскіе романы: «Дама сердца», выходя замужъ, становилась домохозяйкою, не болѣе; мужъ гораздо больше думалъ объ охотѣ, турнирахъ и иолкихъ междоусобицахъ, нежели о женѣ. Само собою разумѣется, что поэзія, находя въ этомъ обществѣ влюбленность единственныя гуманнѣе и живыя элементомъ, сдѣлала ее главною темою; этимъ она была вѣрна своему назначенію служить отраженіемъ жизни. Точно то же надобно сказать о рыцарскихъ романахъ. Наконецъ книга Боккаччіо и другіе подобные сборники составлялись исключительно изъ анекдотовъ и разсказовъ, которые служатъ для препровожденія времени въ веселой компаніи; темою такихъ разговоровъ, постоянно бываютъ любовныя интриги. Все это показываетъ что главная тема произведеній, послужившихъ основаніемъ для послѣдующей литературы, давалась общественными отношеніями того времени; что народныя пѣсни, рыцарскіе романы и сборники анекдотовъ брали почти исключительно содержаніемъ влюбленность потому, что общество на той степени развитія не представляло другихъ отношеній между мужчиною и женщиною. Нѣтъ сомнѣнія, что отвѣтъ этотъ, представляемый исторіею, въ значительной степени облегчаетъ рѣшеніе споровъ о тонѣ, въ сущности ли произведеній литературы лежитъ то, что они повсюду вставляютъ любовь и влюбленность, или эта исключительность порождена исключительными условіями общественной жизни, и мы должны ожидать, что она исчезнетъ вмѣстѣ съ ними.

Мы не хотимъ преувеличивать важности историческаго способа рѣшать вопросы, какъ то дѣлаютъ многіе. Главнымъ мѣриломъ рѣшенія вопросовъ жизни должны служить настоятельныя жизненныя потребности современнаго положенія дѣлъ. Но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что при затруднительныхъ или просто спорныхъ случаяхъ, историческія соображенія многимъ людямъ помогаютъ утвердиться въ увѣренности о необходимости и основательности рѣшенія, требуемаго настоящимъ. Въ примѣрѣ, который мы указали, эти соображенія остаются на твердой исторической почвѣ среднихъ вѣковъ и греческаго міра, не увлекая насъ въ темныя области

первоначальнѣйшей исторіи племенъ. Это потому, что мы взяли явленіе, самыя зародыши котораго являются ужь только при довольно значительномъ развитіи цивилизаціи. Не то бываетъ при историческомъ изслѣдованіи почти всѣхъ важнѣйшихъ понятій и учрежденій, — почти всѣ принадлежности общественной жизни возникли при самомъ ея началѣ, въ тѣ отдаленнѣйшіе періоды, которые не внесены въ лѣтописи, отъ которыхъ не осталось почти никакихъ памятниковъ, кромѣ общихъ и темныхъ намековъ, уцѣлѣвшихъ въ языкѣ. Потому-то въ послѣднее время, когда убѣжденіи большинства стали шатки, и съ тѣмъ вмѣстѣ сомнѣнія его такъ робко, обратила на себя такое вниманіе историческая филологія, старающаяся отгадать характеръ древнѣйшихъ періодовъ историческаго развитія и объяснить первоначальный видъ и коренное значеніе понятій и учреждений, въ измѣненномъ видѣ продолжающихъ господствовать до нынѣ. Для людей съ твердымъ характеромъ, съ довѣреніемъ къ собственному сужденію, въ этихъ разъясненіяхъ нѣтъ необходимости; но для людей колеблющихся, нерѣшительныхъ — онѣ очень важны. Нѣкоторымъ читателямъ можетъ показаться, что мы отдалились отъ нашего вопроса о значеніи этнографіи — нѣтъ, мы теперь въ самомъ его средоточіи. Все, что съ вѣроятными усиліями соображенія успѣваетъ добыть историческая филологія для объясненія первобытной жизни, сообщаетъ намъ этнографія въ живыхъ, простыхъ, ясныхъ разсказахъ; потому что, вакъ мы имѣли случай недавно говорить, наши зрѣвѣйшіе предки начали съ состоянія, совершенно подобнаго нынѣшнему состоянію австраійскихъ и другихъ дикарей, стоящихъ на низшей степени развитія, потомъ постепенно проходили тѣ состоянія нѣсколько болѣе развитой нравственной и общественной жизни, какую видимъ у различныхъ негритянскихъ племенъ, у сѣвероамериканскихъ краснокожихъ, у бедуиновъ и другихъ азіатскихъ племенъ и народовъ; каждое племя, стоящее на одной изъ степеней развитія между самымъ грубымъ дикарствомъ и цивилизаціею, служитъ представителемъ одного изъ тѣхъ разсцовъ исторической жизни, которые были проходимы европейскими народами въ древнѣйшія времена. Потому этнографія даетъ намъ всѣ тѣ историческія свѣдѣнія, въ которыхъ мы нуждаемся. Какъ восходя отъ подошвы горы къ ея вершинѣ, мы въ одинъ день видимъ физическую жизнь, принадлежащую всѣмъ временамъ года — подошвы желтѣющія нивы осени и лѣта, выше яркую зелень весны, еще выше первое таяніе снѣговъ, и наконецъ царство зимы, — такъ перенесаясь въ пустыни Америки, въ степи Азіи и Африки, мы переносимся въ жизнь тысячелѣтія, предшествовавшаго періоду греческой цивилизаціи; обзрѣвая острова Великаго Океана, проникаемъ еще далѣе въ глубь вѣковъ. Степень развитія и вѣдншія условія жизни, съ нею соединенныя, почти безусловно владычествуютъ надъ характеромъ общества, его обычаями, понятіями и учреждениями; самое развитіе въ характерѣ различныхъ расъ человѣческаго племени оказываетъ вліяніе, почти совершенно ничтожное сравнительно съ могущественнымъ дѣйствіемъ этихъ условій; потому-то на каждой степени развитія на низшихъ, для каждого направленія цивилизаціи а высшихъ ступеняхъ исторической жизни человѣчества, существуетъ одинъ типъ; таковы нравы и учреждения одного пастушескаго племени, таковы есть и были нравы и учреждения всѣхъ племенъ, когда они стоятъ на той же ступени развитія; таковы нынѣ обычаи австралійцевъ, таковы же были обычаи всѣхъ племенъ, когда они были въ томъ же періодѣ младенчества. Итакъ, посредствомъ историческихъ изысканій о первобытныхъ временахъ жизни нашихъ предковъ мы открываемъ

тѣ же самые факты, какію видимъ въ жизни различныхъ дикихъ и полудикихъ племенъ; этнографія говоритъ совершенно тоже, что историческая филологія. Но чѣмъ я огромное различіе между этими очень важными въ наше время науками. Историческая филологія отгадываетъ, строитъ гипотезы, основанныя на скудныхъ часто блѣдныхъ фактахъ, потому даетъ картины не полныя; не довольно подробныя и живыя, иногда не совсѣмъ точныя. Совершенно не таково положеніе этнографіи: она видитъ и передаетъ факты народной жизни во всей ихъ жизненной полнотѣ и точности; этнографъ видитъ своими глазами то, что при помощи наслѣдованій изъ прошлого можно только предчувствовать. И вѣрность и полнота на сторонѣ этнографіи. Потому-то она должна быть главнѣйшею путеводительницею при возстановленіи древнѣйшихъ періодовъ развитія народовъ, ставшихъ нынѣ такъ высоко, пошедшихъ черезъ тѣ же самые періоды жизни, въ которыхъ до нынѣ остаются различные племена, живущія ввѣриною ловлею, собираніемъ плодовъ или пастушествомъ.

И дѣйствительно, въ прежнее время мыслители, занимавшіеся изслѣдованіемъ о первоначальномъ характерѣ и значеніи различныхъ учрежденій и понятій постоянно прибѣгали къ помощи извѣстій, представляемыхъ этнографіею. У писателей замѣчательнѣйшихъ проницательностью и обширностью своихъ соображеній по этимъ вопросамъ, безпрестанно мы встрѣчаемъ ссылки на путешественниковъ. Только въ послѣднее время появленія исторической филологіи, былъ забытъ на время этотъ богатѣйшій источникъ положительныхъ свѣдѣній. Въмѣсто Кука и Бугенвиля начали цитировать исключительно Гримма. Но въ твореніяхъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей послѣднихъ годовъ, мы уже видимъ возвращеніе къ покинутой на время этнографіи. Они цѣнятъ по достоинству драгоцѣнные матеріалы, представляемые этнографіею, но находятъ гораздо больше и гораздо положителнѣйшихъ извѣстій въ описаніяхъ дикарскаго и младенчествующаго быта у племенъ, которымъ оставлены этихъ древнѣйшихъ ступеняхъ развитія до нашего времени. Большинство изъ нихъ конечно скоро послѣдуетъ примѣру, который указываетъ корифеямъ науки. Мы позволили себѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ потому, что имѣетъ у насъ нѣкоторый интересъ новизны; кромѣ того, намъ хотѣлось выставить видъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ землѣвѣдѣнія, снова начинающую обращать на себя вниманіе философіи.

Третій томъ «Магазина землѣвѣдѣнія и путешествій» заключаетъ въ себѣ только двѣ небольшія этнографическія статьи: «Езиды» г. Березина и «Восплатъ о восточной Сибири» г. Корнилова. Онѣ безъ сомнѣнія будутъ прочтены съ большимъ интересомъ, хотя ихъ почтенные авторы передали намъ только краткія очерки видѣнныхъ ими земель и народовъ. Остальныя статьи имѣютъ предметъ математическую и физическую географію Земного шара; г. Д. М. Перевощиковъ помѣстилъ въ «Магазинѣ» прекрасныя «Замѣчанія о математической географіи», «Геодезическія и топографическія работы въ Россіи», дополненія къ этимъ статьямъ, и «Обозрѣніе русскихъ Календарей»; кромѣ того онъ «составилъ статью «О термометрическомъ состояніи земли» и мы предполагаемъ, что по его же выбору переведена изъ Араго статья о Календарѣ. Г. Щуровскому надлежатъ три статьи: «Ледники», «Русскіе каменно-угольные бассейны» и «Географія Леопольда фонъ-Буха. Наконецъ переведена въ «Магазинѣ» общія статья «Географическое распространеніе верблюда», изъ Риттора. Читатели изъ

то почти весь третій томъ сборника г. Фролова составленъ изъ оригинальныхъ статей, и конечно согласается съ нами, что надобно благодарить почтеннаго издателя за такое усовершенствованіе его изданія. Переходимъ къ обзорѣю отдѣльныхъ статей.

Имя г. Д. М. Перовщикова пользуется у насъ громкою извѣстностью, полнѣ заслуженною, и если бы кто нибудь изъ многочисленныхъ почитателей ютченнаго русскаго математика составить полное и основательное обзорѣие ученой то дѣятельности, то нѣтъ сомнѣнія, онъ этимъ исполнилъ бы желаніе всякаго, интересующагося успѣхами наукъ въ Россіи. Въ настоящей статьѣ было бы по-чтѣство входить въ разсмотрѣніе чисто ученой стороны дѣятельности г. Д. М. Перовщикова; но мы едва ли ошибемся, сказавъ, что въ послѣдніе тридцать лѣтъ никто не содѣйствовалъ столько, какъ онъ, распространенію астрономическихъ и физическихъ свѣдѣній въ русской публикѣ: Д. М. Перовщикова постоянно былъ самымъ, ноутомнѣйшимъ и полезнѣйшимъ изъ людей, посвятившихъ свою учо-ую дѣятельность этому прекрасному стремленію. Количество написанныхъ имъ съ тою цѣлью статей очень велико; и по числу и по внутреннему достоинству онѣ въ русской литературѣ занимаютъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ подобныхъ произведеній. Четыре статьи, помѣщенные имъ въ третьемъ томѣ «Магазина» прекрасны; онѣ составляютъ его украшеніе и придаютъ ему прочное ученое значеніе. Замѣчанія о математической географіи» писаны съ педагогическою мыслью, и олжны, по мысли автора, служить для преподавателей географіи пособіемъ при объясненіи математической части ея, затруднительной для многихъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что авторъ, извѣстный своимъ дарованіемъ популярно излагать научные вопросы, вполне достигаетъ своей цѣли; рекомендуемъ его «Замѣчанія» вниманію учителей географіи—ничего лучшаго не было еще писано для нихъ на русскомъ языкѣ. «Обзорѣіе русскихъ Календарей» драгоценный матеріалъ для исторіи Мѣсяцеслова, ежегодно издаваемаго Императорскою Академіею Наукъ, и Календарей, прежде него изданныхъ въ Россіи. Г. Перовщикова внимательно рассматриваетъ календари съ 1710 года до настоящаго времени, и отмѣчаетъ въ нихъ все интересное и характеристичное. Всѣ интересующіеся исторіею русской литературы, будутъ благодарны ученому автору за этотъ обзоръ, составленный съ новою основательностью. Переходя къ статьѣ «Геодезическія и топографическія работы въ Россіи», выразимъ прежде всего сожалѣніе о томъ, что объемъ нашего разскаго обзорѣіи не позволяетъ войти въ подробности, необходимыя для объясненія важности тригонометрическихъ съемокъ и астрономическихъ опредѣленій шоты, потому не позволяетъ памъ и изложить содержанія полнаго и яснаго изрѣшія этихъ трудовъ, представленнаго ученымъ авторомъ. Сначала говорить о предложеніяхъ Ломоносова, потомъ о топографическихъ съемкахъ и триангуляціяхъ, опредѣленіяхъ долготы Пулковской и Московской Обсерваторій, большомъ опредѣленіи меридіана отъ Фуглеппса въ Норвегіи (70°40') до Измаила на Дунаѣ (5°20') и проч. Составленное по Араго г. Перовщиковымъ разсужденіе о термометрическомъ состояніи земли» очень интересно; и какъ важнѣйшія ключенія его могутъ быть изложены безъ обширныхъ объясненій, то приведемъ въ здѣсь.

Извѣстна гипотеза, что сѣверная часть Сибири, гдѣ находятся остовы живот-ныхъ сродныхъ съ тѣми, какіи нынѣ встрѣчаются только въ тропическихъ зомляхъ,

пользовалась нѣкогда климатомъ, какой нынѣ сохранили только тропическія страны; по другой, столь же извѣстной гипотезѣ, предполагается, что нѣкогда вся наша планета была въ расплавленномъ или даже газообразномъ состояніи: на основаніи этихъ соображеній можно было бы предполагать, что температура земного шара, понижавшаяся въ доисторическія времена, продолжаетъ понижаться и нынѣ, и что если не мы, то наши потомки подвергаются опасности увидѣть всю поверхность земного шара замерзшею и умереть отъ холода. Такое мнѣніе часто повторялось людьми, поверхностно знакомыми съ наукою. Араго, основываясь на строгихъ вычисленіяхъ и положительныхъ наблюденіяхъ, показываетъ неосновательность подобнаго предположенія. Прежде всего приводитъ онъ обыкновенное доказательство, что если бы температура земного шара, взятаго какъ одно цѣлое, уменьшалась, то уменьшался бы и его поперечникъ, по извѣстному закону, что всѣ тѣла, охлаждааясь, уменьшаются въ объемѣ; а если бы поперечникъ земного шара уменьшился, то сократилось бы и время суточного обращенія земли на своей оси, по общему правилу, что чѣмъ менѣе становится поперечникъ вертящагося шара, тѣмъ скорѣе онъ начинаетъ обращаться при одинаковости вращающей его силы. Вычисленія показываютъ, что еслибы земли охладѣла только на одинъ градусъ, то время суточного обращенія сократилось бы слишкомъ на полторы секунды. Но мы имѣемъ очень точное измѣреніе времени обращенія луны около земли, сдѣланное еще до Рождества Христова греческими астрономами. Оно продолжаетъ быть совершенно точнымъ и для нашего времени. А еслибы время сутокъ сократилось, то періодъ обращенія луны сталъ бы, по сравненію съ сутками, продолжительнѣе; случая греческое измѣреніе этого періода съ нашимъ, относительно ихъ одинаковости, мы не можемъ ошибиться и въ одной сотой части секунды; а какъ охлажденіе на одинъ градусъ произвело бы разницу въ полторы секунды, то ясно, что земля, въ продолженіе слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ, протекшихъ между нашимъ и греческимъ измѣреніемъ луннаго мѣсяца, не охладилась и на одну сто - пятидесятую часть градуса. Кромѣ этого извѣстнаго положительнаго доказательства, Араго представляетъ множество другихъ, отрицательныхъ, основанныхъ на томъ, что ни одно изъ обстоятельствъ и отношеній, имѣющихъ замѣтное вліяніе на температуру земной поверхности, не измѣняется, а тѣ условія, которыя подвержены измѣненію, не имѣютъ почти никакого вліянія на температуру земли. Одинаковость температуры въ древнѣйшія времена съ настоящимъ ея состояніемъ доказываетъ онъ также историческими свидѣтельствами о томъ, какого рода растенія могли производить въ древности и производятъ нынѣ извѣстныя страны и мѣста — изъ этого сравненія оказывается, что гдѣ не измѣнился климатъ отъ осушенія болотъ и вырубки лѣсовъ (что до нѣкоторой степени возвышаетъ температуру странъ) тамъ продолжаетъ онъ производить тѣ же самыя растенія, какъ и въ глубокой древности, слѣдовательно не сдѣлался ни теплѣе, ни холоднѣе. Всѣ эти доказательства и соображенія изложены, какъ всегда у Араго, очень популярно и вмѣстѣ глубокомысленно и пріобрѣтаютъ новый интересъ для науки отъ множества задачъ, важность рѣшенія которыхъ онъ показываетъ, указывая съ тѣмъ вмѣстѣ, какія нужно произвести наблюденія для того, чтобы рѣшить ихъ основательнымъ образомъ.

Тѣми же достоинствами отличается статья Араго о календарѣ, дополненная примѣчаніями Д. М. Перовщикова. Но мы не знаемъ, почему изъ Риттора выбранъ для перевода огромная статья «Географическое распространеніе верблюда въ Стѣ

ромъ Свѣтъ»; не можетъ быть и спору въ томъ, что написана она съ огромною ученостію; но предметъ ея слишкомъ специаленъ, и едва ли можно было удѣлять въ «Сборникѣ Зоилсвѣдѣнія» 140 страницъ изслѣдованію о первоначальной роднѣ и постепенномъ переселеніи одного животнаго. Намъ кажется, что лучнѣе было бы избрать изслѣдованіе, представляющее болѣе общаго интереса—у Риттера нѣтъ недостатка въ такихъ трактатахъ. Тоже самое должны мы сказать о статьѣ г. Щуровскаго «Ледники». Если бы авторъ изложилъ теорію Агасси и другихъ, относительно значенія ледниковъ въ измѣненіи поверхности земнаго шара, это имѣло бы общій интересъ; но онъ ограничивается простымъ описаніемъ состава и вида ледниковъ—это не можетъ имѣть для русскихъ читателей такой занимательности, которая уполномочивала бы помѣщать обширную статью. Гораздо болѣе интереса въ жизнеописаніи великаго геолога Леопольда фонъ-Буха, потому что здѣсь г. Щуровскій подробно объясняетъ значеніе его трудовъ въ наукѣ, излагаетъ его теорію и важнѣйшія открытія. Если мы замѣтимъ, что авторъ напрасно считалъ сухими многія страницы своей статьи, исчисляя всѣ мелкія сочиненія фонъ-Буха, то замѣтимъ единственно съ тою цѣлю, чтобы обратить на это вниманіе самого автора. Не должно забывать, что подобныя статьи пишутся для большинства публики, а не для специалистовъ, которымъ уже очень хорошо извѣстна жизнь Леопольда фонъ-Буха и полный списокъ его сочиненій, который приложенъ къ концу статьи г. Щуровскимъ, не удовольствовавшимся гѣмъ, что нѣсколько десятковъ этихъ сочиненій уже упомянуто въ самой статьѣ. Но вполне интересно будетъ для читателей обзорѣе «Русскихъ каменноугольныхъ бассейновъ», составленное г. Щуровскимъ по специальнымъ изслѣдованіямъ. Перескажемъ въ нѣсколькихъ словахъ главные выводы о каменноугольномъ богатствѣ Россіи.

Въ Европейской Россіи найдены до сихъ поръ четыре главныхъ бассейна каменнаго угля. Сѣверный бассейнъ, прилегающій узкимъ концомъ своимъ къ Балтскому морю, расширяется въ южной своей половинѣ и обнимаетъ Тверскую, Губльскую, Рязанскую, Калужскую и сосѣдственныя части прилежащихъ губерній. Это обширное пространство каменный уголь занимаютъ по однимъ непрерывнымъ пластамъ, а отдѣльными, разрозненными мѣсторожденіями, что очень неблагопріятно для разработки. Кромѣ того, самый уголь низкаго качества. Западный бассейнъ въ Силезіи переходитъ въ Царство Польское, и занимаетъ небольшую часть его юго-западнаго края. Уголь здѣсь лежитъ толстымъ, непрерывнымъ пластомъ, и добыча его представляетъ нѣкоторыя выгоды. Въ послѣднее время получаютъ по до десяти милліоновъ пудовъ. Восточный бассейнъ идетъ узкою полосой вдоль Уральскаго хребта; уголь годенъ для отопленія и желѣзнодорожныхъ работъ, потому, вѣроятно, будетъ приносить большую пользу; но до сихъ поръ этотъ бассейнъ мало изслѣдованъ и разработка его едва начата. Наконецъ важнѣйшій, сколько доселѣ извѣстно, бассейнъ южный или Донской (прилегающій къ рѣкѣ сѣверному Донцу), занимаетъ большую часть земли войска Донскаго, и часть губерній Екатеринославской и Харьковской; площадь его болѣе пятисотъ квадратныхъ миль. Качество угля превосходно; между тѣмъ весь бассейнъ, слишкомъ вдвое превосходящій обширностію всѣ Великобританскіе каменноугольные бассейны, вмѣстѣ взятыя, оставляютъ лишь едва одну семисотую часть того количества угля, какое добывается въ Великобританіи. Причиною такой малозначительности производства, на-

должно считать съ одной стороны то, что добываніе производится безъ помощи на-
выхъ машинъ, которыя однѣ могутъ дать работамъ надлежащую силу, съ дру-
гую недостатокъ дешевыхъ путей сообщенія съ тѣми мѣстами, которыя нуждаются
въ горючемъ матеріалѣ и вслѣдствіе всего этого, невозможность поставлать донес-
антрацитъ по сходной цѣнѣ. Съ отвращеніемъ этихъ препятствій и съ понижені-
емъ цѣны, его разработкамъ предстоятъ, вѣроятно, блестящая будущность.

Этимъ заключаемъ нашъ обзоръ третьяго тома «Магазина землевѣдѣнія
путешествій». Его составъ разнообразенъ; большая часть статей написаны
красно и очень интересны по своему содержанію. Если мы говорили о вазно-
статистическаго и этнографическаго элемента въ географіи, то нашей цѣлью бы-
ло только выставить на видъ эти новые элементы, въ нее проникающіе, а вовсе
не смѣшное недовольство тѣмъ, что «Магазинъ» г. Фролова по преимуществу за-
нимается одною изъ нѣсколькихъ сторонъ обширной науки землевѣдѣнія, физиче-
ской, по связи съ ней, математическою географіею — сторона эта также чрезвычай-
но важна, также чрезвычайно интересна; «Магазинъ», обращая на нее предп-
ривное вниманіе, представляетъ статьи прекрасныя, и никто не въ правѣ въ
предлагаемаго хорошаго, требовать еще чего нибудь другаго; иначе пришлось бы
упрекать историческій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ астрономическихъ ста-
тъ, археологическій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ юридическихъ статей. Предъ
большой части статей, помѣщенныхъ въ разсмотрѣнномъ нами томѣ «Мага-
зина Землевѣдѣнія» важенъ и интересенъ, статьи хороши, нѣкоторыя превосходны,
намъ остается только радоваться выходу въ свѣтъ новаго и прекрасно состав-
леннаго тома изданія г. Фролова.

**Историческая записка, рѣчи, стихи, и отчеты Императорскаго Московскаго
университета, читанные въ торжественномъ собраніи 12 января 1855 года
случаю его столѣтняго юбилея. Москва. 1835.**

Торжество столѣтняго юбилея Московскаго университета, было совер-
шенно достойнымъ славныхъ воспоминаній университета образомъ. Читатели конечно
знаютъ подробности этого торжества, которому подобныхъ еще не бывало въ
русской науки. Государь Императоръ благоволилъ почтить старѣйшій изъ рус-
скихъ университетовъ милостивою высочайшею грамотою. Всѣ высшія учебныя учрежде-
нія Имперіи прислали депутаціи или адреса, поздравляя Московскій университетъ съ
празднествомъ. Вывѣшны воспитанники университета, въ числѣ которыхъ такъ мно-
го людей, почетныхъ заслугами на государственномъ или ученомъ поприщѣ, со-
бранный изъ разныхъ областей имперіи своимъ участіемъ и воспоминаніями ожи-
вляющее торжество учрежденія, которому обязаны своимъ образованіемъ.

Помѣщая въ «Современныхъ замѣткахъ» описаніе юбилея, мы здѣсь
даемъ обзоръ рѣчей, которыя были произнесены въ торжественномъ собра-
ніи праздника.

Первою изъ этихъ рѣчей была «Историческая записка о дѣйствіяхъ ун-
верситетскаго начальства объ ученыхъ трудахъ членовъ университета, по случаю
стоящаго торжества», читанная г. ректоромъ университета, А. А. Алфимовъ.

8 марта 1851 года Гоеударь Императоръ благоволилъ утвердить программу потовленій университета къ юбилею; для исполненія этой программы былъ учро-
гъ при университетѣ комитетъ, подѣ председѣательствомъ г. ректора изъ пр.
фшкяна, Щуровскаго, Шевырева, Зернова, Анке, Гравовскаго, Соловьева, Бо-
искаго, Буслаева п адъюнкта Бѣлаева.

По Высочайше утвержденной программѣ выбита академикомъ Лялинымъ мо-
въ въ память юбилея. На одной сторонѣ ея, по мысли комитета, изображена Им-
атрица Елисавета Петровна, основательница университета, п представляющіе
ударяни проэктъ университета, Шуваловъ и Ломоносовъ. На этой сторонѣ по-
влено: <12 января 1755 г.> — день основанія университета. На другой сто-
тѣ медали, по Высочайшему повелѣнію, изображенъ государственный гербъ и
ертано 12 января 1855 г.

Изготовлены членами университета слѣдующія книги:

1. Исторія Императорскаго Московскаго университета за все истекшее столѣ-
тѣ, г. Шевыревымъ. Государь Императоръ благоволилъ принять посвященіе этого
за Его Августѣйшему Имени.

2. Біографическій словарь профессоровъ п преподавателей университета, за
истекшее столѣтіе, въ двухъ томахъ, содержаній 238 біографій, составлен-
въ разными лицами, принадлежащими къ университету.

3. Матеріалы для исторіи писемъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и
вьянскихъ, заключающіе въ собѣ статьи гг. Петрова, Клина, Менщикова и Бус-
ва. Этотъ сборникъ издается <въ память приблизительнаго стеченія> тысячолѣ-
терилловской азбуки и столѣтія Московскаго университета.

4. Начата издашемъ Біографическая лѣтопись всѣхъ извѣстныхъ питомцевъ
Московскаго университета, за все столѣтіе, съ приложешомъ всеобщаго ихъ списка.
гашлено членами университета и другими учеными.

5. Профессоры и преподаватели издали собраніе учено-литературныхъ статей,
въ заглавіемъ: <Въ воспоминаніе 12 января 1855 года>. Здѣсь помѣщены
ы гг. Баршева, Брашмана, Спасскаго, Орпатскаго, Глѣбова, Лешкова, Вер-
каго, Давыдова, Кудрявцева, Буслаева, Бѣлаева, Швейцера, Любимова
грахова.

6 и 7. Г. Бодянский приготовилъ къ изданію изслѣдованія: о времени про-
жденія славянскихъ писемъ и житіе св. Первоучителей Кирилла п Меоодія.

Послѣ записки г. ректора, г. профессоръ Шевыревъ прочиталъ <Обозрѣніе
ѣтнаго существованія Императорскаго Московскаго университета>. Причинами
ливаго возрастанія университета, во все первое столѣтіе его жизни, г. Шевы-
находитъ: благоволѣніе Божіе, милостивое покровительство Государей и лю-
русскаго народа къ просвѣщенію; припоминаетъ милости оказанныя русскими
ирхами Московскому университету, исчисляетъ начальниковъ университета; по-
разматриваетъ <четыре дѣла>, которыя исполнялъ университетъ во все вре-
воего существованія: насажденіе науки въ Россіи, веденія ея въ уровень съ
ивеннымъ движеніемъ, примѣненію науки къ жизни и потребностямъ Россіи,
итаніе Отечеству сыновъ полезныхъ, вѣрныхъ слугъ Государю и Отечеству, и
тохъ исчисляетъ знаменитѣйшихъ профессоровъ п воспитанниковъ университета.
ы професооровъ ны скоро исчислимъ, разматривая ихъ біографіи, изданныя
ерсатетомъ; изъ воспитанниковъ назовемъ здѣсь: Фонъ-Визина, Богдановича,

добно считать съ одной стороны то, что добываніе производится безъ помощи павыхъ машинъ, которыя однѣ могутъ дать работамъ надлежащую силу, съ другой недостатокъ дешевыхъ путей сообщенія съ тѣми мѣстами, которыя нуждаются въ горючемъ матеріалѣ и вслѣдствіе всего этого, невозможность поставлять другіе антрацитъ по сходной цѣнѣ. Съ отращеніемъ этихъ препятствій и съ пониженіемъ цѣны, его разработкамъ предстоитъ, вѣроятно, блестящая будущность.

Этимъ заключаемъ нашъ обзоръ третьяго тома «Магазина землѣдѣнія и путешествій». Его составъ разнообразенъ; большая часть статей написана и красноречиво и очень интересна по своему содержанію. Если мы говорили о важности статистическаго и этнографическаго элемента въ географіи, то нашей цѣлью было только выставить на видъ эти новые элементы, въ него проникающіе, а вовсе не смѣшное недовольство тѣмъ, что «Магазинъ» г. Фролова по преимуществу занимается одною изъ нѣсколькихъ сторонъ обширной науки землѣдѣнія, физическою и, по связи съ ней, математическою географіею — сторона эта также чрезвычайно важна, также чрезвычайно интересна; «Магазинъ», обращая на него преимущественное вниманіе, представляетъ статьи прекрасныя, и никто не въ правѣ въ предлагаемаго хорошаго, требовать еще чего выбудь другаго; иначе пришлось бы упрекать историческій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ астрономическихъ статей, археологическій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ юридическихъ статей. Предъ большей части статей, помѣщенныхъ въ разсмотрѣнномъ нами томѣ «Магазина Землѣдѣнія» важны въ интересъ, статьи хороши, нѣкоторыя превосходны; намъ остается только радоваться выходу въ свѣтъ новаго и прекрасно составленнаго тома изданія г. Фролова.

Историческая записка, рѣчи, стихи, и отчеты Императорскаго Московскаго университета, читавшыя въ торжественномъ собраніи 12 января 1855 года по случаю его столѣтняго юбилея. Москва. 1855.

Торжество столѣтняго юбилея Московскаго университета, было говорено достойнымъ славныхъ воспоминаній университета образомъ. Читатели конечно знаютъ подробности этого торжества, которому подобныхъ еще не бывало въ русской науке. Государь Императоръ благоволилъ почтить старѣйшій изъ русскихъ университетовъ милостивою высочайшею грамотою. Всѣ высшія учебныя учрежденія Имперіи прислали депутаціи или адреса, поздравляя Московскій университетъ съ празднествомъ. Бывшіе воспитанники университета, въ числѣ которыхъ такъ много людей, почетныхъ заслугами на государственномъ или ученомъ поприщѣ, собрались изъ разныхъ областей имперіи своимъ участіемъ и воспоминаніями оживить торжество учрежденія, которому обязаны своимъ образованіемъ.

Помѣщая въ «Современныхъ замѣткахъ» описаніе юбилея, мы здѣсь не будемъ обзрѣвать рѣчей, которыя были произнесены въ торжественномъ собраніи празднества.

Первою изъ этихъ рѣчей была «Историческая записка о дѣйствіяхъ университета съ 1755 года», читанная г. ректоромъ университета, А. А. Альфонсовымъ.

8 марта 1851 года Государь Императоръ благоволилъ утвердить программу готовленій университета къ юбилею; для исполненія этой программы былъ учрежденъ при университетѣ комитетъ, подъ предѣдательствомъ г. ректора изъ пр. Шеншкова, Щуровскаго, Шевырева, Вернова, Апке, Гравовскаго, Соловьева, Боскаго, Буслаева и адъюнкта Бѣдьева.

По Высочайше утвержденной программѣ выбита академическою Лилиною медаль въ память юбилея. На одной сторонѣ ея, по мысли комитета, изображена Императрица Елисавета Петровна, основательница университета, и представляющіе университету дары прозектъ университета, Шуваловъ и Ломоносовъ. На этой сторонѣ надпись: «12 января 1755 г.» — день основанія университета. На другой сторонѣ медали, по Высочайшему повелѣнію, изображенъ государственный гербъ и датано 12 января 1855 г.

Изготовлены членами университета слѣдующія книги:

1. Исторія Императорскаго Московскаго университета за все истекшее столѣтіе г. Шевыревымъ. Государь Императоръ благоволилъ принять посвященіе этого труда Его Августѣйшему Имени.

2. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета, за истекшее столѣтіе, въ двухъ томахъ, содержащій 238 біографій, составленный разными лицами, принадлежащими къ университету.

3. Матеріалы для исторіи писменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ, заключающіе въ себѣ статьи гг. Потрова, Клина, Менщикова и Буслаева. Этотъ сборникъ издается «въ память приближительнаго стеченія» тысячеквѣковой азбуки и столѣтія Московскаго университета.

4. Начата издаемъ Біографическая лѣтопись всѣхъ извѣстныхъ питомцевъ Московскаго университета, за все столѣтіе, съ приложеніемъ всеобщаго ихъ списка, составленнаго членами университета и другими учеными.

5. Профессоры и преподаватели издали собраніе учено-литературныхъ статей, заглавіемъ: «Въ воспоминаніе 12 января 1855 года». Здѣсь помѣщены труды гг. Баршева, Брашмана, Спасскаго, Орнатскаго, Глѣбова, Лешкова, Вернова, Давыдова, Кудрявцева, Буслаева, Бѣльева, Швейцера, Любимова и др.

6 и 7. Г. Бодяпскій приготовилъ къ изданію изслѣдованія: о времени введенія славянскихъ писменъ и житіе св. Первоучителей Кирилла и Мефодіа. Послѣ записки г. ректора, г. профессоръ Шевыревъ прочиталъ «Обозрѣніе о сущемъ существованіи Императорскаго Московскаго университета». Причинами быстрого возрастанія университета, во все первое столѣтіе его жизни, г. Шевыревъ находитъ: благоволеніе Божіе, милостивое покровительство Государей и лютого русскаго народа къ просвѣщенію; припоминаетъ милости оказанныя русскими царями Московскому университету, исчисляетъ начальниковъ университета; разсматриваетъ «четыре дѣла», которыя исполнялъ университетъ во все свое существованіе: насажденіе науки въ Россіи, веденія ея въ уровень съ современнымъ движеніемъ, примѣненіе науки къ жизни и потребностямъ Россіи, служеніе Отечеству сыновъ полезныхъ, вѣрныхъ слугъ Государю и Отечеству, и г. Шевыревъ исчисляетъ знаменитѣйшихъ профессоровъ и воспитанниковъ университета. Изъ профессоровъ мы скоро исчислимъ, разсматривая ихъ біографіи, изданныя университетомъ; изъ воспитанниковъ назовемъ здѣсь: Фонъ-Визина, Богдановича,

•
добно считать съ одной стороны то, что добываніе производится безъ помощи павыхъ машинъ, которыя однѣ могутъ дать работамъ надлежащую силу, съ другой недостатокъ дешевыхъ путей сообщенія съ тѣми мѣстами, которыя нуждаются въ горючемъ матеріалѣ и вслѣдствіе всего этого, невозможность поставлать достаточнаго количества антрацитъ по сходной цѣнѣ. Съ отвращеніемъ этихъ препятствій и съ пониженіемъ цѣны, его разработкамъ предстоитъ, вѣроятно, блестящая будущность.

Этимъ заключаемъ нашъ обзоръ третьяго тома «Магазина землѣвѣдѣнія и путешествій». Его составъ разнообразенъ; большая часть статей написана и красна и очень интересны по своему содержанію. Если мы говорили о важности статистическаго и этнографическаго элемента въ географіи, то нашей цѣлью было только выставить на видъ эти новые элементы, въ нее проникающіе, а вовсе не смѣшное недовольство тѣмъ, что «Магазинъ» г. Фролова по преимуществу занимается одною изъ нѣсколькихъ сторонъ обширной науки землѣвѣдѣнія, физическою и, по связи съ ней, математическою географіею — сторона эта также чрезвычайно важна, также чрезвычайно интересна; «Магазинъ», обращая на него преимущественное вниманіе, представляетъ статьи прекрасныя, и никто не въ правѣ въ предлагаемаго хорошаго, требовать еще чего нибудь другаго; иначе пришлось бы упрекать историческій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ астрономическихъ статей, археологическій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ юридическихъ статей. Предъ большей части статей, помѣщенныхъ въ разсмотрѣнномъ нами томѣ «Магазина Землѣвѣдѣнія» важенъ и интересенъ, статьи хороши, нѣкоторыя превосходны, намъ остается только радоваться выходу въ свѣтъ новаго и прекрасно составленнаго тома изданія г. Фролова.

Историческая записка, рѣчи, стихи, и отчеты Императорскаго Московскаго университета, читанные въ торжественномъ собраніи 12 января 1855 года по случаю его столѣтняго юбилея. Москва. 1835.

Торжество столѣтняго юбилея Московскаго университета, было совершенно достойнымъ славныхъ воспоминаній университета образомъ. Читатели конечно знаютъ подробности этого торжества, которому подобныхъ еще не бывало въ русской науке. Государь Императоръ благоволилъ почтить старѣйшій изъ русскихъ университетовъ милостивою высочайшею грамотою. Всѣ высшія учебныя учрежденія Имперіи прислали депутаціи или адреса, поздравляя Московскій университетъ съ празднествомъ. Бывшіе воспитанники университета, въ числѣ которыхъ такъ много людей, почетныхъ заслугами на государственномъ или ученомъ поприщѣ, собрались изъ разныхъ областей имперіи своимъ участіемъ и воспоминаніями оживить въ годовое торжество учрежденія, которому обязаны своимъ образованіемъ.

Помѣщая въ «Современныхъ вѣсткахъ» описаніе юбилея, мы здѣсь не можемъ дать обширнѣе обзоръ рѣчей, которыя были произнесены въ торжественномъ собраніи праздника.

Первою изъ этихъ рѣчей была «Историческая записка о дѣйствіяхъ университета съ епитематическаго начальства объ ученыхъ трудахъ членовъ университета, по случаю столѣтняго торжества», читанная г. ректоромъ университета, А. А. Альфонсовымъ.

8 марта 1851 года Государь Императоръ благоволилъ утвердить программу подготовленій университета къ юбилею; для исполненія этой программы былъ учрежденъ при университетѣ комитетъ, подъ предѣдательствомъ г. ректора изъ пр. рошкина, Щуровскаго, Шевырева, Зернова, Анке, Грановскаго, Соловьева, Буслаева и адъюнкта Бѣляева.

По Высочайше утвержденной программѣ выбита академикомъ Лялинымъ медаль въ память юбилея. На одной сторонѣ ея, по мысли комитета, изображена Императрица Елисавета Петровна, основательница университета, и представляющіе ученики проекта университета, Шуваловъ и Ломоносовъ. На этой сторонѣ по-дано: <12 января 1755 г.> — день основанія университета. На другой сторонѣ медали, по Высочайшему повелѣнію, изображенъ государственный гербъ и датано 12 января 1855 г.

Изготовлены членами университета слѣдующія книги:

1. Исторія Императорскаго Московскаго университета за все истекшее столѣтіе г. Шевыровымъ. Государь Императоръ благоволилъ принять посвященіе этого за Его Августѣйшему Имени.

2. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета, за истекшее столѣтіе, въ двухъ томахъ, содержащій 238 біографій, составленъ разными лицами, принадлежащими къ университету.

3. Матеріалы для исторіи писемъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ, заключающіе въ себѣ статьи гг. Петрова, Клипа, Меншикова и Буслаева. Этотъ сборникъ издается <въ память приблизительнаго стеченія> тысячолѣтній кирилловской азбуки и столѣтія Московскаго университета.

4. Начата издашемъ Біографическая лѣтопись всѣхъ извѣстныхъ питомцевъ Московскаго университета, за все столѣтіе, съ приложеніемъ всеобщаго ихъ списка. Составлено членами университета и другими учеными.

5. Профессоры и преподаватели издали собраніе учено-литературныхъ статей, заглавіемъ: <Въ воспоминаніе 12 января 1855 года>. Здѣсь помѣщены и гг. Баршева, Брашмана, Саасскаго, Ориатскаго, Глѣбова, Лешкова, Верскаго, Давыдова, Кудрявцева, Буслаева, Бѣляева, Швейцера, Любимова и Рахова.

6 и 7. Г. Бодяпскій приготовилъ къ изданію изслѣдованія: о времени введенія славянскихъ писемъ и житіе св. Первоучителей Кирилла и Меодіа.

Послѣ записки г. ректора, г. профессоръ Шевыревъ прочиталъ <Обозрѣніе о значеніи существованія Императорскаго Московскаго университета>. Причинами живаго возрастанія университета, во все первое столѣтіе его жизни, г. Шевыревъ находитъ: благоволеніе Божіе, милостивое покровительство Государей и лютого русскаго народа къ просвѣщенію; припоминаетъ милости оказанныя русскими императорами Московскому университету, исчисляетъ начальниковъ университета; по-разматриваетъ <четыре дѣла>, которыя исполнялъ университетъ во все время своего существованія: насажденіе науки въ Россіи, веденія ея въ уровень съ современнымъ движеніемъ, примѣненію науки къ жизни и потребностямъ Россіи, служеніе Отечеству сыновъ полезныхъ, вѣрныхъ слугъ Государю и Отечеству, и къ тому исчисляетъ знаменитѣйшихъ профессоровъ и воспитанниковъ университета. Изъ профессоровъ мы скоро исчислимъ, разматривая ихъ біографіи, изданныя университетомъ; изъ воспитанниковъ назовемъ здѣсь: Фонъ-Визина, Богдановича,

добно считать съ одной стороны то, что добываніе производится безъ помощи паровыхъ машинъ, которыя однѣ могутъ дать работамъ надлежащую силу, съ другой недостатокъ дешевыхъ путей сообщенія съ тѣми мѣстами, которыя нуждаются въ горючемъ матеріалѣ и вслѣдствіе всего этого, невозможность поставлать донской антрацитъ по сходной цѣнѣ. Съ отвращеніемъ этихъ препятствій и съ пониженіемъ цѣны, его разработкамъ предстоитъ, вѣроятно, блестящая будущность.

Этимъ заключаемъ нашъ обзоръ третьяго тома «Магазина землевѣдѣнія и путешествій». Его составъ разнообразенъ; большая часть статей написаны прекрасно и очень интересны по своему содержанію. Если мы говорили о важности статистическаго и этнографическаго элемента въ географіи, то нашей цѣлью было только выставить на видъ эти новые элементы, въ нее проникающіе, а вовсе не смѣшное недовольство тѣмъ, что «Магазинъ» г. Фролова по преимуществу занимается одною изъ нѣсколькихъ сторонъ обширной науки землевѣдѣнія, физическою и, по связи съ ней, математическою географіею — сторона эта также чрезвычайно важна, также чрезвычайно интересна; «Магазинъ», обращая на него пренебрежительное вниманіе, представляетъ статьи прекрасныя, и никто не въ правѣ вмѣсто предлагаемаго хорошаго, требовать еще чего нибудь другаго; иначе пришлось бы упрекать историческій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ астрономическихъ статей, археологическій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ юридическихъ статей. Прочтеть большей части статей, помѣщенныхъ въ разсмотрѣнномъ нами томѣ «Магазина Землевѣдѣнія» важенъ и интересенъ, статьи хороши, нѣкоторыя превосходны — и намъ остается только радоваться выходу въ свѣтъ новаго и прекрасно составленнаго тома изданія г. Фролова.

Историческая записка, рѣчи, стихи, и отчеты Императорскаго Московскаго университета, читанные въ торжественномъ собраніи 12 января 1855 года, по случаю его столѣтняго юбилея. Москва. 1835.

Торжество столѣтняго юбилея Московскаго университета, было совершенно достойнымъ славныхъ воспоминаній университета образомъ. Читатели конечно уже знаютъ подробности этого торжества, которому подобныхъ еще не бывало въ честь русской науки. Государь Императоръ благоволилъ почтить старѣйшій изъ русскихъ университетовъ милостивою высочайшею грамотою. Всѣ высшія учебныя учрежденія Имперіи прислали депутація или адреса, поздравляя Московскій университетъ съ его празднествомъ. Бывшіе воспитанники университета, въ числѣ которыхъ такъ много людей, почетныхъ заслугами на государственномъ или ученомъ поприщѣ, собрались изъ разныхъ областей имперіи своимъ участіемъ и воспоминаніями оживить вѣковое торжество учрежденія, которому обязаны своимъ образованіемъ.

Помѣщая въ «Современныхъ замѣткахъ» описаніе юбилея, мы здѣсь сообщимъ обзоръ рѣчей, которыя были произнесены въ торжественномъ собраніи праздника.

Первою изъ этихъ рѣчей была «Историческая записка о дѣйствіяхъ университетскаго начальства объ ученыхъ трудахъ членовъ университета, по случаю настоящаго торжества», читанная г. ректоромъ университета, А. А. Альфонекниъ.

8 карта 1851 года Государь Императоръ благоволилъ утвердить программѣ приготовленій университета къ юбилею; для исполненія этой программы былъ учрежденъ при университетѣ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г. ректора изъ пр. Морошкина, Щуровскаго, Шевырева, Зернова, Анке, Гравовскаго, Соловьева, Бодявскаго, Буслаева и адъюнкта Бѣляева.

По Высочайше утвержденной программѣ выбита акадеянкомъ Лялинымъ медаль въ память юбилея. На одной сторонѣ ея, по мысли комитета, изображена Императрица Елисавета Петровна, основательница университета, и представляющіе Государыни проэктъ университета, Шуваловъ и Ломоносовъ. На этой сторонѣ поставлено: «12 января 1755 г.» — день основанія университета. На другой сторонѣ медали, по Высочайшему повелѣнію, изображенъ государственный гербъ и начертано 12 января 1855 г.

Изготовлены членами университета слѣдующія книги:

1. Исторія Императорскаго Московскаго университета за все истекшее столѣтіе, г. Шевыревымъ. Государь Императоръ благоволилъ принять посвященію этого труда Его Августѣйшему Имени.

2. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета, за все истекшее столѣтіе, въ двухъ томахъ, содержащій 238 біографій, составленныхъ разными лицами, принадлежащими къ университету.

3. Матеріалы для исторіи писменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ, заключающіе въ себѣ статьи гг. Петрова, Клима, Менщикова и Буслаева. Этотъ сборникъ издается «въ память приблизительнаго стеченія» тысячелѣтія кирилловской азбуки и столѣтія Московскаго университета.

4. Начата издашемъ Біографическая лѣтопись всѣхъ извѣстныхъ питомцевъ Московскаго университета, за все столѣтіе, съ приложеніемъ всеобщаго ихъ списка. Составлено членами университета и другими учеными.

5. Профессоры и преподаватели издали собраніе учено-литературныхъ статей, подъ заглавіемъ: «Въ воспоминаніе 12 января 1855 года». Здѣсь помѣщены статьи гг. Баршева, Брашмана, Спасскаго, Орнатскаго, Глѣбова, Лешкова, Вервадскаго, Давыдова, Кудрявцева, Буслаева, Бѣляева, Швейцера, Любимова и Страхова.

6 и 7. Г. Бодяпскій приготовилъ къ изданію изслѣдованія: о вромени происхожденія славянскихъ писменъ и житіе св. Первоучителей Кирилла и Меодіа.

Послѣ записки г. ректора, г. профессоръ Шевыревъ прочиталъ «Обозрѣніе столѣтняго существованія Императорскаго Московскаго университета». Причинами счастливаго возрастанія университета, во все первое столѣтіе его жизни, г. Шевыревъ находитъ: благоволеніе Божіе, милостивое покровительство Государей и любовь русскаго народа къ просвѣщенію; припоминаетъ милости оказанныя русскими Монархами Московскому университету, исчисляетъ начальниковъ университета; попомъ разематриваетъ «четыре дѣла», которыя исполнялъ университетъ во все время своего существованія: насажденіе науки въ Россіи, веденія ея въ уровень съ собственнымъ движеніемъ, примѣненіе науки къ жизни и потребностямъ Россіи, воспитаніе Отечеству еиновъ полезныхъ, вѣрныхъ слугъ Государю и Отечеству, и при этомъ исчисляетъ знаменитѣйшихъ профессоровъ и воспитанниковъ университета. Груды профессоровъ мы скоро исчислимъ, разематривая ихъ біографіи, изданныя университетомъ; изъ воспитанниковъ назовемъ здѣсь: Фонъ-Визвна, Богдановича,

Новикова, Кострова, Карамзина, Жуковского, Нарѣжнаго, Гнѣдича, Мерзляко-Калайдовича, Грибоѣдова.

За рѣчью г. Шевырева слѣдуетъ: «Благодарное воспоминаніе о Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ», рѣчь г. Соловьева. Нашъ извѣстный историкъ начинаетъ, образно значенію торжества, указаніемъ важности живой связи съ прошедшимъ и дѣятельности въ настоящемъ, и объясняетъ коренное значеніе Московскаго Университета, потребность, которою былъ онъ вызванъ къ существованію:

Всякое учрежденіе есть слѣдствіе какой нибудь потребности, которая почувствовалась извѣстнымъ образомъ въ извѣстное время. Понятно, что учрежденіе тѣмъ лезиѣе, тѣмъ почтеннѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяетъ потребности, вызвавшей его существованіе. Чѣмъ живѣе между его членами преданіе о цѣли учрежденія, чѣмъ созвѣстнѣе переходить это преданіе изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это преданіе присуще членамъ учрежденія при ихъ соединенной дѣятельности, составляетъ душу учрежденія. Учрежденіе живѣе полвою жизнію, продвѣгается, когда этотъ духъ силѣе когда дастъ себя чувствовать въ совокупныхъ дѣйствіяхъ членовъ учрежденія и поведеніи каждаго изъ нихъ, гдѣ бы онъ ни находился: тогда многія другія учрежденія заимствуютъ отъ него жизнь, духъ и силыны бывають этою жизнію, этимъ духомъ. Когда же преданіе забывается, духъ слабѣетъ,—учрежденіе клонится къ упадку: то люди, ревностные къ славіи учрежденія, стараются воскресить преданіе, возвратитъ къ первоначальной чистотѣ. Обыкновенно основателями учрежденія бывають люди, которые яснѣе другихъ сознають извѣстную потребность общества, которые образъ мыслей и всею дѣятельностію своею осуществляютъ ту цѣль, къ которой должно стремиться учрежденіе; дѣятельность основателей поэтому становится живымъ преданіемъ, котораго члены учрежденія никогда не должны терять изъ виду.

Въ чемъ же состоитъ преданіе, духъ того учрежденія, стелѣтіе котораго собралось теперь торжествовать, и кто былъ человѣкъ, въ нравственномъ образѣ котораго осуществляется это преданіе, чей нравственный образъ мы должны благоговѣйно перенести изъ одного вѣка въ другой?

Для разрѣшенія вопроса, какая потребность вызвала Московскій университетъ, говоритъ г. Соловьевъ, надобно перенестись къ тому времени, которое отпало его. Въ концѣ XVI вѣка, Русское царство было громадно, но въ немъ существовалъ недостатокъ умѣнья приносить частныя выгоды въ жертву благу обществу: сознавалась потребность распространенія между гражданами познанія обязательнаго гражданскихъ. Смуты, которыми окончился XVI вѣкъ, обнаружили и эти недостатки и силу русскаго народа побѣдить ихъ.

Такъ наступилъ XVII вѣкъ, вѣкъ богатый славными событіями, великими и жестокими, но еще болѣе замѣчательный тѣмъ, что откликается историкъ непрестаннымъ воплемъ о необходимости нравственнаго очищенія, совершенствованія, о мѣрахъ, которыя должны быть употреблены для этого. Священный, утѣшительный вопль! Онъ похожъ на тотъ болѣзненный вопль, который издають государства предъ минутою своего разрушенія, когда немногіе лучшіе люди, указывая на болѣзни государственнаго организма, отчаяваются въ возможности ихъ излеченія и предсказываютъ близкую гибель государства. Не таковъ вопль, слышимый на Руси въ XVII вѣкѣ—это вопль юнаго, крѣпкаго общества, которое сознаетъ свои недостатки, громко объявляетъ о нихъ, дѣятельно ищетъ въ то же время средствъ для ихъ исправленія. У насъ въ XVII вѣкѣ, не нѣкоторые только, частныя лица воиють противъ нравственныхъ недостатковъ общества: но само Правительство безпощадно, въ сильныхъ выраженіяхъ указываетъ на нравственныя болѣзни, требуя излеченія ихъ, употребляя къ этому средства...

При усиленной борьбѣ съ многочисленными препятствіями внѣшними и внутренними, встрѣченными Россіею при достиженіи государственныхъ цѣлей, въ XVII вѣкѣ

было сознано, что необходимое средство для торжества надъ этими препятствіями есть призваніе въ помощъ науки, мудрости гражданской, распространяющей свѣтъ, при помощи котораго члены общества видать, что они, гдѣ они, что обязаны дѣлать для отечества; ибо только тотъ можетъ быть вѣрнымъ сыномъ отечества, кто знаетъ свое отечество, его потребности, и въ состояніи употребить способности свои, для удовлетворенія той или другой изъ этихъ потребностей.

Петръ Великій совершилъ приготовленіе государства къ принятію науки, вѣкъ Екатерины II водворилъ ее. Но люди, дѣйствовавшіе при Екатеринѣ, образовались при Елисаветѣ.

Изъ царствованія Елисаветы, лучшіе люди Екатерининскаго времени, вынесли убѣжденіе въ необходимости просвѣщеннаго воспитанія, созавле о высней, нравственной цѣли науки; въ это царствованіе, у престола Императрицы явился человѣкъ, при образованіи котораго, «наука и искусство подали руки, чтобъ сдѣлать его отечеству полезнымъ, между людьми любезнымъ и всегда желательнымъ»—и по мысли этого-то человѣка, въ царствованіе Елисаветы возникло учрежденіе, долженствовавшее удовлетворять потребности времени, а именно—дать наукъ возможность достигать своей высшей, нравственной цѣли, дать ей значеніе мудрости гражданской. Этотъ человѣкъ, былъ И. И. Шуваловъ, это учрежденіе, былъ Московскій университетъ.

Каковъ же былъ Шуваловъ? Какъ на немъ отразились благія дѣйствія науки?.. У престола благодѣтельствовавшей ему монархини стоялъ онъ съ высокими характеромъ посредника, миротворца; съ тѣмъ же характеромъ миротворца являлся онъ и для семействъ частныхъ, и для семьи въ нему близкой, семьи ученыхъ и литераторовъ. «Онъ счастливѣе себя почиталъ въ тотъ день, когда выѣлъ случай удалить несчастіе и поспѣшествовать счастію другихъ».

Таковы должны быть и дѣти ого по нравственному родству, дѣти Московскаго университета; заключаетъ свою прекрасную рѣчь г. Соловьевъ.

За тѣмъ былъ пропѣтъ хоръ, написанный г. Шесвяревымъ и положенный на музыку г. Ворстовскимъ и прочитанъ отчетъ о состояніи Московскаго университета за 1854 гражданскій годъ.

Надолго останется въ памяти всѣхъ образованныхъ русскихъ, прекрасное торжество Московскаго университета, ознаменованное милостью Монарха и оживленное всеобщимъ сочувствіемъ.

Италія. Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя. В. Д. Яковлева. Спб. 1855.

«Скажи, мой свѣтъ, но правда ли, что во Франціи живутъ французы? спрашиваетъ въ «Бригадирѣ» Совѣтница у Иванушки.—Vous avez raison, Madame, отвѣчаетъ Иванушка. И вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ всѣ хохочутъ надъ вопросомъ, черзчуръ напвнымъ, и отвѣтомъ, котораго не стоило давать. Но изъ тысячи людей, говорящихъ объ Италіи, едва ли одному приходитъ въ голову спросить: «какой народъ живетъ въ Италіи?» а если кто и спросить, не скоро дождется отвѣта на свой вопросъ, кажется, очоь незамысловатый. Жаль итальянцевъ: почти никому не приходитъ въ голову, что они живутъ въ Италіи.

Неужели-жь это племя, еще такъ недавно стоявшее на первомъ мѣстѣ между всѣми образованными народами, не заслуживають теперь никакого вниманія? Или оно въ самомъ дѣлѣ измельчало, изиѣжилось, испортилось до того, что не стоитъ

я говорить о немъ? «Да», говорятъ люди, знающіе Италію только по картинкамъ съ видами Неаполя и Везувія; «да», говорятъ большая часть тѣхъ, которые видѣли Неаполь и Везувій собственными глазами.

Не позволительно ли будетъ усумниться въ такомъ положительномъ отвѣтѣ? Не говоримъ объ искусствахъ, въ которыхъ до сихъ поръ итальянцы признаются едва ли не первымъ народомъ; но и для науки итальянцы въ послѣднія сто лѣтъ сдѣлали довольно, несмотря на жалкое состояніе общественнаго образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что съ XVII вѣка наука въ Италіи постоянно падала; но и топоръ еще она стоитъ на высотѣ, которая невозможна у народа, отжившаго свой вѣкъ. И если Гоголь говорилъ, что итальянцы—народъ, натура котораго свѣжа и сильна, которому еще предстоитъ великая будущность, то позволительно думать, что онъ не совсѣмъ ошибается.

Да и вообще какъ-то странно слышать о какомъ нибудь народѣ, что онъ отжилъ свой вѣкъ, исчерпалъ всѣ свои жизненные начала, что ему остается только спать дрыхлымъ сномъ въ ожиданіи скорой смерти. Греки всѣми были когда-то признаны за умершихъ; а теперь, какъ видимъ, воскресаютъ.

Но еслибъ наконецъ итальянцы были и на самомъ дѣлѣ разслабленнымъ, лишившимся всякой энергіи народомъ, то развѣ не поучительно, развѣ не интересно зрѣлище такого народа?

— Но развѣ намъ не описываютъ безпрестанно итальянцевъ? Жалобы на то, что говоря объ Италіи, забываютъ итальянцевъ, совершенно несправедливы.

Да, описываютъ; такъ часто и такими стереотипными чертами, что фигуры ихъ знакомы каждому грамотному человѣку, начиная съ двѣнадцати лѣтъ и не забудутся, хотя прожить на свѣтѣ двѣсти лѣтъ. Итальянка, съ огненными черными глазами, съ роскошною черною косою; лаццарони, полунагой и вѣчно грѣющій бронзовую спину на жгучемъ солнцѣ Неаполя; веттурино, ве отличающійся впрочемъ ни чѣмъ, кромѣ своего названія, отъ всякаго другого человѣка—эти фигуры знакомы всякому изъ насъ. А итальянскіе нравы? развѣ они также не знакомы каждому, какъ свои пять пальцевъ? Бѣшеный карнавалъ, огненная любовь,—о нихъ знаетъ даже тотъ, кто не знаетъ, въ сѣверномъ или южномъ полушаріи лежитъ Италія.

Но можно сомнѣваться въ томъ, достаточны ли эти драгоценныя свѣдѣнія, печерпываютъ ли они нравы и бытъ итальянцевъ. Вѣроятно, тотъ еще не глубоко изучилъ французовъ, кто знаетъ только, что французъ—острякъ и вѣтренникъ, что въ Парижѣ можно шумно веселиться, и что французскіе портные—хорошіе портные. Вѣроятно, если какой нибудь путешественникъ сообщилъ бы намъ только эти вѣрныя и драгоценныя наблюденія, то самый нетребовательный читатель сказалъ бы, что этотъ путешественникъ ровно ничего не сказалъ, и, вѣроятно, ничего не видалъ во Франціи.

Но путешественнику по Италіи можно ограничить свои замѣчанія черною косою итальянки, бронзовою спиною лаццарони и бѣшенствомъ карнавала. Помилуйте, развѣ люди интересны въ этой странѣ? Сколько тамъ прокрасныхъ картинъ, сколько тамъ удивительныхъ статуй, какой тамъ восхитительный климатъ! Вотъ что влечетъ путешественника въ отечество Рафаэля, подъ сѣнь благоухающихъ миртовъ и лавровъ.

Прекрасно и пріятно наслаждаться всѣми этими сокровищами искусства и прелестями природы; не такъ прекрасно описывать ихъ и читать ихъ описанія, по очень многимъ простымъ причинамъ. Изъ нихъ первая: миллионъ разъ все это было описано; а такъ какъ лавры и мирты остались на прежнихъ мѣстахъ и въ прежнемъ видѣ, да и въ картинахъ Рафаэля не прибавилось ни одной новой фигуры, у Венеры Каллипиги ни одного новаго волоска, то описывать ихъ вновь—значить повторять старое. Кромѣ того, немногіе люди владѣютъ завиднымъ даромъ интересно говорить о погодѣ, и еще менѣе людей, понимающихъ и хорошо описывающихъ картины и статуи. Можно пріискать и третью причину: лавры и мирты растутъ въ Испаніи лучше, нежели въ Италіи; слѣдовательно, особенно удивительнаго въ нихъ нѣтъ; картинами Рафаэля каждый можетъ любоваться, но выѣзжая изъ своего отечества.

Но, что дѣлать! такова участь нѣкоторыхъ странъ, что каждый ѣдетъ туда не жить съ людьми, но изучать народъ, а наслаждаться какими нибудь наскучившими всѣмъ, кромѣ его, предметами, которые, не выходя изъ своего кабинета, можно узнать какъ нельзя лучше. Такъ, напримѣръ, кто ѣдетъ въ Швейцарію, все время своего пребыванія употребляетъ на то, чтобы смотрѣть на Монбланъ и Женеvское озеро и къ величайшему удовольствію, наконецъ, убѣждается опытомъ, что Монбланъ—высокая гора, а Женеvское озеро—хорошее озеро. То, что швейцарцы гораздо интереснѣе своихъ горъ и озеръ, заиѣчаютъ немногіе; но многіе заиѣчаютъ, даже, что въ Швейцаріи живутъ люди; проводники по горамъ и альпійскіе охотники тамъ есть, какихъ же еще другихъ людей угодно вамъ, читатель? Другихъ еще не найдено.

Но вѣдь наконецъ и въ африкаvскихъ степяхъ, люди, путешествующіе съ исключительно географическою цѣлью, находятъ людей; вѣдь и па Шпицбергенѣ находятъ, если не людей, то хоть что нибудь живоо, хоть бѣлыхъ медвѣдей и моржей.

Въ Италіи ничего подобнаго не оказывается. Тамъ остъ нѣсколько разбитыхъ колоннъ, полинявшихъ картинъ и много жара, въ глазахъ и въ солнцѣ. Остальное не стоитъ вниманія.

Не всѣ впрочемъ, идутъ этимъ избитымъ путемъ. Гоголь, а вслѣдъ за нимъ двое или трое другихъ русскихъ писателей увѣряютъ, будто бы видѣли итальянцевъ, и описываютъ ихъ такъ живо и правдоподобно, что это безпримѣрное открытіе становится нѣсколько вѣроятнымъ.

Г. Яковловъ пишетъ прекраснымъ, увлекательнымъ языкомъ; это придаетъ особую прелесть его книгѣ. Онъ такъ горячо сочувствуетъ прекрасной итальянской природѣ, такъ тонко и вѣрно передаетъ ее, такъ подробно обозрѣваетъ и съ такимъ искусствомъ описываетъ опустѣвшіе мраморные паллаццо, древшія развалины, старыя картины, античныя и новыя статуи, что отъ книги его нельзя оторваться. Эти описанія разнообразятся анекдотами о знаменитыхъ художникахъ, иногда небольшими дорожными приключеніями, иногда даже небольшими, но очень милыми сценами изъ народной жизни... Вообще, книга г. Яковлева отличается необыкновеннымъ и внутреннимъ и внѣшнимъ изяществомъ. Такого прекраснаго изданія мы давно не встрѣчали у насъ.

Крымъ, съ Севастополемъ, Балаклавою, и другими ого городами. Спб. 1885.

Книжка, составленная недурно; къ ней приложены двѣ гравюры, прекрасно вырѣзанныя на деревѣ—одна, представляющая видъ Севастополя, другая—видъ Балаклавы, и планъ Севастополя съ окрестностями, показывающій расположеніе русскихъ и непріятельскихъ войскъ и состояніе осадныхъ работъ. Нѣтъ сомнѣнія, что книжка эта будетъ имѣть большой успѣхъ въ публикѣ. Приводимъ здѣсь изъ нея описаніе Севастополя, Инкерманской долины и Балаклавы:

«По присоединеніи Крыма къ Россіи, Императрица Екатерина II, желая имѣть портъ на Черномъ морѣ, повелѣла осмотрѣть на южномъ берегу Крыма портъ, подъ названіемъ Ахтіарская бухта, и если онъ окажется хорошимъ, занять его, перевести туда часть Азовскаго и Дішровскаго флота и назвать его Червморскимъ. Портъ этотъ пайдень былъ прсвосходнымъ, и 7-го Мая 1783 года эскадра, состоявшая подъ командою вице-адмирала Клокачева, первая введена была въ него для стоянки и сдава контръ-адмиралу Меккензи, положившему основаніе Севастополю.

«Севастополь лежитъ на крутомъ холмѣ, возвышающемся между двухъ бухтъ норскаго залива; построенъ аафитеатромъ, а потону улицы его, хотя правильно расположенныя, представляютъ большое неудобство, идя безпреставно съ одной крутизны на другую. Лучшая изъ нихъ параллельна съ портономъ и заключаетъ въ себѣ: соборъ, адмиралтейство и многіе прекрасные дома; нѣсколько хорошепъкихъ садиковъ довершаютъ оя украшеніе, но, къ сожалѣнію, они всегда занесены пылью, потону что подвержены вліанію сильныхъ вѣтровъ, постоянно господствующихъ лѣтомъ на всемъ этомъ берегу. Въ городѣ считается до 41,155 жителей и находятся арсеналъ, два адмиралтейства, отлично устроенный госпиталь и огромныя казармы для помѣщенія гарнизона. Небольшой общественный садъ очень врасивъ и служитъ прекраснымъ мѣстомъ для гулянья. Есть театръ, уѣздное и приходское училища, и также военныя училища для натросскихъ дѣтей. Въ городѣ поставленъ памятникъ Казарскому.

«Входъ въ Севастопольскій рейдъ—600 сажень шириною, и обороняется четырьмя сильными батареями. вооруженными болѣе 400 орудій большого калибра. Рейдъ этотъ въ сѣверной части мельче, чѣмъ въ южной, но вообще въ рѣдкихъ мѣстахъ глубина его не вѣе 4-хъ сажень; при томъ отсутствіе же нелей, ровный иловатый грунтъ и совершенное закрытіе отъ вѣтра много способствуютъ кораблямъ въ ихъ стоянкѣ въ этомъ портѣ. Въ самомъ рейдѣ, нѣющень около 8 верстъ въ длину, на южной его сторонѣ, находятся четыре бухты: артиллерійская (для купеческихъ судовъ), корабельная, южная в килебалочная; изъ нихъ самая большая есть южная, а самая глубокая—корабельная, въ которой трехдечные корабли могутъ приближаться къ самому берегу. Къ югу отъ бухтъ южной и килебалочной вдуть глубокіе овраги, называемые вообще «балками». Къ сѣверу отъ рейда, кромѣ батарей, находится еще крѣпость, вмѣющая видъ осыннугольника съ четырьмя бастіонами, изъ которыхъ два южныя прикрыты каждый люнетомъ долговременной постройки.

«Для снабженія судовъ прѣсною водою служить Черная рѣчка; вода ея проведена въ особое здаше, гдѣ она очищается, идетъ потонъ къ морскому берегу и по первой надобности наполняетъ корабельныя цистерны. Севастополь, какъ военный портъ, выѣсть для Россіи первостепенную важность.

«Севастополь, по географической широтѣ своей, есть одинъ изъ самыхъ южныхъ городовъ Россійской Имаеріи. Онъ окруженъ, съ сѣверной стороны, горами въ 225 футовъ вышины; съ восточной и южной—горами же въ 308 футовъ вышины и бухтани; съ западной—норень. Средняя температура города, въ продолженіи 12-ти лѣтъ, +9,9. Наибольшая теплота простиралась отъ 24½ до 28 градусовъ, а наибольшій холодъ отъ 6 до 15 градусовъ. Изъ сложностей 27-ми лѣтнихъ наблюденій оказывается, что средняя температура въ градусахъ 80-ти дольваго термометра въ Севастополѣ, для каждаго мѣсяца, есть слѣдующая:

Въ Январѣ	+	1,1.
» Февралѣ	+	1,5.
» Мартѣ	+	4,0.
» Апрѣлѣ	+	8,1.
» Маѣ	+	12,2.
» Іюнѣ	+	16,0.
» Іюлѣ	+	17,5.
» Августѣ	+	17,6.
» Сентябрѣ	+	14,4.
» Октябрѣ	+	10,4.
» Ноябрьрѣ	+	6,7.
» Декабрѣ	+	2,7.

«Весною бываютъ, большею частію, южные вѣтры и ясные дни; иногда находятъ съ моря туманы и продолжаются до 8-ми и рѣдко до 10-ти часовъ утра. Лѣтомъ бываютъ, почти всегда, днемъ—западные вѣтры, съ моря, и ночью—восточные, съ горъ, что способствуетъ много выходу судовъ и эскадры въ море и входу ихъ въ рейдъ. Осенью та же погода, и тогда наступаетъ лучшее время года. Зимой—частые дожди; при сѣверовосточныхъ-же вѣтрахъ, термометръ бываетъ ниже точки замерзанія и часто со свѣгомъ, который, съ переменною вѣтра, исчезаетъ. Вообще воздухъ въ Севастополѣ, за исключеніемъ въ некоторыхъ окрестностей его, здоровый, и господствующихъ болѣзней не существуетъ. Периодическіе вѣтры, способствующіе флоту выходить изъ порта во всѣ дни года, и достоинство рейда в гавани, которые никогда не замерзаютъ, и гдѣ совершенно безопасно в близко къ берегу могутъ стоять корабли, дѣлаютъ его однимъ изъ лучшихъ портовъ въ свѣтѣ.

«Къ востоку отъ Севастополя, сѣвернѣе Черной рѣчки, лежитъ Инкерманская долина, по имени которой названъ и мостъ, здѣсь находящійся. На этомъ мѣстѣ стоялъ городъ Херсонесъ или Корсунь, въ которомъ великій князь Владиміръ I, въ 988 году, принялъ Святое Крещеніе. Отъ города, нѣкогда богатого и цвѣтущаго, остались только развалившіяся стѣны, башни и нѣсколько малыхъ пещеръ, высѣченныхъ въ отвѣсной скалѣ, замыкающей долину. Кругомъ находятся болота, производящіе не совсѣмъ здоровыя испаренія. Южнѣе Севастополя, на песчаной косѣ, весьма мало возвышающейся надъ моремъ, устроенъ маякъ. На этомъ же мѣстѣ стоялъ древній Херсонесъ, основанный Греками за 600 лѣтъ до Р. Х. и бывшій главнымъ городомъ Греческихъ колоній въ Тавридѣ. Отъ маяка вплоть до Севастополя видны слѣды стѣнъ, расположенныхъ правильными рядами и четверугольниками. Размѣщеніе ихъ и малое углубленіе стѣнъ въ землю породили много споровъ между антикваріями, изъ которыхъ одни утверждаютъ, что это остатки отъ стѣнъ Греческихъ жилищъ, другіе же на-противъ говорятъ, что это границы между садами и огородами древняго Херсовеса.

«Балаклава, заштатный городъ, находится въ 2152 в. отъ С.-Петербурга, въ 1476 в. отъ Москвы, въ 84 в. отъ Симферополя, въ 12-ти в. отъ Севастополя, и лежатъ при заливѣ Чернаго моря, окруженномъ горами. Гавань ея имѣетъ 1¹/₂ версты въ длину, 1¹/₂ версты въ ширину и соединяется съ моремъ посредствомъ узкаго пролива въ 25 сажень шириною; глубина ея очень велика даже у берега, но узкій входъ дѣлаетъ доступъ въ гавань чрезвычайно опаснымъ во время сильнаго противнаго вѣтра. Бухта, во всемъ протяженіи, окаймлена высокими горами, на восточной стороны, находилась въ древности Генуэзскія укрѣпленія. Городъ въ крѣпость ихъ были въ совершенной безопасности отъ нападенія, потому что край горы, обращенный къ морю, и до ея поръ представляетъ обрывъ совершенно вертикальный, а съ другой стороны на нее ведетъ только узкая тропинка. Въ настоящее время крѣпость эта вся въ развалинахъ в только одинъ наружный стѣны и нѣсколько башенъ еще возвышаются, готовыя впрочемъ каждую минуту рухнуть.

«Балаклава имѣетъ 1067 человекъ жителей и походить болѣе на порядочную деревню, чѣмъ на торговый городъ; въ ней одна только главная улица, довольно узкая и не имѣющая никакихъ замѣчательныхъ зданій. Здѣсь штабъ-квартира Греческаго баталіона.

«Балаклава заселена Архипелагскими Греками, участвовавшими во второй Турецкой войнѣ въ Чесменской битвѣ. Городъ тѣсный—образчикъ Азіатскихъ построекъ! Взоръ устремляется на растянувшуюся скалистую гору, омываемую, съ одной стороны, валивомъ, а съ другой, Чернымъ моремъ, и на гору съ остатками отъ Генуэзскихъ укрѣпленій. Изъ залива, называвшагося у Эллиновъ *Символонъ*, а нынѣ именуемаго Балаклавскимъ, какъ упомянуто выше, идетъ входъ въ море, чрезъ каменные узкія ворота, устроенныя природою изъ скалистыхъ утесовъ.

«Въ 1796 году гавань Балаклавы была совершенно закрыта; но такъ какъ она служила прежде многимъ судамъ убѣжищемъ во время бурь, то ее снова открыли и учредили въ ней таможенную заставу. Отсутствие обширной и совершенно удобной гавани, недостатокъ хорошей воды и близость Теодосіи, Евпаторіи в Керчи не допускаютъ развитія въ Балаклавѣ значительной торговли».

Русское посольство въ Польшѣ въ 1673 — 1677 годахъ. Нѣсколько лѣтъ изъ исторіи отношеній древней Россіи къ европейскимъ державамъ. Соч. *А. Попова*. С.-Петербургъ. 1854.

Сочиненіе г. Попова не свободно отъ многихъ недостатковъ. Изъ нихъ первый—авторъ не сохраняетъ различія между тѣмъ, что прямо относится къ его предмету, и тѣмъ, что только соприкасается съ сущностью его наслѣдованія. Собственно г. Поповъ хочетъ объяснить дипломатическія отношенія Россіи въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ; но переговоры между этими державами шли о взаимной помощи въ турецкой войнѣ—и г. Поповъ рассказываетъ общезвѣстные событія этой войны, такъ же подробно, какъ и самые переговоры; переговоры эти шли также по поводу малороссійскихъ дѣлъ—и г. Поповъ подробнѣйшимъ образомъ рассказываетъ (опять общезвѣстные) событія малороссійской исторіи; мало того: съ Польшею были въ сношеніяхъ западныя государства—и г. Поповъ подробно разсказываетъ ихъ исторію. Какъ напримѣръ, начинается исторія русскаго посольства въ Польшѣ?—слѣдующимъ образомъ:

Въ 1672 году, 7-го апрѣля, въ пасмурный и дождливый день по улицамъ Парижа разбѣжали въ торжественной одеждѣ глашатаи съ трубами, объявляя на всѣхъ лерекресткахъ в площадяхъ, что король французскій, недовольный въ отношеніи къ нему поведеньемъ соединенныхъ Голландскихъ Штатовъ, начинаетъ съ ними войну на сушѣ и на морѣ. Объявленіе это поразило новостію парижанъ; они давно звали о намѣреніяхъ короля в т. д.

Такой методъ напоминаетъ статьи одного изъ нашихъ историковъ русской литературы, который по случаю сочиненій Жуковского перевелъ почти всего Гевинуса, а говоря о Карамзинѣ выписалъ 17 страницъ Моссинговой драмы «Эмилія Гадотти». Нельзя упрекнуть г. Попова, чтобъ онъ изъ-за извѣстій о состояніи погоды въ Парижѣ 7 апрѣля 1672 года, —опускалъ подробности дипломатическихъ переговоровъ Россіи съ Польшею; но эти подробности, интересныя и важныя, потоплены въ разсказахъ о постороннихъ событіяхъ, неимѣвшихъ никакого права занимать двѣ трети его книги. Читатель теряется въ этомъ хаосѣ.

Еще существеннѣе другой недостатокъ—г. Поповъ, считаетъ русскаго посла въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ, Тяпкяна необыкновенно глубокомысленнымъ

государственнымъ человѣкомъ, вездѣ. выставляетъ основательность и мудрость его—между тѣмъ, событія нисколько не оправдываютъ такого мнѣнія. Тоже самое надобно сказать и о многихъ другихъ дѣйствателяхъ той эпохи. Г. Поповъ не разсчитываетъ критически соображеній, или лучше сказать, привычекъ, на которыхъ основывался ходъ переговоровъ, не имѣетъ самостоятельнаго взгляда на существенное положеніе дѣлъ. Онъ пишетъ не исторію, а апологію.

Потому его сочиненіе не такой трудъ, который окончательно объяснялъ бы исторію отношеній Россіи къ Польшѣ въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, а только сборникъ матеріаловъ, нуждающихся въ критической переработкѣ.

Но какъ сборникъ матеріаловъ, оно имѣетъ большое достоинство. Г. Поповъ пользовался неизданнымъ «статейнымъ спискомъ» и «отписками», т. е. подлинными дипломатическими депешами Тилкина, русскаго посла въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ и представилъ изъ нихъ драгоцѣнные выписки, выбранныя, сколько можемъ судить, внимательно и удачно.

Исторія Рима отъ основанія города до Рождества Христова. М. Богоявленскаго. Спб. 1855.

Трудно объяснить себѣ, по какимъ соображеніямъ и съ какою цѣлью написалъ эту маленькую книжку г. Богоявленскій. Учебникомъ она быть не можетъ, потому что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ римская исторія преподается какъ часть древней исторіи вообще. Спекуляціею также нельзя назвать его книжку, потому что предметъ ея ни мало не удобенъ для привлеченія малограмотныхъ читателей животрепещущимъ интересомъ заглавія. Претендовать на какое нибудь ученое значеніе, книжечка эта не можетъ. Потому надобно признаться, что ея появленіе—загадка, не обѣщающая никакой пользы автору. Если онъ не занимается римскою исторіею, почему онъ выбралъ именно ее предметомъ сочиненія своего, почему не написалъ исторіи Турціи, Англіи или другой страны, возбуждающей интересъ въ настоящую минуту? А еслибъ онъ занимался римскою исторіею, онъ долженъ былъ бы написать книгу, которая отличилась бы какими нибудь достоинствами.

Обзрѣніе трактатовъ о морскомъ торговомъ нейтралитетѣ. Составилъ Л. Д. Спб. 1854.

Брошюра эта—отдѣльный оттискъ статьи, помѣщенной въ «Морскомъ Сборникѣ». Разсматривая разныя конвенціи морскихъ державъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, особенно деклараціи и манифесты Екатерины II о «вооруженномъ нейтралитетѣ», авторъ доказываетъ, что всѣ державы, кромѣ Англіи, допуская всегда нейтральную торговлю съ державами, находящимися въ войнѣ между собою, и что,

слѣдовательно, Англія, не признающая этого правила, дѣйствуетъ вопреки основаній общенароднаго права. Изложеніе свое г. Л. Д. подтверждаетъ также общими соображеніями, выводимыми изъ самаго понятія о войнѣ, и принѣрами, заимствованными изъ исторіи среднихъ вѣковъ.

Описаніе замѣчательнѣйшихъ лабораторій Германіи и Бельгіи. Составлено *Петромъ Кочубеемъ*. Съ XV^ю чертежами лабораторій и химическихъ аппаратовъ въ большой листъ.

Произведя переворотъ въ наукѣ, Либихъ произвелъ переворотъ и въ преподаваніи химіи. До него химія была наукою, по преимуществу теоретическою. Оттого и химическіе опыты производились въ небольшомъ размѣрѣ и занимался ими только профессоръ. Либихъ ввелъ преподаваніе практическое, допустилъ и началъ поощрять студентовъ къ самостоятельному заванію химическими операціями; съ тѣмъ вмѣстѣ и опыты, получивъ агрономическую и технологическую цѣль, стали производиться въ большемъ размѣрѣ. Все это имѣло слѣдствіемъ необходимость возвысить важность и увеличить размѣръ химическихъ лабораторій. Прежде онѣ устроивались гдѣ-попало и какъ попало; теперь требуютъ онѣ обширныхъ помѣщеній, со всѣми удобствами для многочисленныхъ аппаратовъ и для производства разнообразнѣйшихъ опытовъ.

До сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было еще сочиненія, въ которомъ бы описывалось новое устройство лабораторій. Это побудило г. П. Кочубея, которому было поручено лѣтомъ 1853 года осмотрѣть замѣчательнѣйшія лабораторіи Германіи и Бельгіи, издать ихъ описаніе и чертежи. Лучшими изъ современныхъ лабораторій считается Либихова (въ Мюнхенѣ); ее прежде всего и описываетъ г. Кочубей; потомъ сообщаетъ описанія лабораторій Люттихской, Дрезденской, Берлинскихъ, и наконецъ лабораторіи въ Карлсруэ. Чертежи, приложенные къ описаніямъ, исполнены прекрасно, равно какъ и самыя описанія. Вообще на изданіи этомъ лежитъ почать добросовѣстнаго, съ знаніемъ дѣла исполненнаго, труда и вкуса.

Осада и взятіе Византіи турками. Сочиненіе *М. Стасюлевича*. Спб. 1854.

Первою обязанностью историка считалась нѣкогда критическая повѣрка разсказовъ, сообщаемыхъ невѣжественными или склонными къ риторикѣ лѣтописцами. Все невѣроятное въ то время предписывалось откидывать изъ исторіи, или стараться объяснять правдоподобнымъ образомъ. Сколько превосходныхъ анекдотовъ было тогда объявлено недостоверными или просто выдуманными! Взглянемъ хоть на греческую исторію. Вся жизнь Ликурга была названа выдушкою, двѣ первыя мессенскія войны, обильныя самыми интересными приключеніями—объявлены недостоверными; Кадмъ и Данай, Кекропсъ и Полопсъ признаны баснословными лицами;

невозможно перечестъ всѣхъ поэтическихъ воспоминаній, которыя были тогда провозглашены принадлежащими міру вымысловъ, а не фактовъ. Каковы бы ни были частныя ошибки людей, слѣдовавшихъ этому направленію, вообще надобно сказать, что они говорили сообразно съ здравымъ разсудкомъ.

Здравый разсудокъ! Ему ли, распорядителю мелкихъ, прованческихъ житейскихъ дѣлъ быть законодателямъ въ поэтической области исторія? Какъ суха, блѣдна, безжизненна остается она, обнаженная холоднымъ соображеніемъ отъ блестящей обстановки, которая сообщена ей преданіями! Нѣтъ, мы будемъ принимать жизнь во всей ея поэтической полнотѣ. Мы возстановимъ низверженное суровыми скептиками!—Собственно говоря, скептики вовсе не были суровы, они были только осмотрительны; да и не скептиками были они, а просто разсудительными людьми. Но все равно, посмотримъ, какъ дѣйствовали ихъ противники.

Дѣйствовали они очень просто: всѣ историческіе рассказы, которые имъ нравились, по поэтическому ли своему характеру или по особеннымъ какимъ нибудь обстоятельствамъ, они провозглашали достоверными. Они готовы были доказывать историческую достоверность всѣхъ приключеній Амадиса Галльскаго, готовы были считать достоверными всѣ подвиги Добрыни Никитича и Еруслана Лазаревича. Эти рыцари защитники всего, что не выдерживало никакой критики, были довольно травны. Но они увлекались по крайней мѣрѣ поэтическою стороною басенъ. Если невозможно было съ ними соглашаться, то надобно было признать въ нихъ чувство искреннюю привязанность. Это историки-поэты.

Но другіе люди отвергаютъ критику, не хотятъ обращать вниманія на правдоподобіе рассказовъ только потому, что увлекаются соперничествомъ съ Алоксанфомъ Дюма—имъ нужны антитезы, неожиданныя встрѣчи, измѣны, таинственные интриги и вся обстановка дюживныхъ романовъ. Они смотрятъ на исторію, какъ на поприще для пораженія читателей красотами слога, странными завязками и скрупулами неожиданныхъ развязокъ. Это историки-риторы.

Почему же не писать исторію въ томъ духѣ, какъ Дюма написалъ Монте-Кристо и Трехъ Мушкетеровъ? Надобно только чувствовать и признаваться, что въ такомъ случаѣ дѣло идетъ о выказываніи романическаго своего таланта, а вовсе не объ открытіи разныхъ историческихъ истинъ. Дюма, сколько извѣстно, не претендуетъ на историческую достоверность своихъ интригъ и развязокъ; онъ только спрашиваетъ: каково придумано? неправда ли, хитро? Неправда ли, никому этого не могло прійти въ голову?

Нѣтъ, историки-риторы не довольствуются такимъ скромнымъ взглядомъ на истинность своихъ изобрѣтеній: они считаютъ каждую натяжку историческихъ фактовъ, какую удалось имъ сдѣлать въ угоду своему желанію отличиться неожиданностью своихъ заключеній,—каждую такую натяжку они считаютъ глубокомысленнымъ соображеніемъ, великимъ открытіемъ, бросающимъ совершенно новый и необыкновенно яркій свѣтъ на ходъ историческихъ событій.

Этому обольщенію особенно часто предаются молодые ученые. Потому съ искреннимъ удовольствіемъ замѣтили мы, что г. Стасюлевичъ совершенно свободенъ въ романическаго взгляда на исторію. Онъ смотритъ на внутренній смыслъ фактовъ проникательно и положительно, находитъ сокровенныя пружины того важнаго историческаго событія, которое объясняетъ въ своей брошюрѣ. Тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ усомниться въ безусловной справедливости его взглядовъ на ходъ

событій. Онъ становится на точку зрѣнія, совершенно чуждую обыкновеннымъ историческимъ понятіямъ — утѣшительный фактъ, свидѣтельствующій о силѣ и точности его таланта. Но, конечно, онъ не ожидаетъ и самъ, чтобы всѣ, и вышшіе видѣть объясняемые имъ событія совершенно въ другомъ свѣтѣ, съ уваго же раза отказались отъ мнѣній, которыя такъ издавна были приняты историками, и, по видимому, такъ просто и удовлетворительно объясняли ходъ дѣла. Мы не можемъ признать, что взглядъ г. Стасюлевича гораздо глубокомысленнѣе обыкновеннаго взгляда, напоминать о которомъ мы считаемъ нужнымъ; потому не легко намъ знать, что основаніи, на которыхъ построены заключенія г. Стасюлевича, не остаются для насъ нѣсколько темными. Если сопоставленіе фактовъ и обыкновенныхъ понятій съ «совершенно новыми результатами», до которыхъ, по собственному справедливому замѣчанію, дошелъ г. Стасюлевичъ, хотя нѣсколько было способствовать отстраненію этой темноты, мы почтемъ себя достигшими нашей цѣли.

Что побудило Мухаммеда II предпринять осаду Константинополя съ рѣшительнымъ намѣреніемъ взять его? Это существеннѣйшій вопросъ для г. Стасюлевича и онъ разрѣшаетъ его такъ:

«Магометъ II... видѣлъ... что дѣло идетъ вовсе не о независимости Византии: эта независимость есть одно громкое слово. Магометъ II увѣдѣлъ, что вопросъ стоитъ не въ томъ, быть или не быть Византіи независимою; другое занимало его: кто долженъ владѣть Константинополемъ? они, или турки? а при такомъ вѣдѣніи Магометъ II хотѣлъ рѣшить его въ свою пользу. Его опытность и примѣръ недавняго шага убѣдили, что при миролюбивой и строгой честности его отца, Мурата II, безъ латинцевъ не будетъ конца, что они вѣчно будутъ хлопотать о независимости Византии: пока не овладѣютъ ею сами и въ личныя защитниковъ греческой независимости останутся претендентами на овладѣніе Византіею. Магометъ II созналъ, что лишиться господства на востокѣ, и слѣдовательно стремятся съ нимъ къ одной и той же цѣли и потому рѣшился предупредить ихъ. Вотъ оттого-то Магомету и не спало въ голову поръ по цѣлымъ вѣкамъ в онъ только и думалъ о томъ, какии бы образъ достигнуть своей цѣли».

Итакъ Мухаммедъ II вовсе не былъ врагомъ Византійской имперіи: онъ нападалъ на Византію только для того, чтобы изгнать изъ нея латинцевъ. Не ожидая, что латинцы овладѣютъ Византіею, онъ и не подумалъ бы завоевать ее.

Но самъ г. Стасюлевичъ говоритъ, что греки ненавидѣли латинцевъ: вступали съ ними въ союзъ, всегда ненавистный для грековъ, и мгновенный, только потому, что должны были искать какихъ бы то ни было союзниковъ, хотя ненавистныхъ, для защиты Константинополя отъ турокъ, и какъ скоро, хоть малѣйшая надежда на спокойствіе со стороны турокъ, греки разрывали союзъ съ латинцами, и давали полный просторъ своей ненависти къ нимъ. Но я не думаю, что г. Стасюлевичъ, въ приведенномъ выше объясненіи, причину (въ Магомета) ставить слѣдствіемъ, а слѣдствіе (минутный и насильственный союзъ съ латинцами) причиною? Всѣ факты въ его собственной книгѣ противоречатъ его объясненію. Онъ самъ говоритъ, что греки не питали ненависти къ туркамъ, а смертельно ненавидѣли латинцевъ; еслибъ Мухаммедъ II хотѣлъ уничтожить латинское вліяніе въ Византіи, онъ достигъ бы этого (какъ много разъ и случалось прежде), давъ хотя минуту спокойствія Византіи.

И неужели можно думать, что Мухаммедъ II не желалъ завоевать Византию? Онъ былъ принужденъ къ тому? Это необыкновенно странно. Турки только в

завоеваніями, разширенію границъ было единственною мыслью ихъ. И не проще ли всего думать, что постепенно отиниаа одну область за другою у православныхъ (грековъ и сербовъ) на Балканскомъ полуостровѣ, турки думали просто о завоеваніи этихъ областей, о грабежѣ, дани и владычествѣ, а не о томъ, пріятно ли непріятно это будетъ латинамъ. Кажется, очень натурально думать, какъ и доказываютъ всѣ безъ исключенія факты турецкой исторіи XV—XVI столѣтій, что турки, дѣлая завоеванія, искали именно добычи и завоеваній. Неужели стремленіе завоевать послѣдній городъ, остававшійся у грековъ, не было естественнымъ слѣдствіемъ завоеванія всѣхъ греческихъ областей? И могъ ли честолюбивый Мухаммедъ II быть покоонъ, пока не завоевава имъ столица завоеваннаго царства?

Противъ латинянъ или противъ грековъ велъ Мухаммедъ II осаду Константинополя, кажется очень ясно видно изъ того, что онъ осаждалъ греческую часть города, а съ латинскимъ предместьемъ ого, Галатой, п не думалъ начинать вражды. Г. Стасюлевичъ самъ прекрасно это говоритъ: «ближайшіе сосѣди осажденныхъ грековъ, Галатскіе гѣнуэзцы поступили коварно: они объявили себя нейтральными, а во время осады даже помогали тайно туркамъ».

Далѣе слѣдуетъ вопросъ: отчего осада Византіи была такъ продолжительна? Это совершенно объясняется тѣмъ, что Византія была крѣпость довольно сильная и въ неприступномъ почти мѣстоположеніи, а турки не умѣли осаждать крѣпостей не только тогда, но и нынѣ. А тогда они, кромѣ того, не умѣли даже и стрѣлять изъ пушекъ—все это говорится у самаго г. Стасюлевича на каждой страницѣ. Можно ли скоро взять крѣпость, не умѣя стрѣлять изъ пушекъ? Кажется, это объясненіе совершенно достаточно. Но г. Стасюлевичъ имъ не доволенъ. Причиною медленнаго хода осады онъ полагаетъ то, что верховный визирь, Галиль-паша, съ вѣдома султана помогалъ грекамъ и противился султану, во всемъ, будто бы равный равному. Галиль-паша могъ считать осаду Византіи предпріятіемъ ошибочнымъ, могъ благопріятствовать грекамъ, но противиться султану! —за это онъ былъ бы казненъ и по нынѣшнимъ европейскимъ законамъ, не только по турецкимъ обычаямъ, былъ бы казненъ самымъ хладнокровнымъ полководцемъ, не только неукротимымъ Мухамметомъ II. Напрасно г. Стасюлевичъ безъ всякой критики принимаетъ за положительный фактъ каждое реторическое выраженіе, находимое у греческихъ писателей. Онъ впрочемъ постоянно высказываетъ слишкомъ некритическую довѣрчивость каждому ихъ слову. Такъ, выпиcывая изъ греческаго лѣтописца длинныя разговоры султана съ тѣмъ или другимъ визиремъ, онъ постоянно предполагаетъ, что разговоръ этотъ записанъ съ дипломатическою точностью, будто бы лѣтописецъ самъ присутствовалъ въ палаткѣ султана,—возможна ли такая довѣрчивость? Кто имѣетъ понятіе о византійскихъ историкахъ, знаетъ, что они сами сочиняли разговоры, иногда по томнымъ слухамъ о ихъ содержаніи, иногда просто на основаніи слуха, что былъ разговоръ неизвѣстно о чемъ, иногда наконецъ просто по собственному соображенію. Таковъ былъ ихъ способъ изложенія. Съ нимъ знакомъ всякій, кто раскрывалъ не только какого нибудь византійца, но хотя нашего Нестора.

Точно такъ же г. Стасюлевичъ съ совершенною довѣрчивостью принимаетъ всѣ слухи и толки, носившіеся между легковѣрными греками и записанные хотя въ одномъ изъ его источниковъ. Нѣкоторая критика здѣсь была бы умѣстна. Конечно, она лишила бы рассказъ г. Стасюлевича многихъ драматическихъ страницъ и ро-

наническихъ подробностей; а г. Стасюлевичъ прекрасно ихъ передаетъ; потому почти не жалѣмъ о недостаткѣ этой изсушающей критики. Мы готовы предоставить ее людямъ невладѣющимъ даромъ разсказа, ве проникнутымъ пылкостью одушевленія. Скажемъ однако, что если для исторіи осажденныхъ главнѣйшій источникъ должны служить византійцы, то для исторіи осаждающаго войска не бесполезно было бы пользоваться также извѣстіями турецкихъ лѣтописцевъ, сообщенными у разныхъ новѣйшихъ историковъ. Быть можетъ также не бесполезно было бы обратить болѣе вниманіе не только на изложеніе фактовъ (это дѣлаегъ г. Стасюлевичъ) но и на соображенія новѣйшихъ историковъ—тогда противуположныя ннѣ мнѣнія г. Стасюлевича быть можетъ получили бы болѣе широты.

Несмотря однако на всѣ высказанныя нами замѣчанія, мы должны назвать брошюру г. Стасюлевича сочиненіемъ замѣчательнымъ и прекраснымъ во многихъ отношеніяхъ. Его прекрасный расказъ пріятно разнообразится многими превосходными эпизодами, изъ которыхъ выбираемъ слѣдующій, очень характерическій. Подробно описывая занимательное и важное для завоеванія Константинополя, путешествіе Франтца въ Иберію (Грузію), г. Стасюлевичъ говоритъ, что Франтца «часто вступалъ въ разговоры» съ туземцами.

Особенно замѣчательна одна бесѣда его съ столѣтнимъ старцемъ Ефраимомъ, уроженцемъ накого-то Иберійскаго города (названіе его осталось неразобраннымъ въ манускриптѣ). Ефраимъ былъ взятъ въ плѣвъ еще отрокомъ и проданъ варварами во внутренніе области Персіи. Господинъ Ефраима занимался торговлею съ Индіею брать его часто съ собою по торговымъ дѣламъ. Въ одно изъ такихъ путешествій плѣнникъ убѣжалъ и, долго скитаясь по различнымъ пустынямъ, прибылъ на какой-то островъ, гдѣ жили Макробіи, т. е. долголѣтныя; такъ ови назывались потому, что каждый изъ нихъ жияъ не менѣе 150 лѣтъ. Такой долголѣтности содѣйствовалъ климатъ страны, въ которой круглый годъ ве сходили съ деревьевъ плоды: одни цвѣли, другіе наливались, а третьи уже созрѣвали. Тамъ росли индійскіе орѣхи, находился магнитный камень и тамъ же бралъ вачало Ниль. Въ іюлѣ и августѣ въ этой странѣ наставало болѣе холодное время, потому, объясняетъ Ефраимъ, что солнце обращалось тогда къ нашему сѣверному полушарію; здѣсь и заключается причина, продолжалъ разсказчикъ, почему въ эти два мѣсяца Ниль выступаетъ изъ своихъ береговъ. До прихода въ эту страну, Ефраимъ долженъ былъ переправиться черезъ какую-то рѣку, весьма опасную по своимъ Амфибіямъ, которыя на туземномъ языкѣ называются «зубастые тиравы» (odontotyrannoi) и которыя могутъ пожрать дѣлаго слона. Много было и другихъ тамъ ужасныхъ звѣрей: попадались змѣи въ 70 футовъ длины, ночницы величиною съ ворона. и мухи—съ воробья. Слоновъ было тамъ такъ много, какъ у насъ быковъ или овецъ, и они паслись стадами. Проживъ нѣсколько лѣтъ у Макробіевъ и изучивъ ихъ языкъ. Ефравмъ пожелалъ возвратиться домой. Туземцы указали ему дорогу къ одному приморскому мѣстечку, гдѣ приставали корабли, идущіе изъ Пндіи съ ароматами. Ефраимъ нашелъ въ гавани Испанскій корабль, на которомъ онъ и прибылъ въ Португалію: оттуда странникъ персѣхалъ въ Англію, и потомъ чрезъ Гершапію возвратился на родину въ Иберію, нашу Грузію. Это путешествіе Ефраима впрочемъ тогдашняго свѣта в его странствованіе по внутренней Африкѣ отъ истоковъ Нила къ берегамъ Атлантическаго Океана, только что открытымъ португальцами, принадлежало бы къ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ среднихъ вѣвовъ, если бы Франтца, увлеченный собственнымъ дѣломъ, не поспешилъ на его описаніе (стр. 29—30).

Дѣйствительно, этотъ отрывокъ въ брошюрѣ г. Стасюлевича очень замѣчательнъ. Многіе другіе не уступаютъ ему; повторяемъ, «Осада и взятіе Византіи Турками», книжка очень занимательная и ученая.

К Р И Т И К А.

Сочиненія Пушкина

съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи, портрета, снимковъ съ его почерка и его рисунковъ и проч. изданіе *П. В. Анненкова*, Спб. 1855.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нетерпѣливое ожиданіе, настоящая потребность русской публики наконецъ удовлетворяется. Два первые тома новаго изданія твореній великаго нашего поэта явились въ свѣтъ; остальные томы скоро послѣдуютъ за ними.

Событіями, радостными для всѣхъ образованныхъ людей русской земли, ознаменовано начало 1855 года: въ одной столицѣ юбилей Московскаго Университета, столь много участвовавшаго въ распространеніи просвѣщенія, столь много содѣйствовавшаго развитію науки въ Россіи; въ другой столицѣ—достойное изданіе твореній великаго писателя, имѣвшаго такое вліяніе на образованіе всей русской публики—какія торжества для русской науки и литературы!

Вполнѣ понимая всю важность такого событія, какъ изданіе сочиненій Пушкина спѣшимъ отдать о немъ отчетъ публикѣ.

Мы не будемъ говорить о значеніи Пушкина въ исторіи нашего общественнаго развитія и нашей литературы; но будемъ и разсматривать съ эстетической точки зрѣнія существенныя качества ого произведеній. На сколько то возможно для настоящаго времени, историческое значеніе Пушкина и художественное достоинство его твореній ужь оцѣнено и публикою и критикою. Пройдутъ годы прежде, нежели другія литературныя явленія измѣнятъ настоящія понятія публики о поэтѣ, который навсегда останется великимъ. Потому пройдутъ годы прежде, нежели критика будетъ въ состояніи сказать о его твореніяхъ что-нибудь новое. Мы можемъ теперь только изучать, личность и дѣятельность Пушкина на основаніи данныхъ, представляемыхъ новымъ изданіемъ.

Мы не будемъ обращать вниманія и на неизбѣжные недостатки новаго изданія. Мы можемъ говорить только о томъ, что даетъ намъ издатель, и до какой степени удовлетворительно исполняетъ онъ то, что могъ исполнить.

Итакъ, прежде всего екажемъ о системѣ и гранвцахъ новаго изданія.

Основаніямъ ему послужило посмертное изданіе «Сочиненій Александра Пушкина» въ 11 томахъ. Но это посмертное изданіе, какъ извѣстно, было сдѣлано небрежно, по дурной системѣ, съ пропусками многихъ произведешій, съ неправильностями въ текстѣ, съ произвольнымъ и часто ошибочнымъ расположеніемъ произведешій по рубрикамъ, которыя только затрудняли изученіе и самыхъ сочиненій и постепеннаго развитіи генія Пушкина. Потому обязанностью г. Анненкова было исправленіе недостатковъ въ новомъ изданіи. Онъ говорить объ этомъ такъ:

Первою заботой новаго изданія должно было сдѣлаться исправленію текста изданія предшествующаго; но это, по важности задачи, не могло произойти иначе, какъ съ представленіемъ доказательствъ на право поправки или вмѣненія. Отсюда система примѣчаній, допущенная въ настоящее изданіе. Каждое изъ произведеній поэта, безъ исключенія, снабжено указавіемъ, гдѣ впервые оно явилось, какіе варианты получило въ другихъ редакціяхъ при жизни поэта, въ какомъ отношеніи съ текстомъ этихъ редакцій находится текстъ новаго изданія. Читатель ямѣетъ, такимъ образомъ, по возможности, исторію внѣшнихъ и, отчасти, внутреннихъ измѣненій, полученныхъ въ разные эпохи каждаго произведеніемъ, и по ней можетъ исправить недосмотры посмертнаго изданія, взъ коихъ наиболѣе ярые исправлены уже и издателемъ предлагаемаго собранія сочиненій Пушкина. Многія изъ стихотвореній въ статей поэта (особенно тѣ, которыя явились въ печати послѣ смерти его) сличены съ рукописями и по нимъ указаны членовыя помѣтки автора, его первыя мысли и намѣренія. (Предисловіе къ II тому).

За исправленіемъ текста послѣдовало дополненія его: издатель воспользовался всѣми указаніями о пропущенныхъ въ посмертномъ изданіи произведеніяхъ Пушкина, когда либо напечатанныхъ, пересмотрѣлъ всѣ альманахи и журналы, въ которыхъ Пушкинъ помѣщалъ свои стихотворенія и статьи; но этимъ не ограничились пополненія: въ распоряженіе издателя поступили всѣ бумаги, оставшіяся послѣ Пушкина, и онъ извлекъ изъ нихъ все, что еще оставалось неизвѣстнымъ публикѣ. Наконецъ къ библіографическимъ примѣчаніямъ и вариантамъ, о которыхъ говорили мы выше, прибавилъ онъ вездѣ, гдѣ могъ, объясненіе случаевъ и поводовъ, по которымъ было написано извѣстное произведеніе.

Вмѣсто прежняго спутаннаго и произвольнаго раздѣленія по мелкимъ и неточнымъ рубрикамъ, составлявшаго одинъ изъ существенныхъ недостатковъ посмертнаго изданія, принялъ онъ строгій хронологическій порядокъ, съ распределеніемъ произведешій по немногимъ отдѣламъ, которые приняты во всѣхъ лучшихъ европейскихъ изданіяхъ классическихъ писателей и указываются удобствомъ для читателей, эстетическими понятіями и сущностью дѣла.

I. Стихотворенія. Отдѣлъ первый—лирическія, отдѣлъ второй—эпическія,—отдѣлъ третій—драматическія произведенія.

II. Проза. Отдѣлъ первый—Записка Пушкина: а) Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ; б) Остатки записокъ Пушкина въ строгомъ смыслѣ (автобіографическихъ); в) Мысли и замѣчанія; г) Критическія замѣтки; о) Анекдоты собранные Пушкинымъ; ф) Путешествіе въ Арзрумъ. Отдѣлъ второй—романы и повѣсти (здѣсь же и «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»). Отдѣлъ третій—журнальныя статьи, напечатанныя въ посмертномъ изданіи и напечатанныя въ журналахъ, но не вошедшія въ посмертное изданіе (одиннадцать статей). Отдѣлъ четвертый—Исторія Пугачевского бунта съ приложеніями и новошедшею въ посмертное изданіе антикритическою статьею по поводу этого сочиненія.

Затѣмъ (говорить издатель) въ рукописяхъ Пушкина отыскано множество отрывковъ, какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ, нѣкоторое число небольшихъ пьесъ в продолженія или дополненія его произведеній. Всѣ эти остатки помѣщены въ «Матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина» и въ приложеніяхъ къ нимъ.

Объяснивъ такимъ образомъ порядокъ и систему, положенныя въ основаніи новаго Сборника, издатель нисколько не скрываетъ отъ себя, что найдетъ еще много упущеній и недосмотровъ, какъ въ примѣчаніяхъ къ произведеніямъ нашего автора, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Со всѣмъ тѣмъ издатель смѣетъ питать надежду, что при системѣ, взятой для новаго изданія, всякая поправка свѣдущей и благонамѣренной критики скорѣе можетъ быть приложена къ дѣлу, чѣмъ прежде. Арена для бібліографической, филологической и исторической критики открыта. Общимъ дѣйствіемъ людей опытныхъ и добросовѣстныхъ ускорится время изданія сочиненій народнаго пвсателя нашего вполне удовлетворительнымъ образомъ (Предисловіе въ II тому).

Критика новаго изданія должна согласиться съ этою скромною и безпристрастною его оцѣнкою, данною самимъ издателемъ. Оно лучшее изданіе, какое могло быть сдѣлано въ настоящее время; недостатки его неизбежны, достоинства его—огромны, и вся русская публика будетъ благодарна за нихъ издателю.

Изъ вышедшихъ двухъ первыхъ томовъ новаго изданія, первый заключаетъ въ себѣ «Матеріалы для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина» съ его портретомъ (гравиров. Уткинымъ, въ 1838 году) и слѣдующими приложеніями: 1) Родословная А. С. Пушкина; 2) Сказки (три) Арины Родіоновны, записанныя Пушкинымъ, 3) Французскія письма (два) Пушкина по поводу «Вориса Годунова»; 4) и 5) Последнія минуты Пушкина, описанныя Жуковскимъ, и выписка изъ біографіи Пушкина, составленной г. Вантышемъ-Каменскимъ; 6) Пушкинскій переводъ XXIII пѣсни Аріостова «Orlando Furioso» (строфы 100—112); 7) Дополнительныя октавы къ повѣсти «Домикъ въ Коломнѣ» (15 октавъ); 8) Продолженіе повѣсти «Рославлевъ»; 9) Замѣчанія на Слово о Полку Игоревѣ. Второе, третье, шестое, седьмое, восьмое и девятое приложенія въ первый разъ являются въ печати. Наконецъ къ этому тому приложены семь fac-simile Пушкина: 1) Почеркъ его въ 1815 г.; 2) Почеркъ его въ 1821 г.; 3) Листокъ изъ тетради, содержащій первый оригиналь «Полтавы»; 4) Тотъ же листокъ, начисто переписанный; 5) Рисунокъ съ последней страницы сказки: «Купецъ Остолопъ»; 6) Рисунокъ, сдѣланный Пушкинымъ при повѣсти «Домикъ въ Коломнѣ»; 7) проектъ заглавнаго листа для драмъ и драматичеекпхъ отрывковъ. Эти снимки исполнены прекрасно.

Второй томъ заключаетъ лирическія стихотворенія Пушкина съ 1814 по 1830 годъ (включительно) съ примѣчаніями издателя.

Прежде, нежели займемся подробнымъ разсмотрѣніемъ изданныхъ томовъ, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ изданія. Форматъ его—большое in-8, нѣсколько болѣе формата нашихъ журналовъ. Шрифтъ текста очень удобный для чтенія, крупный и убоистый. Сообразно формату, томы имѣютъ приличную полноту—болѣе тридцати печатныхъ листовъ каждый; такъ что вообще внѣшній видъ изданія должно назвать приличнымъ и удовлетворительнымъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію содержанія изданныхъ томовъ, и во-первыхъ, къ изученію «Матеріаловъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина», составленныхъ издателемъ, г. П. В. Анненковымъ, и занимающихъ первый томъ.

Значеніе и достоинства біографіи А. С. Пушкина, составленной г. Анненковымъ, полнѣе будутъ выказываться самымъ изученіемъ ея содержанія, которое представляютъ наши статьи: теперь же скажемъ о ея характерѣ только нѣсколько словъ. Это первый трудъ, который надлежащимъ образомъ удовлетворяютъ столь сильно развившемуся въ послѣднее время стремленію русской публики познакомиться съ личностями дѣятелей русской литературы и образованности. Потребность эта ужъ вызвала довольно много монографій, отличающихся основательностью и подробностью бібліографическихъ и біографическихъ изслѣдованій. Публика приняла эти первые опыты съ живымъ сочувствіемъ, но не могла не видѣть въ нихъ важныхъ недостатковъ. Какъ и всякое новое направленіе, стремленіе къ подробнымъ и точнымъ изслѣдованіямъ отечественной литературы было неумѣренпо въ своихъ проявленіяхъ. Каждая личность, почему-нибудь обращавшая на себя вниманіе трудолюбивыхъ изыскателей, казалась имъ необыкновенно важною, заслуживающею самыхъ подробныхъ трактатій; каждый новый фактъ, ими отысканный, имъ казался чрезвычайно интереснымъ для всей публики, какъ бы мелоченъ въ сущности ни былъ. Потому почти всѣ монографіи, являвшіяся въ послѣднее время, страдали важными недостатками и по содержанію и по формѣ. Растерявшись во множествѣ мелочныхъ подробностей, каждый авторъ былъ не въ сплахъ обработать предметъ съ общей точки зрѣнія, и обременялъ свою статью безчисленными бібліографическими подробностями, среди которыхъ утомленный читатель совершенно запутывался; вмѣсто цѣльныхъ трудовъ давались публикѣ отрывки черновыхъ работъ, со всѣми мелочными сличеніями буквъ и стиховъ, среди которыхъ или тонула, или принимала несвойственные ей размѣры всякая общая мысль. Однимъ словомъ, вмѣсто изслѣдованій о замѣчательныхъ явленіяхъ литературы, представлялись публикѣ отрывочныя изысканія о маловажныхъ фактахъ: вмѣсто ученаго труда въ его окончательной формѣ представлялся весь необозримый для читателя процессъ механической предварительной работы, которая только должна служить основаніемъ для картинъ и выводовъ, изъ нея возникающихъ. Не такова біографія Пушкина, которую будетъ читать русская публика при новомъ изданіи его творешій. Она говоритъ не о какой нибудь темной личности, которая привлекла вниманіе изслѣдователя только потому, что была забыта, но забыта была только потому, что не заслуживала вниманія потомства. Творенія Пушкина, создавшія новую русскую литературу, образовавшія новую русскую публику, будутъ жить вѣчно, и вмѣстѣ съ ними незабвенною навѣки останется личность Пушкина. Важный трудъ, который знакомить насъ съ нею, представляется г. Анненковымъ въ совершенно обработанной литературной формѣ. Кропотливая молочная работа сличеній и поисковъ, ему предшествовавшая не выставляется на первомъ планѣ, затемняя для читателя черты великаго писателя и его трудовъ; изслѣдователь дастъ намъ законченную картину жизни и творчества Пушкина. Сличенія годовъ, буквъ и отдѣльных стиховъ отнесены въ примѣчанія, если нужны для полноты; составитель біографіи далъ читателямъ не черновыя свои бумаги, а жизнеописаніе, возведенное окончательно обработкою къ формѣ литературнаго произведенія. Его работа должна послужить для нашихъ изслѣдователей исторіи литературы образцомъ біографій.

Приступимъ же къ ея изученію, чтобы ближе познакомиться съ Пушкинымъ. Не будемъ при этомъ утомлять читателей сличеніемъ матеріаловъ, представляемыхъ г. Анненковымъ, съ прежними статьями и отрывками о жизни Пушкина, разбросанными по журналамъ, потому что всѣ эти отрывки теряютъ теперь свою важность. Мы коснемся этого впоследствии—п то въ такомъ только случаѣ, если откроемъ въ трудѣ г. Анненкова какое-либо значительное упущеніе, которое будемъ въ состояніи пополнить съ помощью новыхъ матеріаловъ.

О дѣтствѣ и лицейскихъ годахъ жизни Пушкина было въ послѣднее время сообщено русской публикѣ много свѣдѣній; потому не будемъ долго останавливаться на этомъ періодѣ, и передадимъ читателямъ только немногія изъ интересныхъ подробностей, представляемыхъ новою біографіею.

Многія черты въ характерѣ Александра Сергѣевича перешли къ нему по наслѣдству отъ Сергѣя Львовича. Отецъ поэта былъ блестящій, остроумный, неистощимый собесѣдникъ и съ увлеченіемъ предавался удовольствіямъ общества; беззаботность его характера доходила до разсѣянности, о которой г. Анненковъ приводитъ два анекдота. Однажды Сергѣй Львовичъ, любившій, сидя у камелька жечь огонь, явился на разводъ съ обгорѣлою тростью, и получивъ за это отъ вачальника замѣчаніе: «ужъ вамъ бы, г. поручикъ, лучше явиться съ кочергою на ученіе» жаловался потомъ жонѣ на тяжесть военной службы. Въ другой разъ, отправляясь на придворный балъ, онъ позабылъ перчатки и потому не могъ танцовать. Изъ анекдотовъ о его остроумныхъ отвѣтахъ приведемъ слѣдующій. Какая-то очень полная иностранка вздумала въ насмѣшку спросить его: «правда ли, шт. Пушкинъ, что вы, русскіе, людоѣды и ѣдите медвѣдей?» «Нѣтъ, Madame, отвѣчалъ Сергѣй Львовичъ: мы ѣдимъ коровъ, какъ напримѣръ вы».

До семи лѣтъ А. С. Пушкинъ своею вялостью, тучностью, неповоротливостью, неподвижностью приводилъ въ отчаяніе родныхъ: потому отъ него не ожидали ничего въ будущемъ, потому даже не столько ласкали его, какъ сестру и младшаго брата. Учился онъ плохо, надѣясь на свою огромную память, повторялъ уроки за сестрой, когда ее спрашивали прежде, и не могъ ничего отвѣчать, когда спрашивали его первымъ. Но съ девятаго года развилась у него страсть къ чтенію; онъ день и ночь проводилъ въ библіотекѣ отца, наполненной французскими писателями XVII и XVIII столѣтій. Скоро пробудилась у него и страсть къ авторству. Все его воспитаніе было ведено на французскомъ языкѣ; отецъ поэта писалъ множество легкихъ французскихъ стиховъ для развлеченія въ обществѣ; потому и молодой Пушкинъ началъ писать не по русски, а по французски. Сначала импровизировалъ онъ комедіи въ мольеровскомъ родѣ, потомъ задумалъ шутивную поэму въ 6 пѣсняхъ, описывавшую битвы карликовъ и карлицъ—она была сожжена обидѣвшимся авторомъ, когда учитель расхохотался, прочитавъ первыя страницы; но начало поэмы сохранилось въ памяти читавшихъ:

Je chante ce combat, que Toly remporta
Ou maint guerrier périt, ou Paul se signala.
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dout la main fut le prix d'une horrible éscarrouche.

Вотъ первые стихи, оставшіеся намъ отъ дѣтства Пушкина. Ему въ это время могло быть около десяти лѣтъ. Французскія стихотворенія продолжалъ онъ писать и въ Лицѣѣ. Слѣды приобрѣтенной въ дѣтствѣ привычки писать и думать по фран-

пузски остались въ Пушкинѣ на всю жизнь; изъ множества примѣровъ находимыхъ въ «Матеріалахъ», приведемъ нѣкоторые. Не говоримъ ужъ о томъ, что часто Пушкинъ писалъ къ роднымъ своимъ французскія письма (Сергій Львовичъ выражаетъ свое радостное согласіе на бракъ сына также французскимъ письмомъ); еще замѣчательнѣе то, что въ русскихъ письмахъ, даже въ замѣткахъ, набросанныхъ въ черновыхъ тетрадахъ для памяти, Пушкинъ безпрестанно перемѣшиваетъ русскіи фразы съ французскими. Г. Анненковъ говорить:

Въ бѣглыхъ замѣткахъ, написанныхъ для себя наскоро, чудно мѣшаются у него оба языка, смотря потому, какой ориентъ первый на мысль... Почти нѣтъ замѣтки въ его бумагахъ безъ галлицизмовъ и французскихъ фразъ. Вотъ, напримѣръ, замѣчательный образецъ этого смѣшенія: «Главная прелесть романовъ W. Scot состоятъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ не съ *épique* фр. трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ романовъ, не съ *dignité* исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ, какъ герои французскіе на холопей, передразнивающихъ *la dignité et la noblesse*. *Ils sont familliers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté de théâtral, même dans les circonstances solennelles, car les grandes circonstances leur sont familières*»... Пушкинъ сознавался, что писать по русски все-таки трудъ.

Приготовляя замѣтки, изъ которыхъ хотѣлъ составить предисловіе къ «Борису Годунову», онъ набрасываетъ ихъ по французски. Написавъ стихотвореніе «Обвалъ», онъ объясняетъ его заглавіе въ черновой тетради, прибавляя въ скобкахъ «*Avalanche*».

Все это служить лучшимъ доказательствомъ, что въ комъ сильна народная стихія, въ тонъ никакія иноземныя вліянія не подавятъ ее. Но несмотря на французское воспитаніе, несмотря на то, что въ кругу родныхъ его говорилось преимущественно по французски, Пушкинъ, какъ извѣстно, уже въ дѣтствѣ былъ окруженъ элементомъ народности; извѣстно, что главною представительницею этого вліянія была няня его, знаменитая Арина Родіоновна, которую потомъ прославилъ онъ въ дивныхъ, проникнутыхъ любовью, строфахъ. Безпредѣльная привязанность ея къ своему питомцу слишкомъ хорошо извѣстна; но и всему семейству Пушкиныхъ она была необыкновенно предана. Когда, продавая соло Кобрино, къ которому была приписана Арина Родіоновна, Пушкины давали ей отпускную, вмѣстѣ съ ея двумя сыновьями и двумя дочерьми, она не хотѣла отойти на волю; потомъ, когда Пушкины хотѣли выкупить семейство ея дочери, Марьи, вышедшей за крестьянина села Захарова, Арина Родіоновна снова во согласилась, говоря: «Я сама была крестьянка; на что ей вольная!» Извѣстно, что отъ нея Александръ Сергѣевичъ узналъ большую часть сказокъ и пѣсенъ, которыхъ зналъ такъ много; слушая ее, проникся онъ духомъ народнаго языка. Въ 1824 году онъ пишетъ изъ деревни: «Знаешь ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки». Въ тетрадахъ Пушкина г. Анненковъ нашелъ семь сказокъ, бѣгло записанныхъ со словъ няни. Изъ нихъ три были потомъ пересказаны имъ въ стихахъ, четвертая послужила для Жуковского основой сказки о царѣ Берендѣѣ. Три (о царѣ Салтанѣ, о Борендоѣ, о купцѣ Остолопѣ и Балдѣ) напечатаны г. Анненковымъ въ числѣ приложеній въ біографію. Вотъ, между прочимъ, въ какихъ словахъ записана у Пушкина присказка, изъ которой произошли знаменитые стихи предисловія, прибавленнаго ко второму изданію «Руслана и Людмилы»:

У Лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ:
Пдетъ направо—пѣснь заводить,
На лѣво—сказку говорить.

«У моря-лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, а по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ; вверхъ идетъ—сказки сказываетъ, внизъ идетъ—пѣсни поетъ». Нѣтъ надобности говорить, что Пушкинъ въ своихъ стихотворныхъ передѣлкахъ сильно измѣнялъ подробности, то отбрасывая, то прибавляя новыя. Отъ этихъ передѣланныхъ сказокъ (о царѣ Салтанѣ и проч.) къ превосходно возсозданной въ истинно народномъ духѣ сказкѣ «О Рыбакѣ и Рыбкѣ» переходъ составляютъ два отрывка другихъ, переложенные въ стихи очень близко, оставшіеся забытыми въ бумагахъ Пушкина. Г. Анненковъ напочаталъ ихъ въ своихъ «Матеріалахъ». Вотъ начало первой сказки, о томъ, какъ мужикъ убилъ медвѣдцу а взялъ ея медвѣжатъ:

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки
Что нвѣ лѣсу, лѣсу дремучаго
Выходила медвѣдица
Съ малыи дѣтушками медвѣжатами.
Поиграть, погулять, себя показать и т. д.

Но Пушкинъ знакомился съ народными сказками и пѣснями не по однимъ только разсказамъ своей няни—проникнувшись любовью въ народности, онъ и самъ входилъ въ простонародные кружки, подслушивая тамъ языкъ и пѣсни. Въ 1825 г., проводивъ до Пскова своихъ деревенскихъ сосѣдей онъ—

время пребыванія во Псковѣ посвятилъ тѣмъ, что занимало теперь преимущественно его мысли—изученію народной жизни. Овъ нѣвѣввалъ средства для отысканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, вежду людьми, в весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одиѣ въ почетныхъ домовъ Пскова. Не удивительно послѣ того, что П. В. Кирѣевскій, въ предисловіи къ своему «Собранію народныхъ пѣсенъ» говорить: «А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи». Пушкинъ владѣлъ значительнымъ количествомъ памятникъ на одного языка, добытыхъ собственнымъ трудомъ.

Въ тетрадяхъ 1830 г. Анненковъ нашелъ записанными «народныя пословицы, фразы и термины старой нашей литературы», которыя и сообщаетъ въ своихъ «Матеріалахъ». Чтобы въ одной мѣстѣ собрать все относящееся къ этому предмету, приведемъ и понятіе самаго Пушкина о томъ, въ чемъ состоитъ народность произведешій литературы. Замѣтка его объ этомъ не окончена, но существенный смыслъ его мнѣніи яснѣе и совершенно справедливо выводится г. Анненковымъ изъ тѣхъ строкъ, которыя Пушкинъ успѣлъ написать.

«Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности... Но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣтъ овъ подъ словомъ народность. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что взявъсья по русски, употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполне можетъ быть

ощущею одними соотечественниками: для другаъ оно не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуеъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это однакожь носитъ печать народности. Есть образъ мыслей в чувствованіи, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климать, образъ жизни, вѣра, дають каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи...» Пушкинъ не докончилъ своей замѣтки (*прибавляетъ г. Анненковъ*), во легко видѣть, что народность онъ полагалъ естественнымъ, природнымъ качествомъ всякаго истинно замѣчательнаго писателя. Только посредственный талантъ, или выбравшій ложную почву дѣятельности ненародеъ, потому что заимствуетъ или поддѣлываетъ свой взглядъ, чувство, языкъ».

Сколькимъ людямъ, толкующимъ нынѣ о народности, нужно посовѣтовать вникнуть въ смыслъ замѣтки Пушкина, набросанной двадцать пять лѣтъ тому назадъ, при самомъ началѣ этихъ толковъ.

Соединивъ въ краткомъ извлеченіи данныя, представляемыя «Материалами» г. Анненкова относительно двухъ важнѣйшихъ стихій, участвовавшихъ въ первоначальномъ образованіи поэтическаго характера Пушкина—относительно французскаго воспитанія съ одной стороны, русскаго элемента съ другой, постараемся, хотя кратко, прослѣдить свѣдѣнія о жизни Пушкина, доставляемыя этою біографіею.

Мы уже сказали, что не будемъ останавливаться на годахъ, проведенныхъ въ Лицѣѣ, потому что этотъ періодъ подробно извѣстенъ русской публикѣ; но приведемъ изъ записокъ шестнадцатилѣтняго поэта отрывокъ, сохранившій воспоминаніе о его юношеской, вѣроятно первой, любви, и первоначальную редакцію тѣхъ строфъ «Евгенія Онѣгина» (глава VIII), въ которыхъ Пушкинъ воспоминаетъ о своей лицейской жизни.

«29-го (какого же мѣсяца? быть можетъ декабря 1815 г., потому что предъидущія выписки у г. Анненкова относятся къ 10 декабря, а тетрадь принадлежить, по всей вѣроятности, 1815 году).

И такъ счастливъ я былъ, и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!...

И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались летомъ сновидѣнья,
Увела прелесть наслажденья,

И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!...

«Я счастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ; поутру я мучился оживаеъмъ, стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ въ снѣжную дорогу—ее не было видно! Наконецъ я потерялъ надежду—вдругъ вечаявво встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ... сладкая минута!»

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы, овъ звалъ любви одну лишь муку!

Жуковскій.

«Какъ она мила была! какъ червое платье пристало къ милой Б. (фамилія была написана вполнѣ, во потомъ всѣ буквы, кромѣ первой, зачеркнуты, какъ видимъ из fac-simile этого отрывка, приложенномъ въ біографіи).

«Я былъ счастливъ 5 минутъ!»

Вотъ отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина» въ его первобытномъ видѣ:

I.

Въ тѣ дня, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталъ,
Читалъ охотно Елисея *)
А Цидерона проклиналъ;
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ бы вячикъ мѣткой,
Считалъ схоластику за видоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прятъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ;

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стлбалъ надъ губой первый пухъ,—
Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскую безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
О ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ,
И счастье тайныхъ мукъ узвалъ.

Послѣдняя половина второй строфы относится, быть можетъ, къ той самой страсти, о которой говорить отрывокъ записокъ, гейчасъ намъ представленный.

По выходѣ изъ Лицея, Пушкинъ, какъ извѣстно, увлекся удовольствіями молодости, развлеченіями свѣта и кружка друзей. Крѣпкое здоровье его не могло вывести изнурительнаго образа жизни и черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ выпуска онъ вытерпѣлъ сильную горячку (въ февралѣ 1818 года). По выздоровленіи онъ вновь преданъ «водовороту» его уносившему, какъ выражается г. Анненковъ. Какъ разсѣянна была его жизнь въ первые два года послѣ того, какъ онъ остался распорядителемъ своихъ дѣйствій, лучше всего свидѣлствуютъ обстоятельство, что въ это время не велъ онъ записокъ, которыя начинаются только съ пріѣзда его въ Крымъ (въ 1820 г.). Въ Кишиневѣ и въ Одессѣ Пушкинъ также велъ жизнь разсѣянную и даже позволялъ себѣ множество шалостей. Обо всемъ этомъ писано было довольно много, потому здѣсь мы опять можемъ удовольствоваться немногими чертами. Свой эксцентрическій костюмъ въ Кишиневѣ самъ Пушкинъ описываетъ на Онѣгинѣ (въ одной изъ неизданныхъ строфъ):

*) Старинная шутовская повѣсть.

Носилъ онъ русскую рубаху,
Платокъ шелковый кушакомъ,
Армякъ татарскій на распашку,
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ.
Но только свѣтъ уборомъ чуднымъ,
Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма огорчена
Его сосѣдка Дурвна,
А съ нею Мизивчиковъ. Евгенийъ,
Быть можетъ толки презиралъ,
Быть можетъ, и про нихъ не зналъ:
Но всѣхъ своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ:
Зато былъ ближнимъ нестерпимъ.

Изъ его приключеній сообщимъ только одно: въ 1822 году Пушкинъ пропалъ изъ Кишинева на нѣсколько времени; онъ прѣсталъ къ цыганскому табору, кочевалъ съ нимъ, доходилъ до границъ имперіи. Объ этомъ свидѣлствуетъ отрывокъ изъ «Цыганъ», не попавшій въ поэму при ея изданіи:

За ихъ лѣнливыми толпами
Въ пустынь, правдный, я бродилъ,
Простую пишу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями...
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Пламенные поклонники поэта, тогда уже признаннаго великимъ, съ ужасомъ смотря на такую растрату времени и силъ, по ихъ мнѣнію пагубную для таланта, съ укоризнами или горестью умоляли его покинуть шалости и развлеченія, его недостойныя, и всѣ силы души обратить на славную дѣятельность, которой ждутъ отъ него всѣ образованные русскіе. Одно изъ такихъ писемъ (на французскомъ языкѣ) уцѣлѣло въ бумагахъ Пушкина, и г. Анненковъ сообщаетъ его въ переводѣ:

Когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующаго передъ обычаями и привычками толпы, человѣкъ останавливается посреди пути и спрашиваетъ самого себя: почему преграждаетъ дорогу мнѣ тотъ, который впереди меня и которому слѣдовало бы сдѣлаться моимъ вожатымъ? Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о васъ; а я думаю о васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя въ собственной груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша.

Такимъ заботливымъ напоминаніямъ (прибавляетъ г. Анненковъ) Пушкинъ получалъ со всѣхъ сторонъ, до самаго 1830 года, съ котораго, какъ увидимъ, образъ его жизни совершенно измѣняется. Нельзя не сочувствовать столь благороднымъ и такъ прекрасно высказаннымъ сожалѣніямъ и требованіямъ, какія видны въ этомъ письмѣ; но теперь мы знаемъ, что увлеченія молодости, пагубныя для натуръ слабыхъ и одностороннихъ, не повредили мощной и всесторонней натурѣ Пушкина—его гений развивался и мужалъ среди волненій юности, благодаря самымъ увлеченіямъ жизни, и мы къ нему болѣе чѣмъ ко всякому другому, можемъ отнести его же собственное восклицаніе:

Блаженъ, кто съ молодю былъ молодъ!

Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга авторомъ «Руслана и Людмилы», возвратился въ Петербургъ авторомъ «Евгенія Онѣгина» и «Бориса Годунова». Известно, что по возвращеніи на родину, онъ до самой своей женитьбы увлекался, почти по прежнему, удовольствіями свѣта и наслажденіями молодости всякій разъ, какъ пріѣзжалъ въ Москву или Петербургъ, и неутомимо предавался труду, всякій разъ, когда уѣзжалъ въ деревню. Потому переходимъ прямо къ подробностямъ, какія сообщаетъ біографія о перемѣнѣ характера, обнаружившейся во время двухъ послѣднихъ (1829 г.) его пребываній въ Москвѣ до женитьбы. Большею частью останавливался онъ въ домѣ П. В. Н.—на.

Изъ словъ П. В. Н.—на можно видѣть, какъ измѣнились привычки Пушкина, какъ страсть къ свѣтскимъ развлеченіямъ, къ разнорѣчивому говору многолюдства смягчилась въ немъ потребностями своего угла и семейной жизни. Пушкинъ казался домохозяиномъ. Цѣлые дни проводилъ онъ въ кругу домашнихъ своего друга, на диванѣ, съ трубкой во рту и прислушиваясь къ простому разговору, въ которомъ дѣла хозяйственнаго быта стояли часто на первомъ планѣ. Надобны были даже усилія со стороны заботливаго друга его, чтобы заставить Пушкина не перерывать своихъ знакомствъ, не скрываться отъ общества и выѣзжать. Пушкинъ слѣдовалъ совѣтамъ П. П. П.—на, вѣхотя: такъ уже нужда отдохновенія, начинала превозмогать всѣ другія склонности.

Однако прежняя безпокойная жажда внѣшняго разнообразія, прежняя тоска, производившая «охоту къ перемѣнѣ мѣстъ—весьма мучительное свойство», не совершенно еще исчезла въ это время: начало 1830 года было занято планами путешествій; Пушкинъ задумывалъ съѣздить за границу, а когда этотъ проектъ не исполнился, просилъ позволенія провѣщать въ Китай нашу миссію. Объ этомъ осталось даже воспоминаніе въ его стихахъ:

Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножью ли стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ и пр.

«Пушкинъ познакомился съ семействомъ Н. Н. Гончаровой еще въ 1828 году, когда будущей супругѣ его едва наступала шестнадцатая весна. Овъ былъ представленъ ей на балѣ, и тогда же сказалъ, что участь его будетъ на вѣки связана съ молодой особой, обратившей на себя общее вниманіе. Два года однакожь протекли для Пушкина въ безпрорывныхъ трудахъ и разъѣздахъ. Въ 1830 году прибытіе части Высочайшаго Двора въ Москву, оживило столицу и сдѣлало ее средоточіемъ веселій и празднествъ. Наталья Николаевна принадлежала въ тому созвѣздію красоты, которое въ это время обращало вниманіе, и смѣемъ сказать, удивленіе общества. Она участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, которыми встрѣтила древняя столица Августѣйшихъ своихъ посѣтителей, и между прочимъ въ великолѣпныхъ живыхъ картинахъ, данныхъ княземъ Д. В. Голицынымъ. Молва объ ея красотѣ и успѣхахъ достигла Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. По обыкновенію своему, онъ стремительно уѣхалъ въ Москву, не объяснивъ никому своихъ намереній, и возобновилъ прежнія свои исканія. Въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенья, 21 апрѣля 1830 года, овъ сдѣлалъ предложеніе семейству Натальи Николаевны, которое и было принято».

Послѣ того отрадное спокойствіе водворилось въ душѣ Пушкина; оно, какъ замѣчаетъ г. Анненковъ, отразилось и на его произведеніяхъ. Мы не можемъ приводить здѣсь всѣхъ подробностей, и должны пореять къ новымъ свѣдѣніямъ, какія могъ сообщать г. Анненковъ о роковой дуэли.

Всѣ попытки друзей отвести ударъ остались тщетны. Въ самый день поединка они везли обоихъ противниковъ черезъ мѣсто публичнаго гулянья, нѣсколько разъ останавливались, роняли варочво оружіе, надѣясь еще на благотѣльное вмѣшательство общества; во всѣ ихъ усилія и намеки остались безуспѣшны. Только по окончаніи гулянья на Каменномъ острову, одна дама, знакомая Пушкину, получивъ извѣстіе, что видѣли его и г. Дантеса, торопившихся другъ за другомъ и опоздавшихъ на общее веселье, только ова догадалась о событіи и воскликнула съ живымъ выраженіемъ страха: «тутъ должно случиться несчастье. Потѣжайте за нимъ». Но уже было поздно.

Пушкинъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ противника, в нѣсколько мгновеній лежалъ безъ чувствъ на снѣгу. Поднявшись, онъ перемѣнилъ пистолеть, потребовалъ чтобы противникъ, побѣждавшій къ нему, возвратился опять на свое мѣсто, в, собравъ всѣ силы, послалъ ему выстрѣлъ. Извѣстно радостное восклицаніе Пушкина, при видѣ упавшаго соперника, легко пораженнаго имъ въ руку. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельстве, чтобъ показать степень страсти, овладѣвшей всѣмъ существомъ его.

Радость была напрасна. Покамѣстъ противникъ сѣдился въ сани Пушкина и отправлялся домой, самого Пушкина переносили въ карету, заранѣе приготовленную семействомъ его соперника на случай несчастья. Пушкинъ еще поглядѣлъ въ слѣдъ удаляющагося врага, и прибавилъ: «мы не все кончили съ нимъ». Но уже все было кончено, в другой рядъ болѣе возвышенныхъ, и болѣе достойныхъ мыслей ожидать умирающаго въ дому его.

Послѣднія минуты Пушкина, его кроткая разлука съ жизнью, его нѣжная заботливость о супругѣ, его прошеніе всѣмъ клеветникамъ и врагамъ ихъ обоихъ, извѣстны каждому русскому изъ письма Жуковскаго. Въ заключеніе интересныхъ подробностей о жизни Пушкина, заимствованныхъ нами изъ труда г. Анненкова, повторимъ его слова, что лучшая біографія поэта въ его собственныхъ произведеніяхъ, потому что у него постоянно живая связь между событіями жизни и произведеніями; г. Анненковъ говоритъ, что одна ли найдется у Пушкина хотя одно лирическое произведеніе, которое не было бы вызвано дѣйствительною жизнью: происхожденіе большей части становится ясно по соображенію «матеріаловъ» и примѣчаній новаго изданія. «Въ его произведеніяхъ безпрестанно слышится живой голосъ событія, и сквозь поэтическую призму ихъ безпрестанно мелькаетъ настоящее прошестіе. Въ разныхъ мѣстахъ нашего труда, мы уже пояснили нѣкоторыя изъ его стихотвореній чертами и анекдотами изъ жизни. Подобнымъ комментаріямъ, со временемъ, могутъ быть подвергнуты почти всѣ лирическія пѣсни Пушкина. Точно также и характеръ Пушкина лучше и полнѣе всего выразился въ его произведеніяхъ,—эта удивительная многосторонность ума и сердца, которая даетъ право сказать о немъ, какъ Баратынскій сказалъ о Гете:

... Ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ яснымъ безъ прѣвѣта;
На все отзывался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта.

Изъ смѣшенія противоположностей состоятъ весь поэтическій обликъ Пушкина; говоритъ г. Анненковъ, высказавъ уже все, что могъ сказать для раскрытія его характера: «какъ ни старались мы изложить въ послѣднемъ описаніи необычайно подвижныя черты его характера, но онѣ не поддаются описанію, и требуютъ, для объясненія и примиренія своего, уже творческой кисти настоящаго художника». Постараемся однако отмѣтить нѣкоторыя особенности характера и привычекъ, особенно рѣзко выступающія въ матеріалахъ, собранныхъ г. Анненковымъ.

Живость, пылкость, впечатлительность, способность увлекаться и увлекать, чье сердце, жаждущее любви, жаждущее дружбы, способное привязываться къ вѣку всѣми силами души, горячій темпераментъ, влекущій къ жизни, къ обществу, къ удовольствіямъ и тревогамъ; нравственное здоровье, сообщающее всѣмъ извѣстностямъ и наклонностямъ какую-то свѣжую роскошность и полноту, отличающее у самыхъ крайностей всю болѣзненность, у самыхъ прихотей, которыми обильна его молодость, всякую натянутость, побуждающее наконецъ всякія торопншія увлеченія—эти черты въ лицѣ Пушкина ясны для всякаго, кто въ сто произведенія, кто знаетъ хотя малѣйшее понятіе о его жизни. Образъ къ другимъ, съ которыми знакомятъ насъ «Матеріалы» г. Анненкова.

Какъ Пушкинъ считалъ нужнымъ держать себя въ свѣтѣ, виднѣмъ изъ совѣтовъ, не дасть оныхъ младшему брату, при его вступленіи въ общество. Многія изъ вѣтъ къ саму Пушкину старался соблюдать, другія нарушалъ иногда только по пылкому темпераменту. Вотъ въ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ его французскаго письма: «Ты будешь въ сношеніяхъ съ людьми, тебѣ еще неизвѣстными; не суди о нихъ оному сердцу, которое благородно въ добро. Будь холоденъ со всѣми... Семейная всегда вредна; во особенно остерегайся предаваться ей съ людьми, которые тебя... Не принимай никогда благодарностей. Благодареніе почти всегда коварство. Избѣгай протекціи, потому что она уныжаетъ и подчиняетъ. Я посовѣтовалъ бы тебѣ предаваться увлеченіямъ дружбы, но не рѣшаюсь леденить твоего сердца въ глупыя и низкія самообольщенія... Если состояніе не позволяетъ тебѣ жить блистательно старайся скрывать своей недостаточности. Скорѣе можно позволить себѣ такую крайность. Предъ суровымъ диктизмомъ склоняется общее мнѣніе, а мнѣнія о чужестранности дѣлаютъ человека смѣшнымъ. Никогда не бери въ займы; скорѣе нужду. Знай, что она не такъ ужасна, какъ ее описываютъ, и далеко не такъ дурна, какъ возможность быть или показаться человѣкомъ не честнымъ».

Проповѣдуя брату осторожность въ обращеніи съ людьми, Пушкинъ самъ былъ ей, какъ человѣкъ истинно свѣтскій. Извѣстно множество примѣровъ, какъ онъ былъ уклончивъ въ разговорѣ, поставивъ себѣ правиломъ не прочесть рѣзко высказанному мнѣнію и, для избѣжанія спора, отдѣлываться вымыслами или переиначивать разговоръ. Говорятъ, что и съ людьми близкими часто находилъ нужнымъ держать себя подобнымъ образомъ. «Вообще—какъ г. Анненковъ—онъ любилъ закрывать себя и мысль свою шуткой или оборотомъ рѣчи, который еще оставлялъ возможность сомнѣнія для слушателя, почему весьма мало людей знали Пушкина, что называется, лицомъ къ лицу. Въ замѣчаніи брату о томъ, что бѣдность вовсе не страшна, опять примычка самого Пушкина, который, при всей любви къ комфорту, при желаніи блистать въ обществѣ, любилъ простоту, будучи человѣкомъ истинно простымъ тона въ этомъ, какъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ.

Вообще Пушкинъ былъ очень простъ во всемъ, что касалось собственно до обстановки. Одѣвался онъ очень небрежно, заботясь преимущественно только о чистотѣ и удобствѣ своихъ ногтей. Имѣлъ простую комнату для литературныхъ своихъ работъ, было у него даже потребностью таланта и условіемъ производительности. Онъ любилъ картины и голая сѣренькая комната давала ему болѣе вдохновенія, чѣмъ пышный кабинетъ съ эстампами, статуями и богатой мебелью, которые обыкновенно имѣлъ онъ. Онъ довольствовался незатѣйливымъ помещеніемъ въ Демутовомъ трактѣ обыкновенно останавливался въ пріѣздахъ своихъ въ Петербургъ. Вообще, а его были просты, по вкусу и наклонности уже не походили на нихъ. Такъ

свидѣтельству... Образъ жизни его въ деревнѣ чрезвычайно напоминаетъ жизнь Овѣи (гл. VI, строфы 37—39, 44). Онъ также вставалъ очень рано и тотчасъ же отправился налегѣ въ бѣгушей подъ горою рѣчкѣ и купался; зимой овѣ, какъ в Ойкѣ садился въ ванну со льдомъ передъ завтракомъ... Если случалось оставаться ему оди дома безъ дѣла и гостей, Пушкинъ играть двумя шарами на бильярдѣ самъ съ собою а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней Ариней Родіоновной.

Несмотря на то, что Пушкинъ не былъ расточителенъ, и получалъ довольно много денегъ за свои произведенія, онъ почти постоянно нуждался. Главнѣйшею причиною этого была безпечность, неаккуратность, неопытность въ денежныхъ дѣлахъ. Можно указать и нѣкоторыя другія причины. Такъ у него выходило много денегъ на книги; всѣ письма его къ брату наполнены списками книгъ, покупать которыя поручалось ему. Карты также уносили много денегъ. Г. Анненковъ приводитъ изъ его записокъ слѣдующія строки, интересныя по своему простодушному тону:

15 октября 1827. Вчерашній день былъ для меня замѣчательнъ. Пріѣхавъ Боровичъ, въ 12 часовъ утра, засталъ я прожжающаго въ постели. Овѣ негале (а гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ не достало мнѣ 5 руб. Я поставилъ ихъ ва карту. Карта за картой, проигралъ 1600 рублей. Я расплатился довольно сердито, велѣлъ въ займы 200 рублей и уѣхалъ очень вдоводовѣ самъ.

Но гораздо забавнѣе относящійся также къ этой страсти анекдотъ, пересказываемый г. Анненковымъ со словъ Гоголя. Гоголь, тотчасъ по пріѣздѣ въ Царскъ-буртъ (около 1829 года), еще не имѣя литературной извѣстности, отправился знакомиться съ великимъ поэтомъ, произведеніями котораго такъ восторгались въ школахъ.

Чѣмъ ближе подходилъ овѣ къ квартирѣ Пушкина, тѣмъ болѣе овладѣла робость и, наконецъ, у самыхъ дверей квартиры развилась до того, что онъ ушелъ въ кондитерскую и потребовалъ рюмку ликеру. Подкрѣпленный имъ, онъ снова приступилъ на приступъ, смѣло позвонилъ, и на вопросъ свой: «дома ли хозяинъ?», услышавъ слуги: «почивають!» Было ужъ поздно на дворѣ. Гоголь съ великимъ участіемъ спросилъ: «вѣрно всю ночь работалъ?» — «Какъ же, работалъ!» — отвѣчалъ слуга, «картинки вралъ». Гоголь признавался, что это былъ первый ударъ, нанесенный этой идеализаціи его. Онъ иначе не представлялъ себѣ Пушкина до тѣхъ поръ, до овруженнаго постоянно облакомъ вдохновенія.

Но главною причиною денежныхъ затрудненій Пушкина, повторяемъ, должно считать его неаккуратность, беззаботность и неопытность въ дѣлахъ. Про это въ «Матеріалахъ» чрезвычайно много. Ограничимся нѣсколькими. Когда Пушкинъ издалъ (первое) собраніе своихъ стихотвореній, онъ въ разныя времена по забывчивости, тремъ лицамъ обѣщавъ продать это изданіе, и съ одобреніемъ ихъ взялъ даже 1000 рублей задатка. Впрочемъ, забывчивость Пушкина не могла бытъ только въ томъ, что книжку эту собирался онъ издать въ теченіе шести лѣтъ! Кроме того, онъ собирался печатать ее также и на собственныя средства по подпискѣ. Можно представить, сколько путаницы возникло съ этими претензіями, когда печатаніе книжки дѣйствительно началось. Такая же безпечность проявляется и въ письмахъ его по случаю залога имѣнія въ Царскъ-буртъ. Пушкинъ высказываетъ въ этомъ полнѣйшее незнаніе дѣла. Билетъ Опекуна совѣта вабываетъ онъ у пріятеля въ Москвѣ, и пишетъ объ этомъ въ Россійскомъ, такъ:

«Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ опекунскій билетъ, который я оставилъ въ секретномъ твоёмъ комодѣ; тамъ же гыронни въ серебряную копѣчку если и ее найдешь, в ѣе перешли. Ты ихъ счастью не вѣруешь, а я вѣрую.

Какъ характерна эта одинаковость тона, которымъ говорится о билетѣ и серебряной копѣчкѣ! Скоро мы будемъ говорить о томъ, какъ постоянная нужда въ деньгахъ возбуждала въ Пушкинѣ желаніе быть человѣкомъ расчетливымъ, соблюдающимъ вездѣ свою выгоду; теперь же перейдемъ къ другой чертѣ характера—нигицизму или лучше сказать вѣрѣ въ разные предрасудки. Въ «Материалахъ» находимъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ, этому въ родѣ вѣры въ счастье, приносимое старыми копѣчками, въ родѣ того, что пріятель поэта, не вѣрившій силѣ серебряныхъ копѣчекъ, вѣрилъ могуществу колецъ, и подарилъ Пушкину золотое кольцо съ бирюзой, которое имѣло силу «предохранять отъ внезапной бѣды»—Пушкинъ носилъ его до самой смерти, не снимая никогда съ руки. Былъ у Пушкина и другой, покрытый какими-то знаками кабалистическій перстень, съ которымъ былъ связанъ, какъ онъ твердо вѣрилъ, его талантъ. (Это кольцо теперь находится у В. И. Даля; кольцо съ бирюзой у г. Д—са). Вотъ, наконецъ, случай, рассказанный самимъ поэтомъ г-жѣ Фуксъ:

«Вамъ, быть можетъ, кажется удивительнымъ (началъ опять говорить Пушкинъ), что я вѣрю многому невѣроятному и непостижимому. Быть такъ суевѣрнымъ заставилъ меня одинокій случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. В. ходить по Невскому проспекту, и, въ провазъ, зашелъ къ кофейной гадальницѣ. Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее. «Вы,—сказала ова мнѣ,—ва этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который будетъ вамъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; потомъ, въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданнныя деньги. А третье, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь естественною смертію... Безъ сомнѣнія, я забылъ въ тотъ же день к о гаданіи в о гадальницѣ. Но, спустя недѣли двѣ поелъ этого предсказанія, в опять ва Невскомъ проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріателемъ, который служилъ въ Варшавѣ; онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ занять его мѣсто въ Варшавѣ. Вотъ первый разъ поелъ гаданія, когда я вспомнилъ о гадальницѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами, я могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я его обыгралъ. Онъ, получивъ поелъ умершаго отца наслѣдство, приелъ мнѣ долгъ, который я нетолько во ожидалъ, во в забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, а я въ этомъ совершенно увѣренъ».

Не удивительно, что Пушкинъ вѣрилъ предрасудкамъ: рассказы няня, чудесныя и таинственныя, съ дѣтства овладѣли его пылкимъ воображеніемъ; кромѣ того, онъ былъ расположенъ къ мистицизму, какъ видимъ по всему; какъ ни пропитателенъ былъ его природный умъ, но онъ никогда не углублялся въ отвлеченныя философскіе вопросы, занятіе которыми одно можетъ удержать отъ мистицизма человѣка съ пылкимъ воображеніемъ; надобно также припомнить, что онъ имѣлъ вообще много предрасудковъ, и кромѣ относящихся къ суевѣріямъ; наконецъ онъ былъ мнительнъ — и объ этой послѣдней чертѣ его характера «Материалы» сообщаютъ нѣсколько данныхъ. Будучи тѣлосложенія крѣпкаго, развитаго гимнастическими упражненіями, онъ находилъ въ себѣ расположеніе къ чахоткѣ и даже ему казалось, что онъ чувствуетъ признаки аневризма въ сердцѣ. Къ числу стихотвореній, высказывающихъ это постоянное опасеніе смерти, принадлежитъ, на примѣръ,

прекрасное «Брожу ли а вдоль улицъ шунныхъ»; именно о немъ упоминаемъ потому, что въ «Матеріалахъ» г. Анненкова напечатаны выпущенные авторомъ стихи, которые еще яснѣ извѣстныхъ читателямъ строфъ говорятъ, что Пушкинъ выразилъ въ этомъ размышленіи свою задумчивую думу:

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой;
Но мысль о смерти неизбѣжной
Вездѣ блиака, вездѣ со ивой...

Но не вотще меня знакомить
Съ могилой ясная мечта

А между тѣмъ, если кто нибудь, то именно Пушкинъ не долженъ былъ предаваться мрачнымъ опасеніямъ преждевременной смерти: онъ могъ разсчитывать на долгую жизнь, благодаря крѣпкой организаціи, лучшимъ доказательствомъ которой служить его неутомимость въ ходьбѣ; потому что, бывъ самымъ неподвижнымъ ребенкомъ въ дѣтствѣ, онъ потомъ чрезвычайно любилъ ходить пѣшкомъ, и нѣкоторые изъ обыкновенныхъ его прогулокъ были бы подѣ силу немногимъ; не говоримъ ужъ о томъ, что живучи въ 1833 году на дачѣ на Червой Рѣчкѣ, онъ ходилъ каждый день пѣшкомъ въ Архивы, и возвращался на дачу также пѣшкомъ; по возвращеніи, онъ купался, и послѣ этого ужъ не чувствовалъ никакой усталости; но гораздо замѣчательнѣе этого, прогулки его пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское село. Онъ выходилъ изъ города поутру, выпивалъ стаканъ вина на Средней Рогаткѣ, и погулявъ еще послѣ обѣда въ садахъ Царскаго Села, возвращался вечеромъ пѣшкомъ въ Петербургъ, псходивъ такимъ образомъ въ день болѣе пятидесяти верстъ.

Извѣстно, что Пушкинъ вообще имѣлъ въ характерѣ расположеніе любить и уважать преданія; любилъ старину, былъ, если можно такъ выразиться, въ душѣ до нѣкоторой степени старинный человѣкъ, несмотря на то, что проницательный умъ, образованность и практическій взглядъ на вещи, заставляли его превосходно понимать различіе между отжившими свое время понятіями и потребностями настоящаго. Одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ того, какъ сильно укоренились въ его сердцѣ преданія, представляютъ его отношенія къ литературнымъ обществамъ, которыя въ первой своей молодости засталъ онъ процвѣтающими, и распаденію которыхъ, по справедливому замѣчанію г. Анненкова, самъ содѣйствовалъ болѣе всего, возведя своими произведеніями литературу на степень дѣла, принадлежащаго всему русскому обществу, а не тѣсному кружку немногочисленныхъ любителей, образовавъ десятки тысячъ читателей вмѣсто прежнихъ сотенъ, и вызвавъ къ дѣятельности сотни писателей вмѣсто прежнихъ немногихъ дилеттантовъ. Возбудивъ первыми своими стихотвореніями вниманіе Державина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкинъ былъ тогда же принятъ въ число членовъ извѣстнаго литературнаго общества «Арзамасъ», душою котораго былъ Жуковский; дѣлюю котораго было противодѣйствіе обществу «Любителей Россійскаго слова» и ихъ устарѣлымъ литературнымъ понятіямъ. Неудивительно, если молодой писатель горячо раздѣлялъ всѣ симпатіи и антипатіи поэтовъ, которыхъ и самъ онъ считалъ своими учителями, и публика тогда еще ставила выше его. Но замѣчательно, что до конца своей

жизни Пушкинъ не пореставалъ показывать въ себѣ бывшаго члена «Арзамаса». «Пушкинъ навсегда сохранилъ (говорить г. Анненковъ) почтеніе какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами въ средѣ его, такъ и къ самому способу дѣйствовавшей во имя идей, обсужденныхъ цѣлымъ обществомъ... да и къ одному личному мнѣнію, становившемуся наперекоръ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія». Въ этомъ отчасти надобно искать причину нелюбви его къ журналистикѣ, вліяніемъ которой замѣнилось въ послѣдствіи вліяніе литературныхъ обществъ, въ особенности къ «Московскому Телеграфу». Пушкинъ не могъ привыкнуть къ новому порядку вещей, когда журналъ пріобрѣлъ свой голосъ въ сужденіяхъ о литературѣ, не служа выраженіемъ мнѣнія тѣснаго кружка людей, коротко знакомыхъ, имѣвшихъ одни привязанности, не замѣчавшихъ или щадившихъ слабости каждого члена своего общества, а сдѣлавшись органомъ независимаго мнѣнія, образовавшегося или начинавшаго образовываться въ массѣ публики. Въ мнѣніяхъ журналовъ, особенно «Московского Телеграфа», который первый обнаружилъ самостоятельность, Пушкинъ видѣлъ произволъ личнаго мнѣнія, и, говоритъ г. Анненковъ, какъ только замѣтилъ признаки новаго направленія, «началъ свою систему разсчитаннаго противодѣйствія, имѣя въ виду возвратить критику въ руки малаго, избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики». Попытку осуществить это намѣреніе надобно видѣть въ основаніи «Литературной Газеты». Можно было бы считать эти замѣчанія о вѣрности Пушкина духу прежнихъ литературныхъ обществъ предположеніемъ, еще не совсемъ вѣчнымъ, такъ много тутъ страннаго; но самъ Пушкинъ оставилъ доказательства того, что не напрасно мы будемъ до конца его дѣятельности видѣть въ немъ прежняго члена «Арзамаса». Извѣстно, что каждый членъ этого кружка получалъ имя, заимствованное изъ балладъ Жуковского: одинъ былъ названъ Громобоемъ, другой—Старинкою и т. д. А. С. Пушкину дано было имя «Сверчокъ»; въ 1830 году А. С. Пушкинъ, уже всѣми признанный первымъ поэтомъ русскимъ, затмѣвавшимъ собою всѣхъ остальныхъ, помѣщая свои стихотворенія въ «Литературной Газетѣ», подписывалъ ихъ буквами *Крс.*— это перестановка сокращенной подписи *Срк.*—Сверчокъ. Итакъ Пушкинъ еще помнить и любить свое Арзамасское имя, въ то время, какъ ужъ всѣ, кромѣ его, давно забыли о существованіи Арзамаса. Другой примѣръ его высокаго уваженія къ литературнымъ обществамъ: въ началѣ 1833 года избранный членомъ Россійской Академіи, президентомъ которой былъ тогда Шишковъ, и духу которой Пушкинъ, поэтому, кажется, мало могъ сочувствовать, Пушкинъ постоянно посѣщалъ еженедѣльные собранія Академіи и «вообще весьма серьезно смотрѣлъ» на труды этого ученаго сословія.

Мысль о журналѣ, который противодѣйствовалъ бы новому положенію въ литературѣ, принятому «Московскимъ Телеграфомъ», постоянно занимала Пушкина съ 1826 года—онъ тогда уже задумывалъ основать свой собственный журналъ; но, по обыкновенію, и въ этомъ дѣлѣ былъ безпеченъ; скоро, впрочемъ, онъ былъ обрадованъ основаніемъ «Московского Вѣстника» (г. Погодина), душою котораго хотѣлъ быть; потомъ «Литературной Газетѣ», отношенія въ которой у него были еще тѣснѣе. Въ 1832 году хлопочетъ онъ о разрѣшеніи основать ежедневную газету, и, наконецъ, получаетъ позволеніе, но, скоро охладѣвъ къ своей мысли, ужъ не приводитъ ее въ исполненіе. Только въ 1836, Пушкинъ дѣлается, наконецъ, редакторомъ журнала, о которомъ такъ долго мечталъ.

Виѣтъ съ желаніемъ имѣть органъ для выраженія своихъ литературныхъ мнѣній и противодѣйствія другимъ журналамъ, Пушкинъ, при намѣреніи основать журналъ, имѣлъ въ виду и денежную выгоду. Овъ прямо и съ какою-то особенною аффектаціею любилъ говорить, что пишетъ по внутренней потребности, для наслажденія творчествомъ (какъ это дѣйствительно и было), но печатастъ свои произведенія только изъ одивственнаго желанія получить за нихъ деньги, а вовсе не изъ потребности дѣлиться съ публикою своими чувствами или изъ желанія авторской славы (что было ужъ ве сомѣмъ справедливо). Въ «Матеріалахъ» г. Анненкова находимъ много мѣстъ изъ писемъ и отрывковъ Пушкина, гдѣ онъ старается увѣрить въ этомъ, даже какъ бы хвалится тѣмъ, что печатаетъ единственно для денегъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1824 году Пушкинъ пишетъ о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»: «Радуюсь, что мой фонтанъ шумитъ... Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги нужны».

Г. Анненковъ нашелъ въ бумагахъ Пушкина слѣдующій отрывокъ неизданнаго стихотворенія:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной
— Смотрите! вы поэтъ; уклонной лицемѣрной
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна?
Смѣшной и суетной вамъ кажется она?
Зачѣмъ же пишете?—Я? для себя.—За что же
Печатаете вы?—Для денегъ.—Ахъ, Боже мой,
Какъ стыдно?—Почему жъ?

Интересенъ также отрывокъ изъ просьбы объ отпускѣ въ Оренбургъ и деревню; просьба эта писана въ 1833 году, когда онъ занимался «Исторіей Петра Великаго» и Исторіею пугачевского бунта»; романъ, о которомъ въ ней говорится— «Капитанская дочка».

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими трудами, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ усидненіи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить нину, давно мною начатую, в которой доставитъ мнѣ деньги, въ коиъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія; во они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную в полезную. Если угодно будетъ знать какую вмевво книгу хочу я дописать въ деревнѣ— это романъ, коего большая часть дѣйствія происходятъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему мнѣ хотѣлось бы посѣтить объ сіи губерніи.

30 іюля
Черная Рѣчка.

Пушкинъ постоянно нуждался въ деньгахъ, потому естественно долженъ былъ думать о нихъ. Припомнимъ правило, которое даетъ онъ брату: порядочный человѣкъ не старается никогда скрывать, если нуждается въ деньгахъ; напротивъ долженъ нарочно самъ обнаруживать свое затрудненіе, чтобъ импонировать своимъ «гордымъ цинизмомъ»; потому, принужденный признаваться, что живетъ деньгами, получаемыми за свои произведенія, Пушкинъ естественно приходилъ къ мысли, что ему надобно надменно твердить: «я печатаю единственно для денегъ». Охота говорить это усиливалась въ немъ оригинальнымъ отвращеніемъ отъ того, чтобъ его принимали въ общество, гдѣ онъ хотѣлъ быть исключительно свѣтскимъ человекомъ, какъ писателя, серьезно интересующагося участіемъ своихъ произведеній я

авторскою славою; объ этомъ будемъ мы сейчасъ говорить. Но было бы жалкимъ недоразумѣнiемъ видѣть въ Пушкинѣ, по своей безпечности, неопытности въ денежныхъ дѣлахъ, постоянно нуждающемся въ деньгахъ и оттого хлопочущемъ о деньгахъ, человѣка скольконибудь корыстолюбиваго—напротивъ мы видимъ, что часто будучи въ правѣ преслѣдовать людей, обманывавшихъ его въ воммерческомъ отношенiи, онъ этого не дѣлалъ; сердился, выражалъ свою досаду въ письмѣ къ какомунибудь прiятелю, и только. Не считаемъ нужнымъ прибавлять, что всегда онъ былъ благороднѣйшимъ человѣкомъ,—иначе и не могло быть при его характерѣ и правилахъ. Что онъ былъ щедръ и любилъ помогать, это извѣстно изъ всѣхъ его литературныхъ отношенiй. Позволяемъ себѣ наконецъ привести два отрывка изъ писемъ его къ брату, который, живучи въ Петербургѣ, нѣкоторое время заведывалъ его дѣлами. Первое письмо было послано по полученiи извѣстiя о наводненiи въ Петербургѣ:

1. Этотъ потонъ у меня съ ума нейдетъ. Если тебѣ вздумается помочь какомунибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ; но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго (8 декабря 1824 г.)

II. (1825 г.)... Р. S. Слѣпой священникъ перевелъ Сираха (см. «Инвалидъ») ъ такой-то), издастъ по подпискѣ; подпиши на нѣсколько экземпляровъ.

Благородное желанiе помочь и ободрить всякаго начинающаго писателя, въ которомъ замѣчалъ онъ талантъ, хорошо извѣстно. Объ отношенiяхъ Пушкина къ Гоголю излишне говорить. Многiе также знаютъ, съ какимъ радушиемъ старался онъ о литературныхъ успѣхахъ барона Розсна, г-жи Дуровой, какими похвалами встрѣтилъ сказку г. Ершова «Конекъ Горбунокъ», которую внимательно пересматривалъ, и первые чотыре стиха которой (по словамъ г. Смирдина) принадлежать Пушкину. Извѣстно также, какъ Пушкинъ отправился знакомиться съ Губеромъ, тогда совершенно безвѣстнымъ, услышавъ, что онъ занимается переводомъ Фауста, какъ ободрялъ Губера къ продолженiю труда, который безъ Пушкина, вѣроятно, и не былъ бы оконченъ, какъ наконецъ нѣсколько дней провелъ, вмѣстѣ съ авторомъ провѣряя и поправляя переводъ. Но говоримъ ужъ о томъ, съ какою радостью привѣтствовалъ онъ каждое произведенiе тѣхъ людей, которыхъ считалъ, по своему добродушию, великими талантами.

И однакожъ, не смотря на свою пламенную любовь—даже мало этого сказать, не смотря на свою безусловную преданность литературѣ, Пушкинъ не хотѣлъ, чтобы въ обществѣ его считали литораторомъ. Приводимъ слова г. Анненкова:

Никто такъ не боялся, особенно въ обществѣ, званiя поэта, какъ Пушкинъ. Обязанный лучшими минутами жизни уединенному кабинетному труду, онъ вскалъ успѣховъ а торжествъ ва другомъ поприщѣ, и считалъ помѣхой все, что къ нему собственно не относилось. Только въ послѣднихъ годахъ своей жизни теряетъ онъ ложный стылъ этотъ, и является въ свѣтѣ уже какъ писатель. Въ ту эпоху, которой занимаемся (около 1828—1830 г.), всякое смѣшенiе свѣтскаго человѣка съ писателемъ наносило ему глубокое оскорбленiе. Это превосходно выражено имъ самимъ въ отрывкѣ, который предшествовалъ созданiю «Египетскихъ ночей». Художественно передана тамъ, въ лицѣ Чарскаго, борьба различныхъ направленiй въ одномъ человѣкѣ.

Интереснымъ слѣдствiемъ одного изъ капризовъ, рождавшихся отъ этого нежеланiя Пушкина, чтобы его принимали за «сочинителя», осталась надпись на

драматическомъ отрывкѣ его «Скупой Рыцарь» — «The savetous Kniht, Ченстона». Не смотря на розыски, никто изъ критиковъ не могъ найти въ англійской литературѣ ни Ченстона, ни пьесы «The savetous Kniht». Потону предполагали, что Пушкинъ вздуналъ назвать переводомъ то, что было вовсе не переводъ, а собственное его поэтическое произведение. Теперь, кажется, невозможно и сомнѣваться въ этомъ. Г. Анненковъ не только самъ напрасно отыскивалъ Ченстона, и не нашелъ его, но и получилъ отъ издателей англійскаго критическаго журнала «The Athenaeum», знатоковъ старинной англійской словесности, положительное увѣреніе, что никакого англійскаго писателя Ченстона не было. Кромѣ того, въ черновой рукописи англійское имя пьесы написано и поправлено нѣсколько разъ, такъ что Пушкинъ, очевидно, придумывалъ его. Г. Анненковъ нашелъ у Пушкина и другіе случаи подобнаго приписыванія своихъ сочиненій постороннимъ лицамъ. Такъ несомнѣнно оригинальное стихотвореніе свое «Надъ лѣсистыми берегами», Пушкинъ называетъ переводомъ съ англійскаго. У одного изъ неизданныхъ стихотвореній, также оригинальнаго, сначала была сдѣлана надпись «Alfred Musset», а потомъ зачеркнута, и вмѣсто ои написано «Изъ VI Пиндамонта».

Здѣсь мы кончаемъ наши извлеченія изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова, касательно жизни и личнаго характера Пушкина.

Теперь мы считаемъ уже излишнимъ говорить о томъ, какъ много новыхъ и чрезвычайно важныхъ свѣдѣній о великомъ поэтѣ сообщается въ біографіи, составленной г. Анненковымъ, какъ вѣрны и основательны объясненія и замѣчанія, которыя онъ дѣлаетъ — читатели могли видѣть въ нашей статьѣ довольно примѣровъ тому. Но безъ всякаго сомнѣнія интереснѣйшая часть матеріаловъ, собранныхъ г. Анненковымъ, относится къ исторіи того, какъ создались и развивались геніемъ Пушкина его произведенія, и этимъ-то мы займемся въ слѣдующей главѣ. Въ ней постараемся мы собрать изъ «Матеріаловъ» данныя, объясняющія, если такъ можно выразиться, авторскіи привычки Пушкина, его манеру писать, внѣшнюю сторону его творчества, исторію сочиненія его произведеній, — мы прежде знали объ этомъ только смутно; теперь на основаніи чрезвычайно внимательнаго разбора черновыхъ бумагъ Пушкина, г. Анненковъ сообщастъ множество данныхъ, въ высшей степени интересныхъ. Переходомъ отъ подробностей, собранныхъ въ настоящей главѣ, къ этой исторіи созданія произведетій Пушкина, поелужатъ заимствованныя также изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова данныя о развитіи таланта и литературныхъ мнѣній Пушкина.

Р. S. Выше сказано, что изданію г. Анненкова обогащено нѣсколькими новыми произведеніями Пушкина въ прозѣ и стихахъ, отысканными новымъ издателемъ въ бумагахъ поэта. Между этими драгоцѣнными находками есть нѣсколько стихотвореній превосходныхъ. Мы украсили настоящую книжку «Современника» тремя пьесами Пушкина, изъ которыхъ двѣ совершенно новыя; третья (Воспоминаніе) — нова только во второй половинѣ, начиная со стиха: «Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ». Порвалъ половина напечатана еще при жизни Пушкина. Теперь эти двѣ половины, соединенныя черезъ столько лѣтъ въ одно стихотвореніе, представляютъ одну изъ лучшихъ и характернѣйшихъ лирическихъ пьесъ Пушкина, въ томъ видѣ, какъ она создавалась подъ перомъ его. Въ заключеніе настоящей статьи, приводимъ еще нѣсколько стихотворныхъ отрывковъ, впервые появившихся въ изданіи Анненкова.

дополнительныя октавы въ повѣсти:

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(въ *III октавъ*).

Modo vir, modo foemina,

У насъ война! красавцы молодые,
Вы хвипуны
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи Ширваясшій полкъ?
Ужъ люди! Мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ вслѣвъ взъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ в лѣзутъ въ бой кровавый:
Ширванскій полкъ ногу сравнить съ октавой.

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
Но мы лѣнницы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы рифму заморили,
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,
И нашихъ дней изнѣженный поэтъ,
Чуть смыслить свой уравнивать куплетъ!

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбама, мѣрѣ низкой...
Съ гекзаметромъ... О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ Александрійской?
Ужъ не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій
И съ жаломъ даже—точная змѣя...
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не душой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянуть былъ цезурой:
Но пудренной пѣнникъ па зло
Растрепанъ онъ свободою цензурой;
Учсше не впрокъ ему пошло:
Нидо съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.

О, чтобъ сказалъ поэтъ законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ рифмачей!
И ты Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты Делиль—Парвасскій муравей,
Чтобъ вы сказали, сей соблазнъ увидя!
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ—вашъ стихъ обидя!

У насъ его недавно стали звать.
Кто первый? можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько все узнать.

Овъ годенъ, говорить, для эпитафиа,
Да можно въ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ подъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

(Къ октавъ VIII).

И тамъ себѣ мы возмиса въ грязи,
Торгуемса, бравимса такъ, что любо.
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ сугубо...
Но Муза никому здѣсь не гроан—
Не то, тебя прѣжмутъ довольно грубо,
И вмѣстѣ лестной общей похвалы
Поставить въ уголъ Сѣверной Пчелы.

Иль наглою, безнравственной, мишурной,
Тебя въ Москвѣ журналы прозавутъ,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барскій судъ:
Вѣдь нынче время споровъ, браней бурной,
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ губить...
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ
Нѣзъ за угла смѣяться надо всѣми!
Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
Плохой ужъ выйдетъ: шутками однимъ,
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу,
Порой я стихъ повертываю круто,
Все жъ вѣдно—не впервой я имъ верчу!
А какъ давно? Того вѣ не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь—а какъ наѣду...
Чтожь? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

Покаместъ можете принять меня
За стараго, обстрѣленнаго водка,
Или за молодого воробья,
За новичка, въ которомъ мало толка.
У васъ въ шапу, быть можетъ, мнѣ, друзья,
Отведена особенная полка,
А, можетъ быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.
Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за меня своей указкой,

Другаго строгій критикъ пощелкалъ!
Ужъ то-то-бъ неожиданной развязкой
Я всё журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Нашъ нало. Не укроется проказникъ!

А вѣроятно, не замѣтите насъ,
Меня съ октавами моими купно.
Однакожь вамъ пора. Вѣдь я рассказъ
Готовилъ,—а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Явыкъ мой, врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.

Фригійскій рабъ, на рынокъ взявъ языкъ,
Сварвалъ его (у г-на Кона
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ... Опять, вачѣмъ Евопа
Я вилелъ съ его варевымъ языкомъ
Въ новъ ствхъ? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды в бесѣдовать о томъ.
На силу-то, рифначъ я безразсудаой,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной!—

Усадься муза...

МОНОЛОГЪ ПЬЯНАГО МУЖИЧКА.

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ. Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужъ какъ хочешь—будь что будь —
Этихъ надо помянуть.
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать такъ поминать.
Начинать такъ начинать,
Лить такъ лить, разлилъ разливомъ.
Начинай же сватъ, пора!
Третъ Матренъ, Луку съ Петромъ
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогамъ, да виномъ,
Да еще ее помянемъ—
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былинны
Православной старины!..
Слушать-такъ душѣ отраднo;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы и не ѣлъ

Все бы слушалъ да глядѣлъ.
Стариковъ когда-нибудь
(Жаль, теперь нанѣ недосужаю)
Надо будетъ помянуть.
Помянуть и вѣтъ нужно...
Слушайъ свать: начну первой
Сказка будетъ за тобой...

.

Наконецъ, вотъ еще превосходный отрывокъ въ классическомъ родѣ, относящійся къ поэту Петрову, уже въ преклонной старости написавшему известную оду адмиралу Н. С. Мордвинову...

Подъ хладомъ старости угрюмо угасать
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины,
Въ крылахъ отяжелѣвъ, овъ небо вабывалъ
И Пвида острыя вершины.
Въ то время ты вставалъ: твой лучъ его согрѣлъ.
Онъ подвалъ въ небесахъ и крылья и веницы —
И съ шумной радостью выгравъ и полетѣлъ,
Во срѣтенье твоей денницы.
Мордвиновъ! не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордятся овъ в на берегахъ Коцита,
Ты Лирю оправдалъ: ты вѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣшаго Пинта...

Не смѣемъ ничего прибавлять въ похвалу этому стихотворенію, особенно первымъ двумъ строфамъ его, картинность и величественность которыхъ поразительны. За одно это стихотвореніе, еслибъ г. Анненковъ не нашелъ ничего болѣе новаго въ бумагахъ Пушкина — онъ уже заслуживалъ бы глубокой благодарности всей читающей публики. Но мы уже отчасти видѣли, что поиски г. Анненкова принесли обильные плоды, обогативъ русскую литературу нѣсколькими превосходными стихотвореніями, и давъ г. Анненкову матеріалы къ воссоздавію личности великаго русскаго поэта, что ясиѣе увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Предыдущая глава имѣла цѣлью познакомить читателей съ планомъ и достоинствами новаго изданія твореній Пушкина, показать, какъ много новыхъ и чрезвычайно важныхъ данныхъ заключается въ «Матеріалахъ» для его біографіи, съ достосовѣстною неутомимостью собранныхъ г. Анненковымъ, какъ внимательно и проникательно г. Анненковъ старался объяснить намъ личность великаго нашего поэта; какъ основательно и осмотнительно онъ разгадываетъ черты его характера. Потому первая глава преимущественно состояла изъ выписокъ и извлеченій; мы почти ничего не прибавляли отъ себя къ рассказамъ и соображеніямъ г. Анненкова, стараясь только дать по возможности точное понятіе объ отличительныхъ качествахъ новаго изданія и прекрасной біографіи, къ нему приложенной. Теперь, исполнивъ одну часть нашей обязанности, мы можемъ заняться исполненіемъ другой, и представить нѣкоторыя мысли и примѣненія, къ которымъ подають поводъ собранные въ «Матеріалахъ» факты относительно исторіи развитія произведеній Пушкина, относительно процесса ихъ постепеннаго созиданія и обработки.

Извѣстно, что Пушкинъ чрезвычайно внимательно обрабатывалъ свои произведенія, особенно пясаяныя стихами. Три, четыре раза онъ переписывалъ ихъ, каждый разъ то исправляя выраженія, то измѣняя характеръ и развитіе самыхъ мыслей и картинъ. Но до изданія «Матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина» мы знали объ этомъ только въ общихъ, смутныхъ чортахъ; теперь для насъ становится ясенъ весь характеръ и всѣ подробности этихъ работъ. Г. Анненковъ чрезвычайно внимательно разсмотрѣлъ всѣ черновыя тетради Пушкина, извлекъ изъ нихъ всѣ сколько нибудь замѣчательныя различія приговорительныхъ и окончательной редакцій, и отнеся мелкіе и раздробленные факты такого рода въ примѣчанія къ каждому произведенію, собралъ важнѣйшія въ своихъ «Матеріалахъ». Ограничимся здѣсь сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о постепенномъ развитіи двухъ или трехъ произведеній изъ числа тѣхъ, обдумываніемъ и обработкою которыхъ особенно долго занимался поэтъ.

«Евгеній Онѣгинъ» издавался отдѣльными главами въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и между каждымъ предыдущимъ и послѣдующимъ выпусками этого романа Пушкинъ издавалъ другія произведенія, не имѣющія съ нимъ никакой связи. Но эта отрывочность изданія не даетъ еще ни малѣйшаго понятія объ отрывочности самой работы. Строфы каждой главы писаны были въ разбивку, послѣдующія послѣ предыдущихъ, безъ всякаго порядка; часто, напримѣръ, въ тетради

написана пятнадцатая или двадцатая строфа, потомъ пятая или десятая и вслѣдъ за нимъ первая или вторая. Между тѣмъ надъ каждою строфою ужь выставлена цифра, означающая мѣсто ея въ полномъ составѣ главы. Это мало; не только строфы каждой главы писались въ безпорядкѣ, не только Пушкинъ писалъ иногда строфы слѣдующей главы, когда еще не готова была предыдущая, но въ одно и то же время, на одной и той же тетради онъ писалъ и строфы «Онѣгина» и сцены «Бориса Годунова». Такъ, начавъ писать монологъ Григорія (въ сценѣ съ лѣтописцемъ, въ «Борисѣ Годуновѣ») Пушкинъ бросаетъ его, не кончивъ, и пишетъ XXIV строфу IV-й главы «Евгенія Онѣгина», потомъ нѣсколько строфъ изъ слѣдующихъ главъ романа; затѣмъ оканчиваетъ монологъ Григорія, пишетъ три первые стиха Пименова отвѣта:

Не сѣлуй братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покввуль ты, что мало вслушавшій
Послалъ тебѣ Всвышній...

отмѣчаетъ прозаическою фразою сооруженіе, которое должны имѣть слѣдующіе стихи: «Приближаюсь къ тону времени, когда земное перестало быть для меня занимательнымъ», пишетъ еще пять стиховъ, и опять переходитъ къ «Евгенію Онѣгину» (XXV строфа IV-ой главы):

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой...

я рисуетъ перомъ портретъ Ольги. Подобныхъ случаевъ много мы встрѣчаемъ а у другихъ писателей. Такъ, напримѣръ, Гете писалъ сцены своего «Фауста» не въ послѣдовательномъ порядкѣ. Конечно, така вѣдшняя безпорядочность работы не можетъ быть выставлена на видъ, какъ прекрасный примѣръ для подражанія. У самого Пушкина она оправдывается только счастливою памятью его, помогавшею ему не потеряться въ хаосъ, живостью характера, впечатлительностью, нетерпѣливостью, которая такъ обыкновенна въ пылкихъ людяхъ; но должно замѣтить, что беззаботная непослѣдовательность въ исполненіи строго обдуманнаго плана, не мѣшая стройности произведеній, этимъ самымъ изобличаетъ что процессъ изложенія на бумагѣ того, что задумано въ умѣ или фантазіи, есть ужь дѣло второстепенной важности для достоинства произведенія и, большею частью, даже для сознанія самаго писателя, если только онъ дѣйствительно одаренъ самороднымъ талантомъ, а не наслууетъ свое воображеніе для придумыванія поэтическихъ картинъ. Въ наше время нѣтъ безусловныхъ авторитетовъ, каждое движеніе которыхъ стояло бы выше критики; но урокъ, извлекаемый изъ привычки Пушкина, не можетъ не имѣть своей важности для русскихъ писателей. Особенно въ наше время, когда и между поэтами или беллетристами и критиками такъ преобладаетъ мнѣніе о великомъ значеніи «отдѣлки», посредствомъ которой доводится произведеніе до «художественности», въ наше время, когда такъ много придаютъ значенія вѣдшной формѣ, не нѣшасть обратить вниманіе на отрывокъ изъ черновой записки Пушкина, приводимый г. Аппенковымъ, который старается сохранить, какъ драгоценность, каждую строку, найденную имъ въ бумагахъ Пушкина, и въ этомъ справедливо поставяетъ главное право свое на признательность русской публики. Въ отрывкѣ, о которомъ мы говоримъ, Пушкинъ бѣгло обзрѣваетъ развитіе французской литературы, и перечисляя заслуги Ронсара и Малерба, высказываетъ, между

прочнѣ, слѣдующую мысль: «Люди, одаренные талантами, будучи поражены *ничтожностью* французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною, и стали стараться преобразовать его... Пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостью обвиненный великимъ критикомъ Буало:

«Enfin Malherbe vint et le premier en France
«Fit sentir dans les vers une juste cadence.

Но Малербъ нынѣ забыть, подобно Ронсару. Снѣ два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!»

Если бы мы сколько нибудь усумнились въ справедливости этого замѣчанія о ничтожности наружной отдѣлки сравнительно съ мыслью, безъ всякой заботы о подборѣ словъ и выразнѣй, оживляющей произведеніе талантливаго писателя, то намъ достаточно было бы вспомнить объ огромной массѣ написаннаго почти каждыиъ изъ великихъ писателей, чтобы осязательно увидѣть, какъ мало времени имъ оставалось на процѣживанье сквозъ умственный фильтръ каждаго вылившагося изъ души выраженія, на соображенія о томъ, какъ лучше написать: шука съ голубымъ перомъ или голубоперая шука, п хороша ли выйдеть картина, если сказать: краезлатыя облака. Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, написали каждый около ста трагедій, Аристофанъ болѣе пятидесяти комедій,—а всѣ эти люди проводили на народной площади болѣе времени, нежели въ своей рабочей комнатѣ. Перейдя двѣ тысячи лѣтъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ: Вольтеръ, Вальтеръ Скоттъ, Гете, написали каждый по нѣскольку десятковъ томовъ. Даже Байронъ и Шиллеръ, умершіе такъ рано, успѣли написать столько, что остается удивляться количеству ихъ произведеній. Вѣроятно, всѣмъ этимъ людямъ некогда было долго заниматься подбораніемъ жемчужины къ жемчужинѣ; по неволѣ надобно предположить, что поэтическіе брильянты, если только они самородные, гранятся не столь долговременною полировкой, какъ находимые въ бразильскихъ пескахъ.

Если что требуетъ внимательнаго обдумыванія, то это планъ поэтическаго произведенія. Прояснить въ своемъ умѣ основную мысль романа или драмы, выникнуть въ сущность характеровъ, которые будутъ ее проявлять своими дѣйствіями, сообразить положенія лицъ, развитіе сценъ — вотъ чтѣ важно; если поэтъ употребитъ на это по нѣскольку часовъ нынѣ, черезъ мѣсяць или два, черезъ годъ, какъ придетъ ему вдохновенная минута подумать о создаемомъ твореніи, то эти немногіе часы принесутъ болѣе пользы достоинству его произведенія, нежели цѣлые мѣсяцы неусыпной работы надъ улучшеніемъ и исправленіемъ вылившагося уже на бумагу произведенія. И въ этомъ случаѣ мы ссылаемся на примѣръ Пушкина, который такъ долго обдумывалъ планы своихъ произведеній, иногда по нѣскольку лѣтъ ожидая, пока зародившаяся мысль созданія созрѣетъ въ его головѣ, найдетъ себѣ стройное и полное развитіе. «Черновая подготовка матеріаловъ—говоритъ г. Аяненковъ — длилась иногда у Пушкина чрезвычайно долго; затѣмъ уже вдохновеніе скоро обращало ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства» — конечно потому, что эти «черновые матеріалы» и составляютъ существеннѣйшую часть творчества. Очень замѣчательна въ этомъ отношеніи исторія развитія его «Египетскихъ ночей», возстановленная теперь г. Анненковымъ по

драгоценным тетрадным поэта. Зародышъ, изъ котораго развались «Египетскія ночи» есть прекрасное стихотвореніе о любовникахъ Клеопатры «Чертогъ сіяетъ...» написанное Пушкинымъ еще въ 1825 году. Десять лѣтъ потомъ прошло прежде, нежели развилось въ умѣ его произведеніе, центромъ котораго должно служить это стихотвореніе. Нѣсколько разъ повѣсть эта слагалась въ умѣ его и была имъ отвергаема, какъ еще не вполне выражающая идею. Нѣкоторые набросанные на черно отрывки, тотчасъ же брошенные, какъ не удовлетворительные, остались единственными слѣдами этой долгой и интересной борьбы съ планомъ и содержаніемъ. Такъ онъ началъ было повѣсть, которая была послѣ его смерти напечатана въ «Сто русскихъ литераторовъ» подъ заглавіемъ «Одна глава изъ неоконченнаго романа»; бросивъ это не могшее по его мнѣнію выразить мысли начало, онъ набросалъ другой отрывокъ, изъ котораго г. Анненковъ вносъ въ свои «Матеріалы» все, что можно было разобрать; потомъ написалъ третье начало повѣсти, напечатанное въ прежнемъ изданіи его сочиненій подъ именемъ «Отрывка»; и только послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ по его мнѣнію попытокъ нашелъ истинное содержаніе для своихъ «Египетскихъ ночей». Но и эти многочисленные слѣды различныхъ эпохъ развитія сюжета составляютъ еще только одну часть его исторіи. Прежде, нежели Пушкинъ увидѣлъ, что лучше всего выразить его идею такая повѣсть, какъ «Египетскія ночи», онъ думалъ развить ея содержаніе въ повѣсти изъ классическаго міра, и памятниками этого періода развитія сюжета остались программа повѣсти и три ея отрывка, отысканные г. Анненковымъ въ черновыхъ бумагахъ. Главнымъ лицомъ онъ избралъ Петронія, римскаго поэта, у котораго находилъ слѣды новыхъ понятій о жизни, противоположныхъ древнимъ воззрѣніямъ, и личность котораго могла поэтому служить для выраженія идеи, подобной идеѣ «Египетскихъ ночей», контраста между новымъ и древнимъ міромъ; быть можетъ Пушкинъ увлекался и трагическою смертью Петронія, который, подвергшись опалѣ Нерона, открылъ себѣ жилы въ теплой ваннѣ. Мѣсто не позволяетъ намъ приводить самыхъ отрывковъ, но вотъ программа повѣсти (или, какъ намъ кажется, второй части ея).

Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ; онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти; избираетъ теплыя ванны. Греческій философъ исчезъ. Петроній улыбается и рассказываетъ оду. Описаніе приготовленій. Онъ перевязываетъ рану и начинаются разсказы. *Первый вечеръ*. О Клеопатрѣ—ваше разсужденіе о томъ. *Второй вечеръ*. Петроній приказываетъ разбить драгоценную чашу—диктуетъ *Satyricon*—разсужденіе о паденіи человѣка—о паденіи боговъ, о общемъ безвѣріи—о превращеніи Нерона. *Рабъ-христіанинъ...*

Вотъ сколько раздумья, вотъ сколько трудовъ стоило Пушкину развитіе содержанія «Египетскихъ ночей». Другіе примѣры того, какъ видоизмѣнялись внимательнымъ углубленіемъ въ сущность мысли планы произведеній Пушкина, представляетъ разсказъ «Братья Разбойники». Онъ первоначально хотѣлъ написать болѣе обширную поэму, въ которой этотъ разсказъ былъ бы только эпизодомъ. Вотъ программа предполагавшейся поэмы, найденная г. Анненковымъ: «Разбойники. Исторія двухъ братьевъ. Атаманъ на Волгѣ. Купеческое судно. Дочь купца». Но скоро онъ замѣтилъ, что сюжетъ не представляетъ довольно глубины для широкаго развитія и сжегъ свою поэму, кромѣ отрывка, уцѣлѣвшаго въ рукахъ одного изъ пріятелей Пушкина, и показавшагося потомъ Пушкину заслуживающимъ печати. Г. Анненковъ предполагаетъ—и, вѣроятно, справедливо, что маленькая пьеса

«Женихъ» въслѣдствіи возникла, если можно такъ выразиться, какъ экстрактъ изъ уничтоженной поэмы. Подобнымъ же образомъ «Мѣдный Всадникъ» произошелъ изъ эпизода задуманной прежде Пушкинымъ большой поэмы, отрывкомъ изъ другаго эпизода которой осталась «Моя родословная», въ рукописи начинавшаяся стихами, которые вошли въ описаніе наводненія. Пушкинъ справедливо обдуналъ, что колоссальный «Мѣдный Всадникъ» дѣлаетъ неумѣстную обстановку «Родословной». Говоря о программахъ, приведемъ также чрезвычайно интересныя программы «Галуба»; онѣ показываютъ, какое глубокоо содержаніе должна была пріобрѣсти по мысли автора эта поэма, которой успѣлъ онъ написать только половину. Плавъ ея былъ задумавъ еще въ 1829 году, но только черезъ четыре года приступилъ Пушкинъ къ его исполненію. Представляемъ программы рядомъ:

1-я программа.

1. Похороны.
2. *Черкесъ-христіанинъ.*
3. Кудецъ.
4. Рабъ.
5. Убійца.
6. Изгнаніе.
7. *Любовь.*
8. Сватовство.
9. Отназъ.
10. Миссіонеръ.
11. Война.
12. Сраженіе.
13. Смерть.
14. Эпилогъ.

2-я программа.

Обрядъ похоронъ.
Узденъ и меньшей сынъ.
I день (отсутствія Тазива). Лавъ. Почта.
Грузинскіе купцы.
II день. Орелъ. Казакъ.
III день. Отецъ его гонитъ.
Юноша в монахъ.
Любовь отвергнута.
Бѣтва и монахъ.

Пушкинъ слѣдовалъ при исполненіи второй программѣ, которая намъ кажется и позднѣйшею и болѣе художественною. Г. Анненковъ справедливо заключаетъ, что существенная мысль поэмы была—изобразить, какъ Тазитъ, по нравственному развитію ставшій выше суроваго, безпощаднаго дикарства своего племени, тоскующій среди его и наконецъ отвергнутый имъ, принимается гуманнымъ обществомъ христіанскаго міра—и, вѣроятно, (осмѣлимся прибавить мы) падаетъ въ борьбѣ между прежнимъ и новымъ, отвергаемымъ и принимаемымъ нравственнымъ существованіемъ. Пушкинъ успѣлъ исполнить только половину своей программы, и по обыкновенію, зачеркивалъ ея отдѣленія по мѣрѣ того, какъ исполнялъ ихъ. Сличивъ поэму съ программами, видимъ, что Пушкинъ слѣдовалъ второй; но онъ также зачеркивалъ отдѣлы и въ первой программѣ, слѣдовательно вновь соображалъ и оцѣнивалъ ихъ при исполненіи. Въ первой Тазитъ представляется христіаниномъ уже при самомъ началѣ поэмы; по второй программѣ поэма обнимаетъ весь ходъ его развитія; потому вторая кажется намъ полнѣе въ художественномъ отношеніи, и Пушкинъ не безъ причины предпочелъ ее.

Въ этомъ внимательномъ, продолжительномъ, педовѣрчивомъ обдумываніи плана заключается, по нашему мнѣнію, драгоценный урокъ для тѣхъ писателей, которые подумавъ полчаса, пишутъ полгода и потомъ поправляютъ годъ—хорошо еще если пишутъ, какъ велитъ одушевленіе труда, и потомъ исправляютъ, а не сидятъ въ раздумьи надъ каждою фразою, не спутываютъ различныхъ работъ, творить и пересматривать—въ одну валую, утомительную, безхарактерную работу.

Конечно, для каждого особеннаго характера и темперамента есть свои особенныя условія, наиболѣе соотвѣтствующія природѣ, наиболѣе благоприятныя для дѣятельности. Человѣкъ съ ровнымъ, покойнымъ, нѣсколько флегматическимъ умомъ, нѣсколько удобнѣе, нежели человѣкъ съ умомъ бойкимъ, пылкимъ, нетерпѣливымъ, можетъ выносить развлеченія или замедленія въ своей работѣ, не портя ея; но нѣтъ человѣка, который бы не работалъ успѣшнѣе, послѣдовательнѣе, лучше, оставаясь не развѣскаонимъ, нежели получая каждую минуту толчекъ подъ руку. Мы привимаемъ въ соображеніе и то, что если люди самоувѣренные или по крайней мѣрѣ твердые могутъ писать не задумываясь надъ словами, не чувствуя въ самую минуту письма потребности перемарывать и зачеркивать одно выраженіе, чтобы замѣнить его другимъ, то для людей съ характеромъ мнительнымъ, или по крайней мѣрѣ нѣсколько робкимъ и застѣнчивымъ было бы паче всего ихъ природному расположенію или даже чистою невозможностью писать прямо, не перечеркивая многихъ фразъ, не призадумываясь иногда надъ выраженіемъ мысли. Но то вѣрно, что для всякой натуры выгодна твердая, неколеблемая судорожными ужимками поступь. Мы именно то и хотимъ сказать, что для всякаго таланта, каковы бы ни были особенныя его наклонности, каковъ бы то ни былъ характеръ человѣка, имъ обладающаго, одно изъ существеннѣйшихъ условій успѣшной дѣятельности то, чтобы онъ вполне продавался въ минуты творчества теченію своей мысли, ничѣмъ не задерживая, не возмущая его. Такого рода состояніе, если не есть еще вдохновеніе, то довольно близко къ нему. И мы думаемъ, что каждый талантъ много выиграетъ, если будетъ вполне отдаваться своей природѣ, не стѣсняясь никакими внѣшними соображеніями. А къ числу ихъ принадлежитъ забота о красотѣ выраженій; забыть о ней въ то время, какъ пишешь, вѣрнѣйшее средство достигъ ея, на сколько то въ силахъ нашего дарованія. Человѣкъ именно тогда производитъ истинный эффектъ, когда и не думаетъ объ эффектахъ. Это замѣтно даже на хорошихъ актерахъ или пѣвцахъ. А писатель не актеръ, онъ долженъ быть гораздо ближе къ увлеченію, забывающему о всемъ, кромѣ своего предмета. Недурно при этомъ случаѣ вспомнить и правило политической экономіи о раздѣленіи работъ которое давно выражено пословицею: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Чѣмъ занялся, тѣмъ и надобно заниматься. Когда пишется, пиши и пиши. Потомъ, когда ужъ написано, когда умъ утомился напряженіемъ творчества перечитывай, соображай и обсуждай написанное. Но—опять есть пословица: палящаго перомъ не вырубить топоромъ—что написалось дурно, нескладно и слабо, тому не придадутъ силы, красоты или стройности никакія исправленія. Последующіе пересмотры произведенія сглаживаютъ только тѣ недостатки произведенія которые возникаютъ отъ медленности пера, сравнительно съ быстрымъ теченіемъ мысли. Исправить самой мысли, недостатокъ развитія, принадлежащихъ ей самъ они не въ силахъ. И если вы недовольны не мелкими неточностями и угловатостями грамматическими или риторическими, а какими нибудь существенными сторонами написаннаго, лучше и даже разсчетливѣе, относительно количества времени нужнаго для работы—не переправлять, а бросить написанное неудачное и писать вновь. Конечно, это своего рода геройство: кому не жаль бросить свой трудъ? Кому стыдно передъ собою сознаться, что написалъ вещь, никуда не годную? Потому и нужно не приниматься писать, не обдумавъ ясно и стройно, что должно быть написано. Повторимъ однако еще разъ, что всякая искусственность ведетъ къ холодности

и приторности, что лучший недъ вытекаетъ изъ сотовъ самъ собою, а выжиманіе приноситъ пользу только на маслобойнѣ; что существенное правило не только поэтической дѣятельности, но и вообще жизни: каждый долженъ дѣлать такъ, какъ прилично его натурѣ и сущности производимаго предмета. Пути и проявленія жизни безконечно разнообразны; можно только находить общіе элементы, участвующіе въ созданіяхъ жизни, но нельзя сказать: такого то, рода дѣятельность всегда, во всемъ и у всѣхъ должна быть подъ исключительною властью такого-то правила: всегда и во всемъ могутъ быть случаи, когда самое общее, самое непреложное правило встрѣчается съ другими законами жизни, отнимающими у него исключительное господство надъ дѣятельностью. Потому и правило: обдумывай, обдумывай и обдумывай, потомъ ничего не будетъ стоить написать; а написанное необдуманно само ничего не стоитъ; или, по просту выражаясь: пять разъ примѣръ, разъ отрѣжь—это простое правило всякой человѣческой дѣятельности, а не одного только эстетическаго міра, не одно всегда и повсюду управляетъ человѣческою жизнью: встрѣчаются случаи, когда другіе законы и условія жизни выказываютъ свои требованія такъ сильно, что подавляютъ его и измѣняютъ характеръ дѣятельности. Таково лирическое настроеніе духа, являющееся порывомъ. Таковъ (быть можетъ, не совсѣмъ уместно, по поводу Пушкина, умъ котораго равнялся таланту и сообщалъ ему наибольшую цѣну, говорить о болѣзненныхъ порожденіяхъ, но у насъ, какъ и вездѣ, хотя не въ такой мѣрѣ какъ у васъ, общая мысль нуждается въ отрицательныхъ приложеніяхъ, чтобы стать замѣтною) таковъ жалкій случай, когда человѣкъ, имѣющій способность писать гладко, не одаренъ способностью стройно мыслить. Случай, къ сожалѣнію, весьма и весьма норѣдкій. Не знаемъ, какъ бывало это прежде, потому что имена людей, хромавшихъ въ уметвенномъ отношеніи, не доходитъ до потомства—но современникамъ часто приходится встрѣчаться съ ними. Что же? вѣдь и они люди, вѣдь и они заслуживаютъ сочувствія, да и прямая выгода современниковъ требуетъ не отказывать въ особенныхъ предостороженіяхъ спотыкающимся. Потому, если вамъ, читатель, случится встрѣтить поэта или беллетриста, мыслительность котораго движется такъ невѣрно, что каждому не безчувственному человѣку хочется быть заботливымъ опекуномъ его, то увѣрьте его, что правило обдумывать свои произведенія къ нему не относится: напротивъ, чѣмъ меньше онъ будетъ думать надъ своими произведеніями, тѣмъ лучше. И пусть онъ по преимуществу выбираетъ ихъ сюжетами предметы, «не вызывающіе на размышленіе»: восхожденіе солнца, описаніе весны, утра, бури—особенно прекрасныя темы; антологическія стихотворенія лучше всего приспособлены къ его силамъ; пзъ приключеній человѣческой жизни очень удобны для него: первая любовь, свѣтскія отношенія, папегирическія повѣсти о граціозныхъ красавицахъ и о необыкновенныхъ блестящихъ молодыхъ людяхъ; натовическія сцены также не представляютъ большихъ затрудненій. Но онъ лучше всего сдѣлаетъ, если распределить время по ровну между творческою дѣятельностью и образованіемъ своей мыслительной способности: чтеніемъ хорошихъ книгъ, по выбору опытнаго руководителя, частыми бесѣдами съ дѣльными людьми, и особенно тѣмъ, что будетъ удалаться общества себѣ подобныхъ. При старательности и скромности, почти каждый въ состояніи сдѣлаться человѣкомъ здравомыслящимъ и способнымъ судить о вещахъ. Умственныхъ горбуновъ отъ природы мало.

Естественнѣйшій методъ всякой работы, и ремесленной, и прозаической, и поэти-

ческой состоятъ въ той, чтобы ясно обдумать дѣло, и потомъ исполнить его, а потомъ ужъ прививаться за пересмотръ и исправленіе. Такъ умѣть поступать даже столяръ: сначала сообразить, какихъ размѣровъ нужно сдѣлать вещь, какую штуку дерева и какого именно дерева приготовить для каждой ея части; потомъ ужъ приготовивъ и сообразивъ матеріалы, начинать ее дѣлать, и дѣлаетъ не останавливаясь надъ полировкой каждаго приклеиваемаго вершка. Наконецъ, давъ просохнуть, устояться своей работѣ, принимается за полировку, если только вещь такого рода, что нуждается въ полировкѣ. Во всякомъ случаѣ, хорошій столяръ славится тѣмъ, что дѣлаетъ мебель изъ хорошихъ матеріаловъ, прочно и соответственно ея цѣли, а не тѣмъ, что хорошо полируетъ ее: порядочно отполировать умѣетъ самый плохой подмастерье.

И какъ успѣшно идетъ работа, когда все въ ней обдумано и соображено. У Пушкина, напримѣръ, который такъ медленно развивалъ свои созданія въ головѣ, созрѣвъ, оны выливались на бумагу чрезвычайно быстро. Такъ первая пѣснь «Полтавы» кончена 3-го октября, вторая—9-го, третья—16-го, слѣдовательно, каждая пѣснь написана въ недѣлю или менѣе. Большая повѣсть «Дубровскій» начата 21-го октября, кончена 3-го января, слѣдовательно, написана менѣе, нежели въ два съ половиною мѣсяца. Интересными примѣрами того, въ какой незначительной мѣрѣ достоинства, придаваемые мелочною послѣдующею отдѣлкою, возвышаютъ первобытную красоту произведенія, съ которою оно выходитъ изъ подъ пера истинно талантливаго автора, служатъ намъ произведенія, которыхъ Пушкинъ не успѣлъ дописать и слѣдовательно, не могъ пересмотрѣть и окончательно обработать. Мы спрашиваемъ, въ чемъ уступаетъ «Галубъ» законченнѣйшимъ по внѣшней отдѣлкѣ поэмамъ Пушкина? Менѣе ли художественны и самыя стихи и картины въ этомъ нестѣланномъ отрывкѣ, нежели въ «Кавказскомъ Пльнникѣ», или въ «Полтавѣ»? Другое неоконченное и также не получившее окончательной отдѣлки произведеніе, «Русалка», рѣшительно должна быть названа однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній поэзіи Пушкина. «Русалку» едва ли не должно въ художественномъ отношеніи (не по содержанію, не по мысли, а по эстетическимъ достоинствамъ исполненія) поставить наравнѣ съ «Мѣднымъ Всадникомъ» и «Каменнымъ Гостемъ», выше и «Цыганъ», и «Братьевъ Разбойниковъ» и «Полтавы». Но поразительнѣе всего примѣръ, представляемый «Сценами изъ рыцарскихъ временъ». Это произведеніе явнѣ всего показываетъ, что существенная красота заключена не въ словахъ, которыми умѣетъ гениальный писатель облечь свои мысли, а въ томъ гениальномъ развитіи, которое получаетъ мысль въ его умѣ, воображеніи, соображеніи, назовите это, какъ хотите,—въ художественности, съ какою представляется ему планъ, а не въ выраженіи.

«По бумагамъ Пушкина видно—говоритъ г. Анненковъ—что «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» не настоящее произведеніе, а только планъ произведенія. Сверху рукописи написано: *Планъ*, и затѣмъ, вмѣсто того, чтобы изложить программу драмы въ описаніи, Пушкинъ прямо началъ сцены, и, разъ начавъ, дописалъ ихъ. Такъ составились онѣ, не получивъ надлежащаго развитія и представляя еще одинъ остовъ произведенія и сухость, свойственную плану вообще, хотя бы онъ былъ и въ драматической формѣ».

Не знаемъ, на сколько развитъ бы этотъ планъ при полной обработкѣ: не знаемъ, какъ прекрасна была бы драма тогда; но теперь въ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ» мы имѣемъ одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній Пушкина:

рѣшаемся даже сказать, что не жалѣемъ о томъ, что «остовъ произведенія, представляющій сухость», не былъ обработанъ, не подвергся перекраиванью, развитію и распространенію въ объемѣ. Намъ кажется даже, что сухость этого остова можно замѣтить только, узнавъ по внѣшнимъ признакамъ, что оставшіеся намъ «Сцены» — остовъ, а не вполнѣ законченное художественное произведеніе; не укажи намъ на мысль о сухости и необработанности самъ Пушкинъ, мы должны были бы думать, что даже онъ самъ не могъ бы ни прибавить, ни измѣнить тутъ ни одного слова, не испортивъ или не ослабивъ своей прекрасной драмы. Если бы можно было вполнѣ высказывать свои мнѣнія, то мы сказали бы даже, что «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», должны быть въ художественномъ отношеніи поставлены не ниже «Бориса Годунова», а быть можетъ и выше.

Съ вопросомъ о важности мелочной обработки тѣсно связанъ вопросъ: когда авторъ, заботящійся о художественномъ достоинствѣ своихъ произведеній, становится неліцепріятнымъ судьей того, достойны ли они его имени, могутъ ли быть изданы въ настоящей своей формѣ, или еще не достигли возможнаго совершенства; вопросъ о томъ, долго ли должно храниться произведеніе въ портфеляхъ автора? Пушкинъ очень часто буквально исполнялъ правило Горация «держи у себя подъ захкомъ девять лѣтъ», *Nonum prematur in annum*. Множество произведеній, совершенно оконченныхъ, лежали у него не изданными по нѣскольку лѣтъ. Не будемъ исчислять всѣхъ случаевъ, ограничиваясь немногими изъ указанныхъ г. Анненковымъ. «Цыгане» оставались неизданными по крайней мѣрѣ три года (изд. 1827, а въ 1824 уже были готовы); то же было съ главами «Евгенія Онѣгина», «Дубровскимъ», «Мѣднымъ Всадникомъ», — однимъ словомъ, съ большею частью поэмъ и повѣстей Пушкина. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ случаевъ въ этомъ отношеніи составляетъ судьба «Бориса Годунова», остававшагося въ портфель автора шесть лѣтъ! Драма эта совершенно окончена въ 1825 году, какъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ самъ Пушкинъ. Впрочемъ, тутъ чрезвычайное замедленіе объясняется особенной важностью, какую придавалъ этому произведенію Пушкинъ, боязнью отдать его на судъ критиковъ, не приготовленныхъ къ тому, чтобы оцѣнить по достоинству произведеніе, слишкомъ колоссальное для ихъ понятій, по мнѣнію самого Пушкина, и необыкновенно дорогое ему. Г. Анненковъ сообщаетъ намъ объ этомъ интересные отрывки изъ писемъ и замѣтовъ Пушкина, и мы приводимъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

«Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ новыхъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой нибудь стихотворной повѣсти, слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣіе критика, повить, въ чемъ именно состоятъ его обвиненія, и если никогда во отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы *il est indifférent*, что такая-то глава «Онѣгина» вышла выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчалъ бы меня; ибо я твердо убѣжденъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспира, а по свѣтскій обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены»...

...«Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ «Бориса Годунова» и хотя я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ произведеній, но, признаюсь, неудача «Бориса Годунова» будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтанъ, я могу сказать о моемъ сочиненіи: *c'est une oeuvre de bonne foi*. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добро-

совѣстныхъ изученій, постояннаго труда, сія трагедія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ».

И дѣйствительно, холодный пріомъ, встрѣченный этииъ любимымъ твореніемъ Пункина, произволъ на него самое тяжелое впечатлѣнію, которое отчасти даже содѣйствовало развитію его литературныхъ понятій въ смыслѣ, противоположныхъ его прежнему доброму стремленію впередъ. «Нововведеніи опасны, и, кажется, ненужны», говоритъ онъ въ черновомъ письмѣ, по поводу разборовъ «Бориса Годунова» въ тогдашнихъ журналахъ. Не разематривая вопроса, до какой степени основательны были эти разборы, скажемъ только, что «Борисъ Годуновъ» дѣйствительно не занялъ того мѣста въ исторіи русскаго литературнаго или сценическаго развитія, какое предназначалъ ему Пушкинъ. Колоссальны или нѣтъ достоинства этой драмы, но она до сихъ поръ не оказала большаго вліянія ни на писателей, ни на читателей нашихъ, и главы «Евгенія Онѣгина», о которыхъ сравнительно съ нею такъ презрительно отзывался Пушкинъ, были гораздо важнѣе ея для нашей литературы. Какъ бы то ни было, мы не будемъ удивляться, что Пушкинъ, обыкновенно столь проникательный, не совсѣмъ безпристрастно смотрѣлъ на литературную важность своихъ произведеній: «Евгеній Онѣгинъ» писался легко, а «Борисъ Годуновъ» стоилъ автору многихъ трудовъ; кромѣ того Пункинъ считалъ драму высочайшею формою искусства. И теперь обыкновенно думаютъ то же. Виною такого мнѣнія, конечно, драмы Шекспира—величіе его гевія заставило считать п форму ого произведеній чѣмъ-то монументальнымъ, какъ нѣкогда на основанія превосходства Гомеровыхъ эпоей думали, что безсмертіе дается поэту только сочиненіемъ «Эпопеи». Но если Пушкинъ медлилъ издавать «Бориса Годунова» потому, что слишкомъ дорожилъ имъ, то при изданіи другихъ произведеній, особенно мелкихъ, которымъ не придавалъ онъ большой цѣны, онъ не могъ останавливаться опасеніемъ отдать ихъ на судъ журналовъ и публики. А между тѣмъ не только поэмы, повѣсти, но и лирическія стихотворенія часто лежали въ его портфеляхъ неизданными. Беремъ изъ сотни указаній, представляемыхъ примѣчаніями г. Анненкова ко второму тону, нѣсколько случаевъ. Изъ стихотвореній, написанныхъ въ 1824 году, «Ночной зофиръ струитъ зенрь» было напечатано только въ 1827 году. «Аквилонъ» (*Зачѣмъ ты грозный Аквилонъ*) осталось ненапечатаннымъ до смерти, хотя Пункинъ, какъ видно, считалъ его достойнымъ печати, поправляя въ 1830 году; «Коварность» (*Когда твой другъ на гласъ твоихъ рычей*) явилось только въ 1830 году; «Къ Языкову» (*Издревле сладостный союзъ*) только въ 1828 году; «Узникъ» (*Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой*) только въ 1832 году. Конечно, такая чрезвычайная медленность была личнымъ произполомъ или особенностью характера, и было бы странно поставлять ее въ примѣръ. Напротивъ, надобно даже сказать, что излишнее задерживаніе своихъ произведеній неизданными можетъ отчасти вредить свѣжести творчества и еще примѣе развитію таланта. Но въ наше время, кажется, нѣтъ надобности наставлять на необходимости своевременной отдачи произведеній на общій судъ, по малочисленности людей, погрѣшающихъ противъ этого правила. Если

Блаженъ, кто про себя тайлъ
Души высокія созданья.

то блаженны въ наше время почти только тѣ писатели, которыхъ не соглашается почтатъ ни одинъ журналъ. Не будешь, впрочемъ, доходить въ нашихъ мнѣніяхъ до несправедливости: если можно упрекнуть многихъ нашихъ писателей въ поспѣшности, съ какою печатають они свои произведенья, то эта привычка, несомнѣнно выгодная для таланта, не достигается ни у кого изъ нихъ пагубнаго развитія, въ какомъ упрекали французскихъ фельетонныхъ романистовъ: наши беллетристы посылають свои рассказы въ типографію не лигъ за листомъ, сами еще не зная, что будетъ написано въ слѣдующей главѣ романа. Они не только дописываютъ романъ до конца прежде, нежели начинаютъ его печатать, но и перечитываютъ, исправляютъ, вообще, сообразно своимъ убѣжденіямъ, заботятся о возможномъ совершенствѣ своихъ произведеній. Литературное самолюбіе или честолюбіе у насъ еще очень сильно. Въ другихъ отношеніяхъ оно, конечно, имѣетъ свои вредныя слѣдствія, но въ томъ, о которомъ говоримъ мы теперь, приноситъ свою пользу. Каждый, справедливо или несправедливо судя о своихъ произведеніяхъ, все-таки старается написать не какъ можно больше, а какъ можно лучше. Потому-то и не бесполезно говорить объ условіяхъ этого совершенствованія. Тотчасъ послѣ того, какъ написана повѣсть, или комедія, перечитывать ее почти бесполезно. Авторъ еще не успѣлъ отрѣшиться отъ своего произведенія, если выражаться высокимъ слогомъ; проще говоря, находится еще въ томъ же самомъ настроеніи чувствъ и мыслей, какое выразилось въ его повѣсти, еще не могъ освободить своей головы отъ всѣхъ понятій и подробностей, которыя тогда показались ему хороши, не можетъ поэтому держать себя относительно ихъ независимо, самостоятельно, допускать ихъ овладѣвать вновь собою только въ томъ случаѣ, когда онѣ дѣйствительно того заслуживаютъ, не сошелъ еще съ привычныхъ точекъ зрѣнія, и перечитывая повѣсть будетъ признавать необходимость подробностей, стройность развитія, вѣрность характеровъ, здравость содержанія не по свободному сочувствію, а просто по неразсѣявшейся еще предубѣжденности. Время обсуживать свое литературное дѣло, какъ и всякое другое дѣло, приходитъ тогда, когда настроеніе, его произведшее, успѣло уже въ насъ смѣниться другими, или выражаясь громкими фразами, когда потокъ жизни омоетъ и освѣжитъ нашъ умъ. Скоро или нѣтъ настанетъ это время—зависитъ отъ содержанія произведенія. Если его основное значеніе было: выразить общія воззрѣнія автора на жизнь или одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ ея, и на требованія искусства, быть можетъ, и никогда не будетъ въ состояніи онъ критически, спокойно взглянуть на него; въ такомъ случаѣ, конечно, не будетъ разницы, черезъ день или черезъ годъ по окончаніи начистъ онъ свою критику. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ будетъ въ состояніи едѣлать только мелочныя исправленія. Но человѣкъ съ умомъ пытливымъ, склоннымъ къ недовѣрчивости, очень скоро, почти тотчасъ же послѣ того, какъ освѣжится воображеніе, утомленное работою, можетъ быть безпристрастнымъ судьбою произведенія, возникшего изъ ого общихъ убѣжденій, а не случайнаго страстнаго настроенія. Напротивъ, произведенія, дороженныя страстью, увлеченіемъ, вообще особеннымъ не постояннымъ расположеніемъ духа, каждый авторъ, каковъ бы ни былъ характеръ его ума, можетъ обсудить безпристрастно, какъ скоро минется это состояніе и обыкновенно слѣдующая за нимъ реакція въ протнвуположномъ направленіи, что бываетъ иногда черезъ много лѣтъ, а иногда и черезъ нѣсколько часовъ. Такъ, напримѣръ, мы не знаемъ, настало ли бы когда-нибудь для Пушкина время не-

предубѣжденнымъ взглядомъ пересмотрѣть своего «Бориса Годунова», неразрывно связаннаго съ его общими убѣжденіями о драмѣ и объ одномъ изъ важныхъ періодовъ въ русской исторіи, понятія у которой установились у него твердо. Но при подвижности своего характера, конечно, могъ онъ проникающе пересмотрѣть «Бахчисарайскій фонтанъ» очень скоро послѣ того, какъ дописалъ послѣдній стихъ.

Всѣ эти различія, конечно, ясны сами собою; но мы упомянули о нихъ для того, чтобы не оставить повода къ предположенію, будто бы мы требуемъ чрезнаѣрнаго, или считаемъ нужнымъ полагать какія-нибудь неподвижныя границы. Напротивъ, и здравый смыслъ и эстетика говорятъ писателю, что отрѣшеніе отъ всякихъ внѣшнихъ, формальныхъ стѣсненій, не вытекающихъ изъ сущности самаго дѣла—существеннѣйшее условіе для успѣшнаго труда. Каждый долженъ поступать такъ, какъ велитъ ему его натура и здравый разсудокъ. Иному нужно переправлять свои произведенія, у другаго нѣтъ этой потребности и надобности, и каждый долженъ поступать въ этомъ случаѣ, какъ лучше для него. Мы говоримъ только о благопріятнѣйшихъ условіяхъ работы для людей съ такою нравственною организаціею, которая встрѣчается чаще всего.

Но какъ же велики должны быть измѣненія, вносимыя въ произведенія окончательною отдѣлкою? Вообще эстетическія соображенія увѣряютъ насъ, что въ написанномъ можно исправлять, не вредя произведенію, только степень развитія подробностей и образъ выраженія. Перо не успѣваетъ слѣдить за мыслью; потону всегда могутъ встрѣчаться въ написанномъ нѣкоторыя неполноты, недостатокъ довольно закругленныхъ переходовъ; какъ бы ни велико было умѣнье писателя владѣть языкомъ, всегда будутъ встрѣчаться случаи, что нѣкоторыя выраженія можетъ быть придано болѣе точности или силы. Наконецъ—и это важнѣе всего—нѣтъ человѣка, который не увлекался бы пристрастіемъ останавливаться съ любовью на собственныхъ мысляхъ—потому длиннота, растянутость незамѣтно для автора вкрадывается въ его произведеніе; истробить ее, безпощадно вычеркнуть все лишнее, вотъ въ чемъ должна состоять существеннѣйшая часть работы при пересмотрѣ написаннаго; если авторъ строго исполнитъ эту обязанность, его произведеніе чрезвычайно много выиграетъ, и, ставъ вдвое меньше объема, будетъ имѣть въ двадцать разъ болѣе достоинства для читателя. Но, какъ мы уже говорили, вносить въ планъ существенныя измѣненія при окончательной передѣлкѣ, чрезвычайно опасно: въ художественномъ произведеніи всѣ части должны быть между собою въ строгой зависимости, и почти невозможно не нарушить его стройности, измѣняя одну изъ нихъ—кто можетъ прослѣдить всѣ отношенія, связывавшія ее съ другими частями? Какъ ни прилежно будетъ просматривать свое произведеніе авторъ, приводя всѣ его отдѣлы въ гармонію съ измѣненнымъ или вставленнымъ вновь эпизодомъ, почти всегда многія несообразности ускользнутъ отъ него, произведеніе будетъ имѣть видъ не выливагося изъ одной мысли, а склееннаго изъ разныхъ клочковъ. Только новое бываетъ истинно хорошимъ. Съ перешитаго и переправленнаго не могутъ быть никакими щотками и утюгами сглажены слѣды поношенности и угловатости. Потому, если авторъ не доволенъ въ своемъ произведеніи чѣмъ-нибудь существеннымъ, по переправлять его долженъ онъ, а бросить и писать все вновь.

Отъ этихъ новыхъ соображеній, внушаемыхъ самыми простыми условіями

художественности, обращаясь къ авторской манерѣ Пушкина, мы находимъ у него перечеркиваніе и исправленіе въ чрезвычайно обширномъ размѣрѣ, какъ бы не только отдѣлка стиха, но и самое облеченіе мысли въ стихотворную форму, стоило ему чрезвычайныхъ усилій, какъ бы эти стихи, поражающіе прежде всего своею легкостью, писалъ онъ съ большимъ трудомъ, какъ бы механизмъ стиха представлялъ Пушкину затрудненія. Г. Анненковъ собралъ въ своихъ «Матеріалахъ», очень много даныхъ этой тяжелой, почти хаотической борьбы съ стихомъ. Многія страницы, заключающія въ себѣ, какъ можно угадывать по нѣкоторымъ отдѣльнымъ словамъ, неизданныя стихотворенія или отрывки, перечерканы, испещрены помарками до того, что нѣтъ возможности возстановить написанное. Почти тоже надобно сказать о черпковыхъ спискахъ многихъ стихотвореній, переписанныхъ потомъ самимъ Пушкинымъ на-бѣло; снимокъ одного черноваго листа «Полтавы» приложенный къ «Матеріаламъ», утомитъ вниманіе cadaго, кто попыбуетъ разобратъ исторію образованія стиховъ:

Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье.

«Почти каждая строка его стиховъ—говоритъ г. Анненковъ—свидѣтельствуетъ объ этой особенноти его удивительно-мужественнаго таланта. Поучительно видѣть, какъ изъ страницы, кругомъ исписанной и, можно сказать, обращенной въ самую мелкую сѣть помарокъ, вытекаетъ стихотвореніе, чистое какъ алмазъ, съ роскошной игрой свѣта и въ изумительной обдѣлкѣ». Прежде, нежели попробуемъ объяснить обширность размѣра, какой принимаетъ у Пушкина отдѣлка стиха, укажемъ обыкновеннѣйшій результатъ ея—уменьшеніе объема стихотворенія, строгое уничтоженіе множества, быть можетъ половины задуманныхъ стиховъ. Не будемъ приводить безчисленнаго количества стиховъ и строфъ, вычеркнутыхъ Пушкинымъ изъ «Евгенія Онѣгина». Два-три примѣра изъ другихъ произведеній будутъ достаточны для убѣжденія въ томъ, до какой степени Пушкинъ боялся растянутасти. Размышленіе Пимена надъ своею лѣтописью заключалось въ рукописи такъ:

Нередо мной опять пыходятъ люди,
Уже давно покинувшіе міръ.
Властители, которымъ былъ покорснь,
И недруги, и старыя друзья—
Товарищи моей цвѣтущей жизни...
Какъ ласки ихъ мнѣ радостны бывали,
Какъ живо жгли мнѣ сердце ихъ обиды!
Но гдѣ же ихъ знакомый ликъ и страсти?
Чуть-чуть ихъ слѣды ложится легкой тѣнью—
И мнѣ давно, давно пора за ними!..

Изъ этихъ десяти стиховъ Пушкину показался непзлншнимъ по своей мысли только предпоследній, и весь длинный эпизодъ, дѣйствительно растягивавшій монологъ бесполезнымъ повтореніемъ того, что высказывается въ другихъ стихахъ его, замѣненъ двустипіемъ:

Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня.

Въ «Полтавѣ» онъ зачеркиваетъ стихи, описывающіе страданія влюбленнаго казака, отвергнутаго Маріей (въ 1-й пѣснѣ); въ третьей пѣснѣ послѣ стиховъ:

Съ горестью глубокой
Ввмалъ любовникъ ей жестокой,
Но вихрю мыслей предача...

Уничтожена большая часть монолога сумасшедшей:

Ей Богу, говорить она,
Старуха лжетъ. Съдой проказникъ
Тамъ въ башнѣ сирятался. Нойдемъ,
Не будемъ горевать о нейъ.
Нойдемъ... Какой сегодня праздникъ?
Народъ бѣжить, народъ поеть и т. д.

всего семнадцать стиховъ. Въ «Русалкѣ» уничтоженъ отрывокъ изъ нѣсколькихъ десятковъ стиховъ въ сценѣ свадьбы, послѣ упрока дружки дѣвцамъ за ихъ печальную пѣсню; этотъ эпизодъ заключалъ продолженіе упрековъ и смятенія, пропзведеннаго появліемъ утопленницы. Точно также въ началѣ «Мѣднаго Всадника» уничтожены длинныя размышленія Евгенія (по возвращеніи домой въ вечеръ передъ наводненіемъ) о томъ, что онъ женится на Парашѣ и будетъ съ нею счастливъ. Конечно, всякій согласится, что эти стихи безъ нужды растягивали сцену. Нѣсколько сотъ такихъ стиховъ сохранено въ «Матеріалахъ» и г. Анненковъ справедливо обращаетъ вниманіе писателей на эту строгость Пушкина къ собственнымъ пропзведеніямъ.

Дѣйствительно, большая часть современныхъ повѣстей, романовъ, заставляютъ сознаться, что слишкомъ многіе беллетристы нуждаются въ подобномъ урокъ. Изъ всѣхъ недостатковъ, какіе замѣчаются въ современной литературѣ, самый общій—растянутость и необходимое слѣдствіе ея—блѣдность картинъ, вялость сценъ, пустота и утомительность всего пропзведенія. Кажется, будто бы почти каждый писатель (о безталанныхъ мы не говоримъ; но грустно, что одаренные замѣчательнымъ талантомъ подвержены этой слабости наравнѣ съ безталанными) считаетъ несравненно драгоценностью всякое выраженіе, какое только мелькнетъ въ головѣ, всякую подробность, какая только ему вообразится, и спѣшитъ обогатить ею свой разсказъ; кажется, будто онъ сочтетъ себя преступникомъ, самоубійцею, похитителемъ, если лишитъ читателя хотя одного изъ тѣхъ перловъ, которые такою однообразною нитью тянутся изъ подъ его пера; кажется, будто бы онъ и не могъ вѣрить, что даже въ калифорнскихъ золотыхъ россыпяхъ на одну горсть золотаго—приходится цѣлый возъ простого песку, и что разрабатывающій ихъ становится богатъ только черезъ то, что извлекая немногія зерна золота, съ презрѣніемъ отбрасываетъ огромнѣйшее количество никуда негодной примѣси. Въ чемъ заключается самое поразительное отличіе гениальныхъ произведеній отъ дюжинныхъ? Только въ томъ, что «красоты», если употреблять старинное выраженіе, составляютъ въ гоніальномъ производствѣ сплошную рядъ страницъ, а не разведены пустословіемъ бозцвѣтныхъ общихъ мѣстъ. Если бы кто нибудь захотѣлъ въ какомъ-нибудь жалконѣ, забытомъ романѣ съ вниманіемъ ловить всѣ проблески наблюдательности, всѣ вѣрныя черты характеровъ и дѣйствованія, всѣ мѣткія выраженія и т. д., онъ собралъ бы довольно много строкъ, которыя по достоинству ничѣмъ не отличаются отъ строкъ, изъ которыхъ составлены страницы пропзведеній, восхищающихъ насъ. Но подобно также думать, что и «остовъ», въ произведеніи г. Анненкова, въ дюжинныхъ произведеніяхъ не бываетъ часто такъ

хорошъ, какъ и въ первостепенныхъ произведкяхъ. Различіе состоитъ въ тонѣ, что страницы гениальнаго произведешя наполнены содѣржаніемъ, а то количество содѣржанія, которое растянута на десяткахъ страницъ дюжиннаго произведешя, было бы едва достаточно для наполненія одной страницы и расплылось незамѣтными крупякамъ въ озеряхъ прѣсныхъ общихъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что бездарный человѣкъ бесполезно прилагалъ бы величайшія усилія сдѣлать изъ своего романа что-нибудь порядочное; но со стороны писателя, не лишеннаго дарованія, часто недоставало только рѣшимости сжать свое произведеніе, чтобъ оно изъ слабаго стало очень порядочнымъ. Сжатость—первое условіе эстетической цѣны произведешя, выставляющая на видъ всѣ другія достоинства. Конечно, во всемъ можетъ быть вредное излишество: но бесполезно говорить о тѣхъ опасностяхъ, которымъ никто не подвергается; господствующая нынѣ эстетическая болѣзнь—водяная, дѣлаетъ столько вреда, что, кажется, отрадно бы было даже увидѣть признаки сухотки, какъ пріятно морозный день, сковывающій почву среди октябрьскаго ненастья, когда повсюду видны бездонно-жидкія трясины.

Особенно намъ, русскимъ, должна быть близка и драгоцѣнна сжатость. Не знаемъ, свойство ли это русскаго ума, какъ готовы думать многіе, или, скорѣе, просто слѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ, но всѣ прозаическія, даже повѣствовательныя, произведешя нашихъ гениальныхъ писателей (не говоримъ о драмахъ и комедіяхъ, гдѣ самая форма опредѣляетъ объемъ) отличаются сжатостью своего вѣншнаго объема. «Герой нашего времени» занимаетъ немного болѣе половины очень маленькой книжки; Гоголь, кромѣ «Мертвыхъ Душъ» писалъ только маленькія по числу страницъ повѣсти; да и самыя «Мертвыя Души», колоссальнѣйшее изъ первостепенныхъ произведешей русской литературы, еслибъ даже и было докончено въ размѣрахъ, предположенныхъ авторомъ (три тома) едва равнялось бы половинѣ какого-нибудь Диккенсова, Теккерева или Жоржъ-Зандова романа. Если обратимся за примѣрами къ Пушкину, онъ покажетъ намъ тоже самое. «Дубровскийъ» и «Капитанская дочка» (которую Пушкинъ называлъ, какъ мы видѣли, широкимъ именемъ «романа въ двухъ частяхъ») — повѣсти такого размѣра, что, будучи помѣщены въ какомъ-нибудь изъ нашихъ журналовъ, развѣ только объ вмѣстѣ оказались бы достаточны для наполненія отдѣла словесности въ одномъ вѣмерѣ, да и будучи напечатаны объ вмѣстѣ, вызвали бы у рецензентовъ другихъ журналовъ замѣчаніе: «Давно мы не встрѣчали въ журналѣ NX отдѣла словесности столь тощій по объему, какъ нынѣ». Зато и замѣтно различіе между этими маленькими рассказами и тѣми пухлыми произведешями, которыя такъ привольно распространяютъ свои воображаемые члены по сотнямъ огромныхъ журнальных страницъ. Прочитайте три, четыре страницы «Героя нашего времени», «Капитанской дочки», «Дубровскаго» — сколько написано на этихъ страничкахъ! — И мѣсто дѣйствія, и дѣйствующія лица, и нѣсколько начальныхъ сценъ, и даже завязка — все помѣстилось въ этой тѣсной рамкѣ. Такой сухости не встрѣтите въ художественно развитыхъ созданіяхъ писателей и писательницъ, прекрасный слогъ которыхъ всѣ такъ хвалятъ. Переверните три листа (читать ихъ не стоитъ) — вы увидите, что все еще тнотся съ первой страницы описаніе комнаты, въ которой сидѣлъ герой или героиня разсказа; перевертывайте еще листъ — а, наконецъ-то! описаніе комнаты кончилось (благодарите судьбу, что горой сидѣлъ въ комнатѣ: еслибъ онъ ѣхалъ или шелъ по полю, картина была бы во столько же разъ длин-

нѣе описанія комнаты, во сколько разъ поле съ рѣкою и рощею обширнѣе комнаты) — и такъ описаніе комнаты кончилось и началось описаніе физическихъ принадлежностей героя или героини; смѣло перевортывайте два листа; только на третьемъ авторъ переходитъ къ размышленіямъ и объясненіямъ нравственныхъ качествъ своего паціента. Черезъ пять листовъ они (насилу-то!) прерываются появленіемъ въ комнатѣ новаго лица, которое, выдоржавъ прилично подробное описаніе, начинаеть разговоръ, который (послѣ всѣхъ прежнихъ объясненій автора) знакомитъ васъ съ характеромъ героя; содержанію разговора: герой говоритъ: «я скучаю» (или «я влюбленъ») и если читатель не знаетъ по-русски, то изъ разговора, занимающего пять страницъ, познакомится съ значеніемъ слова «скучаю» (или «влюбленъ»). Конечно, все это было бы прекрасно, если бы не было рѣшительно излишне, скучно, вяло и пусто. Впрочемъ осуждать не смѣемъ: всѣ переворотные нами листы написаны прекраснымъ слогами. А быть можетъ изъ этихъ холодныхъ, безцвѣтныхъ, ничтожныхъ двадцати или тридцати страницъ и составила бы одна исполненная блестящей или тонкой наблюдательности страница, если бы авторъ болѣе дорожилъ терпѣніемъ читателей или хотя бумагою, нежели рубинами и изумрудами своего прекраснаго слога. Вѣдь самое блестящее, самое богатое платье на вѣшалкѣ имѣетъ очень не изящный видъ. Оно хорошо только тогда, когда имъ облеченъ живой челоѣкъ, стройный и свѣжій. Нѣтъ, намъ дороже всего брильянты и изумруды:

Алиази сыплется гора
Съ высотъ чetyрeнa скалами:
Жемчугу бездна и сребра,
Кипить, блестять, вверхъ бьеть буграми...

и въ безсиліи падаетъ мокрою пылью, производящею на живаго челоѣка самое непріятное ощущеніе, а въ слабыхъ людяхъ даже насморкъ. Иногда приходитъ охота представить осязательное доказательство того, какой вредъ приносить растянутасть, какой интересъ, силу и даже красоту придають сжатость, сдѣлавъ изъ какой нибудь растянутой повѣсти, прошедшей незамѣченной, «извлеченіе», «экстрактъ», который бы выказалъ онъ достоинства, погибшія въ пучинахъ многословія.

По возвратимся къ авторскимъ привычкамъ Пушкина, къ этой «мелкой сѣти помарокъ», которыми опутаны его стихи. Многіе видѣли въ этомъ по преимуществу изумительную и достойную всякаго подражанія заботливость поэта объ усовершенствованіи своихъ стихотвореній. Мы согласны, что стихи всегда требуютъ внимательной отдѣлки, что стихотвореніе не перемаранное, не перечерканное, почти всегда будетъ страдать шероховатостію. Но отъ этой лежащей въ самой сущности дѣла необходимости дѣлать въ стихахъ много поправокъ, далеко еще до того безчисленнаго множества помарокъ, какою находимъ у Пушкина, и намъ кажется излишнимъ представить нѣкоторые соображенія съ цѣлью предупредить ложные выводы изъ этой особенности поэтическихъ работъ Пушкина. Въ наше время, и безъ того придающее слишкомъ много цѣны внѣшности и мелочамъ, было бы, намъ кажется, вредно говорить писателямъ: «Вы тогда только напишете хорошо, когда переправите двадцать разъ каждый стихъ, когда не оставите ни одного не перечеркнутого слова:

Saepe stylum vertas,

какъ училъ еще Гораций, *поправляй и поправляй*, тогда только будешь истиннымъ поэтомъ. Мелочнымъ исправленіемъ, филигранною обработкою фразъ достигается художественность». А таковъ кажется, на первый взглядъ, долженъ быть выводъ изъ черновыхъ тетрадей Пушкина.

Но внимательное разсмотрѣніе обстоятельствъ значительно измѣняетъ его. Не всѣ стихи Пушкина такъ перечерканы въ черновыхъ спискахъ, какъ, наприимѣръ, отрывокъ изъ «Полтавы», съ котораго снимокъ приложенъ къ изданію г. Анненкова; г. Анненковъ заставляетъ насъ заключить, что многія стихотворенія, не уступающія другимъ въ художественности, мало подвергались поречеркиванью; по крайней мѣрѣ онъ послѣ выписанныхъ нами строкъ о томъ, какою «мелкою сѣткою помарокъ» покрыты бывають страницы Пушкина продолжаетъ: «Мы въ правѣ думать, что пьесы, написанныя Пушкинымъ сразу, прошли черезъ то же горнило художественнаго труда, но только въ головѣ его». Слѣдственно и самъ Пушкинъ часто «писалъ сразу» свои произведенія. Нетерпѣливости его характера, тому самому качеству, которое заставляло его писать въ разбивку, также должно быть приписано большое участіе въ помаркахъ—Пушкинъ начиналъ писать стихъ, не успѣвъ мысленно окончить его, не успѣвъ предвидѣть сочетанія римовъ; потому римы часто заставляли его передѣлывать стихъ, это ясно изъ множества приводимыхъ у г. Анненкова отрывковъ. Много можно привести подобныхъ объясненій, основанныхъ на особенностяхъ характера Пушкина.

Но важнѣе всѣхъ этихъ причинъ то обстоятельство, что Пушкинъ сравнительно съ нынѣшними поэтами, былъ въ исключительномъ положеніи. Ему предстояло еще выработать стихъ—тяжелый трудъ, отъ котораго, благодаря ему, избавлены теперь русскіе поэты, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начинаютъ читать, выкающіе къ стихамъ, лучше которыхъ по художественности, музыкальности и легкости никто отъ нихъ не требуетъ, да и сами они не могутъ вообразить себѣ. Кромѣ стиха, Пушкинъ долженъ былъ выработать себѣ и языкъ, конечно, представлявшій очень много затрудненій. Въ самомъ дѣлѣ, языкъ Пушкина чрезвычайно много разнится отъ языка Жуковскаго и Карамзина. Наконецъ Пушкинъ долженъ былъ бороться съ присмами, которые были введены въ привычку прежними стихотворцами, онъ долженъ былъ отбрасывать множество потробиельныхъ въ тогдѣшнее время выраженій, которыя сами собою подвергались подъ перо, и между тѣмъ уже не годились для его поэзіи. Эта борьба съ устарѣлымъ слогомъ уже не существующая для насъ, благодаря рѣшительной побѣдѣ Пушкина, должна была стоить ему многихъ трудовъ, потому что, несмотря на все исправленія, оставила въ его стихахъ нѣкоторые слѣды. Теперь никто не будетъ отрицать, что у Пушкина часто встрѣчаются устарѣлыя и для его времени фразы. Ему было надобно много усилій, чтобы изгонять такихъ неотвязныхъ гостей.

Наконецъ мы позволимъ себѣ высказать нѣкоторые сомнѣнія относительно удобства для русскаго языка той версификаціи, которая господствуетъ со времени Ломоносова. Конечно, мы теперь чрезвычайно привыкли къ ней, благодаря отчасти самому Пушкину; тѣмъ не менѣе надобно сказать, что она не такъ естественно приходится къ свойствамъ нашего языка, какъ, наприимѣръ, къ свойствамъ нѣмецкаго, изъ котораго была заимствована безъ всякихъ перемѣнъ и принаровлоній. Хотя столь общій эпизодъ, относящійся вообще къ русской поэзіи, можетъ показаться по совѣмъ умѣстнымъ въ статьѣ о сочиненіяхъ одного поэта, но до сихъ

поръ для большей части и читателей и поэтовъ произведенія Пушкина остаются «образцовою книгою русской поэзіи» и какой же лучший случай можетъ быть найденъ для общаго взгляда на русскую версификацію, если не воспользоваться представляющимся теперь. Кромѣ того, если не Пушкинъ установилъ нашу версификацію, то онъ упрочилъ преобладанію въ ней тѣхъ или другихъ размѣровъ.

Пересмотрѣвъ любой стихотворный сборникъ, мы будемъ поражены преобладаніемъ ямба надъ всѣми остальными размѣрами въ русской поэзіи. Но невозможно предположить всей огромности этого преобладанія, но взявъ на себя труда подвести итоги. Лучшій примѣръ—второй томъ новаго изданія, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія Пушкина до 1830 года (включительно). Вотъ общіе итоги размѣровъ всего этого собранія стихотвореній съ 1818 по 1830 годъ (не считаемъ лицейскихъ, еще не принадлежащихъ къ самостоятельнымъ произведеніямъ):

Ямбомъ написано	175	стихотвореній.
Хоресмъ	29	»
Амфибрахіемъ	7	»
(Дактилемъ) гекзаметромъ	6	»
Анапестомъ	1	»

Кромѣ того, надобно замѣтить, что большая часть стихотвореній, написанныхъ не ямбическими размѣрами, принадлежитъ къ числу мелкихъ (эпиграммы, надписи, антологическія стихотворенія). Если мы не будемъ принимать ихъ въ разсчетъ, у насъ на сто слишкомъ стихотвореній ямбическихъ останется семнадцать хорейскихъ, шесть амфибрахическихъ и одно анапестическое. Мы видимъ, что изъ остальныхъ размѣровъ, кромѣ ямбическаго, Пушкинъ писалъ почти только хорейскимъ (особенно съ 1828 года, какъ бы утомясь однообразіемъ ямба); а размѣры, имѣющіе трехсложныя стопы (дактиль, амфибрахій и анапестъ) употреблялъ чрезвычайно рѣдко. Но замѣчательно то обстоятельство, что эти немногія стихотворенія всѣ принадлежатъ къ лучшимъ или любимѣйшимъ, по общему правилу, что все рѣдкое бываетъ или особенно удачно, или особенно неудачно *).

На чемъ же основано такое господство ямба и отчасти хорей, изгоняющихъ всѣ другіе размѣры? Неужели дѣйствительно ямбъ—самый естественный для русскаго языка размѣръ? Такъ обыкновенно думаютъ; но не такъ на самомъ дѣлѣ. Двухсложныя стопы (ямбъ и хорей) господствуютъ въ нѣмецкой версификаціи, потому что нѣмецкая рѣчь, говоря вообще, сама собою укладывается въ двухсложныя стопы, имѣя ровно число слоговъ съ удареніями и безъ удареній **). Не то въ русской рѣчи. Наши слова вообще многосложны; мы по ставимъ болѣе одного ударенія на сложныхъ словахъ; гораздо рѣже, нежели нѣмцы, дѣлаемъ удареніе на мѣстоименіяхъ и частицахъ. Уже поэтому можно предположить, что у насъ рѣчи

*) Амфибрахическія: 1) «Черная шаль», 2) «Пѣснь о вѣпшемъ Олегѣ», 3) «Подражаніе кораву» (*И путникъ усталый на Бога ронталъ*), 4) «Узникъ» (*Сижусь за рѣшеткою въ темницѣ сырой*), 5) «Кавказъ» (*Кавказъ надо мною. Одинъ въ вышинѣ*). Только 6) «Вакхическая пѣсня» (*Чаю смолкнулъ веселія гласъ*), быть можетъ почтена исключеніемъ Единственное стихотвореніе, написанное анапестомъ: *Пью за здравіе Мери*.

**) Не приводимъ примѣровъ, чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, стоитъ развернуть первую попадающуюся въ руки нѣмецкую книгу (конечно мы говоримъ о прозѣ) и сосчитать на нѣсколькихъ строкахъ количество удареній сравнительно съ количествомъ слоговъ, остающихся безъ ударенія; надобно только помнить, что въ нѣмецкомъ произношеніи на сложныхъ словахъ дѣлается по два ударенія, мелкія частицы также очень часто имѣютъ на себѣ удареніе и т. д.

не будетъ такъ естественно укладываться въ ямбы и хоревъ, какъ у нѣмцовъ, отъ которыхъ перенло къ намъ пристрастіе къ двусложнымъ стопамъ. Чтобы видѣть, въ какія стопы всего естественнѣе должна ложиться русская рѣчь, попробуемъ сосчитать количество удареній, въ ней находящихся. У насъ подъ руками вторая книжка «Современника» за нынѣшній годъ, и изъ нея мы возьмемъ три или четыре отрывка, потому что откуда ни брать ихъ, все равно: результатъ получится тотъ же самый. Вотъ нѣсколько строкъ изъ первой страницы повѣсти г. Писемскаго «Виновата ли она?». Отмѣчаемъ удареніе большими буквами:

я ЖИлъ одИвъ, снаконыхъ не нѣлъ викого и едИнственнымъ моИмъ развле-
ченіемъ было часа по-два, по-три ходИть по ТверскОму бульвару. и, Богъ знаетъ,
чего не передУмать. Однажды я встрѣтилъ молодОго человѣка, которЫй прямо обра-
тился ко мнѣ съ вопроСомъ: не знаете ли когО нѣудъ изъ вашихъ товарищей, ктО
бы приготоВилъ мевЯ въ универсИтѣтъ? я посмотреѣлъ на нстО пристально; ва видѣ
ему было лѣтъ осьмИнадцать, одѣтъ онъ былъ небрежно, въ прІемахъ его видѣла
была безИечность. Лицо выразИтельно и съ глубокИмъ отѣпкомъ меланхОліи.—Если
вамъ угоднО, я могу взять это на себя, отвѣчалъ я.

Всего 193 слога; удареній 66; $3 \times 66 = 198$. Итакъ, только пяти слоговъ не достасть, чтобы количество слоговъ было втрое больше количества удареній. Вотъ начало рассказа «Голубые глазки»:

Въ одЯомъ изъ самыхъ многОлюдныхъ квартАловъ ПетербУрга, въ большОмъ и многОлюдномъ домѣ жила мѣщАнка Прасковья ИвановА, въ продолженіе четЫрнадцати лѣтъ сряду помѣщалась она въ двУхъ комнатахъ подвАльнаго этажа, въ самой глу-
бинѣ двора.

Всего 75 слоговъ и 25 удареній. Совпаденіе числъ точно до странности. Вотъ послѣдній отрывокъ—начало первой главы переводнаго романа «Часовщикъ»:

я всегда хорошО бѣдИлъ; я охотникъ до лошадей и всегда гордИлся тѣмъ, что у меня самый рѣзвЫй рысакъ въ цѣлой провинціи, я нивогда не отличался блестящими успѣхами въ свѣтѣ, тѣмъ съ большИмъ удовольствІемъ я сознаю, что меня никто не обвинитъ въ чИстомъ полѣ.

83 слога и 27 удареній; $3 \times 27 = 81$; слѣдовательно, только два слога лишнИхъ противъ точнаго опредѣленія. СосдишИвъ итоги всѣхъ трехъ отрывковъ получимъ 351 слогъ и въ нихъ 118 удареній; $3 \times 118 = 354$. И такъ, уклоненіе отъ точнаго размѣра: на три слога одно удареніе (дактиль, амфибрахій, анапестъ) равняется только тремъ слогамъ на 251 слогъ или одной стодвадцатой. Близость удивительная.

Намъ кажется, что изъ этихъ цифръ нельзя не извлечь заключенія, что ямбъ и хорей, требующіе въ 30 слогахъ 15 удареній, далеко не такъ естественны въ руссконъ языкѣ, какъ дактили, амфибрахій, анапесты, требующіе въ 30 слогахъ 10 удареній *).

*) Слѣдимъ замѣтить, что изъ нашихъ словъ не слѣдуетъ, чтобы гекзаметръ (по преимуществу дактилическій стихъ) былъ сроденъ русской версификаціи. Онъ рѣшительно нейдетъ къ ней по многимъ причинамъ. Точно также замѣтимъ, что если въ яхвическихъ и хоревическихъ стихахъ принято разрѣшеніе нѣкоторыя стопы оставлять безъ удареній, то это признавалось «вольностью», которой по мѣрѣ возможности старались избѣгать; слѣдовательно затруднительность размѣра не отстранялась етимъ. Кроме того, допускаясь безъ всякихъ опредѣлительныхъ правилъ, эта вольность разрушаетъ стройность стиха: въ нашихъ, такъ называемыхъ четырехстопныхъ ямбахъ, собственно читаемыхъ съ двумя удареніями какъ двухстопные стихи (двухстопные пезиическіе), безперестанно встрѣчается необходимость считать и три ударенія, а иногда и всѣ четыре; зто безпорядокъ не оскорбляетъ насъ только потому, что слишкомъ привыченъ намъ.

Пынь можно отвѣчать на эти вопросы, очень основательные, гораздо спокойнѣе и гораздо выгоднѣе для значенія Пушкина въ исторіи нашего развитія, нежели отвѣчалъ на нихъ самъ Пушкинъ.

Онъ по особенностямъ своего поэтического настроенія именно соответствовалъ если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ одной изъ важнѣйшихъ потребностей своего времени, которое, впрочемъ, едва-ли не должно еще назвать и нашимъ временемъ. Его произведенія могущественно дѣйствовали на пробужденіе сочувствія къ поэзіи въ массѣ русскаго общества, они умножили въ десять разъ число людей, интересующихся литературою и черезъ то дѣлающихся способными къ воспринятію высшаго нравственнаго развитія. Онъ самъ прекрасно очертилъ это достоинство литературныхъ произведешій, говоря:

Плодять читателей оны;
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Тамъ просвѣщенье, тамъ добро.

О нашей литературѣ, чтобъ она сохранила свою важность, какъ и вообще о нашей исторіи, должно судить, принимая въ соображеніе не требованія, приложимыя къ другимъ землямъ, а особенности положенія русскаго общества. Байронъ, если бы вздумалъ писать въ 1820 году по русски, не нашелъ бы себѣ и сотой доли того сочувствія, какое было пробуждено Пушкинымъ, и имѣлъ бы во сто разъ менѣе значенія для нашего развитія, нежели Пушкинъ. Теперь излишне доказывать это, когда для всѣхъ ясно, какъ былъ понимаемъ Байронъ самимъ Пушкинымъ, подобнымъ которому по степени развитія людей была тогда въ Россіи горсть. Но есть и другой примѣръ. Шиллеръ былъ, кажется, гораздо доступнѣе для неприготовленнаго человѣка, нежели Байронъ. Жуковский переводилъ Шиллера. Поняли-ль его? Опѣнили-ль сколько нибудь? Нѣтъ, эффектъ производилъ не «Кубокъ», не «Торжество побѣдителей», а пустыя «Людмила» или «Ленора» и нелѣпыя баллады Соути «О томъ, какъ старушка ѣхала на конѣ, и кто ѣхалъ съ нею»; Жуковский для своихъ читателей имѣлъ интересъ какъ «Балладникъ», а не какъ переводчикъ Шиллера. Періодъ, представителемъ потребностей котораго былъ Пушкинъ, не совершенно еще окончился; и современная русская литература, много отличаясь отъ литературы 1820—1835 годовъ, имѣетъ еще съ нею гораздо больше общности, нежели различія по своему значенію. Это доказывается, между прочимъ, на примѣръ, тѣмъ, что большинство даже избраннѣйшихъ читателей, еще предпочитаетъ Пушкина Гоголю. И сообразно своимъ потребностямъ, этотъ многочисленнѣйшій разрядъ общества совершенно правъ. Говоря о значеніи Пушкина въ исторіи развитія нашей литературы у общества, должно смотрѣть не на то, до какой степени выразились въ его произведешяхъ различныя стремленія, встрѣчаемыя на другихъ ступеняхъ развитія общества, а принимать въ соображеніе настоящѣйшую потребность и тогдашняго и даже нынѣшняго времени—потребность литературныхъ и гуманныхъ интересовъ вообще. Въ этомъ отношеніи значеніе Пушкина неизмѣримо велико. Черезъ него разлилось литературное образованіе на десятки тысячъ людей, между тѣмъ какъ до него литературные интересы занимали не многихъ. Онъ первый возвольтъ у насъ литературу въ достоинство національнаго дѣла, между тѣмъ какъ прежде она была, по удачному заглавію одного изъ старинныхъ журналовъ, «Пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени» для тѣснаго кружка дилеттантовъ. Онъ былъ первымъ поэтомъ, который сталъ въ глазахъ

всей русской публики на то высокое мѣсто, какое долженъ занимать въ своей странѣ великій писатель. Вся возможность дальнѣйшаго развитія русской литературы была приготовлена и отчасти еще готовится Пушкинымъ.

Но если Пушкинъ по преимуществу поэтъ-художникъ, если въ его произведеніяхъ выразилось не столько развитіе поэтическаго содержанія, сколько развитіе поэтической формы, то нельзя забывать, что Пушкинъ, не будучи по преимуществу ни мыслителемъ, ни ученымъ, былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и человѣкъ чрезвычайно образованный; не только за тридцать лѣтъ назадъ, но и нынѣ въ нашемъ обществѣ немного найдется людей равныхъ Пушкину по образованности. Потому хотя въ его произведеніяхъ не должно искать главнѣйшимъ образомъ глубокаго содержанія, ясно сознаннаго и послѣдовательнаго, за то каждая страница его кипитъ умомъ и жизнью образованной мысли. Еслибъ читатели по преимуществу искали въ немъ содержанія, они бы вѣроятно потребовали большаго; но они не искали, не требовали, содержаніе давалось имъ невзначай, безъ просьбы съ ихъ стороны, и для нихъ это содержаніе было такъ обильно и глубоко, что они едва могли выносить тяжелое для непривычнаго человѣка богатство. Каждый стихъ, каждая строка бѣглыхъ замѣтокъ Пушкина затрогивала, возбуждала мысль, если читатель могъ пробудиться къ мысли. Это значеніе Пушкинъ продолжаетъ еще сохранять до нашего времени. Ограничимся примѣрами, относящимися спеціально къ понятіямъ о русской литературѣ. Что Пушкинъ не былъ рожденъ критикомъ, это по очевидности обнаруживаютъ его сужденія о современныхъ ему русскихъ писателяхъ; если въ этихъ мнѣніяхъ оставимъ хотя одну сотую часть искренности, относя остальное къ любезности и добродушію Пушкина, то надобно будетъ сказать, что Пушкинъ смотрѣлъ на хвалимыя произведенія очень наивно. А между тѣмъ и тутъ найдемъ у него много вѣрныхъ замѣчаній; а сколько проницательности, вѣрности въ его бѣглыхъ замѣчаніяхъ о предшествовавшей ему русской литературѣ! Такъ напримѣръ, три или четыре длинныя и глубокомысленныя статьи о Княжнинѣ, приносящія величайшую честь ихъ автору, составились изъ перифраза двухъ словъ, невзначай сказанныхъ Пушкинымъ: «Переимчивый Княжнинъ». Подобныя же исторія произошли съ бѣглыми замѣтками Пушкина о Фонвизинѣ, Ломоносовѣ и проч. Интересно знать, многіе ли даже и нынѣ постигнули справедливость замѣтокъ Пушкина о Державинѣ, или слѣдующей:

...«Стихотворство для Ломоносова было иногда забавою, чаще должностнымъ упражненіемъ».

Сумарокова Пушкинъ называетъ «бездарнѣйшимъ изъ подражателей», а о русской литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка судить онъ такъ:

«Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность *envalait tout*; знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи: но бездарные писаки, грибы, выросше у корней дубовъ: Доратъ, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, М-ше Жавлисъ овладѣваютъ русскою словесностью».

Если многіе изъ нынѣшнихъ критиковъ и историковъ литературы и теперь задумываются надъ этими словами, то можно судить, сколько ума и проницательности долженъ былъ имѣть человѣкъ, высказывавшій такія мнѣнія въ 1824 году, и какъ многому было можно (и до сихъ поръ должно) учиться у него, о чемъ бы ни заговорилъ онъ, чего бы ни коснулся.

Вообще вліяніе человѣка, одареннаго такимъ огромнымъ умомъ и такъ высоко стоявшаго по своей образованности, какъ Пушкинъ, было неизмѣримо важно для развитія читателей, имъ созданныхъ и очарованныхъ его гениальнымъ талантомъ. Въ исторіи русской образованности Пушкинъ занимаетъ такое же мѣсто, какъ и въ исторіи русской поэзіи. Будемъ же читать и перечитывать творенія великаго поэта, и съ признательностью думая о значеніи ихъ для русской образованности повторять вслѣдъ за нимъ:

Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ Разумъ!

И да будетъ безсмертна память людей, служившихъ Музамъ и Разуму, какъ служилъ Пушкинъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Издание творений нашего великаго поэта, встрѣченное нетерпѣливымъ ожиданіемъ публики, быстро приближается къ окончанію. Черезъ три мѣсяца по выходѣ двухъ первыхъ томовъ явилось еще два—третій, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія 1831—1836 годовъ, поэмы и повѣсти, писанныя стихами, простовародныя сказки, пѣсни западныхъ славянъ, и пятый, содержащій: 1) Записки Пушкина (отрывки автобіографія, мысли, замѣчанія, анекдоты и «Путѣшество въ Арзерумъ»); 2) романы и повѣсти, писанныя прозою; 3) журнальныя статьи. Въ самомъ непродолжительномъ времени, вѣроятно въ первыхъ числахъ іюля, выйдутъ в остальные два тома новаго изданія—четвертый (содержащій «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова» и другія драматическія произведенія) и шестой («Исторія Пугачевского бунта» съ примѣчаніями и «возраженіями» Пушкина на критику Броневскаго). Такимъ образомъ скоро русскіе читатели будутъ имѣть въ рукахъ полное изданіе «Сочиненій Пушкина», оконченное менѣе, нежели въ теченіе полугода со времени появленія первыхъ томовъ—быстрота, за которую нельзя не благодарить издателя, оказавшаго тѣмъ великую услугу русской публикѣ.

Въ предъидущихъ главахъ мы представили очерки характера Пушкина и пріемовъ, которыми отличалось его творчество. Теперь мы должны перейти къ разсмотрѣнію самыхъ его произведеній. Но мы уже говорили въ началѣ первой главы, что считаемъ излишнимъ въ настоящее время разсматривать сочиненія Пушкина въ художественномъ отношеніи. Противъ обыкновенія, которому любятъ слѣдовать рецензенты, утверждая, что предшествующіе разборы не достаточно объяснили значеніе разсматриваемой книги, мы рѣшительно сказали, что давно уже произведенія Пушкина превосходно оцѣнены, и, насколько то возможно было, объяснены эстетическою критикою. Намъ пріятно было видѣть, что и другіе рецензенты согласились съ этимъ мнѣніемъ («Отечественныя Записки» 1855 г. № VI, отдѣлъ критики). Потону намъ остается только взглянуть на тѣ стороны явленія, которыя, быть можетъ, представляютъ нѣсколько вопросовъ, еще не совершенно объясненныхъ, —именно, прослѣдить ходъ измѣненія идей, которыми одушевлялась дѣятельность Пушкина въ различныя эпохи, и отношеніе этихъ направленій къ общественному мнѣнію того времени, отголоскомъ котораго были журнальныя статьи. Взглядъ на отзывы, возбужденные въ журналахъ произведеніями Пушкина, послужитъ опорой собственнымъ нашимъ заключеніямъ о различныхъ фазисахъ поэтической дѣятельности Пушкина, —и мы начнемъ обзорѣмъ отношеній критики

двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ къ нашему поэту, чтобы ясна была тѣсная связь, соединяющая образъ мыслей нашего времени съ потребностями этого недавняго, прошедшаго, и чтобы наши мнѣнія явились уже только по изложеніи несомнѣнныхъ фактовъ, принадлежащихъ исторіи литературы. Эти факты можно было бы изложить очень кратко, еслибы не были часто высказываемы относительно ихъ предубѣжденные и одностороннія сужденія. Теперь же по необходимости надобно представить ходъ дѣла съ нѣкоторою подробностью, чтобы истина обнаружилась несомнѣнно.

Обыкновенно говорятъ, будто бы съ самаго появленія «Руслана и Людмилы» началось широкое и чрезвычайно сильное критическое движеніе въ тогдашнихъ журналахъ; многіе даже воображаютъ, будто бы борьба противъ и за Пушкина въ теченіе цѣлыхъ шестнадцати лѣтъ (1820 — 1836) такъ же занимала перья журналистовъ, какъ, напримѣръ, въ послѣдующее время пренія противъ и въ защиту натуральной школы, два или три года постоянно одушевлявшія русскую журналистику. Такое понятіе не совсѣмъ точно. Если собрать все, что было написано въ журналахъ двадцатыхъ годовъ о всѣхъ произведеніяхъ Пушкина до «Полтавы», то масса будетъ менѣе, нежели то, что было въ наше время написано, напримѣръ, по случаю появленія комедіи г. Островскаго «Бѣдность не порокъ». Въ тошхъ книжкахъ тогдашнихъ журналовъ страницы наполнялись переводами, безчисленными стихотвореніями и вялыми статейками о неимовѣрно сухихъ предметахъ. Отзвы о явленіяхъ литературы ограничивались обыкновенно очень немногими страничками, если не строками. Только въ послѣднее время дѣятельности Пушкина критика получила болѣе развитія. Другая ошибка, еще важнѣйшая, состоитъ въ томъ, что думаютъ, будто критика, современная Пушкину, нисколько не умѣла оцѣнить его. Мы вовсе не имѣемъ желанія превозносить прошедшее; готовы сказать о немъ вообще, что его значеніе преувеличивается даже тѣми людьми, которые наиболѣе строго судятъ о немъ. Но тѣмъ не менѣе должны сказать, что люди умные и, по своему времени, очень проницательные, существовали всегда; что каковы бывають писатели, точно таковы же бывають и критики—тѣ и другіе рождаются однимъ и тѣмъ же обществомъ. Конечно и во время Пушкина, какъ всегда, были нелѣпые критики, наравнѣ съ нелѣпыми писателями. Но по рецензіямъ или романамъ и стихамъ этихъ бездарныхъ людей было бы несправедливо судить о той эпохѣ, какъ несправедливо судить о нашемъ времени по произведеніямъ въ родѣ «Ассамблеи», «Энхиридіона любознательнаго» и гѣмъ рецензіямъ, въ которыхъ доказывается что Гоголь—плохой писатель. И какъ въ наше время писатели, хотя сколько нибудь созвующе свое достоинство, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на отзывы нѣкоторыхъ критиковъ, точно такъ же и Пушкинъ могъ и долженъ былъ нисколько не оскорбляться отзывами «Галатеи», «Дамскаго Журнала» и т. д. Безполезно и теперь вспоминать объ этихъ «беззубыхъ критикахъ» (по удачному выраженію одного изъ журналовъ Пушкинской эпохи). Мы хотимъ прослѣдить мнѣшя, какія были высказываемы о произведеніяхъ нашего поэта лучшими изъ современныхъ ему журналовъ, которые одни пользовались вѣсомъ въ кругу людей образованныхъ. Критика этихъ журналовъ была вовсе не такъ поверхностна, придирчива и пуста, какъ обыкновенно думаютъ. Мы ни мало не хотимъ утверждать, чтобы «Телеграфъ» и «Телескопъ» были совершенно непогрѣшительны въ своихъ сужденіяхъ о Пушкинѣ; но непредубѣжденный читатель, просиотрѣвъ сведенные

нами факты, вѣроятно еогласится, что въ сущности въ этихъ разборахъ было болѣе вѣрнаго и дѣльнаго, нежели пустаго и придиричаваго.

«Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ» — говоритъ Пушкинъ въ своихъ «замѣчашяхъ». — «Первыя непріязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой в пятой пѣсни «Евгенія Онѣгина» — но эти статьи принадлежали перьямъ столь слабымъ, что не заслуживали ни малѣйшаго вниманія, и поэтъ совершенно напрасно трудился отвѣчать на упрекъ г. В. Оедорова за слово «корова», по мнѣшю критика низкое и неблагородное. Отзывы единственнаго журнала, пользовавшагося почти исключительнымъ вліяніемъ на публику — «Московского Телеграфа» и послѣ того нѣсколько лѣтъ продолжали быть чрезвычайно благопріятны, или, лучше сказать, восторженны. Они даже не заключали въ себѣ никакихъ замѣчаній, хотя бы самыхъ легкихъ и нѣжныхъ. Едва ли не въ первый разъ «Московский Телеграфъ» сдѣлалъ замѣчаніе Пушкину въ статьѣ «Цыганахъ» (М. Т. 1827., ч. 15, стр. III и слѣд.), которая впрочемъ была проникнута еще болѣе восторгомъ, нежели прежніе отзывы. Этотъ разборъ представляется намъ въ самомъ смѣшномъ и жалкомъ видѣ извѣстною замѣткою Пушкина

«Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водить медвѣдя в еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. В. (кн. Вяземскій) повторилъ то же замѣчаніе (въ разборѣ, о которомъ мы говоримъ). Р. просалъ меня сдѣлать взъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благородію. Всего лучше было бы сдѣлать взъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ правда, не было бы и самой поэмы — та tanti meglio (тѣмъ лучше)».

Если бы даже и нельзя было защищать упрека, который кажется столь забавенъ, то довольно просмотрѣть статью, въ которой онъ помѣщенъ, чтобы ее критическое достоинство не нуждаюсь въ защитѣ.

Въ разборѣ своемъ кн. Вяземскій сначала говоритъ, что талантъ Пушкина развивается, что въ Цыганахъ видно «болѣе зрѣлости, болѣе силы, свободы, развязности», нежели въ «Кавказскомъ Пѣвникѣ» и «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» — что эта поэма — лучшее изъ доселѣ напечатанныхъ произведеній Пушкина; что она переноситъ насъ въ новую сферу жизни; что она пробуждаетъ чувства не «затворенныя на память», а свѣжія, новыя: что если она отзывается вліяніемъ Байрона то подражаніе едва уловимо. Затѣмъ говорится о правѣ поэта представлять сцены въ отрывочной формѣ, лишь бы только онѣ имѣли внутреннюю связь и послѣдовательность — она есть въ «Цыганахъ», и слѣдовательно поэму нельзя упрекать за внѣшнюю отрывочность сценъ. Потомъ анализируется содержаніе поэмы, характеры Алеко и Земфиры; критикъ находитъ все поэтическимъ и художественнымъ разбирается мнѣше нѣкоторыхъ, будто бы эпизодъ объ Овидіи неумѣстенъ въ устахъ Цыгана, и доказывается что этотъ упрекъ пустая придирка — здѣсь слѣдуетъ нѣсколько строкъ (а статья занимаетъ 12 страницъ) о томъ, что напрасно Пушкинъ заставилъ Алеко водить медвѣдя и тѣмъ впалъ въ фарсъ — статья за ключается такъ:

«Пушкинъ совершилъ много; но можетъ совершить еще болѣе. Онъ долженъ это чувствовать и мы въ этомъ убѣждены за него. Онъ ковечво далеко за собою оставилъ берега и сверстниковъ своихъ; но все еще предстоятъ ему новыя испытанія силъ своихъ — онъ можетъ плыть еще далѣе».

Оставимъ въ сторонѣ фразу о медвѣдѣ — и ны должны будемъ согласиться, что все прочее въ разборѣ очень справедливо, и что даже теперь почти нечего прибавить къ высказанному въ немъ. Да и самое неудовольство рецензента медвѣдемъ легко можетъ быть объяснено очень уважительными причинами. Угрюмый и гордый Алеко вовсе не способенъ гаерствовать передъ толпою, и дѣйствительно, только желаніе Пушкина вставить въ картину его бродячей жизни насмѣшку надъ чопорностью условныхъ приличій, внушало ему мысль придать своему герою черту, которая соотвѣтствуетъ общему очерку характера.

Удивленіемъ и благоговѣніемъ въ Пушкину проникнуты и слѣдующіе за тѣмъ отзывы «Телеграфа» — до появленія VII главы «Евгенія Онѣгина», разборъ которой помѣщенъ въ послѣдней части «Телеграфа» за 1830 годъ. Здѣсь уже съ грустью говорится о томъ, что блестящій талантъ Пушкина запутался среди отношеній, неблагопріятствующихъ его развитію, и рецензентъ ищетъ объясненій того факта, что вновь вышедшая глава романа принята публикою не съ такимъ восторгомъ, какъ прежній. Тонъ статьи умѣренъ и деликатенъ, но твердъ и независимъ: въ немъ слышится уваженіе, но нѣтъ и тѣни прежняго энтузіазма. Еще холоднѣе, нежели о VII главѣ «Евгенія», отзывъ о «Ворисѣ Годуновѣ», помѣщенный въ той же части журнала. Наконецъ — все въ той же 32-й части, «Телеграфа», находимъ пародію извѣстной эпиграммы Пушкина «Собраніе насѣкомыхъ»:

Э П И Г Р А М М А.

На нивѣ бѣдной и безплодной
Россійской прозы и стиховъ,
Я, сынъ поэзіи холодной,
Вамъ набралъ травовъ и цвѣтовъ;
Въ тиски хохочущей сатиры
Я ихъ когтями положилъ
И рѣзкимъ звукомъ емѣлой лиры
Ихъ описалъ и ивсушилъ.
Вотъ Чайльдъ Гарольдъ *) смѣшная,
Вотъ Донъ-Жуакъ моя;
Вотъ Дидеротъ блаженный,
Вотъ русской бѣлены семья;
Пырей Ливоніи удалой
И фвекіи нашъ чертополохъ.
И навъ Германія удалой
И древнихъ эллиновъ горохъ **) —
Все, все рядомъ въ моихъ листочкахъ
Разложено, уложено
И эпиграммы въ легкихъ строчкахъ
На смѣхъ другимъ обречено.

Обезьянинъ.

(Московскій Телеграфъ 1830 г. Ч. 32, стр. 135).

Черезъ два года была помѣщена другая пародія знаменитаго стихотворенія Пушкина «Чернь»:

*) Явные намеки на произведенія Пушкина.

**) Столь же явные намеки на барона Дельвига.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ.

*Историческо-политическо-литературная Газета, издаваемая въ городѣ NN,
Яковомъ Ротозведемъ и Ѳомою Низкопоклоннымъ *).*

П О Э Т Ъ.

(Посвящено Ѳ. Ѳ. Мотылькову).

«Самовластительный губитель
Забавъ и доблестей своихъ,
То добрый гешъ, то мучитель.
Мертвецъ средь радостей земныхъ
И гость веселый на кладбищѣ,
Поэтъ! скажи мнѣ, гдѣ жилище,
Гдѣ домъ твой, дивный чародѣй?
Небрежной лирою своей
Ты вась то мучишь, то терзаешь,
То радуешь, то веселишь;
Къ ногамъ порока упадаешь,
Добро презрѣшенъ даришь;
То надъ неопытною дѣвой,
Какъ старый грѣшникъ, шутишь ты...
Скажи, зачѣмъ твои сомнѣнья,
Твои безумные волненья;
Зачѣмъ въ тебѣ порокъ и зло
Влестящимъ даромъ облекло
Судьбы счастливой заблужденъ?
Зачѣмъ къ тебѣ, суетъ дѣтя,
Всползли, взгнѣздилися пороки?
Лжи, лести, низости уроки
Ты проповѣдуешь шути?
Съ твоимъ божественнымъ искусствомъ
Зачѣмъ, презрѣнной славы льетецъ,
Зачѣмъ предательскимъ ты чувствомъ
Мрачишь лавровый свой вѣнецъ?»

Такъ говорила червь слѣпая,
Поэту дивному внимай;
Овъ горделиво посмотрѣлъ
На вопль в крики черни дикой,
Не дорожа ея уликой,
Какъ юный, дѣвственный орелъ;
Ударилъ въ струны золотыя,
Съ земли далеко улетѣлъ,
Въ передней у вельможи сѣлъ
И пѣсни дивныя, живыя
Въ восторгъ радости запѣлъ.

Безсмысловъ.

С.-Петербургъ, 1832.

*) Тел. 1832, ч. 44, Качеръ-обскура. № 8, стр. 153.

Здѣсь, ясно, дѣло идетъ о «Литературной Газетѣ», которую издавалъ Дельвигъ (его, очевидно, должно разумѣть подъ именемъ Якова Ротозѣва), литературный кліентъ Пушкина (котораго хочетъ пародія означить именемъ Юмы Низкопоклонина). Прозвища «Мотыльковъ» и «Безсмысловъ», очевидно, относить она также къ нему.

Форма послѣдней пародіи очень жестка; но таковы были тогда литературные обычаи въ эпиграммахъ и пародіяхъ; самъ Пушкинъ часто бывалъ не менѣе рѣзокъ,—довольно припомнить знаменитыя статьи Теофилакта Косичкина въ «Телескопѣ», не менѣе знаменитую статью о Видокѣ и многія изъ его эпиграммъ—изъ нихъ приведемъ только одну, подписанную его именемъ, и напечатанную въ «Телеграфѣ» 1829 года (часть 26, стр. 408).

Э П И Г Р А М М А.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленемъ опочалъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спяною,
Подъ холодный Вѣстникъ свой
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ вѣжицу живой.

А. Пушкинъ.

Подъ «Кочерговскимъ» еще яснѣе видѣнъ «Коченовскій» (помѣстившій не задолго передъ тѣмъ въ своемъ журналѣ одну изъ статей экс-студента Надоумко), нежели подъ «Мотыльковымъ» Пушкинъ. Потому, вели намъ теперь предосудительной кажется неделкатность формы, то осуждать можно только вообще литературные обычаи всего общества той эпохи, а не въ частности того или другаго изъ людей, поступавшихъ въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ и всѣ прочіе. Если же непремѣнно захотимъ обвинять кого нибудь въ частности, то скорѣе надобно искать виновниковъ такого обычая между приверженцами Пушкина, нежели между его литературными противниками. Положительныя указанія на то легко найти въ тогдашнихъ журналахъ. Мы, чтобы не увеличивать число цитатъ, ограничимся одною ссылкой на «Московскій Телеграфъ» (1830 года) часть 31, стр. 79.

Итакъ, около конца 1830 года отзывы «Телеграфа» о Пушкинѣ измѣнились; вмѣсто прежняго энтузіазма водворилась сначала холодность, потомъ явный раздоръ. Въ чемъ же надо искать причинъ этой перемѣны, и кого считать первымъ виновникомъ той жесткости, до которой часто доходила распря? Обыкновенно во всемъ обвиняютъ издателя «Телеграфа», совершенно оправдывая приверженцевъ Пушкина, тѣмъ болѣе самого Пушкина. Факты не подтверждаютъ такого приговора, составленнаго исключительно на основаніи авторитета самого Пушкина.

Что касается измѣненія въ сущности сужденій о произведешяхъ Пушкина, начиная съ 1830 года, журналы (и въ томъ числѣ «Московскій Телеграфъ») были только отголоскомъ общаго мнѣнія огромнаго большинства публики.

Но справедлива или несправедлива была публика, становясь равнодушнѣе къ новымъ произведешямъ Пушкина, нельзя обвинять журналы за то, что они не прошли молчашемъ этотъ фактъ и старались объяснить его; нельзя было бы строго

осуждать ихъ и за то, если бы они безотчетно увлеклись общимъ мнѣніемъ. Но о «Телеграфѣ», отношенія котораго къ Пушкину теперь занимаютъ насъ, должно сказать, что онъ старался, пока доставало у него силы внутреннего убѣжденія, бороться съ измѣнившимся мнѣніемъ публики; что потонѣ, начавъ отчасти раздѣлять это мнѣніе, онъ дѣлалъ это не по слѣпому увлеченію изъ одной крайности въ другую, а по сознательному и твердому убѣжденію, которое совершенно гармонировало съ общимъ направленіемъ этого журнала. Онъ остался вѣренъ себѣ, когда измѣнившіяся отношенія Пушкина къ публикѣ заставили его не признавать въ послѣдующихъ твореніяхъ поэта того значенія для русской литературы, какое имѣли его первыя произведенія. Выписки, которыя мы приведемъ сейчасъ, неоспоримо это доказываютъ.

Однимъ изъ первыхъ поводовъ вражды близкихъ друзей Пушкина противъ «Московского Телеграфа» были отзывы этого журнала о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» Дельвига. Первый годъ этого альмаваха (1827) былъ встрѣченъ въ «Телеграфѣ» безусловною похвалою—которой изаслуживала эта книжка.—«Сѣверные Цвѣты»,—говорилъ отзывъ,—«лучшій у насъ альманахъ, который можетъ выдержать сравненіе съ иностранными».

Точно таковъ же былъ отзывъ и о слѣдующемъ выпускѣ альмаваха (за 1828 годъ). «Баронъ Дельвигъ,—говорилось въ «Телеграфѣ»,—не только поддержалъ прежнюю славу своего изданія, но, по отдѣленію словесности, кажется, усовершенствовалъ его строгою разборчивостью». Между тѣмъ въ альманахѣ за этотъ годъ явился «Обзоръ русской словесности» Ореста Сомова, который отозвался о «Телеграфѣ» очень холодно, гораздо холоднѣе, нежели о «Сынѣ Отечества», «Сѣверномъ Архивѣ» и «Сѣверной Пчелѣ», которыя получили на свою долю нѣсколько искреннихъ похвалъ (хотя безпристрастіе и общій голосъ публики, конечно, требовали отдать справедливость «Телеграфу», безспорно лучшему изъ тогдашнихъ журналовъ); къ двусмысленной похвалѣ «Телеграфу» («сей журналъ нравится своимъ разнообразіемъ») Сомовъ прибавлялъ упрёки въ заносчивости сужденій и нечистотѣ слога. Относительно перваго нельзя не сказать, что онъ былъ совершенно напрасенъ: откровенныя и основательныя, но умѣренныя сужденія о книгахъ, составляли одно изъ лучшихъ достоинствъ «Телеграфа». Издатель этого журнала отвѣчалъ Сомову скромно и деликатно; тѣмъ не менѣе, Сомовъ, очевидно, обидѣлся, потому что въ слѣдующемъ обзорѣ (1829 г.) съ ѣдкими намеками сказалъ, что не хочетъ и говорить о журналахъ, уже утвердившихся во мнѣніи публики; онъ желчно говорилъ, что не хочетъ вновь «подвергаться укоризнамъ». За то, безъ сомнѣнія съ расчетомъ, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» этого года (1829) была помѣщена статья Измайлова «О новой журнальной критикѣ», направленная противъ Половаго, написанная запальчиво и оскорбительно. Тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ «Телеграфъ» отозвался объ альманахѣ, уже ставшемъ къ нему враждебно, съ горячими похвалами. Очевидно, ему хотѣлось избѣжать ссоры.

Но, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ имѣлъ несчастіе говорить о «Стихотвореніяхъ» сего Дельвига и тѣмъ раздражить его. Прежде всего должно замѣтить, что статья была подписана не издателемъ журнала, Н. А. Полевымъ, а его братомъ, К. А. Проповѣдуя романтизмъ, «Телеграфъ», конечно, не могъ восхищаться псевдо-античными идилліями и двустишіями барона Дельвига; но въ замѣнъ того осыпалъ похвалами его русскія пѣсни. Мы вовсе не предубѣждены въ пользу

г. К. Полеваго, но должны сказать, что статья о Дельвигѣ была написана очень умно и деликатно. Напримѣръ, рецензентъ старался смягчить свое справедливое мнѣніе о невозможности въ наше время писать теокритовскія идилліи указаніемъ, что и самому Гете не удалось его античныя стихотворенія. Многіе на мѣстѣ Дельвига были бы благодарны за такое облагоустройство. Но авторъ идиллій былъ не таковъ. Самъ Пушкинъ, несмотря на свою задушевную дружбу съ Дельвигомъ, не рѣшался глѣзнуть ему даже изустныхъ замѣчаній, чтобы не раздражить его литературнаго самолюбія. Въ журнальныхъ пародіяхъ Дельвигъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ «Недотыка». Можно себя вообразить, какъ онъ былъ раздраженъ статьею «Телеграфа». Правда, этотъ журналъ былъ такъ деликатенъ и уступчивъ въ этомъ случаѣ, что вслѣдъ за статьею помѣстилъ возраженія на нее, г. Лихонина, стараясь доказать, что Дельвигъ правъ, подражая Теокриту,—но ничто не помогло. Черезъ три или четыре мѣсяца послѣ появленія зловредной статьи была основана «Литературная Газета», безпощадно и очень неразборчиво разившая издателя «Телеграфа» — смертоносная статья была написана не имъ, но баронъ Дельвигъ и его сподвижники не хотѣли ничего принимать въ соображеніе—они разили, разили ненавистный «Телеграфъ» и смертельнаго врага своего Полеваго, пока сами не были поражены однимъ изъ своихъ ударовъ, слишкомъ нелитературныхъ (см. «Лит. Газ.» 1830 г., 2-е полугодіе, стр. 72). Исчислять сотни язвительныхъ выхонокъ и цѣлыя десятки статей, явившихся въ этой газетѣ противъ издателя «Телеграфа», было бы утомительно и бесполезно.

Вражда Дельвига къ этому человеку была, безъ всякаго сомнѣнія, важнѣйшею причиною вражды, которую началъ питать къ нему и Пушкинъ. Это ясно для всякаго, кто припомнитъ безпредѣльную преданность Пушкина своему другу.

Но изъ числа главныхъ сотрудниковъ «Литературной Газеты» и ближайшихъ друзей Пушкина не одинъ Дельвигъ былъ смертельнымъ врагомъ Полеваго. Кн. Вяземскій, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ столь дѣятельно участвовалъ въ «Телеграфѣ» и которому по преимуществу обязана своимъ происхожденіемъ полемика, въ которую тогда вовлекался этотъ журналъ, также поссорился съ Половымъ. Причинъ ссоры мы не знаемъ; но можемъ быть увѣрены, что во всякомъ случаѣ онъ не заключалъ въ себя ничего предосудительнаго для чести Полеваго, потому что иначе его стали бы колоть намеками о томъ; и каковы бы ни были причины распри, достовѣрно то, что бывшій сотрудникъ въ то время весьма не благоволилъ къ издателю «Телеграфа». Памятниками его вражды остались, кромѣ статей, помѣщенныхъ въ «Литерат. Газетѣ», нѣсколько эпиграммъ, письмо къ А. И. Д'—ой (въ «Денницѣ» на 1830 г.) и проч. Въ этой послѣдней филиппикѣ была и знаменитая фраза: «съ нѣкотораго времени журналы наши такъ грязны, что читать ихъ не иначе можно, какъ въ перчаткахъ» — на что было замѣчено, что прежде, когда авторъ письма не чуждался ихъ, они были едва ли лучше.

П. А. Катенинъ, чрезвычайно уважаемый Пушкинымъ и какъ поэтъ, и какъ мыслитель, такъ же не могъ благопріятствовать Половому, который съ самаго начала не раздѣлялъ мнѣній Пушкина о его поэтическихъ произведеніяхъ (и былъ въ этомъ совершенно правъ). Изъ всѣхъ случаевъ оскорбить отзывами о нихъ и самого Катенина, и его геніальнаго поклонника, упомянемъ только объ одномъ: въ 1827 году Полевой разбиралъ очеркъ русской литературы въ Атласѣ Бальби: въ

этой статьѣ, наполненной нелѣпостями, была, между тѣмъ, фраза: «Мельпомена русская только на г. Катенина имѣетъ надежды» — «Телеграфъ» посмѣлся надъ этимъ забавнымъ увѣреніемъ (часть 17, стр. 122). Подобныхъ столкновеній было много.

Кромѣ того, мы уже знаемъ, что Орестъ Сомовъ принадлежалъ въ 1829—1831 годахъ къ отъявленнымъ врагамъ Полеваго; а Сомовъ имѣлъ можетъ быть вліяніе на Дельвига, и, конечно, раздвухивалъ ненависть.

Неудивительно, если Пушкинъ, горюю стоявшій за своего друга Дельвига, принимавшій къ сердцу всѣ его жалобы и горести, оскорблявшійся нападеніями на его авторскую славу гораздо болѣе, нежели на свою собственную; — Пушкинъ, любящій и уважавшій кн. Вяземскаго, благоговѣвшій передъ Катенинымъ, былъ увлеченъ въ ихъ вреду съ Полевымъ.

Вотъ по нашему мнѣнію, главнѣйшая причина распри, раздѣлившей великаго поэта съ челоѣкомъ, который, не равняясь съ нимъ по таланту, также заслуживаетъ нѣкотораго уваженія и благодарное воспоминавіе о которомъ во многихъ, къ сожалѣнію, еще помрачено опалою, какой подвергся онъ отъ Пушкина. Это объясненіе, оправдывая Полеваго, обнаруживаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и въ самыхъ увлеченіяхъ его великаго противника благородныя побужденія безграничной, безкорыстной преданности друзьямъ.

Этотъ главный мотивъ, безъ всякаго соинѣнія, усиливается тѣми природными наклонностями Пушкина, которыя прекрасно разъяснены П. В. Анненковымъ — уваженіемъ къ преданіямъ старины, благоговѣніемъ къ памяти Карамзина, и, наконецъ, особеннымъ расположеніемъ къ издателю другаго журнала, «Московского Вѣстника», бывшаго во враждѣ съ «Телеграфомъ». Последнее обстоятельство не требуетъ подробныхъ доказательствъ. Но выпишемъ нѣсколько вѣрныхъ словъ г. Анненкова о первой изъ причинъ неблаговоленія нашего поэта къ журналу Полеваго.

Всего болѣе оскорбляло Пушкина то уничтоженіе авторитетовъ и литературныхъ репутаций (*незаслуженныхъ, прибавимъ мы*), которое происходило отъ немедленнаго приложенія вычитанныхъ (*и болѣею частью справедливыхъ*) идей къ явленіямъ отечественной словесности. Несмотря на ловкость и остроуміе, съ какими иногда (*болѣею частью*) производились эти опыты, Пушкинъ, не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. Притомъ «Московский Телеграфъ» былъ совершенно противоположною душою, господствовавшему у насъ въ эпоху литературныхъ обществъ; онъ ихъ замѣнилъ, образовавъ новое направленіе въ словесности и критикѣ. Съ его появленія, журналъ пріобрѣлъ свой голосъ въ дѣлѣ литературы. Расположеніе литературныхъ обществъ къ своимъ членамъ (*т. е. превозношеніе похвалами всѣхъ бездарныхъ знакомыхъ*) сдѣлалось тогда достояніемъ исторіи. Пушкинъ сохранялъ убѣжденія стараго члена литературныхъ обществъ. Къ новому порядку вещей, гдѣ личное мнѣніе (*напротивъ, общественное мнѣніе, которымъ только и поддерживается журналъ, а не пересуды и похвалы тѣснаго кружка пріятелей, какъ прежде*) играло такую роль, онъ уже не могъ привыкнуть всю жизнь. Съ первыхъ же признаковъ его появленія, онъ началъ свою систему разсчитаннаго противодѣйствія, забывая иногда и то, что высказывалось по временамъ (*очень часто*) дѣльнаго и существеннаго противниками, и

постоянно имѣя въ виду только одно: возвратить критику въ руки малаго избраннаго крута писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики (*нѣтъ, довѣремъ публики пользовались его противники; скорѣе надобно сказать: писателей, составившихъ между собою общество взаимнаго застрахованія отъ критики, какъ это бывало въ старину*).

«Телеграфъ», защищаясь отъ нападеній «Литературной Газеты», долженъ былъ нападать и самъ. Газета и ея издатель, не были щадимы. Вотъ, напр., нѣсколько пародій на антологическія стихотворенія Дельвига:

СХОДСТВО.

Сшили фракъ; и былъ онъ модный, прекрасный, изящный,
Мода прошла и—на ветошь оъ проданъ: ве то ли в съ вами?

Бескрытосъ.

I.

СУДЬБА ЧЕЛОВѢКА.

Трубку я докурить, в пепель ея выбивая,
Думалъ: «Такъ выбиваетъ изъ свѣта насъ Кронъ безпощадный!»

II.

Роза цвѣла и подл украшала и взоръ веселила;
Буря измѣла цвѣтокъ! погибъ оъ для вора. О, смертный!
Жизнь есть цвѣтокъ, и смерть его мнетъ: такъ все на свѣтъ!

Бескрытосъ.

Мѣсто не позволяетъ намъ выписывать другихъ пародій, иногда очень удачныхъ, какъ переложенія русскихъ пѣсенъ на чухонскій ладъ, наприм. «русская пѣсня безъ чухонскихъ приправъ»:

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла и т. д.

И «русская пѣсня на чухонскій ладъ»:

Въ густомъ лѣсу, въ темномъ бору
Цвѣтеть, растеть рябины кустъ, и т. д.

Это, конечно, еще болѣе усиливало вражду, и удары на Полеваго сыпались въ каждомъ номерѣ «Литературной Газеты». —Его обвиняли въ хвастовствѣ, невѣжествѣ, своекорыстіи, отсутствіи литературной и коммерческой честности; было много и другихъ выходокъ, еще менѣе дозволительныхъ правилами литературной полемики. Мы не можемъ съ достовѣрностью рѣшить, какія изъ этихъ статей принадлежали Пушкину, какія были помѣщены по его совѣту; быть можетъ, много ихъ онъ и не одобрялъ; но во всякомъ случаѣ, онъ былъ душою, онъ составлялъ главную силу всей партіи, враждовавшей противъ «Телеграфа» —какіе же отзывы въ то время дѣлалъ журналъ о его произведеніяхъ?

О «Полтавѣ», которую публика приняла холодно, и которая была растерзана въ «Вѣстникѣ Европы», «Телеграфъ» помѣстилъ двѣ статьи. Вотъ главные мѣста изъ первой, краткой («Телеграфъ» 1829 г., часть 26, стр. 337):

«Съ появленіемъ сей поэмы, Пушкинъ становится на степень столь высокую, что мы не смѣемъ въ краткой извѣстїи изрекать приговоръ новому его произведенію. Доселѣ русскіе библіографы, и въ числѣ ихъ мы сами, слѣдовали въ отношеніи къ Пушкину словамъ Вольтера, сказавшаго о Расинѣ, что подѣ каждую его страницею должно подписывать: прекрасно! превосходно! Впрочемъ, это естественный ходъ вещей: всякое необыкновенное явленіе сначала поражаетъ, а послѣ уже даетъ время подумать объ отчетѣ самому себѣ. Но удерживаясь на сей разъ отъ рѣшительнаго сужденія о *Полтавѣ*, мы екажемъ, однакожъ, что видимъ въ ней, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, новое—народность. Въ *«Полтавѣ»* сначала до конца, вездѣ русская душа, русскій умъ, чего кажется, не было въ такой полнотѣ ни въ одной изъ поэмъ Пушкина».

Черезъ полтора мѣсяца явился подробный разборъ поэмы, развивающій тѣ же самыя мысли (*«Телегр.»* 1829 г., часть 27, стр. 219—236). Здѣсь говорится, что Пушкинъ, сначала писавшій подѣ влияніемъ Шенье, потомъ Байрона, теперь становится самостоятельнымъ, и что его генію суждено еще развиваться несравненно могущественнѣе, нежели какимъ онъ являлся въ прежнихъ произведеніяхъ. Равнодушіе публики къ новой поэмѣ, которая въ тысячу разъ выше прежнихъ, объясняется тѣмъ, что публика жаждетъ живаго направленія, касающагося общественныхъ интересовъ, а не Шекспировскаго спокойствія, которое владычествуетъ въ *«Полтавѣ»*, и потомъ доказывается, что Пушкинъ правъ, и неправъ, не развитъ, тупоумы тѣ, которые не умѣютъ восхищаться его дивною *«Полтавою»*: —гдѣ въ этихъ словахъ отголосокъ вражды? Разъясняя причину восторженнаго увлеченія прежними произведеніями Пушкина, критикъ говоритъ очень справедливо: «Не разнообразный геній его, не прелесть картинъ увлекали современную молодежь, а звучные стихи, изображавшіе ихъ мысль. Можно утвердительно сказать, что имя Пушкина всего болѣе сдѣлалось извѣстно въ Россіи по нѣкоторымъ его мелкимъ стихотвореніямъ, нынѣ забытымъ (?), но въ свое время ходившимъ по рукамъ во множествѣ списковъ» (стр. 227 — 8) — фактъ, нынѣ забытый въ свою очередь, но очень важный. Статья оканчивается такъ: «Въ заключеніе мы должны сказать, что новая поэма Пушкина не произвела на публику такого сильнаго впечатлѣнія, какое производили прежнія. Это очень естественно: досугъ ли читателямъ отставать отъ привычки и вникать въ внутренній смыслъ (*т. е., выражаясь нынѣшнюю терминологію: въ художественность*) поэтическихъ произведеній? Имъ надобны восклицанія, возгласы, брань на самихъ себя, ибо не забудемъ, что мы современники байроновскихъ читателей». Критикъ видитъ истинную причину охлажденія публики, но еще покланяется съ прежнимъ энтузіазмомъ великому поэту и клеймитъ, какъ тупоумныхъ людей, тѣхъ, которые покинули его, когда онъ покинулъ область живыхъ стремленій для областей холодной художественности.

Разбирая *«Сѣверные Цвѣты»* 1830, 1831 и 1832 годовъ, *«Телеграфъ»* восхищается стихотвореніями Пушкина; постоянно хвалитъ стихи Дельвига, князя Вяземскаго, какъ скоро они хотя сколько-нибудь заслуживаютъ вниманія своимъ достоинствомъ, хвалитъ даже повѣсти Порфирія Байскаго (Ореста Сомова) — вообще, въ его сужденіяхъ, мы не видимъ и слѣдовъ полемическаго пристрастія. Что должно осуждать, надѣ тѣмъ критикъ смѣется; но все хорошее онъ прямо называетъ хорошиномъ безъ оговорокъ и колебаній.

Когда вышла VII глава Евгенія Онѣгина, встрѣченная публикою также холодно, *«Телеграфъ»* сказалъ (1830 г. ч. 32):

«Стихотворенія А. С. Пушкина въ нашей литературѣ показываютъ, что, мы еще не совсѣмъ оледенѣли для поэзіи. Среди нынѣшнихъ нашихъ льдовъ и снѣговъ. Пушкинъ есть явленіе утѣшительное. Жалѣемъ объ одномъ: зачѣмъ столь блестящее дарованіе окружено обстоятельствами, самыми неблагопріятными? Освободиться отъ нихъ очень трудно, если не совсѣмъ невозможно.—Мы еще дѣти и въ гражданскомъ быту и въ поэтическомъ ощущеніяхъ и потому то Пушкинъ кажется такъ слабъ въ сравненіи съ Байрономъ, наображавшимъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своихъ то же, что представляетъ намъ Пушкинъ въ «Онѣгинѣ». «Гостинныя, дѣвы и модники—герои деревень, городовъ и бадовъ! Какой подвигъ взглянуть на нихъ сардонически!»—вотъ господствующая мысль въ «Онѣгинѣ», которую можетъ быть самъ творецъ сего романа худо понимаетъ себѣ, ибо иначе онъ увидѣлъ бы, что тѣсниться вокругъ нея въ семи стихотворныхъ главахъ, утомительно и для него и для читателей. Первая глава «Онѣгина» вѣдѣ-три слѣдовавшія за нею нравились и плѣняли, какъ превосходный опытъ поэтического изображенія общественныхъ причудъ. Но опытъ все еще продолжается, краски и тѣня одинаковы и картина все та же. Цѣна новости исчезла и тотъ же «Онѣгинъ» нравится ужъ не такъ, какъ прежде. Надобно прибавить, что поэтъ и самъ утомился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ VII главы «Онѣгина» онъ даже повторяетъ самъ себя (слѣдуютъ примѣры). Высказавъ все о VII главѣ «Онѣгина», съ удовольствіемъ замѣтимъ, что прелесть стиховъ въ оной, во многихъ мѣстахъ сила мыслей и поэтическія чувствованія показываютъ неизмѣнность дарованія Пушкина».

Едва ли теперь можно согласиться съ этимъ отзывомъ, но въ немъ все-таки незамѣтно недоброжелательства критика къ разбираемому имъ автору. Когда вышелъ «Борисъ Годуновъ», о немъ былъ напечатанъ слѣдующій отзывъ («Моск. Телегр.» 1831 г., ч. 37, стр. 245).

«Бориса Годунова» можно обзрѣвать въ двухъ отношеніяхъ. Первое, какъ произведеніе Пушкина, русскаго литератора, русскаго поэта. Съ этой стороны, «Борисъ Годуновъ» есть великое явленіе нашей словесности, шагъ къ настоящей романтической драмѣ, шагъ смѣлый, дѣло дарованія необыкновеннаго. Нужно ли прибавлять, что Пушкинъ становится имъ, уже рѣшительно и безспорно, выше всѣхъ современныхъ русскихъ поэтовъ? нмѣ его дѣлается послѣ сего причастно небольшому числу великихъ поэтовъ. до нынѣ бывшихъ въ Россіи и между ними горитъ оно яркою звѣздой.

«Но бывши русскимъ, бывши современнымъ, Пушкинъ принадлежитъ въ то же время вѣкамъ и Европѣ. Вотъ второе отношеніе, въ которомъ должно разсматривать «Бориса Годунова». Здѣсь получаетъ онъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто, во только какъ надежда на будущее, болѣе совершенное. Первый опытъ Пушкина въ семь отношеній не удовлетворяетъ насъ: первый шагъ его смѣлъ, отваженъ, великъ для русскаго поэта, во не полонъ, не вѣренъ для поэта нашего вѣка и Европы. Можемъ теперь видѣть, что въ состояніи сдѣлать вполнѣ Пушкинъ, этотъ озаменованный небеснымъ огнемъ истинной поэзіи человѣкъ; но въ «Борисѣ Годуновѣ» онъ еще не достигъ предѣловъ возможнаго для его дарованія. Языкъ русскій доведенъ въ «Борисѣ Годуновѣ» до послѣдней, по крайней мѣрѣ въ наше время, степени совершенства, сущность творенія, напротивъ, близорукая и запоздалая».

Когда въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1832 г. были напечатаны «Вѣсы», Пушкина, «Телеграфъ» отозвался объ этой пьесѣ съ восторгомъ изумленія: о сценѣ «Моцартъ и Сальери», помѣщенной въ той же книжкѣ, было сказано: «Это несравненное произведеніе можно постигнуть только прочитавъ вполнѣ» (1832 г., часть 43, стр. 112). Сущность отзыва о послѣдней главѣ «Евгенія Онѣгина», вышедшей въ то же время, состоитъ въ томъ, что она удивительно хороша: по полнотѣ и прелести разсказа», и что заключеніе романа есть одно изъ лучшихъ мѣстъ его (часть 43, стр. 117). Наконецъ (въ той же части, стр. 566) извѣщая

и появленія новаго изданія лирическихъ пьесъ Пушкина, «Телеграфъ» съ негодованіемъ упрекаетъ публику за охлажденіе къ великому поэту:

«Сказать, что медкія стихотворенія Пушкина въ настоящее время не возбуждаютъ восторга, какъ бывало то прежде, мы, кажется, повторимъ извѣстное каждому наблюдателю словесности русской. Еще болѣе: стихотворенія сія нынѣ встрѣчаютъ холодность, и слава Богу, когда дѣло оканчивается однимъ равнодушіемъ! Такъ нѣтъ! Въ публикѣ нашей замѣтна еще какая то неприязнь въ нимъ, какое-то желаніе унижать произведенія поэта прежде столь любимаго, недавняго идола всей русской молодежи. Событіе неоспоримо!»

Заключимъ наши выписки общимъ сужденіемъ «Телеграфа» (1829 г., часть 26, стр. 80) о поэмахъ пушкинской эпохи и постепенномъ развитіи самого Пушкина.

«Поэты наши принимали тотъ духъ, тѣ формы мыслей, коими донныя ознаменовались всѣ поэмы Пушкина. Отъ сего главные недостатки: однообразіе духа, въ какомъ изображаются горюя поэмъ; забвеніе формъ, подъ коими должна бы проявляться національность и частность (т. е. индивидуальность, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ). Прибавимъ къ этому неполноту плана, слабую завязку, на которой обыкновенно, держатся новыя поэмы, оставленіе въ тѣняхъ многихъ частей и отдѣлку только нѣкоторыхъ, отчего поэма бываетъ только рядомъ картинъ; часто дурно связанныхъ; къ этому ведетъ и самое дѣленіе поэмъ на книги, а книгъ или главъ въ строфы в куплеты. Замѣтимъ, что Пушкинъ съ каждою поэмою удаляется отъ такихъ недостатковъ; «Цыганы» его были уже весьма чужды имъ, а «Мазепа», (т. е. «Полтава»), какъ говорятъ, есть твореніе полное живни и совершенной самобытности. Вступленіе, напечатанное при 2-мъ изданіи «Руслана и Людмилы», «Утопленникъ», извѣстныя намъ слезы изъ «Бориса Годунова», показываютъ, какъ хорошо понимаетъ Пушкинъ національность, мѣстность, въ которую должны облекаться дѣйствующія лица каждаго изъ его твореній. О послѣдователяхъ его ни объ одномъ еще нельзя сказать этого».

Черезъ двадцать пять лѣтъ, что мы найдемъ невѣрваго въ этихъ понятіяхъ? И многимъ ли мы можемъ дополнить ихъ?

Это обозрѣніе, которое многимъ покажется слишкомъ длинно, за то другимъ недостаточно подробно, едва ли оставляетъ мѣсто сомнѣваться, что отношенія главнаго критическаго журнала 1825—1830 годовъ къ Пушкину были вовсе не таковы, какъ обыкновенно полагаютъ. Мы видимъ, что если мало по малу личная неприязнь къ издателю «Телеграфа» овладѣла великимъ поэтомъ, и если нападеніями другихъ своихъ противниковъ, друзей Пушкина, и отчасти самого Пушкина, Полевой былъ вызываемъ на нѣкоторыя полемическія выходки, обычныя въ то время, то невозможно сказать, что бы издатель «Телеграфа» былъ виноватъ въ томъ: не онъ началъ полемику; напротивъ, онъ старался избѣжать ея. Еще важнѣе то, что не смотря на свои личные враждебныя отношенія съ Пушкинымъ, какъ членомъ одной изъ литературныхъ партій, Полевой продолжалъ разсматривать поэтическія произведенія его съ безпристрастіемъ, и отдавать полную справедливость ихъ достоинствамъ. Мы привели много примѣровъ (и каждый, кто потрудится перелистовать «Московскій Телеграфъ» найдетъ ихъ въ гораздо большемъ числѣ), что критика произведеній Пушкина въ этомъ журналѣ вовсе не состояла въ придиркахъ къ словамъ — напротивъ, она стремилась проникнуть въ существенный смыслъ произведенія, и часто достигала того успѣшно; старалась опредѣлить отношеніе каждаго новаго произведенія къ прежнимъ и прекрасно исполняла это. — Она

удачно объяснила и отношенія различныхъ созданій нашего поэта къ публикѣ — однимъ словомъ, была критикомъ, достойною этого имени. И нельзя не сказать, что всѣ обыкновенныя нареканія о тупоуміи, пустотѣ, и т. д. критики, которую встрѣчали сочиненія Пушкина при его жизни — чистый предразсудокъ, на сколько они касаются «Московского Телеграфа» въ цвѣтущее время его существованія, когда онъ имѣлъ сильное вліяніе на мнѣніе публики.

Но начиная съ 1831, особенно съ 1833 года, новый журналъ, «Телескопъ» начиналъ брать первенство надъ «Телеграфомъ» во мнѣніи, если не большинства публики, то людей, мнѣніемъ которыхъ иожетъ дорожить писатель. Посмотримъ же, каковы были отношенія «Телескопа» къ Пушкину.

Предшественницами учено-литературной критики, которая одушевляла «Телескопъ», были грозныя статьи «экс-студента Никодима Надоумко», явившіяся въ «Вѣстникъ Европы» 1828 и 1829 годовъ... Вотъ нѣсколько отрывковъ, которые могутъ дать понятіе о томъ, что говорилъ Надоумко.

«Я сидѣлъ и думалъ о приближающемся новомъ годѣ — говоритъ онъ въ первой изъ своихъ статей (Литературныя опасенія за будущій годъ): — «Слава Богу! вотъ и еще одинъ годъ скоро съ плечъ долой! Вотъ и еще на одинъ шагъ подвинемся мы на поприщѣ жизни! Но подвинули-ль мы съ собою хоть на одинъ дюймъ то, что должно составлять главную цѣль бытія нашего?.. Наше просвѣщеніе, и преимущественно наша литература... Тутъ мрачная тѣнь пробѣжала предъ моими взорами... Давно уже она обернулась назадъ, и въ протекающій годъ едва ли перемѣнила, едва ли даже приготовилась перемѣнить свое направленіе... Мнѣ стало грустно и тяжело». — Въ эту минуту пришелъ къ автору Тлѣвскій, одинъ изъ прославленныхъ поэтовъ новой школы, и услышавъ о его грустномъ раздумьѣ, сталъ доказывать, что наша литература процвѣтаетъ, что «литературный горизонтъ нашъ покрывается безпрестанно новыми блестящими созвѣздіями». — Надоумко прерываетъ его:

— «Потрудись указать мнѣ въ толпѣ метеоровъ, возгорающихся и блуждающихъ въ нашей Литературной атмосферѣ, хоть одинъ, въ которомъ бы открывалось таинственное пареше геіи въ страну вѣчныхъ идеаловъ, о которомъ прожужжали намъ всѣ уши велеумные журналисты? По сю пору близорукій взоръ мой, преслѣдуя вивисѣдмныя орбвты хвостатыхъ и безхвостыхъ кометъ, кружащихся на нашемъ небосклонѣ, —сквозь обвивающій ихъ чадъ могъ различить только то одно, что всѣ онѣ влекутся силою собственного тяготѣнія въ туманную бездну пустоты, въ созданный гигантскою фантазіею Байрова страшный хаосъ:

... Бездва пустоты,
Безъ протяженія и границъ,
Ни жизнь, ни смерть, какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой!

«Сии маленькія желтенькія, синенькія и зелененькія поэмы, составляющія теперь главный пінтическій Приплодъ нашъ —несмотря на щеголеватую наружность, въ коей онѣ обыкновенно являются —ве суть ли только эфемерные призраки, возникающіе взъ ничего и для вичего по прихотямъ зѣвающей отъ бездѣлья фантазіи?... Это и не удивительно! Лаяя ли ожидать чего нибудь дѣльнаго, связаного и цѣльнаго отъ произведеній, являющихся рапсодическими клочками, спитыми кое-какъ на живую нитку, в свѣтящихся насквозь отъ множества —ни то искусственныхъ, ни то естественныхъ —скважввъ в

шелей, нисколько не затыкаемых безчисленными тире и точками?—Не безсовѣстно ли требовать отъ творешя единства и сообразности съ идеею, когда самъ творецъ не имѣетъ часто въ головѣ яснаго и опредѣленнаго понятія о томъ, что онъ хочетъ писать; а просто пишетъ то, что на умъ забредетъ?.. Таковъ-то едва ли не всѣ нынѣшніе пятическія произведенія, въ коихъ услужливые журналисты усиливается открывать таинственное стремленіе въ страну идеаловъ!—Это значить, какъ говорятъ французы, *chercher nidi à quatorze heures!*..»

«Богъ судя покойнику Байрону! Его мрачный сливъ заразилъ всю настоящую поэзію в преобразилъ ео изъ улыбающейся Хариты въ окаменяющую Медузу!—Правда, самого его винить не за что. Онъ былъ то, чѣмъ сотворила его природа и обстоятельства. Невозможно не преклонить колѣаъ предъ величіемъ его генія, но невозможно вмѣстѣ и удержать горестнаго вздоха о томъ, что сія исполниская сила души, для которой рамы дѣйствительности были столь тѣсны, не просвѣтлялась яснымъ взоромъ ва вселенную, и не согрѣвалась кроткою теплою братской любви въ своимъ земнымъ спутникамъ. Это былъ одноокій колоссальный Полифемъ, проливающийъ окрестъ себя ужасъ в трепетъ!.. Но его мутный вазоръ, его мрачное челоуѣконенавидѣніе, его враждебная апатія во всѣмъ кроткимъ и мирнымъ наслажденіямъ, представляемымъ намъ благою природою—принадлежали собственно ему самому и составляли оригинальную печать его генія. Посему Байронъ есть и останется навсегда великимъ—хотя и злоуѣщымъ—свѣтиломъ на небосклонѣ двтературваго міра.—То бѣда, что сія грозная комета, изумивъ появленіемъ своимъ вселенную, увлекла за собою всѣ безчисленные атомы, врашающіеся въ литературной атмосферѣ, и образовала изъ нихъ хвостъ свой. Всѣ наши доморожденные стиходѣи, стяжавшіе свѣѣ дубочный дипломъ на имя поэтовъ двжнюю звонкихъ в богато-обряфмованныхъ строчевъ, помѣщенныхъ въ альманахахъ в расхваленныхъ журналами, загудѣли *à la Byron*:

Запѣли молодцы: кто, въ дѣсъ, кто по дрова

И у кого что силы стало!

Пошли безпрестанныя рѣзавья, стрѣлянья, душегубства—ни за что, ни про что... для одного романтическаго эффекта!..»

Надоумко въ одной изъ послѣдующихъ статей доказываетъ разборомъ «Полтавы», что въ понятіяхъ Пушкина нѣтъ ничего похожаго на байроновское міросозерцаіе. Общее заключеніе его о русской литературѣ 1820—1829 года высказывается такимъ образомъ по поводу замѣчанія, что «Телеграфъ» прилагаетъ къ литературѣ «вышіе взгляды»:

«Это болѣе смѣшно, чѣмъ жалко! Наша литература, въ настоящія времена, такъ челка, такъ ничтожна, что ее съ-высока то и не примѣтно! Напротивъ—надо понагнуться да понагнуться, чтобъ разглядѣть хорошенько, крошечныя крапинка жизни, иногда на ней выстуоающія! Забавное дѣло! Что подумали бъ мы о чудакѣ, который, собираясь переплыть черезъ Патріаршіи прудъ ва корытѣ, разложилъ бы предъ собою ландкарту и комнасъ и отъ всего сердца принялся бы опредѣлять географическую широту и долготу его по парижскому меридіану? Каковъ кажется намъ «Метафизикъ» Хемницера, съ философическою важностью взваливающій вину своего паденія на центральное влеченіе и воздушное давленіе? А между тѣмъ въ нашемъ двтературномъ мірѣ дѣлается чуть ли еще ва хуже. Велемудрые наши крикуны, собирающіеся на Телеграфическую сходку, не стыдятся въ хламу, уваживающему нашу литературу, прикидывать мѣрку безконечнаго и безусловнаго, по которой нѣмецкіе критики опредѣляютъ величіе «Мессіады» или «Орлеанской дѣвственницы». Имъ чудится идеальное пареніе въ «Нулиѣ»; они видятъ развитіе идей челоуѣчества въ «Выжигвиѣ»!!! Одно только можетъ извинить предъ судилищемъ литературнаго правосудія сію хулу на изащество: это—грѣхъ невѣдѣнія!»

Вотъ какъ г. Надоумко разсуждалъ о «Евгеніѣ Онѣгѣнѣ», въ которомъ—не должно забывать—хотѣли видѣть русскаго Чайльд-Гарольда:

„Бывало время, когда каждый стих Пушкина считался драгоценным приобретением, новым перлом нашей литературы. Какой общий, почти единодушный восторг приветствовали первые свежие плоды его счастливого таланта! Каким громозвучным рукоплесканиями встречали Евгения Онегина в колыбели! Можно было по всей справедливости приписать к юному поэту горделивое изречение Цезаря: принял, увидел, победил! Все преклонилось перед ним до земли; все единогласно подняло ему венец поэтического бессмертия. Усумниться в преждевременном апофеозе героя считалось литературным святотатством; и несколько последних лет в истории нашей словесности по всем правам можно назвать эпохой Пушкина. Не будем оскорблять минувшее бесполезными истязаниями: что было, то было! Скажем больше: имя Пушкина в беззастенчивом капризе моды, коей был он любимым временщиком, имело бы все права на почетное место в нашей литературе, энгузизм, им возбуждаемый, не был совершенно не заслуженный. Но теперь какая удивительная перемена! Произведения Пушкина являются в проходы почти неприметно. Блистательная жизнь Евгения Онегина, коего каждая глава бывало считалась эпохой, оканчивается почти насильственно, перескочком через целую главу—и это не производит никакого движения, не возбуждает никакого участия. Третья часть стихотворений Пушкина, обогащенная обширной сказкою в новом роде, которого гений его еще не испытывал, скромно, почти никогды, прокрадывается в газетных объявлениях, на ряду с мелкой рухлядью цехового ремесленного рукодья; и—(о верхи унижения!)—между журнальными насекомыми, «Северная Пчела», ползавшая некогда перед любимым повтом, чтобы поживиться от него хотя росинкой сладкого меда, теперь осмеливается жужжать ему в приветствие, что в последних стихотворениях своих—Пушкин отжил!.. Sic transit gloria mundi.

«Что же значить сия перемена?.. Приписать ли это внезапное охлаждение той же ветролюбивой прихотливости моды, которая прежде баловала так поэта, или видеть в нем добросовестное раскаяние вразумившегося безпристрастия?.. Вопрос сей должно решить внимательным рассмотрением последних произведений Пушкина».

«Начнем с «Последней Главы Онегина». Признаемся откровенно, сия последняя глава показалась нам ничуть не хуже первых. Та же прихотливая ртзвость вольного воображения, порхающего легкокрылым мотыльком по узорчатому, но бесплодному полю светской бездушной жизни; та же яркая пестрота красок и цветов, мелькающих подвижною калейдоскопическою мозаикой; то же бгглое, но цбкое остроумие, везд оставляющее слды легваго, юмористического угрызенія; та же чистота и гладкость стиха, всюду льющагося тонкой хрустальной струей. Одним словом, мы нашли здсь продолжение той же пародіи на жизнь, втрениой и легкомысленной, но вмстѣ затѣливой и остроумной, коей мы любовались от дуніи в первых главах «Евгенія». Посему, читая ее, мы не испытали никакого разочарованія, не подверглись никакому оепрїятному впечатлѣнію; и если иногда приходило намъ въ голову, что поэту, создавшему «Бориса Годунова», время-бъ быть постепеннѣе, то мы оправдали его необходимостью: надобно жъ было кончить, что начато!.. Но отдавая искренній отчетъ въ собственныхъ нашихъ чувствованіяхъ, мы не думаемъ, чтобъ ихъ раздѣляло съ нами общее мѣніе. Большинство публики, въ минуты перваго упоенія, обмороченное втрлономными кликами марлатавовъ, спекулировавшихъ на общій энтузіазмъ въ Пушкина, видѣло въ «Онегинѣ» какое то необыкновенное чудо, долженствовавшее разродиться неслыханными послѣдствіями. Оно думало читать въ немъ полную исторію современнаго человѣчества, оправленную въ роскошныя поэтическія рамы, ожидало найти въ немъ русскаго «Чайльд-Гарольда». И могло ли устоять долго это добродушное ослѣпленіе, когда откровенная искренность поэта сана его разрушала безпрестанно? Каждая новая глава «Онегина» левѣе и яснѣе обнаруживала непрїязнательность Пушкина на исполнскій замыселъ, ему приписываемый. Съ каждою новою строкой становилось очевиднѣе, что произведение сіе было ни что иное, какъ вольный плодъ досуговъ фавтааів, поэтическій альбомъ явныхъ впечатлѣній таланта, играющаго своимъ богатствомъ. Напрасно самое прїстрасное доброжелательство усиливало отыскать въ немъ черты высшаго «эстетическаго» значенія. Его воздушная легкость ускользала отъ всѣхъ повушеній прїязненной критики,

домагавшейся узаконить его въ рангѣ художественнаго произведенія, имѣющаго извѣстные права и подчиненнаго извѣстнымъ условіямъ. «Евгеній Онѣгинъ» не былъ и не назначался быть въ самомъ дѣлѣ романомъ, хотя имя сіе, подъ которымъ онъ явился первоначально, осталось навсегда въ его заглавіи. Съ самыхъ первыхъ главъ можно было видѣть, что онъ не имѣетъ притязаній ни на единство содержанія, ни на дѣльность состава, ни на стройность изложенія; что онъ освобождаетъ себя отъ всѣхъ искусственныхъ условій, коихъ критика въ правѣ требовать отъ настоящаго романа. Въ такъ-называемомъ романѣ Пушкина, отъ начала до конца, мелькаютъ, говоря его же словами:

Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.
И постепенно въ усыоленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свѣдй пестрый мечетъ фараонъ. (VIII. 37).

Самое явленіе его, неопредѣленно-периодическими выходами, съ безпрестанными пропусками в скачкахъ, показывается, что поэтъ не имѣлъ при немъ ни цѣли, ни плава, а дѣйствовалъ по свободному внушенію играющей фантазіи. Смѣло можно было угадывать, что при первой главѣ «Онѣгина» Пушкинъ и не думалъ, какъ онъ кончится; в вотъ собственное его откровенное признаніе въ послѣдней главѣ:

Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явились впервые мнѣ—
И далъ свободного романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще не ясно различаю. (VIII. 50).

Но сіе призваніе сдѣлано уже слишкомъ поздно. Ово не спасло откровеннаго поэта отъ мести тѣхъ, коимъ думая видѣть въ мыльныхъ пузырькахъ, пускаемыхъ его затѣйливымъ воображеніемъ, роскошные огни высокой поэтической фантазмагоріи, наконецъ должны были призвать себя жалко обманувшимися. Раздраженная толпа вымѣщаетъ теперь свое прежнее чрезмѣрное ослѣпленіе несправедливою холодною. «Послѣдняя Глава Онѣгина» наказывается незаслуженнымъ пренебреженіемъ, отъ того, что первымъ удалось возбудить восторгъ не совсѣмъ заслуженный. Самъ поэтъ, безъ сомнѣнія это предчувствовалъ: ибо послѣднее прощаніе его съ читателями, коимъ онъ заключаетъ сію послѣднюю главу, растворено юмористическою ѣдкостью, изобличающею тайное недовольство самимъ собою и представляющею разительную противоположность съ тѣмъ разгульнымъ одушевленіемъ веселаго самодовольствія, коимъ проникнуты первыя главы «Онѣгина»:

Ктобъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты со мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, нль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
За свмъ разстанемся, прости. (VIII. 48, 49).

Не знаемъ, какъ принято сіе обращеніе другими: чтожь касается до насъ, то мы навлекли изъ него поучительное заключеніе, къ чести поэта, во — ве въ добрую примѣту для нашей словесности. Ясно, что Пушкинъ съ благороднымъ самоотверженіемъ, создалъ наконецъ тѣту и ничтожность поэтического суесловія, коимъ, увлекая другихъ, ве могъ конечно и самъ не увлекаться. Его созрѣвшій умъ проникъ глубже въ постигъ вѣрнѣ тайну поэзіи: онъ увидѣлъ, что для генія — повторимъ давно сказанную остроу — не довольно создать Евгениі... Но лучше ли отъ того нашей словесности? При ея крайнемъ убожествѣ блестящая игрушка, подобная Онѣгину, все, по крайней мѣрѣ, вополняла собой ужасную ея пустоту. Видѣть эту игрушку разбитою руками, се устроившими и не имѣть, чѣмъ замѣнить ее — еще грустнѣе, еще безотраднѣе».

Но тотъ же самый «Телескопъ» признаетъ великимъ твореніемъ «Бориса Годунова», который былъ осужденъ другими журналами и совершенно равнодушии, или даже непріязненно встрѣченъ публикою. Это произведеніе оправдывается критикомъ противъ всѣхъ мелкихъ упрековъ, каніе дѣлались ему въ то время; «превосходно», «прекрасно» — повторяется на каждой страницѣ разбора. Говорятъ, что Надоумко строго судилъ о прежнихъ произведеніяхъ Пушкина потому, что былъ лишненъ эстетическаго вкуса; едва ли это такъ; — людямъ, которые высказываютъ такое мнѣніе, советуемъ прочитать его статью о «Борисѣ Годуновѣ» (Телескопъ, 1831 г. стр. 546—574) — она положительно убѣдитъ ихъ, что нѣ одинъ изъ нынѣшнихъ записныхъ критиковъ не можетъ похвалиться такимъ вѣрнымъ и проницательнымъ эстетическимъ тактомъ, какой обнаруживается этимъ разборомъ.

Надобно замѣтить, что говоря о Пушкинѣ, «Надоумко» и «Телескопъ» имѣли въ виду не столько отдѣльнаго поэта, сколько представителя русской литературы, и потому высказывали по поводу его произведеній то, что должно было разумѣть о цѣлой литературѣ. Здѣсь дѣло шло, собственно говоря, не объ авторѣ «Евгенія Онѣгина», а объ умственной жизни нашего общества въ ту эпоху, о публикѣ, которая произвела Пушкина, которая восхищалась «Русланомъ и Людмилою», какъ народною поэмою, не понимая ея, «Кавказскимъ плѣнникомъ», какъ Байроновскою поэмою, также не понимая его, и которая осталась недовольна «Борисомъ Годуновымъ», также не понимая его.

Но, какъ бы то ни было, хотя въ сужденіяхъ «Телескопа», о Пушкинѣ много ошибочнаго, — во всякомъ случаѣ для каждаго, кто возьметъ на себя трудъ перечитывать статьи экс-студента Надоумко и разборы «Телескопа», или даже, пробѣжавъ наши выписки, припомнить преувеличенные толки о богатствѣ нашей литературы и т. д. — несомнѣнно убѣдится въ томъ, что въ основаніяхъ этихъ сужденій есть много и дѣльнаго.

Какое же заключеніе извлечемъ мы изъ этихъ припоминаній? Кажется, трудно не согласиться, что и при жизни Пушкина, его произведенія были оцѣниваемы не голословно, не пошло, не мелочно. Конечно, мы говоримъ только о лучшихъ тогдашнихъ критикахъ. Были въ то же время между рецензентами люди и другаго разбора, какъ бывають они вездѣ и всегда. Нашелся, напримѣръ, человекъ (имя его, къ счастью, не выставлено подъ статью), который не посовѣстился утверждать, что VII глава «Евгенія Онѣгина» заимствована изъ «Ивана Выжигина» (!!!): были другіе рецензенты, болѣе честные, но столь же жалкіе по уму, которые привязывались къ словамъ и другимъ мелочамъ: — но неужели Пушкинъ долженъ былъ

обращать вниманіе на этихъ людей, которые служили тогда предметомъ насмѣшекъ и сожалѣній? Неужели и мы должны имѣть ихъ въ виду, говоря объ отношеніяхъ Пушкина къ современной ему критикѣ? Лучше предать забвенію эти вещи, не заслуживающія ничего, кромѣ забвенія и сожалѣнія...

Въ слѣдующей главѣ, продолжая говорить объ отношеніяхъ критики къ Пушкину, мы рассмотримъ взглядъ на нашего великаго поэта критиковъ ближайшихъ къ нашему времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ранѣе, нежели мы надѣялись, новое изданіе сочиненій Пушкина завершилось выходомъ двухъ послѣднихъ томовъ, благодаря заботливости издателя, сдержавшаго свои обѣщанія публикѣ съ точностью. Хвалить внѣшній видъ изданія, теперь оконченаго, считаемъ совершенно излишнимъ, потому что между нашими читателями вѣроятно не найдется ни одного, который бы уже не просматривалъ, не перечитывалъ его. Не считаемъ нужнымъ указывать и внутреннія достоинства изданія, сравнительно съ прежнимъ изданіемъ, потому что уже говорили объ этомъ въ началѣ нашей статьи. Было бы утомительно для читателей, если бы мы вздумали вдаваться теперь въ мелочныя указанія статей и стихотвореній Пушкина, разбѣянныхъ по журналамъ, и не вошедшихъ въ составъ изданія, сдѣланнаго г. Анненковымъ—важнѣйшіе изъ этихъ пропусковъ были уже указаны критикой по случаю выхода въ свѣтъ изданія 1841 года, и если не были пополнены г. Анненковымъ, то конечно не по забывчивости, а только потому, что планъ новаго изданія не допускалъ помѣщенія этихъ статей, большею частью полемическихъ. Исчисленіе другихъ, совершенно незначительныхъ журнальных замѣтокъ, не есть, по нашему мнѣнію, дѣло критики, которая должна обращать вниманіе только на вещи, имѣющія внутреннее значеніе: длиннымъ и сухимъ спискомъ подобнаго рода мѣстъ въ специальныхъ библіографическихъ трактатахъ, и въ примѣчаніяхъ къ будущему *«Полному собранію сочиненій Пушкина»* (если когда нибудь русская литература будетъ имѣть такое собраніе)—заглавіе, котораго скромно и благоразумно не далъ г. Анненковъ своему изданію, полному только въ предписанныхъ ему границахъ. Во всякомъ случаѣ, эти статейки едва ли могли бы прибавить что нибудь значительное къ тому, что уже дано «матеріалами», столь тщательно собранными изъ бумагъ Пушкина г. Анненковымъ. Прибавленія, какія въ настоящее время могли бы быть сдѣланы къ изданію, были бы совершенно ничтожны въ сравненіи съ массою драгоценныхъ новыхъ данныхъ, представленныхъ *«Матеріалами для біографіи Пушкина»*, примѣчаніями новаго изданія и нѣкоторыми пьесами его, не входившими въ составъ прежняго изданія.

Въ предъидущей главѣ мы говорили объ отношеніяхъ къ Пушкину современной ему критики; мы видѣли, что если она въ плохихъ или недобросовѣстныхъ журналахъ часто унижалась до тупости и забавной придирчивости, то посредствомъ лучшихъ своихъ органовъ—*«Телеграфа»* и *«Телескопа»*, успѣла высказать довольно много справедливыхъ замѣчаній о достоинствахъ и недостаткахъ отдѣльныхъ

произведений Пушкина и—что еще важнѣе и труднѣе—даже объ отношеніи слѣдующихъ его произведений къ будущимъ, о постепенномъ развитіи его таланта. Но само собою разумѣется, что оцѣнка дѣятельности поэта, столь полнаго силы, жизни и движенія, какъ Пушкинъ, не могла быть полна, пока значительная часть этой дѣятельности еще скрывалась въ будущемъ; разумѣется также, что писатель, столь важный въ исторіи общаго развитія нашей литературы, какъ Пушкинъ, не могъ быть точно оцѣненъ по своему значенію и вліянію на судьбу литературы, пока это вліяніе не выразилось положительными фактами: мѣрило для оцѣнки воспитателя дается только дѣятельностью его воспитанниковъ. Потому критика, современная Пушкину, вовсе не будучи лишена ни смысла, иногда прекраснаго, ни принципиальности, иногда очеvь мѣткой, и ни мало не заслуживая пренебреженія, съ какимъ о ней иногда отзываются, напротивъ, имѣя право на наше вниманіе не менѣе другихъ отраслей тогдашней литературной дѣятельности,—эта критика тѣмъ не менѣе далеко уступаетъ своею глубиною послѣдующей критикѣ, имѣющей значеніе только какъ приготовленіе къ этой критикѣ, подобно всей тогдашней литературѣ, имѣющей важность преимущественно потому только, что она служила почвою, на которой могла возникнуть дѣятельность послѣдующей литературной эпохи, которая въ свою очередь особенно драгоценна для насъ не какъ нѣчто имѣющее абсолютное значеніе, а какъ зародышъ и залогъ будущаго развитія русской литературы, приближеніе котораго должно быть завѣтнымъ желаніемъ каждаго образованнаго русскаго. Каково бы ни было безотносительное достоинство произведений Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, Гоголя и современныхъ намъ русскихъ писателей, но они еще милѣе для насъ, какъ залогъ будущихъ торжествъ нашего народа на поприщѣ искусства, просвѣщенія и гуманности.

Критика, возникшая вскорѣ по смерти Пушкина — сказали мы — гораздо полнѣе и точнѣе, нежели современная ему критика, опредѣлила значеніе этого великаго писателя въ русской литературѣ. Невидимому, надобно было бы предполагать, что результаты ея изслѣдованій, еще у всѣхъ свѣжи въ памяти и не должны быть снова подробно пересказываемы, какъ вещи общезвѣстныя. На самомъ дѣлѣ такое предположеніе, несмотря на всю свою естественность, оказывается несправедливымъ. Если бы воскресли люди, голосъ которыхъ такъ недавно еще былъ выслушиваемъ какъ голосъ самой истины—чѣмъ онъ и былъ дѣйствительно—если бы воскресли эти люди и посмотрѣли на то, что пишется нынѣ, они воскликнули бы словами одного изъ нынѣшнихъ поэтовъ, который вѣроятно санъ уже позабылъ свои прежнія слова:

Или въ эти годы
Люди и забыли.
Чѣмъ во дни были
Доблестны мы были?...

Но увлеченныя воспоминаніями, мы удалились отъ нашего предмета—разсмотрѣнія того, какимъ образомъ понимала Пушкина критика, господствовавшая въ нашей литературѣ послѣ паденія современной ему критики. Журналы старыхъ годовъ не всегда можно имѣть въ рукахъ, потому не излишне будетъ въ короткихъ словахъ повторить существенныя мысли многочисленныхъ статей о Пушкинѣ, столь подробно и вѣрно оцѣнившихъ его поэтическую дѣятельность.

Прежде всего надобно замѣтить, что эти статьи сильно возставали противъ ѣдкихъ отзывовъ экс-студента Надоумко о «Полтавѣ», «Нулинѣ» и «Евгеніѣ Онѣгинѣ» и холодныхъ отзывовъ «Телеграфа» о послѣдующихъ произведеніяхъ Пушкина. Онѣ доказывали, что какъ «Борисъ Годуновъ», такъ и «Евгеній Онѣгинъ» — великія созданія. Потому въ омутныхъ воспоминаніяхъ, какія остались у большей части нынѣшнихъ читателей отъ этихъ статей, едва ли не самымъ положительнымъ осталось мнѣніе, что онѣ были безусловнымъ панегирикомъ Пушкину; что произведенія Пушкина были въ нихъ представлены равно художественными по формѣ и колоссальными по идеѣ; что Пушкинъ былъ поставленъ въ нихъ неизмѣримо выше всѣхъ русскихъ поэтовъ, не исключая никого. Многимъ на основаніи этихъ неточныхъ воспоминаній представляется даже, будто бы критика ставила Пушкина однимъ изъ величайшихъ мировыхъ поэтовъ, равнымъ Шекспиру въ «Борисѣ Годуновѣ», едва ли не выше Шиллера и Байрона. Выписки, которыя мы приведемъ ниже, вѣрнѣе покажутъ понятія критики о поэтическомъ значеніи Пушкина; мы здѣсь не хотимъ излагать ея мысли собственными словами — способъ всегда болѣе или менѣе произвольный, и считаемъ нужнымъ сдѣлать только два или три замѣчанія относительно общаго характера этой критики.

Чтеніе выписокъ, которыя мы представимъ, убѣдитъ каждого въ томъ, какъ независимы и нелицепріятны были ея сужденія. Быть можетъ даже нынѣ, когда отдаленность времени даетъ намъ полную возможность судить безъ увлеченій, многимъ покажется, что критика говорила о Пушкинѣ не довольно восторженно. Но тѣмъ не менѣе каждый можетъ видѣть, что она была проникнута глубокимъ благоговѣніемъ къ имени Пушкина. На это, кромѣ главной причины — великаго достоинства самыхъ произведеній Пушкина и пламеннаго сочувствія этой критики ко всему, что было прекраснаго въ русской литературѣ, есть и другая причина, зависѣвшая отъ обстоятельствъ. Это указано въ самомъ началѣ статей. Въ концѣ жизни Пушкина, публика охладѣла къ своему любимцу; но «безвременная смерть Пушкина, какъ и должно было ожидать, снова и съ большею силою обратила къ падшему поэту сочувствіе и любовь общества. Не успѣло еще войти въ свои берега ваволнованное утратою поэта чувство общества, какъ подняла свое жужжаніе и шипѣніе на страдальческую тѣнь великаго поэта злопамятная посредственность. Она начала, прямо и косвенно, толковать о поэтическихъ заслугахъ Пушкина, стараясь унизить ихъ... веселое скаканіе водовозныхъ существъ на могилѣ льва возмущаетъ душу, какъ зрѣлище неприличное и отвратительное, а наглое безстыдство низости имѣетъ свойство выводить изъ терпѣнія. Мудрено ли, что и такое ничтожное само по себѣ обстоятельство, раздражая людей, способныхъ понять и оцѣнить Пушкина какъ должно, только болѣе и болѣе увлекало ихъ въ благородномъ удивленіи къ великому поэту?» Далѣе говорится, что наконецъ эти обстоятельства миновались, и настало время судить о Пушкинѣ совершенно хладнокровно. Но каждый, у кого бьется въ груди сердце, знаетъ по опыту, что человѣкъ энергическій никогда не будетъ говорить совершенно хладнокровно о томъ, отъ чего когда-нибудь возмущалось его сердце. Кто былъ современникомъ пошлыхъ выходокъ противъ великаго поэта, кто былъ нѣкогда пораженъ громовою вѣстью о его ранней кончинѣ, тотъ можетъ современемъ судить о немъ безпристрастно, но никогда не будетъ въ состояніи говорить о немъ безъ слѣдовъ прежняго увлеченія. Каждому человѣку изъ позднѣйшаго поколѣнія легко судить о томъ по недавнему горькому опыту. Кто изъ насъ,

внезапно пораженныхъ вѣстью о смерти Гоголя, возмущавшихся потомъ недостойными выходками противъ этого великаго таланта не сохранить навсегда въ душѣ слѣдовъ скорби, которой съ такою горечью предавались мы?

Мы упомянули объ этомъ чрезвычайно сильномъ сочувствіи критики къ поэту между прочимъ и потому, что этимъ отношеніемъ объясняется ея стремленіе истолковать сколь возможно выгодно для того или другаго произведенія смыслъ его, иногда въ противорѣчіе тому, чего по своему безпристрастію не можетъ не замѣтить и не высказать сама критика. Примѣровъ можно привести очень много. Ограничимся двумя или тремя. Въ «Цыганахъ» идея произведенія выражена въ характерѣ вѣдствіяхъ Алеко, и Алеко есть идеалъ безукоризненный въ глазахъ автора. Но критика не можетъ не видѣть, что понятія, которыми руководствуется Алеко, ложны; что онъ требуетъ отъ другихъ того, чего самъ не хочетъ дѣлать для нихъ. Критика очень жарко изобличаетъ жестокость и несправедливость Алеко— и съ тѣмъ вмѣстѣ старается доказать, что идея поэмы выразилась не въ лицѣ Алеко, а въ кроткихъ воззрѣніяхъ стараго цыгана, хотя очевидно, что по мысли Пушкина цыганъ этотъ, какъ человѣкъ снисходительный только по своему невѣжеству и робости, не имѣющій истиннаго понятія о любви, стоитъ ниже Алеко. Критика готова даже предположить, что Алеко Пушкина очищается страданіемъ, между тѣмъ, какъ очевидно, что по мысли Пушкина Алеко невинный страдалецъ, который сокрушенъ незаслуженною потерей, и которому не отъ чего исправляться, не въ чемъ раскаиваться. Другой примѣръ: очевидно, Пушкинъ обвиняетъ Онегина за то, что въ деревнѣ онъ не отвѣчалъ страстною любовью на письмо Татьяны; что и эту его холодность и любовь къ ней, загорѣвшуюся въ немъ послѣ, Пушкинъ совершенно объясняетъ сентенцію:

О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то ве влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, въ таинственномъ древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай;

очевидно также, что Пушкинъ обвиняетъ Онегина за эту любовь и представляетъ отвѣтъ ему Татьяны какъ безусловно истинный и правый. Критика не могла согласиться съ этими понятіями, по ея мнѣнію сухими, узкими и фальшивыми. Она жарко и подробно высказываетъ свой взглядъ на Онегина и на Татьяну (какъ она является въ послѣдней главѣ), противоположный взгляду самого Пушкина на эти личности и мотивы ихъ дѣйствій—и однако же не хочетъ дойти до вывода, необходимо слѣдующаго изъ этихъ фактовъ; или Онегинъ и Татьяна изображены въ романѣ не такими, какъ представлялись мысля самого автора, слѣдовательно Пушкинъ также не могъ понять и очертить ихъ въ полномъ и истинномъ свѣтѣ, какъ и Лермонтовъ своего Печорина, или они изображены дѣйствительно такими, какими представлялись понятіямъ самого автора, и въ такомъ случаѣ о нихъ должно сказать то же, что о людяхъ одного разряда съ Алеко.

Послѣ замѣчанія, нами сдѣланнаго, легко понять эти важныя противорѣчія и недомолвки. Но какъ ни велико было благоговѣніе критики къ Пушкину, ея желаніе окружить имя Пушкина всѣмъ блескомъ безсмертія, но проницательность ана-

лиза и пламенная любовь къ истинѣ были въ ней гораздо сильнѣе. Развитіе русской литературы было для нея выше увлеченія самыми милыми именами, горячее желаніе развитія жизни и просвѣщенія въ родной землѣ сильнѣе самой любви къ русской литературѣ, которая была ей драгоцѣнна именно потому, что есть двигательница жизни и просвѣщенія. Потому нѣтъ въ этой критикѣ ни умышленныхъ умолчаній, ни пристрастнаго взгляда на тотъ или на другой фактъ литературы. И если она иногда, увлекаемая любовью, какъ въ настоящемъ случаѣ, не дѣлаетъ вывода изъ своихъ понятій, то понятія эти всегда выражены полно, ясно и сильно, такъ что и заключеніе ясно само собою, и для cadaго мыслящаго читателя оно уже высказано.

Другое замѣчаніе: для истиннаго критика разсматриваемое сочиненіе очень часто бываетъ только поводомъ къ развитію собственнаго взгляда на предметъ, котораго оно касается вскользь или односторонне. Такъ произошла большая часть увлекательныхъ эпизодовъ, которыми богаты статьи о Пушкинѣ. Это не всегда понимаютъ, и не всегда отличаютъ мысли критика отъ понятій, высказанныхъ въ разбираемомъ произведеніи, считая критика только простымъ комментаторомъ автора. Какія удивительныя страницы написаны на русскомъ языкѣ о «Цыганахъ», о характерѣ Онѣгина, о Татьянѣ, о русскомъ обществѣ и русской женщинѣ! Мы очень ошиблись бы, если бы, начавъ ясно понимать всѣ эти вещи, о которыхъ онѣ говорятъ, предположили, что узнали ихъ отъ Пушкина, а не отъ его критика.

Критика, о которой мы говоримъ, такъ полно и вѣрно опредѣлила характеръ и значеніе дѣятельности Пушкина, что, по общему согласію, ея сужденія до сихъ поръ остаются справедливыми и совершенно удовлетворительными. Нужно только одно, — предлагать вопросы, — отвѣты уже приготовлены. Жаль только, что иногда забываются важнѣйшіе вопросы, или очень часто забываютъ искать на нихъ отвѣта гдѣ слѣдуетъ, а хлопочутъ объ изготовленіи посильныхъ отвѣтовъ собственнаго издѣлія, не всегда мастерскаго. Во второмъ насъ нельзя будетъ обвинить: остается только намъ желать, чтобы вопросы были избраны нами не совершенно неудачно.

Когда мы захотимъ составить себѣ ясное понятіе о личности Пушкина, какъ поэта, прежде всего является сомнѣніе: можно ли считать этого гения умершаго въ цвѣтѣ силъ физическихъ и нравственныхъ, вполне совершившимъ свое назначеніе въ русской литературѣ, исполнившимъ для ея развитія все, что исполнить была въ силахъ его натура? Никому не приходитъ въ голову подобное сомнѣніе, когда дѣло идетъ, напримѣръ, о Байронѣ, который также умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, объ Андрѣ Шенье, который также погибъ въ цвѣтѣ силъ и таланта, ни, — чтобы привести примѣръ, болѣе близкій намъ, — о Кольцовѣ, который умеръ моложе Пушкина и началъ развиваться гораздо въ болѣе позднія лѣта. Но о Пушкинѣ мы часто думаемъ почти такъ же, какъ о Лермонтовѣ, который дѣйствительно отнять смертью у русской литературы далеко не достигнувъ полнаго развитія своихъ силъ, который въ будущемъ обѣщалъ несравненно болѣе того, что успѣлъ сдѣлать. Но разница между двумя поэтами въ этомъ отношеніи — огромна. Сравните стихотворенія, написанныя Лермонтовымъ въ 1836. — 1837 годахъ, съ его стихотвореніями, принадлежащими 1840 — 1841 годамъ, и вы увидите въ послѣднихъ огромное превосходство надъ первыми и по глубинѣ содержанія и по совершенству формы. Но такой разницы не замѣтно, наиримѣръ, между стихотвореніями Пушкина 1835 —

1836 и 1829 — 1830, даже 1825 — 1826 годовъ; если въ 1835 году были написаны «Полководецъ», «Туча», «Пиръ Петра Великаго», «Опять на родинѣ», — то 1830 году принадлежать «Къ Вельможѣ», «Поэтѣ», «Для береговъ отчизны дальней», «Вѣсы», «Подражаніи Данту», и проч., а 1825 году «Въ крови горитъ огонь желанья», «Подъ небомъ голубиыя страны своей родной», «Сожженное письмо», «Я помню чудное мгновенье», «19 октября», «Буря илюю небо кроетъ», «Чертогъ сіалъ» и проч. Чтобы найти осязательную разницу между стихотвореніями, послѣднихъ лѣтъ жизни Пушкина и его предъидущими стихотвореніями, мы должны отступить до 1822—1823 годовъ. Мы указали на лирическія произведенія, потому что они, по общему согласію, даютъ самое вѣрное средство слѣдить за ходомъ развитія поэта. Почти тотъ же результатъ обнаруживается и большими произведеніями Пушкина. Въ примѣчаніи мы представляемъ два списка ихъ по хронологическому порядку *).

Первый изъ этихъ списковъ показываетъ, что съ 1832 года до конца своей жизни Пушкинъ не напечаталъ ни одного значительнаго произведенія въ стихахъ, кромѣ только «Скунаго Рыцаря», явившагося въ 1836 году. Потому становится понятно, какимъ образомъ въ статьѣ «Телескопа» за 1835 г. «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя», принадлежащей тому же перу, которое черезъ нѣсколько лѣтъ написало статьи о Пушкинѣ, могло быть сказано: «Я не включаю въ число

*) Вотъ порядковъ, въ какомъ явились въ печати произведенія Пушкина.

Годы:

1820. Русланъ и Лизмила.

1822. Кавказскій плѣнникъ.

1824. Бахчисарайскій фонтанъ.

1825. Братья разбойники. — Евгешъ Онѣгинъ, глава 1.

1826. Онѣгинъ, глава 2.

1827. Цыганы. — Онѣгинъ, глава 3.

1828. Графъ Нулинъ. — Онѣгинъ, главы 4, 5, 6. — Сцена изъ Фауста.

1829. Полтава.

1830. Онѣгинъ, глава 7.

1831. Борисъ Годуновъ. — Повѣсти Бѣлкина.

1831. Онѣгинъ, глава 8. — Моцартъ и Сальери. — Пиръ во время чумы. — Сказка о Гвидонѣ.

1833. Домикъ въ Коломенѣ.

1834. Пиковая дама. — Сказка о мертвой царевнѣ.

1835. Нѣсколько простонародныхъ сказокъ.

1836. Родословная моего героя. — Скупой рыцарь. — Капитанская дочка.

По смерти Пушкина были изданы: Голубь. — Мѣдный всадникъ. — Каменный гость. — Русалка. — Арапъ Петра Великаго. — Дубровскій. — Египетскія ночи. — Сцены изъ рыцарскихъ временъ.

Мы помѣстили этотъ списокъ для того, чтобы понятны были сужденія о Пушкинѣ, являвшіяся въ послѣднее время его жизни. Но еще интереснѣе обозрѣть хронологическую послѣдовательность, въ которой были написаны важнѣйшія произведенія Пушкина. Этотъ списокъ — самое вѣрное свидѣтельство о развитіи его поэтической дѣятельности.

Годы:

1820. Русланъ и Лизмила.

1821. Кавказскій Плѣнникъ.

1823, 1824, 1825. Первые шесть главъ Онѣгина. — Борисъ Годуновъ.

1825. (Борисъ Годуновъ).

1826. Сцена изъ Фауста.

1827. Арапъ Петра Великаго.

1829. Полтава.

1829. Голубь.

1830. Скупой рыцарь. — Моцартъ и Сальери. — Каменный гость. — Пиръ во время чумы.

1832. Русалка. — Дубровскій.

1833. Мѣдный всадникъ. — Капитанская дочка. — Пиковая дама. — Египетскія ночи.

современныхъ поэтовъ Пушкина, который уже совершилъ кругъ своей художественной дѣятельности». Дѣйствительно, въ послѣдніе годы жизни Пушкина нельзя было не думать, что великій писатель совершенно оставилъ прежнее поприще своей славной дѣятельности, и отнынѣ хочетъ сдѣлаться исключительно прозаикомъ, и сосредоточить свои силы преимущественно на историческихъ трудахъ. Явившіяся по смерти его превосходныя поэтическія созданія, сочиненіе которыхъ современники не знавшіе опредѣлительно года, когда они были писаны, естественно должны были относить къ послѣднимъ годамъ жизни поэта (въ чемъ убѣждала и неоконченность «Голуба», «Русалки», «Арапа Петра Великаго», «Египетскихъ ночей») — эти посмертныя сочиненія могли тогда заставить оставить прежнее мнѣніе и думать, что смерть пресѣкла дни Пушкина въ эпоху сильной его поэтической дѣятельности. Но теперь, благодаря даннымъ, которыя сообщены г. Анненковымъ, мы знаемъ годъ, которому принадлежитъ созданіе каждаго изъ произведеній Пушкина, и не можемъ раздѣлять этого предположенія. Просматривая второй изъ приведенныхъ нами списковъ, видимъ, что съ 1833 года Пушкинъ уже не написалъ ни одного значительнаго художественнаго произведенія. Три послѣдніе года его жизни были посвящены исключительно историческимъ трудамъ; да и три предъидущія года (1831—1833) были уже очень скудны поэтическими произведеніями. Г. Анненковъ относитъ къ нимъ только простонародныя сказки — шалость великаго поэта, и «Русалку» и «Мѣднаго всадника». Поэтическая дѣятельность видимо стала для Пушкина второстепенною, начиная съ 1830 года, которому принадлежатъ, по отмѣткамъ г. Анненкова, его драматическія сцены. Кромѣ того, если въ 1820 — 1825 годахъ мы замѣчаемъ быстрое и неослабное развитіе поэтическаго таланта, то постепенность этого развитія замедляется, если не исчезаетъ въ послѣдствіи. Это легко видѣть, обративъ вниманіе на слѣдующія цифры:

1820. «Русланъ и Людмила». 1821. «Кавказскій Пльнникъ». 1822. «Бахчисарайскій фонтанъ». 1824. «Цыганы». 1825. Шесть главъ «Онѣгина»: «Борисъ Годуновъ».

Невозможно спорить противъ того, что произведеніе каждаго послѣдующаго года въ этомъ ряду гораздо выше прежнихъ произведеній. Но такъ ли очевидно послѣдовательное возвышеніе художественнаго достоинства произведеній въ слѣдующей рядъ:

1827. «Арапъ Петра Великаго». 1828. «Полтава». 1830. «Драматическія сцены». — «Каменный гость». — «Повѣсти Бѣлкина». 1832. «Русалка». — «Дубровский». 1833. «Мѣдный всадникъ». — «Пиковая дама». — «Капитанская дочка». — «Египетскія ночи».

Лучшія изъ этихъ произведеній стоятъ совершенно на одной высотѣ и рядъ ихъ повсюду прерывается произведеніями, имѣющими только второстепенное достоинство. Такъ за «Женихомъ», прекраснымъ созданіемъ изъ народной жизни (1827), слѣдуютъ (до 1833) многія изъ простонародныхъ сказокъ, очень слабыхъ, какъ всѣмъ признано. Такъ за «Арапомъ Петра Великаго» (1827) слѣдуютъ «Повѣсти Бѣлкина» (1830). Смѣшно было бы думать, какъ думали въ 1831—1836 годахъ, что талантъ Пушкина начиналъ ослабѣвать, — потому что въ эти годы онъ создалъ «Каменнаго гостя», «Русалку» и «Мѣднаго Всадника»; но очевидно, съ 1826 — 1830 онъ достигъ возможной высоты своего развитія (если не достигъ ея еще раньше, около 1825 года, которому принадлежатъ «Евгеній Онѣгинъ» и

«Борисъ Годуновъ») и что съ этого времени относительное достоинство поэтическихъ его произведеній не возрастаетъ неуклонно съ каждымъ годомъ, зависитъ не отъ болѣе поздняго года, какъ прежде, а просто отъ измѣняющихся обстоятельствъ свободнаго вдохновенія, то на время капризно покидающаго своего любимца, то возвращающагося къ нему съ прежнею силою. Невозможно также не видѣть, что Пушкинъ въ послѣдше годы менѣе дорожитъ своимъ поэтическимъ талантомъ, — это видимъ и изъ его писемъ, въ которыхъ онъ, напримѣръ, считаетъ важнымъ дѣломъ только исторію Пугачевского бунта, а «Капитанскую дочку» — ничтожною бездѣлкою, написанною для развлечения, для отдыха; еще убѣдительнѣе тоже самое видимъ изъ небрежности, съ которою онъ посвящаетъ свой талантъ прелестнымъ игрушкамъ, которымъ самъ не придаетъ цѣны, каковы «Домикъ въ Коломнѣ» (1830), «Простонародныя сказки», «Родословная моего героя» (1833) и проч. Наконецъ, самое положительное доказательство того, что Пушкинъ въ послѣдніе годы пренебрегаетъ своимъ поэтическимъ талантомъ — измѣнившееся направленіе его занятій: онъ очень мало пишетъ поэтическихъ произведеній, и обольщается славою историка.

Всѣ эти факты не были прежде извѣстны въ такой точности, какъ знаемъ ихъ теперь мы, благодаря новому изданію и приложенной къ нему біографіи. Но про- ницательность критики, о которой мы говоримъ, не нуждалась въ этихъ мелочныхъ сличеніяхъ цифръ, чтобы найти истинный отвѣтъ на вопросъ: чего могла бы ожидать русская поэзія отъ Пушкина, если бы онъ прожилъ долѣе? Не было ли все, намъ отъ него теперь оставшееся, только первымъ періодомъ его поэтической дѣятельности, вторая эпоха которой дала бы намъ нѣчто новое и гораздо высшее? Не должно ли и о Пушкинѣ сказать, какъ мы говоримъ о Ломоносовѣ, что онъ похищенъ смертію, далеко не совершивъ того, что совершилъ бы? Нѣтъ, — говоритъ критика, — талантъ Пушкина высказался намъ весь, онъ сдѣлалъ для русской литературы все, что призванъ былъ своею натурою сдѣлать.

«Много творческихъ тайнъ унесъ съ собою въ раннюю могилу этотъ могучій поэтический духъ; но не тайну своего нравственнаго развитія, которое достигло своего апогея, и потонуло въ общаго только рядъ великихъ въ художественномъ отношеніи созданий, но уже не общало новой литературной эпохи, которая всегда ознаменовывается не только новыми твореніями, но и новымъ духомъ. Исключительные поклонники Пушкина, подъ его вліяніемъ образовавшейся эстетически, (продолжаетъ критика) уже рѣзко отдѣляются отъ новаго поколѣнія своею замкнутостію и своею тупостію въ дѣлѣ разумѣнія снѣжившихъ Пушкина корифеевъ русской литературы... По мѣрѣ того, какъ рождались въ обществѣ новыя потребности, какъ измѣнялся его характеръ в овладѣвали умомъ его новыя думы, а сердце волновали новыя печали и новыя надежды, всѣ стали чувствовать, что Пушкинъ, не утрачивая въ настоящемъ и будущемъ своего значенія, какъ поэтъ великій, тѣмъ не менѣе былъ и поэтомъ своего времени, своей эпохи, в то что это время уже прошло, эта эпоха смѣнилась другою, у которой уже другія стремленія, думы и потребности. Вслѣдствіе этого, Пушкинъ является передъ глазами наступающаго для него потомства уже въ двойственномъ видѣ: это уже не поэтъ безусловно великій в дѣлѣ настоящаго и для будущаго, но поэтъ, въ которомъ есть достоинства безусловныя и достоинства временныя, поэтъ, только одною стороною принадлежащій настоящему и будущему, который болѣе или менѣе удовлетворяется имъ, а другою большею и значительнѣйшею стороною, вполне удовлетворявшій своему настоящему, которое онъ вполне и выразилъ, и которое для насъ — уже прошедшее».

Противъ первой половины выпсаннаго нами мѣста невозможно спорить, имѣя факты, доставленные изданіемъ г. Анненкова. Каждый понимающій ходъ развитія русской литературы, понимающій значеніе Лермонтова, Гоголя и безпристрастно смотрящій на позднѣйшихъ нашихъ писателей, согласится и съ послѣдующими мыслями критика, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Но и теперь хотя уже прошло много лѣтъ съ того времени, какъ были сказаны эти слова, очень многіе, даже въ молодого поколѣнія не понимаютъ еще, почему же Пушкинъ принадлежитъ уже прошедшей эпохѣ, почему онъ не можетъ быть признанъ корифеемъ и современной русской литературы? Причиною этихъ недоумѣній—то странное обстоятельство, что не для всѣхъ ясно значеніе Пушкина въ русской литературѣ, хотя оно давно объяснено; потому продолжимъ наши выписки: онъ для нѣкоторыхъ напоминаетъ то, что повидимому, должно было бы нынѣ быть извѣстно каждому:

«Пушкинъ былъ призванъ быть первымъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство... Стихъ Пушкина, вдругъ какъ бы сдѣлавшій крутой поворотъ въ исторіи русской поэзіи, явившій собою что-то небывалое, непохожее ни на что прежнее. — этотъ стихъ былъ представителемъ новой, небывалой поэзіи. Если бы мы хотѣли охарактеризовать стихъ Пушкина однимъ словомъ, мы сказали бы, что это по превосходству поэтической, художественной, артистической стихъ,—и этимъ разгадали бы тайну всей поэзіи Пушкина. Читая Гомера, вы видите возможную полноту художественнаго совершенства; но она не поглощаетъ всего вашего вниманія, не ей исключительно вы удивляетесь: васъ болѣе всего поражаетъ и занимаетъ разлитое въ поэзіи Гомера древне-эллинское міросозерцаніе и самый этотъ древне-эллинскій міръ... Въ Шекспирѣ, васъ тоже останавливаетъ прежде всего не художникъ, а глубокій сердцевѣдецъ, міробъемлющій созерцатель... Въ поэзіи Байрона, прежде всего обойметъ вашу душу ужасомъ удивленія колоссальная личность поэта, титаническая смѣлость и гордость его чувствъ въ мысляхъ. Въ поэзіи Гете, передъ вами выступаетъ поэтически-созерцательный мыслитель... Въ Пушкинѣ, напротивъ того, прежде всего увидите художника, призваннаго для искусства, исполненнаго любви ко всему прекрасному, любящаго все, и потому терпимаго ко всему: отсюда всѣ достоинства и всѣ недостатки его поэзіи. Его названіе было усвоить навсегда русской землѣ поэзію, какъ искусство, такъ чтобы русская поэзія имѣла потомъ возможность быть выраженіемъ всякаго направленія, всякаго созерцанія. До Пушкина у насъ не было ни одного поэта-художника, Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ. Поэтому даже самыя первыя незрѣлыя юношескія его произведенія, каковы «Русланъ и Людмила», «Братья Разбойники», «Кавказскій Пльнникъ» и «Бахчисарайскій Фонтанъ» отмѣтили своимъ появленіемъ новую эпоху въ исторіи русской поэзіи. Всѣ увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, которой они не знали на русскомъ языкѣ не только образца, но на которую они не видали никогда даже намека. И эти поэмы читались всею грамотною Россією; онѣ ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, учениками на школьныхъ лавкахъ, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. Тогда-то появили, что различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ рифмѣ и размѣрѣ только, но что и стихи, въ свою очередь, могутъ быть и поэтическіе и прозаическіе. Это значило уразумѣть поэзію уже не какъ что-то внѣшнее, но въ ея внутренней сущности. Явись теперь на Руси поэтъ, который былъ бы неизмѣримо выше Пушкина, его появленіе не могло бы надѣлать столько шума, возбудить такой общій, неслыханный энтузіазмъ, — потому что поетъ Пушкина, поэзія уже не невиданная, не неслыханная вещь. И по тому же самому, теперь уже слишкомъ слабый успѣхъ могъ бы получить поэтъ, который не уступая Пушкину въ талантъ, даже превосходя его въ этомъ отношеніи, былъ бы, подобно ему, преимущественно художникомъ».

Итакъ существенное значеніе дѣятельности Пушкина состоятъ по опредѣленію критики, въ томъ, что онъ первый познакомилъ русскую публику съ поэзією.

первый далъ намъ произведенія истинно поэтическія и художественныя. Обыкновенно до сихъ поръ продолжаютъ, по смутнымъ воепомпнамъ о мнѣніяхъ «Телеграфа» и «Телескопа», толковать, что заслуга Пушкина преимущественно состоитъ въ народномъ элементѣ, который ввелъ онъ въ нашу литературу. Само собою разумѣется, что каждый русскій есть русскій, и что поэтому Пушкинъ, будучи поэтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи русскимъ, былъ русскимъ поэтомъ, и его поэзія есть русская поэзія, а не нѣмецкая или китайская. Повидимому, теперь давно пора бы забыть о столь важныхъ и удивительныхъ открытіяхъ. Но если глубокая мысль очень долго не бываетъ понимаема большинствомъ, то съ другой стороны фразы, лишенныя существеннаго смысла, фразы, представляющія наборъ словъ и болѣе ничего, имѣютъ свойство очень упорно держаться въ памяти. Такъ случилось и съ знаменитымъ опредѣленіемъ существенной стороны дѣятельности Пушкина. Надобно было бы, вмѣстѣ съ нашимъ критикомъ, сказать просто, что до Пушкина Россія не имѣла великихъ поэтовъ; что Пушкинъ первый далъ намъ прекрасные стихи, писанные на родномъ языкѣ, а не переведенные съ другого языка; что этимъ увлекъ онъ всю публику, до него столь же мало знакомую съ поэзіею, какъ до построения московской желѣзной дороги съ желѣзными дорогами;—но это съ одной стороны слишкомъ просто, съ другой стороны слишкомъ неудобно для составленія пышныхъ фразъ. Старая фраза о томъ, что Пушкинъ ввелъ народность въ нашу литературу, представляла передъ этою скромною и вѣрною мыслью большія выгоды—она лишена внутренняго содержанія, потому очень удобна для риторическихъ распространеній; да кромѣ того, къ ней уже успѣли привыкнуть—обстоятельство очень важное для людей, не имѣющихъ охоты думать. Потому-то мы до сихъ поръ и слышимъ разсужденія о Пушкинѣ, не какъ о первомъ нашемъ поэтѣ, а какъ о «вародномъ нашемъ поэтѣ». На эти фразы мы находимъ въ статьяхъ о Пушкинѣ слѣдующій отвѣтъ:

«Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу или русскіе характеры: на этомъ основаніи. общій голосъ нарекъ его русскимъ ващовальнымъ, народнымъ поэтомъ. Намъ кажется это только на половину вѣрнымъ. Народный поэтъ тотъ, котораго весь народъ знаетъ; національный поэтъ — тотъ, котораго знаютъ всѣ сколько нибудь образованные классы народа, какъ, напримѣръ, нѣмцы знаютъ Гете и Шиллера. Нашъ народъ не знаетъ ни одного своего поэта; онъ поэтъ-себѣ досадѣ: «Не бѣлы-то снѣжки»..., не подозрѣвая даже того, что поэтъ стихи, а не прозу... Слѣдовательно, съ этой стороны, спѣшно было бы в говорить объ эпитетѣ «народный» въ примѣненіи къ Пушкину, явлъ къ какому бы то ни было поэту русскому. Слово «національный» еще обширнѣе въ своемъ значеніи, чѣмъ народный. Подъ «вародомъ» всегда разумѣютъ массу народонаселенія. Подъ «вашею» разумѣютъ весь народъ, всѣ сословія отъ низшаго до высшаго, составляющія государственное тѣло. Національный поэтъ выражаетъ въ своихъ твореніяхъ и основную, безразличную, неудовимую для опредѣленія субстанціальную стихію, которой представителемъ бываетъ стихія народа, и опредѣленное значеніе этой субстанціальной стихіи, развившееся въ жизни образованнѣйшихъ сословій націи. Національный поэтъ — великое дѣло! Обращаясь къ Пушкину, мы екажемъ, по поводу вопроса о его національности, что онъ не могъ не отразить въ себѣ географически и фізіологически вародной жизни, ибо былъ не только русскій, но притомъ русскій, вадѣлевый отъ природы геніальными силами; однако жъ въ томъ, что вазываютъ вародностью, ваціональностью его поэзіи, мы больше видимъ его необыкновенно-великій художническій тактъ. Онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тавтомъ дѣйствительности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника. Про-

читите его чудную драматическую поэму «Каменный гость» — она, и по природѣ страны и по нравамъ своихъ героевъ, такъ и дышетъ воздухомъ Испаніи; прочтите его «Египетскія ночи» — вы будете перенесены въ самое сердце жизни издыхающаго древняго міра... Такихъ примѣровъ удивительной способности Пушкина быть какъ у себя дома во многихъ в самыхъ противоположныхъ сферахъ жизни, ны могли бы привести много, во довольно и этихъ. И что же это доказываетъ, если не его художническую многосторонность? Если онъ съ такою истинною рисовалъ природу в нравы даже никогда не ввадывыхъ вмъ стравъ, какъ же бы его изображенія предметовъ русскіхъ не отличались вѣрностью природѣ?»

Дѣлая вслѣдъ за этимъ выписку изъ статьи Гоголя «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ», критика находитъ очень справедливыми мнѣнія Гоголя, особенно его опредѣленіе національнаго поэта: «Поэтъ можетъ быть и тогда національнымъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стпхін, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотсественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами» — но, представляетъ критика:

«Если хотите, съ этой точки зрѣнія, Пушкинъ болѣе національно-русскій поэтъ, нежели кто либо взъ его предшественниковъ; но дѣло въ томъ, что нельзя опредѣлить, въ чемъ же состоитъ эта національность. Въ томъ, что Пушкинъ чувствовалъ и писалъ такъ, что его соотсественникамъ казалось, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами? Прекрасно! Да какъ же чувствуютъ и говорятъ они? Чѣмъ отличается ихъ способъ чувствовать и говорить отъ способа другихъ націй? Вотъ вопросы...

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего легче, какъ толковать о предметахъ, еще не имѣющихъ фактическаго значенія, еще принадлежащихъ области фантазіи. Фактъ бываетъ неопровержимъ, не допускаетъ разногласій; потому о немъ нельзя наговорить такъ много и такихъ блестящихъ фразъ, какъ о фантомахъ, созданныхъ досужимъ воображеніемъ.

Но возвратимся къ опредѣленію существеннаго характера поэзіи Пушкина. Согласно съ «Телеграфомъ», до сихъ поръ многію увѣрены, что натура великаго поэта совершенно измѣнилась въ 1825—1830 годахъ, что безстрастный художникъ 1835 года, былъ рѣшительно противоположною Пушкину 1823 года, который являлся русскимъ Байрономъ, если не русскимъ Андреемъ Шенье. И относительно этого мнѣнія находимъ слѣдующія, чрезвычайно вѣрные, замѣчанія:

«Пушкина нѣкогда сравнивали съ Байрономъ. Это сравненіе болѣе, чѣмъ ложно, ибо трудно найти двухъ поэтовъ, столь противоположныхъ. Мнимое сходство это вышло изъ ошибочнаго понятія о личности Пушкина. Главное дѣло въ томъ, что натура Пушкина была внутренняя, созерцательная, художническая. Пушкинъ не анализъ мукъ и блаженства, какія бываютъ слѣдствіемъ страстно дѣятельнаго увлеченія живою могучею мыслью, въ жертву которой приносится и жизнь и талантъ. Онъ въ самой исторіи, такъ же какъ и въ природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ произведеній... Такъ вакъ поэзія Пушкина вся заключается преимущественно въ поэтическомъ созерцаніи міра, потому она отличается характеромъ болѣе созерцательнымъ нежели рефлектирующимъ... Такой взглядъ на міръ вытекалъ уже изъ самой натуры Пушкина; этому взгляду обязавъ Пушкинъ взяцію елейвостію, кротостію, глубиною и возвышенностію своей поэзіи, и въ этомъ же взглядѣ заключаются недостатки его поэзіи. Какъ бы то ни было, но по своему воззрѣнію Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи.

Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина в большую часть его произведеній — явило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на вопросы настоящаго».

«Первыми своими произведеніями онъ прослылъ на Руси за русскаго Байрона, за человѣка отрицающаго. Но ничего этого не бывало: невозможно предположить болѣе автентично-байронической натуры, какъ натура Пушкина».

Относительно мнимаго глубокаго разрыва съ дѣйствительностью, который будто бы составлялъ главную характеристику музы Пушкина въ первый періодъ ея развитія, приведемъ еще замѣчаніе о стихотвореніи «Демонъ» и «Сценѣ изъ Фауста», которыя яснѣе другихъ извѣстныхъ произведеній Пушкина выразили сущность разочарованія, производившаго столь сильный эффектъ на тогдашнихъ читателей и критиковъ.

«Сцена изъ Фауста», варьяція, разыгранная на тему драматической поэмы Гете, многимъ такъ понравилась, что они, не зная Гетева «Фауста», порѣшили будто ова лучше его. Дѣйствительно, эта сцена написана удивительно легкими и бойкими стихами; но между ею и Гетевымъ «Фаустиономъ» нѣтъ ничего общаго. Она — не что иное, какъ распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ маленькомъ стихотвореніи «Демонъ». Этотъ демонъ былъ «довольно-мелкій», изъ самыхъ «нечинныхъ». Онъ соблазнялъ однихъ юношей,

Въ тѣ дни, когда имъ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія;

познанию, ему легко было подшучивать надъ ними, в они со страхомъ смотрѣли на него.

«Знакомое съ демономъ другаго поэта, наше время съ улыбкой смотритъ на пушкинскаго чертенка. Его Мефистофель — просто на просто острякъ прошедшаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованію, а зѣвоту и хорошій сонъ. Фаустъ Пушкина — не измученный неудовлетворенною жаждою знанія человѣкъ, а какой-то пресытившійся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдетъ, un homme blasé».

Правда, нельзя не признать, что первыя произведенія Пушкина очень замѣтно отличаются отъ послѣдующихъ по своему духу, нельзя не видѣть что юноша написавшій «Цыганъ», не написалъ бы такихъ объективно безстрастныхъ произведеній, какъ «Мѣдный Всадникъ» и «Каменный Гость»; знаменитыя стихотворенія «Чернь» и «Поэтъ, не дорожа любовью народной» (1828—1830) не могли явиться въ 1820 или 1821 годахъ. Г. Анненковъ собралъ много матеріаловъ для объясненія обстоятельствъ, имѣвшихъ свою долю вліянія на эту перемѣну въ великомъ поэтѣ. Онъ указываетъ на дружбу съ Катовичемъ, на вліяніе «Московского Вѣстника» и проч. Безъ сомнѣнія, впечатлительная натура Пушкина не могла не уступать до нѣкоторой степени вліянію лицъ, съ которыми онъ былъ въ тѣхъ сношеніяхъ. Но Катенина зналъ Пушкинъ съ 18 или 19 лѣтъ, слѣдовательно долженъ былъ подчиниться ему — если могъ подчиниться — еще тогда же, а статьи «Московского Вѣстника» были очень слабы, и Пушкинъ былъ гораздо выше ихъ авторовъ по духу, слѣдовательно не могъ имъ подчиняться. Можно было бы къ этимъ вліяніямъ пришекать еще другія обстоятельства, дѣйствовавшія въ подобномъ же духѣ, особенно прекращенію тѣхъ пріятельскихъ отношеній, памятникомъ которыхъ осталось стихотвореніе «Аріонъ» — но очевидно, что всѣ эти факты имѣли только второстепенную важность въ исторіи развитія нашего поэта. Главною причиною перемѣны

должно считать именно ту, которая указана критикою—натуру самого Пушкина. Въ первой молодости онъ могъ волноваться,—съ кѣмъ изъ молодыхъ людей этого не случается?

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ;

—но потомъ, когда онъ достигъ зрѣлости, когда его образъ мыслей установился сообразно съ его собственною натурою, порывы, навѣянные молодостью, и такъ называемыя «духомъ вѣка» исчезли сами собою, какъ исчезаютъ въ зрѣломъ чело-вѣкѣ всѣ молодыя стремленія, если были только увлеченіями молодости, а не гл-бокими потребностями самой натуры. Ни благодарить, ни упрекать за эту перемѣну рѣшительно некого, кромѣ самого Пушкина и его природы. Впрочемъ, и перемѣна была повее не такъ велика, какъ многію еще думаютъ, раздѣляя заблужденіе «Телеграфа». Мы теперь очень хорошо видимъ, что всѣ монологи Алеко—фразы, прекрасный, но лишенный впугренней правды, и что Алеко вовсе не Бельтовъ, даже не Печоринъ, а развѣ Владиміръ, судьбу котораго нѣкогда разсказалъ намъ г. Май-копъ въ своей поэмѣ «Двѣ судьбы». Пушкинъ не измѣнился, онъ только разлился; съ его картинъ, по его собственному выраженію, только слетѣли чуждыя краски, и слетѣли, по его же собственному очень справедливому выраженію, отъ самой невинной причины—отъ лѣтъ; сначала, какъ всякій молодой чело-вѣкъ, Пушкинъ увлекался чужими стремленіями —

Но краски чуждыя съ лѣтами,
Спадають ветхой чешуей...

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей.

Но молодежь двадцатыхъ годовъ обманулась «чуждыми красками», которая «беззаконнымъ рисункомъ чернили» юношескія поэмы и особенно лирическія стихо-творенія Пушкина; молодежь приняла эти «чуждыя краски» за колоритъ, свой-ственный генію самого живописца; быть можетъ, нельзя слишкомъ строго упрекать молодежь за эту ошибку, потому что развѣ легко отгадать, какъ со времевомъ ра-зовъется юноша, еще находящійся подъ чужимъ вліяніемъ? Да и публика позднѣй-шей эпохи, болѣе опытная и требовательная, развѣ мало дѣлала подобныхъ оши-бокъ? Но, смѣйтесь или жалѣйте объ этой ошибкѣ, остается тотъ фактъ, что отъ этой ошибки очень много зависѣлъ восторгъ, съ какимъ были встрѣчены первые произведенія Пушкина. Просимъ читателей припомнить выписанное нами въ предъ-идущей статьѣ значеніе «Телеграфа» о томъ, какія стихотворенія создали славу Пушкина. Когда потомъ разочаровались въ этихъ надеждахъ, публика охладѣла къ поэту, невиннымъ образомъ обманувшему ее, и поэтъ отплатилъ публикѣ за хо-лодность прозрѣніемъ. Онъ рѣзко и горько высказалъ ей, въ знаменитыхъ стихо-твореніяхъ «Чернь», и «Поэтъ, не дорожи любовію народной», что не хочетъ имѣть съ нею дѣла. Но въ этихъ отвѣтахъ его, обстоятельствамъ и гнѣву принад-лежитъ только тонъ рѣчи, а не сущность мыслей, которая лежала въ душѣ Пуш-кина и тогда когда онъ былъ перевозимымъ единодушнымъ энтузіазмомъ всей чи-тающей Руси. Еще въ 1824 году онъ говорилъ:

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданія...

.

Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И тернопъ славы неувятый,
Презрѣнной чернѣю забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Что слава? Шопоть ли чтеца,
Гонимые ль низкаго невѣжды,
Иль восхищеніе глупца?

Разницы между «презрѣнною чернѣю» 1824 года и «тупою чернѣю», безсмысленный народонъ» 1828 года, очень мало. Теорія, говорящая, что поэтъ творить для себя, а не для своихъ читателей, которые не могутъ его понимать, на сужденія и потребности которыхъ не долженъ обращать онъ вниманія,—всегда была теоріею Пушкина, и не только «Каменный Гость» и «Мѣдный Всадникъ», но точно также и главы «Онѣгина» по нѣскольку дѣтъ скрывались въ его портфель отъ «презрѣнной черни». Повторяемъ, разница между 1823 и 1833 годами была не велика, и «Чернь» выразила всегдашній образъ мыслей великаго поэта. Въ наше время (чего не видимъ въ наше время?) есть люди, думающіе, что «чернь» была въ самомъ дѣлѣ кругомъ виновата и что Пушкинъ былъ совершенно правъ въ своемъ образѣ мыслей о призваніи поэта—невозможно отвѣчать на это лучше, нежели слѣдующею выпискою:

«Въ стихотвореніи «Чернь» заключается художническое profession de foi Пушкина. Дѣйствительно, смѣшны и жалки тѣ, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренные строчки съ рифмами разныя нравоучительныя мысли. Но если до истины можно доходить не тѣмъ, чтобы соглашаться съ глупцами, то и не тѣмъ, чтобы противорѣчить имъ, а тѣмъ, чтобы забывая о ихъ существованіи смотреть на предметъ глазами разума. Не только поэты съ ихъ «вдохновеніями и сладкими звуками», но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, если-бъ толпа не соприсутствовала жертвоприношеніямъ. Поэтъ котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціальной жизни своего варода, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны и карать сатирою порочныхъ; но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія давала ему отвѣты на вопросы времени. Кто поэтъ про себя, и для себя, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній. И дѣйствительно Пушкинъ, велвкъ тамъ, гдѣ онъ просто воплощаетъ въ живыя преврасныя явленія свои поэтическія созерцанія, но не тамъ, гдѣ хочетъ быть мыслителемъ и разрѣшителемъ вопросовъ. Превосходно его стихотвореніе «Поэтъ», въ которомъ онъ развиваетъ мысль, что поэты, пока не потребуютъ его Аполловъ къ священной жертвѣ, ничтожатъ всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра, а какъ скоро коснется его слуха божественный зовъ, душа его стряхиваетъ съ себя нечистый совѣтъ жизни, какъ пробудившійся орелъ, но мысль эта теперь совершенно ложна. Наше время преклоняетъ колѣны только передъ художникомъ, котораго жизнь есть лучшій комментарий на ого творенія, а творенія — лучшее оправданіе его жизни. Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе тѣмъ не менѣе былъ причиною постепеннаго охлажденія восторга, который возбудила его первыя произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя, въ художественномъ отношеніи, пьесы; но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ произведеній (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она въ правѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели

находила ихъ (и это, конечно, не была ея вина). Между тѣмъ, избранный Пушкинымъ путь оправдывался его натурою и нравяніемъ: онъ не палъ, а только сдѣлался самимъ собою, но, по несчастію въ такое время, которое было очень неблагоприятно для подобнаго направленія, отъ котораго выигрывало искусство, но мало приобрѣтало общество».

Одно изъ важнѣйшихъ основаній признавать «презрѣнную толпу», то есть большинство, «безсмысленнымъ народомъ», «тупою чернью» состоитъ въ томъ, что «современники», встрѣтивъ съ восторгомъ первыя изрѣчія, слабыя въ художественномъ отношеніи произведенія Пушкина, холодно и даже непріязненно отвернулись отъ его позднѣйшихъ, совершеннѣйшихъ произведеній, и тѣмъ ясно доказали свою неспособность быть судьями въ дѣлѣ искусства, свою тупость и безсмысленность». Въ предыдущей главѣ мы старались показать этотъ фактъ въ его истинныхъ границахъ; теперь приведемъ сужденія позднѣйшей критики, которую никто не отважится обвинить ни въ тупоуміи, ни въ недостаткѣ чрезвычайно тонкаго и вѣрнаго эстетическаго вкуса,—приведемъ сужденія этой позднѣйшей критики о самыхъ характеристическихъ и важныхъ произведеніяхъ двухъ различныхъ эпохъ поэтической дѣятельности Пушкина, и эти сужденія съ достаточною ясностью рѣшатъ вопросъ о томъ, до какой степени былъ основателенъ или неоснователенъ первоначальный восторгъ и послѣдующее охлажденіе публики. Какъ самыя характеристическія произведенія, мы избираемъ, для перваго періода отношеній публики къ Пушкину, «Руслана и Людмилу»—первое и «Овѣгана»—важнѣйшее по достоинству изъ произведеній, возбудившихъ всеобщій энтузіазмъ, для втораго—«Бориса Годунова»—первое и важнѣйшее изъ произведеній, встрѣченныхъ холодно. Изъ этихъ сужденій,—справедливость которыхъ никто не захочетъ оспаривать въ настоящее время, если не изъ убѣжденія, то изъ уваженія къ авторитету, противъ котораго возставать не легко—мы выведемъ и общее сужденіе о Пушкинѣ, которое будетъ только повтореніемъ того, что говорилось въ статьяхъ, нами цитруемыхъ,—но которое,—чего добраго—могло бы пожалуй многимъ показаться и ново, и даже парадоксально (вѣдь, все, чего мы не знаемъ или что мы забыли,—парадоксъ) безъ этихъ выписокъ, которыя должны совершенно успокоить людей, боящихся иныхъ парадоксовъ, на счетъ притязаній нашихъ на оригинальность во мнѣніяхъ: если истина уже сказана другими, не нужно хлопотать о придумываніи оригинальностей; должно только повторять ее, чтобы знали или припомнили ее тѣ, кому не мѣшаетъ ее знать и помнить. Итакъ прочитаемъ наши выписки,—во первыхъ, о «Русланѣ и Людмилѣ».

«Судь современниковъ бываетъ пристрастна; однакожъ въ его пристрастіи всегда бываетъ своя законная и основательная причинность. Ни одно произведеніе Пушкина не произвело столько шума и криковъ, какъ «Русланъ и Людмила». Для насъ теперь «Русланъ и Людмила» не больше, какъ сказка—лишенная колорита мѣстности, времени и народности; и въ наше время не у всякаго даже юноши ставитъ охоты и терпѣнія прочесть ее всю, отъ начала до конца. Но въ то время, когда явилась эта поэма, она дѣйствительно должна была показаться необыкновенно великимъ созданіемъ: все (въ ней) было такъ ново, такъ оригинально, такъ обольстительно—и стихъ, которому подобнаго ничего не бывало, и складъ рѣчи, в смѣлость вѣсти, и яркость красокъ, в игривое остроуміе. По всему этому «Русланъ и Людмила» — такая картина, появленіе которой сдѣлало эпоху въ исторіи русской литературы. Юноши двадцатыхъ годовъ были правы въ энтузіазмѣ, съ которымъ они встрѣтили «Руслана и Людмилу».

Статья объ «Онѣгинѣ» принадлежать къ числу самых блестящихъ въ ряду статей о Пушкинѣ. Жаль, что мѣсто не позволяеть намъ привести здѣсь большего отрывка изъ нихъ,—среди безцвѣтныхъ толковъ о мелочахъ отрадно и здорово перенестись и поренести читателя къ чему нибудь лучшему—но мы должны ограничиться нѣсколькими строкамъ, заключающими въ себѣ сущность взгляда на Онѣгина».

«Онѣгинъ» есть самое задушевное произведѣніе Пушкина, и можно указать слишкомъ на неограниченныя творенія, въ которыхъ бы личность поэта отразилась съ такою полнотою, такъ свѣтло и ясно, какъ отразилась въ «Онѣгинѣ» личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся дуня, вся любовь его, здѣсь его чувства, попятія, идеалы... Не говоря уже объ эстетическомъ достоинствѣ «Онѣгина»,—эта поэма имѣетъ для насъ, русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе... Преже всего въ «Онѣгинѣ» мы видимъ поэтически-воспроизведенную картину русскаго общества, взятаго пѣ однимъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ его развитія... Историческое достоинство этой поэмы тѣмъ выше, что она была на Руси и первымъ блестящимъ оаытомъ въ этомъ родѣ. Въ ней Пушкинъ является не просто поэтомъ только, но и представителемъ впервые пробудившагося общеннаго самосознанія: заслуга безмѣрная! До Пушкина все произведеніе русской поэзіи какъ-то походило больше на этюды и коніи, нежели на свободныя произведенія самобытнаго вдохновенія... Первымъ національно-художественнымъ произведеніемъ былъ «Евгеній Онѣгинъ»... Вмѣстѣ съ современнымъ ему произведеніемъ «Горе отъ Ума», романъ Пушкина положили прочное основаніе новой русской поэзіи, новой русской литературѣ. До этихъ двухъ произведеній, русскіе поэты не умѣли быть поэтами, принимаясь за изображеніе міра русской жизни.. Оба эти произведенія положили собою основаніе послѣдующей литературѣ, были школою, взъ которой вышли и Лермонтовъ и Гоголь. Безъ «Онѣгина» былъ бы невозможенъ «Герой нашего времени», такъ же какъ безъ «Онѣгина» и «Горе отъ Ума» Гоголь не почувствовалъ бы себя готовымъ на изображеніе русской дѣйствительности, исполненное такой глубины в истинны».

«Онѣгина» можно назвать энциклопедіею русской жизни и въ высшей степени народнымъ произведеніемъ. Удивительно-ли, что эта поэма была принята съ такимъ восторгомъ публикою и имѣла такое огромное вліяніе и на современную ей и на послѣдующую русскую литературу? А ея вліяніе на нравы общества? Она была актомъ сознанія для русскаго общества, почти первымъ, но за то какимъ великимъ шагомъ для него! Этотъ шагъ былъ богатырскимъ размахомъ и поелѣ него стоянію на одномъ вѣстѣ сдѣлалось уже невозможнымъ».

На основаніи этихъ выписокъ сужденіе о правахъ «Бориса Годунова» и другихъ чисто-художественныхъ произведеній Пушкина на значеніе для публики и для исторіи литературы уже готово. Какъ бы ни были прекрасны въ художественномъ отношеніи «Каменный Гость», «Голубь», «Моцартъ и Сальери», «Скупой Рыцарь» и проч., по можно ли сказать о нихъ, что «все въ нихъ ново, оригинально, и стихъ, которому подобнаго ничего не бывало, и смѣлость кисти, и яркость красокъ?» Что «въ нихъ отразилась вся душа, вся любовь поэта, его чувства, идеалы?» Что «они имѣютъ огромное общественное значеніе, служа представителями впервые пробудившагося общеннаго самосознанія?» Что «они имѣли счастье, подобно «Онѣгину», быть первыми національно-художественными произведеніями?» Что «они имѣли огромное значеніе для общества?» Но каковы и чисто-художественныя достоинства «Бориса Годунова»?

«Борисъ Годуновъ» былъ принятъ совершенно холодно, какъ доказательство совершеннаго паденія таланта, еще недавно столь великаго... Какъ тогда, такъ и теперь, у «Бориса Годунова» были жаркіе поклонники; но какъ тогда, такъ и теперь, число

этих повлонииковъ было очень малочисленно, а число порицателей огромно. Которые язъ пяхъ правы, которые виноваты? Тѣ и другіе равно правы и равно виноваты; потому что, дѣйствительно, ни въ одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній не достигалъ Пушкинъ до такой художественной высоты, и ни въ одномъ не обнаружывалъ такихъ огромныхъ недостатковъ, какъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Эта пьеса была для него истинно-Ватерлооскою битвою, въ которой онъ развернулъ, во всей ширинѣ и глубинѣ, свой геній, и, не смотря на то, все-таки потерпѣлъ рѣшительное поражение. Пушкинъ смотрѣлъ на Годунова глазами Карамзина, и не столько заботился объ истинѣ и поэзіи, сколько о томъ, чтобы не погрѣшить противъ «Исторіи Государства Россійскаго». Поэтому его поэтический инстинктъ видѣлъ не въ цѣлости, а только въ частностяхъ его трагедіи. Лицо Годунова, получивъ характеръ мелодраматическаго злодѣя, лишилось своей цѣлости и полноты; изъ живописнаго изображенія какимъ бы должно было оно быть, оно сдѣлалось мозаическою картиною или, лучше сказать, статуею, которая вырублена не изъ одного цѣльнаго мрамора, а сложена изъ золота, серебра, мѣди, дерева, мрамора, глины. Отъ этого, пушкинскій Годуновъ является читателю то честнымъ, то низкимъ человѣкомъ, то героемъ, то трусомъ, то мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ злодѣемъ, и нѣтъ другаго ключа къ этимъ противорѣчіямъ, кромѣ упрековъ виновной совѣсти. Отъ этого, за отсутствіемъ истинной и живой поэтической идеи, которая давала бы цѣлость и полноту всей трагедіи, «Борисъ Годуновъ» Пушкинъ является чѣмъ-то неопредѣленнымъ, в не производитъ почти никакого рѣзкаго сосредоточеннаго впечатлѣнія, какого въ правѣ ожидать отъ него читатель. безпрестанно поражаемый его художественными красотами, безпрестанно восхищающійся его удивительными частностями. И дѣйствительно, если, съ одной стороны, эта трагедія отличается большими недостатками, то, съ другой стороны, она же блистаетъ в необыкновенными достоинствами. Первые выходятъ изъ ложности идеи, положенной въ основаніе драмы; вторые—изъ превосходнаго выполненія со стороны формы.

Обвинять ли публику, спросимъ мы, если она не была увлечена пьесою, въ которой «нѣтъ живой поэтической идеи», нѣтъ «цѣлости и полноты», которая не «производитъ никакого сосредоточеннаго впечатлѣнія», «является чѣмъ-то неопредѣленнымъ» и въ которой «превосходны» только «частности»?

«Каменный Гость», «Голубъ» и другія посмертныя произведенія Пушкина не могутъ подлежать упреку въ эстетическихъ недостаткахъ, которыми страждетъ «Годуновъ»; но всѣ онѣ, за исключеніемъ «Мѣднаго Всадника» имѣютъ мало живой связи съ обществомъ, потому и остались безплодны для общества и литературы.

Читатели вѣроятно уже успѣли утомиться нашими ретроспективными разсужденіями и выписками. Но—мы живемъ въ ретроспективное время. Если не говорить о Пушкинѣ, то о чемъ же говорить нынѣ въ русской литературѣ? Правда, можно очень справедливо возразить на это: да зачѣмъ же говорить о русской литературѣ? Но такое возраженіе было бы очень прискорбно, потому что оно ведетъ къ вопросу: о чемъ же говорить? Оставимъ, однако, діалогическую форму, и продолжимъ умозаключеніе: говоря о Пушкинѣ, лучшее, что возможно сдѣлать—возвратить вниманіе читателей къ тому, что было уже сказано о немъ, потому что лучше и заранѣе ничего нельзя не только сказать, но и придумать въ настоящее время. По всему есть мѣра, даже выписканъ и повтореніямъ, и наша статья близка къ концу; вамъ остается только привести общее заключеніе о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы—оно опять будетъ опираться на выпискѣ—иначе невозможно въ настоящее время, когда все должно быть защищено авторитетами: и какъ благодарны должны быть мы тому счастливому обстоятельству, что многое, нужное для настоящаго времени, уже давно сказано—иначе мы или не могли бы, или не умѣли бы сказать ничего.

Вотъ общее сужденіе о Пушкинѣ:

«Первыя поэмы и лирическія стихотворенія Пушкина были для него рядомъ поэтическѣхъ триумфовъ. Однако же, какъ скоро начало устанавливаться въ немъ броженіе кипучей молодости и субъективное стремленіе начало исчезать въ чисто-художественномъ направленіи, — къ нему начали охладѣвать. Наиболѣе зрѣлыя, глубокія и прекрасныя созданія Пушкина были приняты публикою холодно, а критиками оскорбительно. Съ другой стороны, люди, страстно любившіе искусство, въ холодности публики къ лучшимъ созданіямъ Пушкина видѣли только одно невѣжество толпы; смотря на искусство съ точки зрѣнія односторонней, его жаркіе поборники не хотѣли понять, что если симпатія и антипатія большинства бываютъ часто бессознательны, то рѣдко бываютъ безсмысленны и безосновательны, а напротивъ, часто заключаютъ въ себѣ глубокой смыслъ. Странно же, въ самомъ дѣлѣ, было думать, чтобъ то самое общество, которое такъ дружно, такъ радостно, въ первый еще разъ въ жизни своей откликнулось на голосъ пѣвца и нарекло его своимъ любимымъ, своимъ народнымъ поэтомъ, — странно было думать, чтобъ то же самое общество вдругъ охолодѣло къ своему поэту за то только, что онъ созрѣлъ и возмужалъ въ своемъ гонимъ, сдѣлался выше и глубже въ своей творческой дѣятельности... Между тѣмъ, время шло впередъ, а съ нимъ шла впередъ и жизнь порождая изъ себя новыя явленія. Общество русское съ невольнымъ удивленіемъ обратило взоры на новаго поэта, смѣло и гордо открывшаго ему новыя стороны жизни и искусства. Равенъ-ли по силѣ таланта или еще и выше Пушкина былъ Лермонтовъ — не въ томъ вопросъ: несомнѣнно только, что даже и по будучи выше Пушкина. Лермонтовъ призванъ былъ выразить собою и удовлетворить свою поэзію несравненно высшее, по своимъ требованіямъ и своему характеру, время, чѣмъ то, котораго выраженіемъ была поэзія Пушкина... Другой поэтъ вышедшій на литературное поприще при жизни Пушкина и привѣтствованный имъ, какъ великая надежда будущаго, подарить публику такимъ творчествомъ, которое должно составить эпоху и въ лѣтописяхъ литературы и въ лѣтописяхъ развитія общественнаго сознанія (*дѣло идетъ о Гоголѣ и «Мертвыхъ Душахъ»*). Все это было безмолвною, фактическою философіею самой жизни и самого времени, для рѣшенія вопроса о Пушкинѣ».

Новаго сказать еще нечего послѣ этого. Потому и мы, перескажемъ «собственными словами» (какъ говорится на ученическомъ языкѣ) то, что такъ превосходно и вѣрно было сказано о Пушкинѣ критикомъ предъидущаго поколѣнія:

До Пушкина не было въ Россіи истинныхъ поэтовъ; русская публика звала поэзію только по слухамъ, изъ переводовъ, или по слабымъ опытамъ, въ которыхъ вскры поэзія гасла въ пучинахъ рсторики или льдахъ внѣшней холодной отдѣлки. Пушкинъ далъ намъ первыя художественныя произведенія на родномъ языкѣ, познакомилъ насъ съ невѣдомою до него поэзіею. На этомъ былъ главнымъ образомъ основанъ громадный успѣхъ его первыхъ произведеній. Другая причина энтузіазма, или возбужденнаго, заключалась въ томъ, что, по увлеченію молодости, Пушкинъ согрѣвалъ ихъ теплотою собственной жизни, но чуждой стремленіямъ вѣка, до известной степени заманчивымъ и для нашего тогдашняго общества. Послѣдующія его произведенія, не представляя уже интереса первыхъ даровъ поэзіи русскому обществу, успѣвшему вкусить ея изъ первыхъ произведеній Пушкина, не могли возбуждать энтузіазма, который пробуждается только новымъ. Холодность публики усилавалась холодностью самыхъ произведеній, которыя имѣли передъ прежними то преимущество, что были совершеннѣе въ художественномъ отношеніи, но въ которыхъ общество не находило уже ничего имѣющаго связь съ его жизнью. Торжество художественной формы надъ живымъ содержаніемъ было слѣдствіемъ самой натуры великаго поэта, который былъ по преимуществу художникомъ. Великое дѣло свое —

ввести въ русскую литературу поэзію, какъ прекрасную художественную форму, Пушкинъ совершилъ вполне, и узнавъ поэзію, какъ форму, русское общество могло уже идти далѣе и искать въ этой формѣ содержанія. Тогда началась для русской литературы новая эпоха, первыми представителями которой были Лермонтовъ и, особенно, Гоголь. Но художническій гений Пушкина такъ великъ и прекрасенъ, что, хотя эпоха безусловнаго удовлетворенія чистою формою для насъ миновалась, мы доселѣ не можемъ не увлекаться дивною художественною красотою его созданій. Онъ истинный отецъ нашей поэзіи, онъ воспитатель эстетическаго чувства и любви къ благороднымъ эстетическимъ наслажденіямъ въ русской публикѣ, масса которой чрезвычайно значительно увеличилась, благодаря ему—вотъ его права на вѣчную славу въ русской литературѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Россійская родословная книга, издаваемая кнзюмъ *Пестромъ Долгоруко* вымъ. Части 1-я и 2-я. Спб. 1855.

Огромный трудъ, начало котораго теперь явилось, заслуживаетъ полной признательности со стороны всѣхъ, занимающихся русскою исторіею. Генеалогія, столь важная для исторіи, одна ли будетъ представлять затрудненія русской исторіи XVI—XIX вѣка, когда прекрасное предпріятіе князя Долгорукова, почти совершенно оконченное въ рукописи, будетъ окончено изданіемъ. О громадности его можно судить изъ того, что оно будетъ содержать полныя родословныя росписи трехъ тысячъ знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, изъ которыхъ очень многія заключаютъ болѣе пятисотъ членовъ. Но важность этой книги равняется трудности ея составленія.

Первоначально кн. Долгоруковъ намѣревался помѣстить въ «родословную книгу» всѣ безъ исключенія дворянскія фамиліи, существующія или существовавшія въ Россіи; но, говоритъ онъ, подобный трудъ превышалъ бы силы одного человѣка; потому онъ рѣшился ограничить его предѣлы и включить въ составъ своего изданія только слѣдующія главы: 1) россійскіе князья; 2) графы; 3) бароны; 4) фамиліи, имѣющія титулы иностранныхъ князей, графовъ и бароновъ; 5) происшедшія отъ Великаго Князя Рюрика; 6) внесенныя въ бархатную книгу; 7) существовавшія въ Россіи до 1600 г.; 8) фамиліи существовавшія въ Лифляндіи и пр. въ эпоху Ливонскаго ордена; 9) существовавшія въ Польшѣ до 1600 г.; 10) фамиліи иностраннаго происхожденія, существовавшія въ отечествѣ до 1600 г.; 11) фамиліи, члены которыхъ въ XVII вѣкѣ были боярами, окольничими и думными дьяками или дворянами; 12) малороссійскія, которыхъ члены были старшинами до 1764 г.; 13) члены которыхъ служили со времени Петра Великаго въ первыхъ двухъ классахъ; 14) извѣстнѣйшія изъ угасшихъ фамилій. Двѣ изданныя нынѣ части обнимаютъ три первыя главы. Конечно мы можемъ представить только общіе выводы или какъ бы оглавленіе важнаго для исторіи труда князя Долгорукова.

Княжескихъ фамилій, происшедшихъ отъ рода Великаго Князя Рюрика, существуетъ нынѣ 39, имено: 1) отъ потомства князей Черниговскихъ: князья Одоевскіе, Кольцовы-Масальскіе, Горчаковы, Елецкіе, Звенигородскіе-Спачіе, Барятинскіе, Оболенскіе, Долгоруковы, Щербатовы, Святополки-Четвертинскіе, Святополки-Мирскіи (всего 11); 2) отъ потомства князей Галицкихъ: князья Друцкіе, Бабычевы, Путятины, Друцкіе-Соколинскіе, Друцкіе-Любецкіи; 3) отъ старшей вѣтви князей Смоленскихъ: князья Вяземскіе; 4) отъ потомства князей Ярославскихъ: князья Щотинины, Засѣкины, Сонцовы, Сонцовы-Засѣкины, Шаховскіе,

Морткины, Шехонскіе, Львовы, Прозоровскіе, Дуловы (всего 10); 5) отъ младшей вѣтви князей Смоленскихъ: князья Кропоткины, Козловскіе; 6) отъ потомства князей Ростовскихъ: князья Щепины-Ростовскіе, Касаткины-Ростовскіе, Лобановы-Ростовскіе; 7) отъ потомства князей Бѣлосерскихъ: князья Бѣлосельскіе, Вадбольскіе, Шелешпанскіе, Ухтоискіе; 8) отъ потомства князей Суздальскихъ: князья Шуйскіе; 9) отъ потомства князей Стародубскихъ: князья Гагарины, Хилковы.

Отъ Годомина происходитъ восемь княжескихъ фамилій; семь фамилій иноземнаго происхожденія (Грузискаго и Ногайскаго) внесены въ число князей при составленіи общаго гербовника; пятнадцать фамилій возведены въ княжеское достоинство Высочайшими указами съ 1709 по 1853 годъ; такимъ образомъ князь Долгоруковъ насчитываетъ 69 Россійско-княжескихъ фамилій.

Кромѣ княжескихъ, отъ Рюрика происходитъ еще 21 дворянскія фамиліи, именно: Пузины, Огиנסкіе, Сатины, Татищевы, Заболоцкіе, Дмитріевы-Мамоновы, Внуковы, Монастырскіе, Судаковы, Аладьины, Цыплетовы, Мусоргскіе, Еропкины, Травины, Ржевскіе, Толбузины, Березины, Осинины, Лапуновы, Ильины, Ивины. Потому всѣхъ фамилій, происходящихъ отъ Рюрика, князь Долгоруковъ считаетъ 60.

Фамилій, возведенныхъ (до 1859 г.) въ графское достоинство Россійской Имперіи, князь Долгоруковъ считаетъ 60.

Фамилій, возведенныхъ въ баронское достоинство Россійской имперіи, 10.

Фамилій иноземнаго происхожденія, признанныхъ въ княжеское достоинство 28 и грузинскихъ, фамилій, признанныхъ въ томъ же достоинствѣ указомъ 6 декабря 1850 г.—58, всего 86.

Фамилій, имѣющихъ титулъ графовъ иноземныхъ державъ, 90.

Фамилій, имѣющихъ титулъ бароновъ Великаго княжества Финляндскаго или иноземныхъ державъ 76.

Русскихъ дворянскихъ внесенныхъ въ бархатную книгу или существовавшихъ до 1600 г. 817. Дворянскихъ фамилій иноземнаго происхожденія 1048.

О времени происхожденія Славянскихъ писемъ. Сочиненіе О. Бодянского. Москва. 1855 г.

Огромная монографія г. Бодянского, составляющая толстый томъ въ большую осьмушку, принадлежитъ къ числу сочиненій, изданныхъ по случаю празднованія столѣтняго юбілея Московскаго университета. Не думая, чтобы вопросъ, занимающій ученаго автора, могъ быть рѣшенъ согласно или несогласно съ его мнѣніемъ такъ положительно, какъ дѣлаетъ это авторъ, мы только изложимъ кратко основаніе гипотезы, принимаемой и опровергаемой г. Бодянскимъ.

Кириллъ и Меодій прибыли въ Моравію, куда князь Ростиславъ вызвалъ ихъ изъ Константинополя, проповѣдать христіанство на славянскомъ языкѣ, въ 863 г., и принесли съ собою священныя книги, уже пероводенныя на славянскій языкъ. Итакъ, если предположимъ, что пероводъ былъ сдѣланъ именно для Моравянъ, и азбука изобрѣтена именно для написанія этого перевода, то надобно думать, что она изобрѣтена не задолго до отправленія Кирилла изъ Царяграда въ Моравію, и, оставляя Кириллу нѣсколько мѣсяцевъ на переводъ книгъ, вѣроятнымъ годомъ изобрѣтенія надобно будетъ поедположить 862 или даже копечъ

861-го. А нѣкоторые свидѣтельства говорятъ, что азбука дѣйствительно изобрѣтена по поводу призванія въ Моравію. Но другія свидѣтельства прямо указываютъ годомъ ея изобрѣтенія — 855. Если принимать это показаніе (считая по точнымъ подробностями, будто бы Кириллъ, посылаемый къ мораванамъ, спрашивалъ греческаго императора: есть ли у нихъ азбука? а императоръ отвѣчалъ: нѣтъ, отецъ мой и дѣдъ изслѣдовали, есть ли у нихъ азбука, и нашли, что нѣтъ), то легко объяснить, почему азбука была изобрѣтена за шесть или семь лѣтъ до призванія въ Моравію, Кириллъ и прежде занимался проповѣдью евангелія язычникамъ на сѣверныхъ границахъ имперіи, о чемъ подробно рассказываютъ ого жизнеописанія; а въ числѣ этихъ иноплеменниковъ, были конечно и славяне; итакъ можно предположить, что Кириллъ изобрѣлъ азбуку и поревелъ яужнѣйшіи богослужебныя книги, для этихъ прежнихъ слушателей, а не для мораванъ, которые (продолжается это соображеніе) и прислали за проповѣдниками въ Константинополь вѣроятно потому, что слышали, что эти проповѣдники совершаютъ службу на славянскомъ языкѣ. Этому мнѣнію держался Шафарикъ. И еслибы мы захотѣли доказывать неосновательность противнаго, то могли бы привести много возраженій противъ его вѣроятности. Но большой вѣсъ этому прежде отвергавшемуся мнѣнію (о изобрѣтеніи азбуки для мораванъ т. о. 861—862 г.) придаетъ то, что въ послѣднее время Шафарикъ призналъ его вѣроятнѣйшимъ, отвергнувъ свое прежнее мнѣніе о изобрѣтеніи азбуки въ 855 г. (т. е. для прежней проповѣди Кирилла у другихъ славянъ, а не по поводу призванія въ Моравію, когда у него была ужь готова азбука и переводъ необходимыхъ книгъ). Но углубляться въ этотъ вопросъ едва ли не значитъ только запутывать, а не прояснять его. Очевидно во всякомъ случаѣ, что свидѣтельства разнорѣчатъ, и что рѣшеніе — примемъ ли мы 855 или 861 — 2 годъ, будетъ имѣть только вѣроятность, а не положительную достовѣрность. Истинно въ такомъ смыслѣ и высказываетъ свое новѣйшее мнѣніе Шафарикъ: «Основаніе старославянской письменности положено Кирилломъ въ Царьградѣ, вѣроятно, въ концѣ 861 или въ началѣ 862 г.»

Впрочемъ, разница шести или семи лѣтъ, кажется намъ, вовсе не такъ важна, чтобы считать предпочтеніе того или другаго рѣшенія, 861—862 или 855 годъ—вопросомъ первостепеннаго значенія въ исторіи славянской письменности. Въ томъ и другомъ случаѣ остаются равно несомнѣнными важнѣйшія стороны дѣла: азбука изобрѣтена Кирилломъ, основаніе переводу положено въ Константинополѣ. Гораздо важнѣе, нежели вопросъ о годѣ, рѣшеніе того: какому изъ славянскихъ племенъ принадлежалъ языкъ, на который переведены Кирилломъ священныя книги? Здѣсь опять множество разнорѣчащихъ мнѣній. Одни говорятъ: переводъ былъ сдѣланъ для мораванъ, слѣдовательно на моравское нарѣчіе; принимая это мнѣніе можно, если угодно, прибавлять: это нарѣчіе надобно отличать отъ нынѣшняго моравскаго, измѣнившіеся подъ вліяніемъ чешскаго; и наконецъ, идя еще далѣе: и это неизмѣненное чешскимъ вліяніемъ моравское, было одинаково съ словацкимъ; но правдоподобнѣе сказать, что оно погинуло послѣ вторженія венгровъ, опустошившихъ большую часть того моравскаго царства, въ которомъ проповѣдывалъ Кириллъ, и которое простиралось на югъ и востокъ далеко за предѣлы нынѣшней моравской области. Другіе говорятъ: Кириллъ переводилъ на то нарѣчіе, которымъ говорилъ, а не на моравское, котораго еще не зналъ. Какое же нарѣчіе было хорошо знакомо Кириллу? Опять отвѣты различны: 1) Болгарское, потону

что нѣкоторые предполагають, что Кириллъ и Меводій до проповѣди у моравянъ, крестили Болгарскихъ славянъ; 2) или на то нарѣчіе, которое Кириллъ, проповѣдывавшій въ Херсонесѣ, нашелъ тамъ, то есть нарѣчіе русскихъ славянъ; 3) или нарѣчіе, которымъ говорили славяне, жившіе около Фессалоники и въ самой Фессалоники, гдѣ родились и воспитывались Кириллъ и Меводій. Это послѣднее мнѣніе всѣхъ правдоподобнѣе; но оно опять ведетъ къ различнымъ предположеніямъ о томъ, какимъ же нарѣчіемъ говорили фессалоникскіе славяне. Иные думаютъ, что пѣзъ нынѣшнихъ нарѣчій ближе всего къ нему хорутанское, которое по ихъ мнѣнію одно изъ южныхъ нарѣчій (болгарское, сербское, хорватское и хорутанское) осталось не смѣшаннымъ, между тѣмъ какъ всѣ другія подвергались вліянію сильныхъ славянскихъ племенъ, пришедшихъ съ сѣвера къ первобытнымъ южнымъ славянамъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ русскихъ изслѣдователей ближе всего къ Кирилловскому нарѣчію—русское, потому что славяне, поселившіеся за Дунаемъ, были соплеменники русскихъ славянъ,—тѣ и другіе одинаково называются Антами. Наконецъ послѣднее предположеніе, самое правдоподобное, состоитъ въ томъ, что фессалоникское или кирилловское нарѣчіе было самостоятельное, столь же разившееся во время Кирилла отъ хорутанскаго, русскаго или болгарскаго, сколько эти нарѣчія разнились между собою. Не исчисленъ еще многихъ другихъ предположеній.

Кажется, что этотъ вопросъ о языкѣ перевода несравненно важнѣе едва замѣтной для хронологіи разницы въ шести годахъ, 855—861. Чрезвычайно разногласіе рѣшеній его показываетъ, что ни одно изъ нихъ еще не имѣетъ за себя рѣшительныхъ доказательствъ. А между тѣмъ, положительныя доказательства могутъ быть найдены, внимательное углубленіе въ вопросъ не останется безплоднымъ, не приведетъ къ неопредѣленному «вѣроятно», какъ это должно сказать о хронологическомъ вопросѣ; здѣсь у насъ есть положительныя, непоколебимыя данныя: языкъ самаго перевода и нынѣшня славянскій нарѣчія. Ихъ критическое сличеніе съ восстановленнымъ по древнѣйшимъ спискамъ кирилловскимъ текстомъ дастъ несомнѣнный выводъ. Итакъ вопросъ о языкѣ, будучи гораздо важнѣе спора за незначительную разницу въ цифрахъ, долженъ привлекать преимущественное вниманіе изслѣдователей и тѣмъ, что удобообразнѣе, но такъ какъ споръ о годѣ изобрѣтенія. Правда и то, что для спора о цифрахъ нужно только взять нѣсколько ужъ всѣмъ извѣстныхъ выписокъ изъ десятка книгъ, и потомъ пускаться въ гипотезы; а вопросъ о языкѣ требуетъ утомительныхъ, долгихъ изысканій. Но, развѣ мало трудовъ и изысканій употреблено г. Бодянскимъ на его монографію?

Впрочемъ, не только вопросъ о цифрѣ года, но даже и несравненно значительнѣйшій вопросъ о томъ, какому племени принадлежалъ языкъ кирилловскаго перевода, относится къ числу задачъ болѣе интересныхъ по своей трудности, нежели существенно важныхъ для исторіи церковнославянской литературы. Изданіе памятниковъ, вотъ теперь самая настоятельнѣйшая потребность ея; рядомъ съ изданіемъ, должно идти изслѣдованіе содержаній; то и другое легко, потому что, благодаря трудамъ почтенныхъ нашихъ славяновѣдцевъ, и особенно А. Х. Востокова, фонетика и грамматика церковнославянскаго языка уже довольно разработаны, чтобы не задерживать дальнѣйшаго развитія изысканій; словарь также давно уже приготовленъ А. Х. Востоковымъ, и имя автора достаточно убѣждаетъ cadaго въ неопредѣленности этого давно ожидаемаго труда, просьба объ изданіи котораго—неотступная просьба всѣхъ славяновѣдцевъ къ общему учителю всѣхъ ихъ.

Заговорившись о разныхъ гипотезахъ и стопснн важности ихъ, ны забыли сказать, что г. Бодянскій считаетъ несомнѣннымъ годомъ изобрѣтенія славянской азбуки 862 годъ, и чрезвычайно сильно изобличаютъ неосновательность всѣхъ своихъ противниковъ. Намъ кажется, что къ люданъ, всякая распря съ которыми стала теперь невозможною по давности ихъ кончины, напрямѣръ, къ Добровскому, Копитару, можно быть гораздо свпсходительнѣе, ослѣбъ дажо и любить дѣлать рыцарскіе вызовы современнымъ учевымъ, не раздѣляющимъ столь твердой увѣренности.

Русская геральдика. Сочиненіе А. Лакіера. Спб. 1855. Двѣ части.

Издавая свое сочиненіе, г. Лакіоръ назначаетъ ому двѣякую цѣль: служить практическимъ руководствомъ для составленія гербовъ тѣмъ лицамъ, которыя вновь пріобрѣтаютъ дворянство, или, принадлежа къ старинному дворянству, еще не имѣютъ гербовъ; это цѣль второстепенная; главное же значеніе, придаваемое г. Лакіеромъ русской геральдикѣ, основанія которой онъ полагаютъ своимъ добросовѣстнымъ трудомъ, состоитъ въ томъ, что г. Лакіеръ считаетъ геральдику важною вспомогательной наукою для исторіи. Если бы г. Лакіеръ имѣлъ въ виду одну первую цѣль, намъ оставалось бы только сказать, чтв она очень удовлетворительно достигается его книгою. Значеніи употребительнѣйшихъ эмблемъ, принятыхъ въ русскіе гербы, значеніе различныхъ полей и частой горба излагается авторомъ съ достаточною полнотою и ясностью. Но одна ли бы г. Лакіоръ употребилъ столько времени и трудовъ на составленіе своей книги, еслибъ онъ думалъ, что она можетъ имѣть большую важность въ ученоемъ отношеніи. Этого, должны мы къ сожалѣнію сказать, «Русская Геральдика» не можетъ имѣть, по самой сущности предмета. Особеннаго значенія для науки не имѣютъ подобныя книги и для исторіи тѣхъ народовъ, у которыхъ гербы были стариннымъ учрежденіемъ; тѣмъ менѣе нуждается въ пособіи геральдики исторія русскаго общества, познакомившагося съ горбами не ранѣе Петра Великаго.

Степень важности многихъ вспомогательныхъ наукъ зависитъ чисто отъ случайныхъ обстоятельствъ. Такъ, напрямѣръ, чѣмъ бѣднѣ письменные памятники, оставшіеся отъ какого нибудь народа или какой нибудь эпохи, тѣмъ драгоценнѣе становятся матеріалы, доставляемые нумизматикою. Никто не вздунаетъ писать римскую исторію по римскимъ монетамъ и медалямъ. Но для исторіи Кароагена, имѣющей очонь много пробѣловъ въ письменныхъ извѣстіяхъ, дошедшихъ до насъ, монеты, отрываемаыя въ развалинахъ Кароагенскихъ, имѣютъ нѣкоторую важность. Еще драгоценнѣе бактріанскія моноты, при совершенномъ недостаткѣ другихъ данныхъ, помогающія намъ уловить хотя нѣсколько сухихъ именъ для исторіи этого безвѣстнаго царства. Точно также, еслибъ, напрямѣръ, у бактріанъ или паровъ были въ употребленіи гербы, и еслибъ до насъ дошло нѣсколько ихъ, важность ихъ была бы неопѣненна. Но, къ несчастію геральдики, гербы употреблялись началл только во времена феодализма и рыцарства, съ XI или XII вѣка; а исторія среднихъ вѣковъ, къ нашему счастью, очень хорошо извѣстна по безцпслпнымъ лѣтописямъ, актамъ, запискамъ, лпторатурнымъ произведешямъ и другимъ письменнымъ памятникамъ, и гербы не могутъ сказать намъ о ней почти ничего заслуживающаго вниманія. Генеалогія каждаго знатнаго французскаго или нѣмец-

каго рода, и заслуги его предковъ подробно и отчетливо занесены въ лѣтописи и акты—какую же пользу для себя извлечотъ исторія, разсматривая гербъ этого рода, сообщающій неопредѣленные намеки на одинъ или два факта изъ числа тысячи фактовъ объ этомъ родѣ, превосходно заносенныхъ въ письменные памятники? Неужели надобно разсматривать гербы ноаполтанскихъ или испанскихъ Бурбоновъ, чтобы узнать ихъ происхожденіе отъ французскихъ Бурбоновъ? Такова драгоцѣнность и всѣхъ матеріаловъ, доставляемыхъ западною геральдикою исторіи западной Европы. Потому геральдика французская, англійская, нѣмецкая лишена всякаго значенія для науки, и служить просто предметомъ любопытства для немногихъ любителей. Изъ ученыхъ изслѣдователей никто не считаетъ нывѣ въ западной Европѣ нужнымъ заниматься геральдикою.

Еще менѣе важности можетъ имѣть она въ русской исторіи. Еслибъ дошли до насъ гербы Аскольда и Дира, мы были бъ очень рады возможности узнать, были ли между собою родственники Аскольдъ и Диръ, или нѣтъ. Но даже Олеговъ шить, сохранившись на вратахъ Византіи, не сказалъ бы ничего интереснаго: подвиги Олега мы знаемъ довольно подробно изъ Нестора, знаемъ и то, что онъ былъ родственникъ Рюрика. А гербы по были извѣстны не только при Аскольдѣ и Олегѣ, но даже и во времена Алексѣя Михайловича русскіе люди не имѣли о нихъ понятія, что прекрасно говоритъ Котошихинъ, слова котораго приводить и г. Лакіеръ. Неужели же мы узнаемъ что нибудь интересное изъ гербовъ Александра Даниловича Меншикова или барона Шафирова? Неужели разсмотрѣше герба Суворова-Рымникскаго познакомитъ насъ съ фактомъ, что онъ взялъ Измавлъ и разбилъ французовъ при Нови? Или нужно сличить гербъ Пушкина съ гербовъ «Арапа Петра Великаго», чтобы узнать, что нашъ поэтъ по женской линіи происходилъ отъ Ганнибала?

Другое дѣло—подробное разсмотрѣніе печатей и сфрагистика. Печати употреблялись съ незапамятныхъ временъ и русскими, какъ и всѣми другими народами. Правда, что на Руси употреблялись онѣ такіе, какіе кону вздумается, а не по строгимъ правиламъ, какъ это было въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ. Котошихинъ говоритъ опять, что даже въ его время русскіе, когда пмъ случалась надобность имѣть печать, избирали каждый какую ему вздумается. Но все таки изслѣдованіе печатей XIV—XV вѣковъ, можетъ быть, доставило бы нѣсколько указаній для русской дипломатики, хотя, при безпорядочности употребленія однихъ печатей, при общеизвѣстности значенія другихъ (напр. городовыхъ печатей), нельзя и въ этой скудной нивѣ набрать много колосцевъ. Потому русскіе историки, не получая большаго пособія отъ сфрагистики, обращали однако на нее нѣкоторое вниманіе. И чѣмъ болѣе страницъ удѣлилъ бы этой наукѣ г. Лакіеръ въ своей книгѣ, тѣмъ болѣе было бы въ ней страницъ, имѣющихъ значеніе для исторіи.

Но на геральдику не считалъ нужнымъ обращать вниманіе ни одинъ изъ изслѣдователей русской исторіи; и г. Лакіеръ, занявшись ею очень основательно, представилъ въ своей книгѣ неопровержимое свидѣтельство, что русская исторія ничего не теряла отъ небреженія, съ какимъ оставляли въ сторонѣ этотъ предметъ другіе изыскатели. Внимательное разсмотрѣше не доставило ему ни одного факта, ни одного намека, сколько нибудь интереснаго для историческихъ соображеній.

Быть можетъ, г. Лакіера поддерживала въ его утомительной работѣ мысль, что онъ докажетъ древность русскаго дворянства и опровергнетъ мнѣшіе, найден-

вое ихъ въ какихъ-то французскихъ книжкахъ, будто бы у насъ нѣтъ древнихъ родовъ. Но это мнѣніе не стоило опроверженія. Ни одинъ иностранецъ, и нѣбующій хотя малѣйшее понятіе о Россіи, не сомнѣвается, что у насъ есть довольно много княжескихъ и дворянскихъ родовъ, происходящихъ отъ Рюрика, и такимъ образомъ имѣющихъ тысячелѣтнюю древность. А къ этому результату сводить всѣ возраженія г. Лакіера. Потому надобно думать, что онъ или не совсѣмъ точно понималъ мнѣвіе, которое опровергаетъ, или, если встрѣчалъ его дѣйствительно выраженнымъ въ томъ смыслѣ, который занимаетъ его, то написалъ свое наслѣдованіе въ опроверженіе ничтожнаго мнѣнія. Писать книгу въ объясненіе того, что въ Россіи есть роды, чрезвычайно, древніе, значить то же, что писать книгу въ объясненіе того, что русскіе говорятъ не по татарски, живутъ не въ кибиткахъ, а въ городахъ и селахъ, ѣдятъ хлѣбъ, а не сырую рыбу, и т. д. Кто же сомнѣвался въ этомъ? Роды, происходящіе отъ Ярославъ, извѣстны каждому изъ всякой книжки о русской исторіи, новаго объ этомъ нельзя сказать ничего, если не считать особенно важными слѣдующихъ генеалогическихъ доказательствъ о существованіи потомковъ Кія, Щека, Гостомысла и даже Мосоха (основавшаго, какъ извѣстно, Москву):

Принадлежать ли этѣ качества (древность владѣніе поземельною собственностью) вашему дворянству? Мы не будемъ вдаваться въ подробности о бытѣ нашихъ предковъ въ доисторическія времена; замѣтимъ только, что и въ то время были у славянъ старшины, вожди, роды которыхъ не могли исчезнуть съ прибытіемъ къ намъ трехъ братьевъ Нормановъ... Исторія не сохранила извѣстій, какіе именно дворянскіе роды происходятъ отъ этого корня; тѣмъ не менѣе начало этихъ родовъ теряется въ незапамятной древности. (стр. 307 и 310).

Новыя повѣсти. Разказы для дѣтей, Москва. 1854 *).

Книжка эта сама по себѣ не интересна. «Новыя повѣсти» едва-ли не хуже всѣхъ старыхъ и разказаны самымъ неправильнымъ языкомъ. Но—какія странныя событія могутъ иногда возникать отъ самыхъ незначительныхъ причинъ!—книжка эта послужила поводомъ къ слѣдующему случаю.

Одна почтенная тетушка, имѣвшая пятерыхъ племянниковъ и племянницъ—если угодно, я даже могу ихъ назвать по именамъ: старшаго племянника звали Петруша, ему было тринадцать лѣтъ; двухъ младшихъ звали Боринкою и Ваничкою; сестрицъ ихъ—старшую Анетою, младшую Полиною—эта почтенная тетушка купила «Новыя повѣсти» и начала читать ихъ съ дѣтьми. Много было прекрасныхъ нравоучей въ книжкѣ; но всего болѣе обратило на себя вниманіе тетушки правило, высказанное въ концѣ одной изъ повѣстей: «Не должно быть неблагодар-

*) Эта рецензія, гдѣ авторъ въ шутиливой формѣ указываетъ дѣтскую мелочность многихъ явленій тогдашней литературы-беллетристики и «художественной» критики, въ свое время очень раздражила противъ автора нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ писателей-беллетристовъ, которые почувствовали себя задѣтыми. Статья любопытна какъ одинъ изъ первыхъ признаковъ приближавшагося оживленія литературы—со второй половины пятидесятихъ годовъ.

нымъ; ибо неблагодарность ость порокъ». — Слышите, mes enfants, прибавила тетушка: нехорошо быть неблагодарнымъ; это очень нехорошо.

— А чтожь это называется: неблагодарный? спросилъ Ваничка.

— Неблагодарнымъ называютъ, мой другъ, того человѣка, которому сдѣлала какую нибудь услугу, а онъ самъ потомъ не хочетъ сдѣлать такой же услуги своему благодѣтелю.

— А благодарные люди какъ же дѣлають? спросила Полина.

— Они дѣлають такъ: положимъ, я тебѣ доставила удовольствіе: и ты мнѣ старайся сдѣлать удовольствіе; тогда и будешь благодарна. Ты видишь, что я стараюсь вамъ доставить удовольствіе; и ты дѣлай такъ же.

— Ma tante, вѣдь вы доставляете намъ удовольствіе, когда читаете намъ эту книжку? спросилъ опять Ваничка.

— Конечно, мой дружокъ.

Этотъ разговоръ происходилъ поелѣ обѣда. Вечоромъ пріѣхали гости; сѣли играть въ карты, дѣти остались одни въ своей комнатѣ.

— Messieurs et mesdamee, знаете ли, что я вамъ скажу — закричалъ Петруша, вскочивъ со стула: — тетушка говорила, что надобно платить услугою за услугу. Такъ ли?

— Разумѣется, такъ; нечего и спрашивать, отвѣчали ему всѣ въ одинъ голосъ.

— Я вздумалъ, что мы неблагодарные.

— Отчего жъ это? спросила Анета.

— Какъ отчего? Ты ужъ большая (Анетѣ было 11 лѣтъ): тебѣ пора понимать; ты не такая маленькая, какъ Полина.

— Я прежде была маленькая, а теперь я все понимаю, обидѣвшись возразила осмыслѣнная Полина.

— Слушай же, если понимаешь. Большіе пишутъ намъ, дѣтямъ, повѣсти для нашего удовольствія; стало быть и мы должны писать для большихъ повѣсти. А если не пишемъ, значить мы неблагодарные.

Петруша былъ одаренъ замѣчательною силою ума, какъ вы, читатель, видите изъ этого. Уличенные въ неблагодарности, слушатели его готовились ужъ заплакать — но онъ не останавливаясь, продолжать свои умозаключенія:

— Messieurs et mesdames, давайте же писать повѣсти.

— Давайте писать, давайте писать, подтвердили хоромъ убѣжденные логичностью его выводовъ Messieurs и Mesdames. Побѣжали въ классную комнату, взяли свои тетрадки, и принялись писать. Черезъ полтора часа, когда добрая тетушка пришла напомнить дѣтямъ, что пора ложиться спать, птенцы бросились обнимать ее, крича: «мы благодарные! мы благодарные!» и поднимали какъ можно выше, стараясь приблизить къ ея глазамъ, свои тетрадки. Сначала тетушка не могла понять ничего: но скоро Петруша, отличавшійся, какъ ужъ извѣстно, даромъ слова, объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и восторгнувшись душою, тетушка повела писателей и писательницъ въ гостиную, рассказала всѣмъ присутствующимъ свою радость и просила послушать повѣсть ея питомцевъ. Иные гости поморщились: другіе выказали непритворное вниманіе — они, по своему добродушію, и не подозревали, что повѣсть — не дѣтская игрушка.

Чтеніе началось по очереди, съ произведенія младшей писательницы, Полины. Повѣсть Полины называлась:

«П Я Т Ь Л Ъ Т Ъ».

Надежда Владиміровна Вронская, когда была еще Nadine Иванішева, возбуждала общій восторгъ своею красотою. У ней были сотни поклонниковъ; она отличала между ними блестящаго барона Гаугвица. Онъ являлся повсюду, гдѣ ни была ова. Онъ былъ ея тѣнью. Они знали, что любить другъ друга. Однажды—этотъ вечеръ былъ восхитителенъ: ярко освѣщенная зала Большого Театра бала заполнена избранныйшимъ обществомъ Петербурга. Надвѣна въ упоеніи внимала дивнымъ звукамъ Россіянъ. Ова была чудно хороша въ ту минуту. Съ восторгомъ смотрѣлъ Гаугвицъ на ея одушевленное лицо, и безвозвратное слово любви трепетало на его губахъ.—«Баронъ, Приклонская справедливо ревнуетъ васъ къ этой дѣвчкѣ», шепнула ему на ухо кузина Надѣны, в баронъ вздрогнулъ. Онъ боялся васмѣшекъ Првкловской, его какъ молніи поразила мысль: «Неужели Приклонская, эта неприступная, непобѣдимая красавица, можетъ ревновать меня?» Мужчины любить суетно; ихъ любовь — тщеславіе, по крайней мѣрѣ любовь такихъ мужчинъ, какъ баронъ. Мысль о томъ, что Приклонская интересуется имъ, не давала ему покоя. На другой день, на балѣ у графини Z***, баронъ былъ, хотя тамъ не было Надѣны: онъ зналъ, что встрѣтитъ тамъ Приклонскую.

Пропускаемъ нѣсколько главъ изъ повѣсти Полины; конецъ, какъ читатели догадываются, слѣдующій:

Надѣна уже Надежда Владиміровна Бронева; ова три года замужемъ; ова говоритъ барону: «Теперь я могу сказать, что я васъ любила, потому что теперь я увѣрена въ себѣ. Я не жалѣю о прошломъ, я люблю своего мужа, который и т. д. Прощайте же; помните или забудьте меня, для меня все равно. Но для васъ лучше забыть меня, потому что я искренно жалѣю васъ. Ахъ, зачѣмъ не любить насъ тогда, когда мы такъ готовы любить!»

— Какой прекрасный слогъ! Какіе нѣжные, тонкіе штрихи! Какъ вѣрно понять, какъ художественно воспроизведемъ характеръ Надѣны! Послѣдняя сцена безукоризненно художественна! — Таковъ былъ общій голосъ гостей. Нѣкоторые прибавляли однако, что въ повѣсти мало непосредственности; что рефлексія вредитъ таланту, и что даровитая Полина должна болѣе заботиться о непосредственности и если можно такъ выразиться,—дѣйственной свѣжести образовъ; что иначе рефлексія стубитъ ея талантъ. Одна дама даже находила въ повѣсти Полины тенденцію, затаенную мысль, и была этимъ очень недовольна. Другая соглашалась съ нею, что въ повѣсти есть мысль, но была въ восторгѣ отъ этой мысли. Многіе мужчины увѣрили, что характеръ барона невѣренъ природѣ или исключителенъ; потому что мужчина способенъ также самоотверженно любить, какъ и женщина; утрировку характера барона многіе изъ нихъ объясняли личною антипатіею Полины къ мужчинамъ; другіе возражали: нѣтъ, это просто слѣдствіе того, что авторъ—женщина; есть мужскіе характеры, которыхъ не можетъ понять женщина: но видѣтъ въ повѣсти Полины филиппику противъ мужчинъ — верхъ нелѣпости; талантъ Полины отличается объективностью; въ ея произведеніяхъ нѣтъ и слѣда субъективныхъ «випатій и антипатій; лучшее доказательство того—прекрасная благородная роль, какую даетъ она мужу своей Надѣны. Несмотря на эти разнорѣчія, всѣ были согласны, что у Полины много рефлексія, еще согласіе были въ томъ, что она одарена замѣчательнымъ талантомъ. Я, также присутствовавшій на этотъ разъ въ числѣ гостей, не могъ не сказать, что «Пять лѣтъ» — прекрасная повѣсть. Слѣдовательно, это дѣло рѣшеное, и вамъ, читатель, не принесетъ пользы никакое упорство. Лучше согласитесь съ нами.

За восьмилѣтнюю Полиною началъ читать девятилѣтній Ваничка, «разсказъ»:

СТАРЫЙ ВОРОБЕЙ.

Сюжетъ его, если хотите, былъ нѣсколько похожъ на сюжетъ «Пяти лѣтъ».

Свирцовъ, на помѣе блѣдъ, не обращаетъ вниманія на Catherine Буллинскую, во когда робкая и небогатая дѣвушка стала Катериною Васильевою Невзорцева. блестящею и смѣлою дамою, онъ почелъ ее достойною дать завѣтъ его утомленному, скучающему воображенію. Она, ловко доведя его до формальнаго объясненія, расхоталась ему въ глаза «самымъ непринужденнымъ, веселымъ звонкимъ, ребяческимъ хохотомъ». и Свирцову показалось, что передъ нимъ стоитъ не М-ше Невзорцева, а Catherine Буллинская, и стыдно стало ему, и горько припомнилось ему въ ту минуту его натянутое невниманіе, его изученная холодность» и т. д. «Останемся же дровьями, мой милый, добрый М-г Свирцовъ», продолжая хохотать, сказала ему М-ше Невзорцева и протянула ему руку: «вы совсѣмъ не такъ злы, вакъ мнѣ казалось когда-то».

Всѣ нашли, что характеръ Свирцова нарисованъ мастерскою рукою: нѣкоторые даже прибавили «вотъ истинный герой нашего времени, разоблаченный отъ фальшивой Лермонтовской драпировки». Нашлись даже господа, которые рѣшили, что по развитію мысли—въ художественномъ отношеніи они не сравниваютъ, обращая вниманіе преимущественно на мысль, которая душа повѣсти—что по развитію мысли Ваничка стоитъ выше Лермонтова; они хотѣли было прибавить, что это не доказываетъ еще превосходства Ваничкина таланта надъ талантомъ Лермонтова, а только то, что наше время далеко ушло впередъ отъ Лермонтовской эпохи; но этихъ словъ ужъ почти нельзя было разслушать: едва слышалось выраженіе «мысль есть душа произведенія»; какъ двадцать голосовъ закричали: «а художественность? Она главное. Вы забываете художественность; мысль безъ художественности ничего не значить. Художественностью произведенія дается ему мысль» и т. д.; въ азартѣ даже не замѣтили защитники художественности, что та мысль, о которой дерзнули заикнуться ихъ противники, чрезвычайно пустовата, такъ что обращать вниманіе на ея присутствіе или ея отсутствіе рѣшительно не стоитъ. Защита художественности не могла умолкнуть въ теченіе десяти минутъ, и потому повѣсть Ванички осталась не обсужденною; только вообще было высказано, что у Ванички нѣсколько утомленный взглядъ на жизнь и что онъ, конечно, много испыталъ, или по выраженію одного изъ гостей, «его талантъ возмужалъ въ испытаніяхъ жизни». Теперь была очередь Бориньки, и онъ прочиталъ:

Черная Долина (La Vallée Noire).

Oh! que j'aime cette vie calme et
douce. George Sand.

У пастуха Ивана есть падчерица Марья. Однажды вечеромъ, стирая бѣлье на живописной рѣчкѣ (см. «Jeanpe» романъ Жоржа Занда), слышитъ подлѣ себя вадохъ—это Федоръ, который служить батракомъ на сосѣднемъ пчельникѣ; Федоръ подходитъ къ ней, и почесывая въ затылкѣ, изподлѣбья смотритъ на нее.

— Чаво ня видалъ, глаза-те уставилъ? не безъ наивнаго кокетства спрашиваетъ Марья, слегка краснѣя.

— Эхъ, Машутка, больно тея полюбилъ-то! Ужъ во-какъ оно легко, ажио вотъ какъ коломъ стоитъ въ сердцѣ-то!

— Исправды? Не пустое ли башь, Федька?

— Эхъ. ка-бы въ душу-то мнѣ заглянула! Вотъ бы все на чистоту увидала, безъ прилыгу! Да чаво тебѣ сказать? Во, бывало сажу на пчельникъ-ти пчелохъ слушаю, какъ жужжать-то: больно хорошо таково, гармоши бы не слушать (см. *Maitres sonneurs*, par George Sand). Таперича и къ пчеламъ оного отпала, а вѣдь пчелка наша кормилица! Все сажу, да плачу; во оно какво, мнѣ-то; а ты башь, обманываю!

— А коли любишь, что сватовъ не засылаешь? говорить насмѣшливо Марья.

— Али не знашь? Бѣдность одолѣла; во постои полтинникъ зашибу свадьбу справимъ, и т. д.

Дѣло кончается тѣмъ, что Федотъ, хозяинъ пчельника, узнавъ причину тоски своего батрака, даетъ ему впередъ три цѣлковыхъ жалованья, на которыя справляется богатая свадьба. Федоръ благодаритъ Федота:

— Ужъ такъ возблагодѣтельствовалъ меня, душе отца родимаго.

— Это что, ничаво; всѣ люди должны суть пособлять дружка дружкѣ, чтобы, знашь, рука руку мыла, какъ стары люди говаривали, отвѣчаетъ Федотъ, разчувствовавшись:—у меня за душѣ таково сладко: вотъ, значить, чувство есть; потому: чело-вѣкъ есть: добро дѣло сдѣлалъ, съ меня и довольно».

По окончаніи Боринькиной повѣсти былъ довольно жарнѣй споръ о томъ, можетъ ли простонародный бытъ дать содержаніе для художественнаго произведенія. Нѣкоторые говорили: не можетъ; имъ возражали: можетъ, и представляли, какъ неопровержимый принѣръ, только-что прочитанную повѣсть; но, прибавляли почти всѣ защитники, только высокая художественность, до которой возвышается Боринька, только она и маскируетъ внутреннюю бѣдность содержанія; иные впрочемъ, не допускали «такихъ узкихъ понятій» и предполагали, что для двухъ-трехъ повѣстей простонародная жизнь можетъ дать содержаніе, не смотря на свое однообразіе и даже пустоту. Одинъ голосъ, напротивъ того, утверждалъ, что только простонародный бытъ и можетъ дать истинноо содержаніе для русскаго таланта, потому что только въ оренбургскомъ краѣ сохранились русскіе элементы въ неподдѣльномъ видѣ. Но всѣ были согласны въ высокомъ художественноиъ достоинствѣ Боринькиной повѣсти и до чрезвычайности восхищались удивительно глубокому знакомству Бориньки съ простонародной жизнью и дивному его искусству владѣть народнымъ языкомъ. Последнее не подлежало спору, потому что многія фразы его героевъ были не поняты слушателями, и Боринька долженъ былъ объяснять, что «ня, башь, тея, безъ прилыгу», значить: «не, баень или говоринь, тебя, безъ всякой лжи». Находили одинъ только недостатокъ: Боринька позабылъ украсить свою повѣсть многими въ высшей степени характеристичными народными словами: «малышъ, касатка и махонькій». За то, говорили съ какой вѣрностью воспроизвелъ онъ характеры и бытъ! Федоръ почесывающій въ затылкѣ, объясняясь въ любви—несравненный типъ; еще вѣрнѣе подмѣчена черта наивнаго кокетства въ Марьѣ, говорящей: «а коли любишь, чаво же сватовъ не засылаешь» и съ свормно-насмѣшливымъ кокетствомъ спрашивающей: «чаво не видалъ, глаза-те уставиль». Высокая санобытность таланта Бориньки, его неподдѣльная народность были признаны неоспоримыми.

Теперь была очередь читать одиннадцатилѣтней Анетѣ; но скромная дѣвочка стыдилась, чувствуя что ея повѣсть слаба сравнительно съ прочитанными, а быть можетъ и понявъ, что дѣти вообще едва ли могутъ писать повѣсти. Петруша, досадуя

на замедленіе, нетерпѣливо желая похвастаться своимъ произведеніемъ, закричалъ: «если не хочешь читать, ты боецъ, и не читай; не заставляйте ее, позвольте ей читать мнѣ». Слушатели согласились, и Петруша началъ:

. Мой знакомецъ.

Иванъ Андреевичъ Загибинъ, котораго Петруша саркастически называлъ своимъ знакомцемъ, намекая на многочисленность людей подобнаго рода, былъ тщеславенъ, любилъ прилгнуть, любилъ порою потратить въ карты, порою поновелиться или покутить. Эти пороки выставлялись Петрушею въ самомъ яркомъ свѣтѣ, и вся повѣсть была пропитана самою ѣдкою ироніею. Вокругъ Загибина группировались его пріятели, — франтъ любившій выказывать свое умѣнье говорить по фразе, цузки, другой молодой человѣкъ, щеголявшій своею любовью къ итальянской оперѣ, тонкимъ знаніемъ музыки, но смѣшивавшій Донизетти съ Беллини; наконецъ третья молодой человѣкъ, любившій блеснуть своею начитанностью, выспшими взглядами остроуміемъ. Петруша неумолимо разилъ и эти важные пороки. Другія липа были менѣе замѣтны, но столь же ѣдко осмѣяны, напримѣръ, Иванъ Федосѣевичъ, хватившійся своими знатными друзьями.

Повѣсть Петруши нашла восторженныхъ поклонниковъ, хвалявшихъ автора за то, что онъ «нелицеприятно разоблачаетъ недостатки общества»; нашлись, однако многіе, порицавшіе Петрушу за эту безпощадность, и говорившіе, что сатира должна быть осторожна и что не на все должно смотрѣть съ такой мрачной стороны. Жизнь представляетъ много отрадныхъ явленій и что направленіе Петруши слишкомъ ѣдко. Впрочемъ, о повѣсти Петруши говорили не такъ много, какъ о пріидущихъ. Согласны были всѣ только въ томъ, что юморъ Петруши глубоко чувствуетъ самыя мрачныя явленія современности, потому имѣетъ необыкновенно важное значеніе. Согласились также, что не должно слишкомъ распространяться объ этомъ и что лучше обратиться къ другимъ предметамъ разговора, которые безъ сомнѣнія будутъ доставлены кроткимъ, приирительнымъ міросозерцашемъ Анеты; но всѣ снова стали упрашивать ее чтобы она прочитала свою повѣсть. Анета продолжала отказываться: но тетушка сказала строгимъ тономъ: *Lisez, Annette*: и Анета начала читать.

Одинька и Петинька.

Одинька не любилъ учиться, а Петинька любилъ учиться; Одинька говорилъ самъ все знаю; а Петинька говорилъ: ежели я не ставу учиться, то ничего не знаю. Когда они выросли большіе, Одинька ничего не зналъ, а Петинька умнымъ человѣкомъ.

Всѣ нашли, что повѣсть Анеты слишкомъ суха и тривиальна, и что даже не переведена она съ нѣмецкаго или какого нибудь другого языка; но все же стали о ней говорить и разошлись въ пріятной увѣренности, что слышали замѣчательные произведенія и что были свидѣтелями возникновенія четырехъ литературныхъ направленій. Кромѣ того, всѣ гости были увѣрены, что вечеръ проведенъ очень поучительно, и что если съ одной стороны было прочитано прекрасныя и глубокія произведенія, то съ другой стороны было высказа-

его дѣльных замѣчашій и очень важныхъ мыслей. Двѣ или три изъ этихъ нѣ были даже сказаны мною; потому я остаюсь въ пріятномъ убѣжденіи, что ерѣ былъ пріятенъ, занннтеленъ и вообще прошелъ не бесполезно.

Но одинъ изъ гостей, не участвовавшій въ нашихъ разсужденіяхъ, идя со мною по дорогѣ, сказалъ, будто бы мы сами себя обманываемъ; будто бы прекрасныя повѣсти, нами слышанныя, были совершенно ничтожны и будто бы о нихъ не стоило говорить.—Почему же онѣ ничтожны?—спросилъ я его обидѣвшись. Но, до какому-то странному капризу, заговорилъ о погодѣ, но отвѣчая на вопросъ, мнѣ показалось вовсе неучтливо.

графическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета за истекающее столѣтіе, по день столѣтняго юбилея, мря 12-го 1855 года, составленный трудами профессоровъ и преподавателей. Москва, 1855. Два тома.

ірія Императорскаго Московскаго Университета, написанная къ столѣтнему его юбилею ординарнымъ профессоромъ *С. Шевыревымъ*. 1755—1855. Москва. 1855.

Эти труды, изданные по случаю столѣтняго юбилея Московскаго университета, конечно всегда останутся въ числѣ главнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи самаго университета, но, при чрезвычайной важности этого учрежденія въ общей исторіи нашей образованности, должны сдѣлаться справочными книгами для всѣхъ вообще, касающихся исторіею просвѣщенія и литературы въ Россіи. Давно ужъ не выходилъ книжка, столь драгоценныхъ въ этомъ отношеніи. «Биографическій словарь воспитанниковъ Московскаго университета», приготавливаемый теперь къ изданію, такъ необходимымъ и, быть можетъ, важнѣйшимъ въ ряду капитальныхъ изданій, мы имъ даримъ насъ достопамятный юбилей.

Еслибъ отъ насъ требовался полный разборъ общей системы этихъ трудовъ, какъ и пересмотръ всѣхъ подробностей, ими сообщаемыхъ, мы должны были бы издать извѣщеніе о нихъ, до появленія въ свѣтъ «Биографическаго словаря воспитанниковъ», который долженъ раскрыть важнѣйшую сторону значенія Московскаго университета—его вліяніе на развитіе русскаго образованнаго общества, умственнаго, государственной, ученой и литературной жизни въ Россіи. Безъ того наши свѣдѣнія о дѣятельности перваго изъ русскихъ университетовъ будутъ не полны. Но общество съ исторіею университета уже значительно расширяется изданными тремя томами матеріаловъ; и потому, отлагая пока мысль о полнотѣ и всесторонности нашего отчета, мы не можемъ теперь умалчивать о важныхъ трудахъ, которыми по справедливости уже должны интересоваться.

Принимая на себя обязанность написать исторію Московскаго университета, мы было понимать свою задачу двумя различными способами, различіе между которыми мы означимъ терминами, быть можетъ устарѣвшими, но точно выражающими характеръ, того и другаго способа—можно было стремиться къ тому, чтобы составить прагматическую исторію университета, или къ тому, чтобы быть истопясаемъ. Въ первомъ случаѣ надлежало, по существенному различію сту-

пеней развитіи университета, разграничить его столѣтнюю жизнь на періоды; показать характеръ, внутреннюю жизнь и внѣшнее значеніе университета въ первые годы его возникновенія; потомъ постепенное расширеніе и возвышеніе этого учрежденія. Въ такомъ случаѣ самый текстъ исторіи вмѣщалъ бы въ себѣ только существенно важные факты, связанные по ихъ внутреннему сплону, я изложенные со всею возможною полнотою. Но какъ матеріалы, изъ которыхъ должны были извлекаться эти картины, большей частью еще не изданы или недоступны читателямъ по рѣдкости старинныхъ изданій, въ которыхъ погребены отъ большинства не только публики, но и ученыхъ изслѣдователей; то все важнѣйшее изъ этихъ матеріаловъ было бы, сообразно требованіямъ науки, напечатано въ безчисленныхъ приложеніяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли бы довольно большой объемъ. Такъ, напримѣръ, поступилъ Карамзинъ, и тѣмъ сообщилъ своему труду, съ одной стороны, высокое литературное достоинство, съ другой стороны, незамѣнимое ничѣмъ достоинство архива. Конечно избравъ такую форму, авторъ возлагаетъ на себя работу очень многосложную и тяжелую: кромѣ того, драгоценныя приложенія значительно увеличиваютъ объемъ книги; и мы вѣроятно назначаемъ слишкомъ тѣсныя границы изданію Исторіи Московскаго университета, полагая, что объемъ книги г. Шевырева сталъ бы вдвое или втрое болѣе, еслибъ онъ рѣшился слѣдовать такому плану и извлечь для приложеній все, что скрывается важнаго хотя въ однихъ рукописныхъ матеріалахъ, которыми онъ пользовался какъ-то: 1) пятнадцать томовъ актовъ Конференціи за 1755—1770 годы; 2) переписка первыхъ иностранныхъ профессоровъ съ Миллоромъ; 3) семнадцать или болѣе томовъ рѣчей, произнесенныхъ первыми профессорами; 4) бумаги М. Н. Муравьева; не говоримъ ужъ объ извлеченіяхъ изъ рѣдкихъ печатныхъ изданій, иногда существующихъ въ одномъ только экземплярѣ. Еслибъ авторъ рѣшился печатать эти приложенія, онъ обременилъ бы свою исторію быть можетъ еще двумя, быть можетъ и болѣе, томами. Конечно это основательное опасеніе, а также отъ части и краткость времени, оставшагося для составленія исторіи, побудило почтеннаго автора избрать лѣтописную форму. Онъ подраздѣляетъ столѣтнее существованіе университета на одиннадцать періодовъ во время кураторства или попечительства различныхъ сановниковъ, заведывавшихъ университетомъ; кромѣ того нѣкоторыя главы дробятся на хронологическіе отдѣлы, еще болѣе мелкіе, часто заключающіе не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ; въ каждой главѣ или подраздѣленіи главы идетъ множество рубрикъ, по которымъ расположены факты, касающіеся того или другаго учрежденія, существовавшаго при университетѣ, той или другой стороны университетской жизни; такъ что вообще внѣшнее подраздѣленіе фактовъ и извѣстій преобладаетъ надъ ихъ внутреннею послѣдовательностью. Конечно такимъ планомъ много былъ облегченъ трудъ составленія книги, и мы предполагаемъ, что ему обязанъ почтенный авторъ возможностью изложить исторію университета въ томъ объемѣ, какой она теперь имѣетъ у него.

Мы считали нужнымъ упомянуть объ этомъ отчасти и для того, чтобы ошибки и односторонности нашего послѣдующаго краткаго обзора, вѣроятно довольно многочисленныя, не были приписаны читателями почтенному составителю «Исторіи Московскаго университета». Постоянно занимаясь изложеніемъ болѣе или менѣе важныхъ, по его мнѣнію, фактовъ въ той разрозненности, которая составляетъ необходимую принадлежность лѣтописной формы, авторъ остерегается прагматизма,

вѣроятно считая его преждевременнымъ, и мы могли только отгадывать отношенія различныхъ эпохъ жизни университета; при отгадываніи почти неизбѣжны ошибки, и если они должны быть поставлены кому нибудь въ вину, то конечно намъ, а не почтенному автору, нигдѣ не высказывающему своихъ соображеній о внутреннемъ развитіи университета. Мы по необходимости должны отваживаться на это, вынуждаемые самою краткостью нашего очерка, которая требуетъ выбора наиболѣе важныхъ фактовъ и тѣснѣйшаго ихъ группированія, и наконецъ дѣлаетъ необходимость набрасывать общія характеристики.

До 1778 года можно назвать Московскій университетъ еще только возникающимъ; все свидѣлствуетъ о томъ, что въ это время существеннѣйшее значеніе его было—представлять зародышъ, къ которому могло бы привиться будущее расширеніе внутреннихъ силъ и внѣшней дѣятельности. Число профессоровъ было еще очень невелико: въ 1761 году весь медицинскій факультетъ состоялъ изъ одного профессора Керштенса, который читалъ то химію, то минералогію; весь юридическій факультетъ также изъ одного профессора Дилтея, который читалъ то естественное, то римское право: только въ 1764 году являются товарищи тому и другому, и съ этого времени юридическій и медицинскій факультеты имѣютъ по два профессора. Первое начало дѣйствительному преподаванію анатоміи было положено, вѣроятно, только въ 1766 году. Съ 1765 года медицинскій факультетъ имѣетъ уже четырехъ профессоровъ, а съ 1767 года имѣетъ также четырехъ и юридическій. Около 1770 чтеніе лекцій во всѣхъ трехъ факультетахъ организовалось уже довольно правильно; но количество и успѣхи слушателей въ трудомъ могли назваться удовлетворительными; такъ въ 1767 году на всемъ юридическомъ факультетѣ было только четыре слушателя; акты 1770 года говорятъ, что до 300 студентовъ (съ основанія университета?) вышли не окончивъ курса, и только двое юристовъ вполне его окончили. Безпрестанно профессора жалуются на недостатокъ слушателей. Вообще, анекдоты, которые рассказываетъ Фонъ-Визинъ въ своихъ «Призваніяхъ» едва ли преувеличены. Мы не имѣемъ причинъ предполагать, чтобы это положеніе дѣлъ значительно измѣнилось и въ послѣдующія восемь лѣтъ, до 1778 года. Были, правда, нѣкоторыя слабыя проявленія ученой и литературной дѣятельности между студентами: иные изъ нихъ переводили книжки, печатавшіяся въ университетской типографіи; были и со стороны профессоровъ нѣкоторыя попытки основывать литературныя изданія, учреждать литературныя или ученые общества; но все это заслуживаетъ вниманія не столько по своему достоинству или успѣху, сколько потому, что служило приготовленіемъ къ будущему. Ученіе въ гимназіяхъ, основанныхъ при университетѣ, шло, вѣроятно, нѣсколько успѣшнѣе, хотя въ томъ отношеніи, что гимназіи имѣли большее число воспитанниковъ.

Съ 1779 года университетъ получаетъ дальнѣйшее развитіе, благодаря заботливости своего куратора, М. М. Хераскова, о которомъ должно съ признательностью вспоминать, если не за его поэтическія произведенія, то за его услуги Московскому университету. Онъ отдаетъ типографію на арендное содержаніе Новикову—и Московскій университетъ становится центромъ новой русской литературы. Это, намъ кажется, важнѣйшее дѣло Хераскова и важнѣйшее событіе въ исторіи университета до самыхъ 1825—1835 годовъ. Нѣтъ надобности распространяться о вліяніи Новикова и его друзей на развитіе умственной дѣятельности молодого поколѣнія. Теперь извѣстно, что все литературное движеніе такъ называемой Карам-

«Мудровъ, Матвѣй Яковлевичъ, Докторъ Медицины, Обыкновенный Профессоръ. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, родился въ Вологдѣ, 1772 года, 23 числа марта. Родитель его, священникъ Іаковъ Іоанновъ Мудровъ, былъ, по тогдашнему времени, мужъ просвѣщенный, хорошо изучившій языки древніе — латинскій, греческій и еврейскій; онъ очень уважалъ врачебную науку, любилъ читать твореша Гиппократы и Цельса; осмѣливался давать врачебныя совѣты бѣднымъ людямъ, на исцѣленіе простыми средствами, и былъ въ тѣсной пріязни со всѣми тамошними врачами. Какъ добрый пастырь душъ и сердець, онъ былъ всегда готовъ отдать послѣднюю сорочку, послѣднюю корку хлѣба голодной, бѣдной нуждѣ. Бывало, возвращаясь отъ дѣла служенія домой, никакъ не умѣлъ онъ отказывать просящимъ милостыни, а такихъ на Вологдѣ всегда великое множество. Раздавши все изъ своего кармана, онъ приводилъ къ себѣ домой тѣхъ, которымъ не могъ сдѣлать подающа, и раздѣлялъ съ ними весьма неприхотливую трапезу свою. Съ такимъ добродѣтельнымъ образомъ жизни, онъ претерпѣвалъ крайшіе недостатки, такъ что въ праздничные великіе дни сплошь да разомъ въ семействахъ его не находилось и одной горсти пшеничной муки на пирожокъ либо лепешку, а въ темное зимнее время почтеннѣйшая супруга его, Надежда Ивановна, должна была заниматься домашними дѣлами и рукодѣльями при свѣтѣ лучины. Матвѣй Яковлевичъ свое первое образование началъ подъ руководствомъ родителя. При великихъ нуждахъ и бѣдности, безъ средствъ пріобрѣтати учебныя книги, семинарское ученіе для молодого Мудрова было весьма трудно; ибо надобно было печатныя книги списывать на тетради, да и бумаги то необходимой на то было нелегко промышлять. Вотъ какъ онъ воспоминалъ про свое дѣтство: «Когда я былъ еще мальчишкой, — почасту на улицѣ «игрывалъ съ дѣтьми городского переплетчика, сдружился съ ними, хаживалъ въ немъ «въ домъ и съ любопытствомъ, бывало, смотривалъ на переплетную работу, даже в самъ «въсволько перевалъ изъ этого мастерства. Поступивши въ Семинарію, началъ я «порядкомъ переплетать тетради, сперва себѣ, послѣ и товарищамъ, и до того наторѣлъ въ этомъ дѣлѣ, что иногда помогалъ самому переплетчику. За такія послуги мнѣ «плачивали товарищи, одни бумагою писчею, а другіе и переплетчикъ давали мнѣ малую «толику деньжонокъ, которая въ тѣ поры были мнѣ очень дороги; я прикапчивалъ «якъ на крайшія свои надобности, особливо же на салныя свѣчи. Вотъ, бывало, зажгу «свѣчу, сяду писать вечеромъ, а матушка и подсядетъ ко мнѣ съ работою; я-то, «бывало, и скуплюся свѣтомъ в засѣнаніи ей, ова голубушка сперва покричатъ на «меня, потомъ примется упрасивать, и общаетъ мнѣ испечь при хлѣбахъ ржаную «лепешку съ толченымъ коноплянымъ сѣменемъ, и вотъ у насъ и лады съ нею; сидимъ. «бывало, молча и дѣлаемъ каждый свое». — У тамошняго штабъ-лекаря О. И. Кирдана подростали два сына, Ілья и Аполлонъ, и молодой Мудровъ былъ приглашенъ учить ихъ началамъ русскаго и латинскаго языковъ, за что, кромѣ платы, по рублю въ мѣсяцъ, онъ получалъ иногда и подарки, кой-какое повешенное платье съ плечей самаго Кирдана. Въ 1794 году Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ собрался въ Московскій Университетъ. — «Будь прилеженъ къ добрымъ дѣламъ, служи Государынѣ вѣрою и правдою, и Господь Богъ не оставитъ призрѣть на тебя многощедрнымъ окомъ. такъ и будешь человекъ», — такъ сказалъ ему родитель, благословляя небольшимъ мѣднымъ крестомъ, да подарилъ еще старую чайную фаянсовую чашку съ отшибенною ручкою: «это на случай испить воды изъ ручья дорогою», и наградивъ двадцатію пятью копейками мѣдныхъ денегъ, приговаривалъ такъ: «Вотъ, другъ мой, все, что могу «тебѣ удѣлать. Ступай, учись, служи, сохраняя во всемъ порядокъ, quoniam ordo est «cardo omnium гегиш; помни бѣдность и бѣдныхъ, такъ не позабудешь васъ, отца съ «матерью, и утѣшишь какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни». — Такъ напутствовалъ степь сына, который, простившись въ послѣдній разъ съ родителями, и закинувъ за плечи кошель съ поклажей, пошелъ къ Москвѣ пѣшъ. Дорогою забрелъ проститься къ знакомому своему Кирдану, которому, при этомъ, послѣднемъ свиданіи съ добрымъ учителемъ дѣтей своихъ, вспала на умъ благая мысль отослать ихъ подъ надворомъ благовѣрнаго и вѣдежнаго Мудрова въ Москву для образованія въ Гимназіи Университета. Вѣдумано и сдѣлано: въ тотъ же день мальчишковъ собрали въ дорогу, впрягли пару лошадей въ повозку, Мудрову подарены: шелковая пара платья, шелковые чулки.

козловые башманы съ серебрянными прижками, суконный сюртукъ, такая же шинель, треугольная пуховая шляпа и шелковый французскій, черныи, съ большимъ бавтонъ, вошелекъ для пучка; дано также рекомендательное письмо къ профессору университета Францу Францовичу Керестуря, старинному съ Кирдяномъ пріятелю, и въ вечеру всѣ отправились въ путь-дорогу. — «Я считалъ себя тогда великимъ богачемъ, говорилъ Мудровъ, и явился къ Францу Францовичу щеголемъ». — Добрыи Керестуря всѣхъ троиъ путешественниковъ привезъ съ собою въ Университетъ, представилъ ихъ Директору Павлу Ивановичу Фонъ-Вванну, и въ тотъ же день всѣ трое сидѣли на скамьяхъ въ классахъ Гимназіи, спали ночь въ вазеннокоптныхъ камерахъ. По тогдашнему порядку, никто не могъ поступать прямо въ Университетъ, но всякій напередъ долженъ побыть въ Гимназіи онаго, дабы выказать свои способности в благонаправное поведение, и Мудровъ былъ принятъ въ ректорскій, т. е. самый верхній классъ древнихъ языковъ. Въ 1796 году, какъ способный и благонаправный студентъ, переведенъ изъ гимназическаго ректорскаго класса въ Университетъ. Тогда онъ предался изученію врачебныхъ наукъ съ такою горячію и прилежаніемъ, что себѣ отказывалъ даже въ самыя ввинныя развлечения. Вотъ что по смерти Мудрова сказывалъ товарищъ его молодости, покойный же профессоръ Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ. «Я перешелъ въ Университетъ въ одно время съ Мудровымъ в довольно дружески сблизился съ нимъ; «и вотъ какъ-то разъ, во окончаніи лекцій, я вадумалъ было пригласить его къ себѣ «въ домъ, къ родителю моему, отобѣдать, но Мудровъ отвѣчалъ мнѣ на это такъ: «извините, я пришелъ сюда учиться, а не веселиться; побывавъ у васъ, я долженъ «бывать в у другихъ пріятелей, ихъ же много, то много же придется даромъ тратить «и золотого времени». Окончивъ курсъ теоретическихъ наукъ въ Университетѣ, Мудровъ долженъ былъ, по тогдашнимъ учрежденіямъ, окончить курсъ практическихъ занятій въ Московской Военной Госпитали, и это исполнилъ онъ съ такимъ же усердіемъ в прилежаніемъ. Онъ былъ всегда вабоженъ, и никогда не пропускалъ божественной службы въ церкви Университета, почти всегда тутъ справлялъ чтеше, напримѣръ шестопсалмія, часовъ, апостола, и читывалъ отъменно хорошо. Заступившій мѣсто Фонъ-Визина, новый дворецъ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, великій охотникъ самъ пѣть и читать въ церкви, в супруга его Прасковья Семеновна, весьма богомольная барыня, полюбили Мудрова, какъ за чтеше, такъ и за его благонаравіе, соединявшееся съ благообразіемъ варужнымъ: вбо Мудровъ былъ хорошъ, даже красивъ собою, хорошаго стройнаго роста, волосы имѣлъ черныя, отъ природы кудрявыя, глаза большіе, черныя, лицо чистое, бѣлое, съ нѣжнымъ румянцемъ. взглядъ откровенный, благородный. На первой в ва страстной недѣлѣхъ велкаго поста, когда семейство директора говѣло, постная молитвенная служба справлялась въ ихъ покояхъ, и Мудрова приглашали въ чтевію: въ это время онъ подружился со старшимъ сыномъ директора Андреемъ Ивановичемъ, и въ цѣломъ семействѣ былъ очень обласкавъ. Въ 1797 году отчаянно занемогла оспою одивнадцатилѣтняя дочь профессора Харитона Андреевича Чеботарева, (Фѣя Харитоновва; докторъ, пріятель в товарищъ Чеботареву, профессоръ Университета Оедоръ Герасимовъчъ Политковскій, призналъ за необходимое препоручить болъную въ неотлучный надворъ кому-либо изъ студентовъ медицинскаго факультета, и въ этомъ случаѣ выборъ его палъ на студента Мудрова; болѣзнъ протекла благополучно почти безъ примѣтныхъ слѣдовъ; обрадованный отецъ обнялъ студента и сказалъ ему: «Ты хлопоталъ о дѣвчкѣ Сольной, какъ лучшій другъ нашъ, какъ родной братъ ей, такъ буди же ей, теперь твоими же попеченіями исцѣленной, жевихомъ, а мнѣ роднымъ сыномъ». — Мудровъ ве отказался отъ предложенія. Тургеневъ в Чеботаревъ познакомили его со многими важными лицами, каковы напримѣръ были извѣстный любитель в соревнователь русскаго просвѣщенія Николай Ивановичъ Новиковъ в многіе другіе. Новые знакомства открыли ему входъ въ лучшіе Московскіе дома в образованныйшій кругъ, и здѣсь для него было, такъ сказать, практическое училище свѣтскаго обращенія в благоприличій. Въ 1798 году Мудровъ отъ Конференціи Университета удостоенъ награды золотою медалью за лучшее рѣшеніе задачи, предложенной студентамъ. Въ 1800 году воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на отпускъ лучшихъ студентовъ за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, и Мудровъ въ званіи

кандидата медицины былъ избранъ въ это путешествіе для образованія по части хирургіи.

«Въ іюнѣ 1808 года, Мудровъ возвратился изъ путешествія въ Москву, прямо въ семейство заслуженнаго Профессора Чеботарева, и первымъ долгомъ поставилъ себѣ явиться въ начальникамъ своимъ, учителямъ в лучшихъ знакомымъ. Тогда же началась и въ Университетѣ профессорская дѣятельность Мудрова. Въ клиникѣ Мудровъ не мало не оскорблялся, когда медикъ, помощникъ его, отмѣнялъ назначенныя имъ предписанія кому-либо изъ больныхъ, но всегда притонъ говаривалъ своимъ слушателямъ: «На то мнѣ и помощникъ нааобенъ, чтобы подмѣчалъ то, чего я не доглядѣлъ, и поправлялъ бы мои ошибки; *ergaе hūmanum est*, и на старуху бываетъ проруха». Когда же кто изъ слушателей сообщалъ при постели больного свое мнѣніе, Профессоръ ласково принималъ въ сообщеніе къ своимъ объясненіямъ, и ежели замѣчалъ студента ему казалось умѣстнымъ, то хвалилъ, приговаривая: «хорошо, душа, очень хорошо, и я и всѣ мы тебѣ спасибо екажемъ, что надоумилъ». Мудровъ, разставаясь съ молодыми врачами, при отпускѣ ихъ на службу, преподавалъ имъ самыя искреннія афористическія краткія поученія: «Ступай, душа, будь скромнѣе, не объѣдайся мясищемъ, не пей «винища и нивища, не блуди, бѣгай отъ картишекъ, будь покорнѣе начальству, люби «свое дѣло, свою науку, люби службу Государеву, и будешь счастливъ и почтенъ: «*Galenus dat opes, Justinianus honores*».

«Покойный высоко чтвъ память родителей своихъ в женныхъ, и весьма дорожилъ вещами, послѣ нихъ ему доставшимися: чайная старая чашка, принятая имъ изъ рукъ отца при послѣднихъ разстаніяхъ, всегда была священна для него; каждое утро в вечеръ, помолась Богу, онъ цѣловать ее, вмѣсто руки родительской; съ этою драгоценностію Мудровъ страствовалъ по чужимъ врагмъ в какъ-то дорогомъ расхибѣ ея: великая печаль овладѣла имъ тогда; онъ старательно собралъ ея всѣ разбитыя верешечки, всѣ крупинки, в сохранилъ до приѣзда въ Паризъ; тамъ одинъ изъ бронзовыхъ дѣлъ мастеровъ утѣшилъ его, собралъ въ свои мѣста всѣ верешки и склеилъ ихъ; поде возобновленную такимъ образомъ чашку поддѣлалъ красивый чепыревожикъ и накрылъ бронзовою крышкою; все это вмѣстѣ представляло очевъ красивый малевый памятникъ, который у почтительнаго сына всегда занималъ первое почетнѣйшее мѣсто между всѣми другими вещами въ домѣ *). Такое весьма похвальное чувство благоговѣйнаго почтенія дѣтей къ памяти покойныхъ родителей, столько, по милосердію Творца небеснаго, сродное, столько обыкновенное Русскому народу, показалося французамъ весьма удивительною, диковинною рѣдкостію; изъ разсказовъ бронзовщика о его работѣ для Мудрова составилъ анекдотъ, который не только разсказывали по цѣлому Парижу, но даже припечатали и въ журналахъ. Года за два съ чѣмъ-набуду до разоренія Москвы, докторъ Мудровъ вышелъ изъ дома больного ва подвѣздѣ, бывшій на улицѣ, и хотѣлъ садиться въ карету; какая-то женщина, бѣдненько одѣтая, съ большою толстою книгою въ рукахъ, перешла ему дорогу.—«Не продаешь ли, голубка, эту книгу?» спросилъ онъ у женщины.—«Продаю-съ».—«Покажи-ка, а что цѣна?»—«Десять-съ рублей-съ». Мудровъ посмотрѣлъ на заглавный листъ, и увидѣлъ, что это рукописный переводъ латинскаго Калепинова Лексикона на русскій языкъ.—«На тебѣ, голубушка, деньги», сказалъ онъ женщинѣ, подавъ ей въ руку 15 рублей, и сѣлъ съ покупкою въ карету; но какъ же онъ изумился, когда, рассматривая дорогомъ книгу, увидѣлъ приписку: «переведено съ Латинскаго на Словенорусскій языкъ трудами и начисто переписано рукою недостойнаго во Іеряхъ Іакова Іаннова Мудрова». Эта женщина, удивленная щедростію покупателя, успѣла спросить у лака, кто этогъ господинъ? «Докторъ

*) Видъ сей вещицы представленъ на верхней доскѣ переплета у книжки: «Слово о благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гипократова врача». Москва, 1814 г. На исподней доскѣ того же переплета изображенъ краугольный (кубическій) камень, какъ эмблема земли; на немъ горящая лампада:—это огонь; на лампадѣ ползетъ шивяца и сидитъ бабочка: это будто бы вода и воздухъ; мысль такой эмблемы чепырежъ стѣнъ принадлежала Мудрову отцу, а Мудровъ сынъ исполнилъ ее на печати. Къ сожалѣнію, рѣзчикъ слишкомъ пересолитъ свою стряпню, прихлѣпавъ шивяцѣ усики и какую-то щетинку по спинѣ.

Мудровъ», сказалъ ей человѣкъ и вскочилъ изъ карету, которая поскакала въ другимъ большимъ. Стояло бѣдной женщинѣ лишь у перваго прохожаго спросить, гдѣ живетъ докторъ Мудровъ, и тотъ прямо ей могъ отвѣтить: «Ступай въ Университетъ». Такъ и случилось: она пришла, узнала, что докторъ еще не воротился. дождалась его на дворѣ у крыльца, и прямо упала ему въ ногъ. «Ахъ, батюшка, Матвѣй Яковлевичъ!», вскричала она, «вѣдь я несчастная тебѣ не совсѣмъ чужая, я золовка твоей покойной сестрицы».—«Богъ тебя послалъ ко мнѣ, дорогая родная моя», сказалъ Мудровъ, поцѣловалъ и обнялъ ее, и, взявъ подъ руку, привелъ въ покои, представилъ почтеннѣйшимъ своимъ тестю и тещѣ, препоручилъ женѣ позаботиться послѣпшицею о всемъ для родственницы своей, которую оставилъ у себя, присовѣтовалъ ей выучиться повивальному искусству, въ чемъ она и успѣла,—и въ его домѣ, въ семействѣ, жила, какъ близкая родственница, до самой кончины ея, лѣтъ черезъ пять послѣдовавшей отъ ввутренняго рака. Трудъ любезнѣйшаго родителя—книгу въ кожаномъ ветхомъ переплетѣ—Мудровъ завернулъ въ дорогой шелковый большой платокъ и хранилъ пуше своихъ глазъ. Во дни кручины и горести, онъ вынималъ эту драгоценность свою, раскрывалъ, цѣловалъ, пересматривалъ, дивился уму, учености, трудолюбію отца своего; печали исчезали, радость и удовольствіе заступали ихъ мѣсто въ добродѣтельномъ сердцѣ почтителнѣйшаго сына.—Въ 1819 году эта подлинно дорогая книга была, по совѣту и подъ непосредственнымъ надсмотромъ профессора П. А. Страхова, переплетена въ алый сафьянный переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, а незадолго предъ кончиною своею, Мудровъ помышлялъ было святъ съ этого лексикона вѣрный списокъ для печатанія; къ сожалѣнію, это не исполнилось. Во время пребыванія своего въ Нижнемъ Новгородѣ, зимою 1812 года, Матвѣй Яковлевичъ случайно увидѣлъ двухъ сиротъ, дочерей своего учителя профессора Ѳомы Ивановича Барсувъ-Монсеева; тутъ же взялъ ихъ къ себѣ въ семью, и озаботился о пристойномъ ихъ воспитаніи; также принялъ къ себѣ и воспиталъ сиротъ, сына и дочь своего товарища по студенчеству, профессора Ивана Ѳедоровича Венсовича, и всѣхъ ихъ любилъ какъ своихъ родныхъ дѣтей. Столько былъ онъ жалостливъ и сострадателенъ ко всѣмъ и ко всему, что въ домѣ своемъ не терпѣлъ ни малѣйшей жестокости; никто не смѣлъ въ глазахъ его ударить собаку, даже заблгую, чужую; напротивъ того, всегда ихъ называлъ гостями, и приказывалъ накормить всѣхъ, сколько бы ихъ ни забѣжало на дворъ, и ничуть не обижать; даже не смѣлъ никто въ домѣ поставить мышамъ ловушку, или подложить отраву; если это иногда и дѣлалось по приказу госпожи, то съ величайшею осторожностію, чтобы онъ не провѣдалъ про то. «И онѣ твореніе рукъ Божіихъ, помѣстивъ въ мѣхоты, жалованья не получаютъ, надо же имъ питаться; насъ не объѣдать; будемъ сыты всѣ, не изводя ихъ такими жестокими средствами»,—такъ онъ говаривалъ, однако же терпѣлъ въ домѣ и даже ласкалъ кошекъ, рассуждалъ, что «природа сама указала имъ ловить мышей и питаться ими, и мы не должны вмѣшиваться въ ея распоряженія».—Ему никогда не подавали на столъ кушанья изъ домашнихъ птицъ и другихъ животныхъ, которыхъ онъ вводилъ у себя на дворъ живыхъ: одинъ видъ такихъ смѣдей возбуждалъ въ немъ тоску, даже до тошноты. Былъ во всемъ умѣренъ, не прихотливъ, могъ довольствоваться малымъ, даже любилъ простое кушанье, и вообще во всемъ простоту; въ его домѣ пріемныя комнаты были обиты простыми липовыми досками; въ его кабинетѣ, въ которомъ онъ трудился и отдыхалъ, деревянныя съ коноваткою стѣны были ничѣмъ не закрыты, ни обоями, ни штукатуркою; вмѣсто фортки было особое волоковое окошко; все это было ему по сердцу, потому что, хотя нѣсколько, напоминало прежшій бытъ его дѣтства и молодости, простую избушку родительскую. Его завтракъ былъ чашка чаю, либо какой-нибудь душистой травки, чаще же листу черной смородины, и пятаковая просвира, которымъ у него не было переводу: бѣдные больные ими оплачивали за его пособія и посѣщенія. Затѣмъ другой завтракъ гдѣ-нибудь у знакомыхъ, или дома обѣдъ не нарядный, но пристойный, потому лишь, что самъ онъ былъ хозяинъ-хлѣбосоль, любилъ, когда у него обѣдывали посторонніе люди, и случалъ, когда видѣлъ за столомъ одно лишь свое семейство».

Не правда ли, привлекательный характеръ? А сколько интересныхъ лично-

стей нашлось бы между сотнею знаменитыхъ профессоровъ Московскаго университета, о которыхъ и теперь еще въ кругу людей, бывшихъ къ нимъ близкими, можно слышать такіе интересные рассказы, но отъ которыхъ къ намъ доходить только сухія заглавія торжественныѣхъ рѣчей. Не правда ли также, что всѣмъ хотѣлось бы узнать, что можно, о жизни нашихъ современниковъ, которыхъ литературная или ученая дѣятельность такъ хорошо намъ знакома? Двое или трое изъ числа извѣстныхъ профессоровъ Московскаго университета удовлетворяютъ этому справедливому желанію, сообщая намъ нѣсколько своихъ воспоминаній въ «Словарѣ». Мы знаемъ, что иные готовы будутъ сказать, что писать автобіографію — дѣло щекотливое. Но когда же вамъ встрѣтится что нибудь интересное, въ чемъ нельзя было бы открыть щекотливой стороны? Во всемъ бываютъ крайности; и наша обыкновенная молчаливость на бумагѣ о современникахъ, которые такъ интересуютъ насъ въ разговорѣ, едва ли не доходитъ до крайности. Почему, напримѣръ, г. Погодинъ, г. Морозкинъ, г. Максимовичъ не имѣютъ права записать для насъ нѣкоторые изъ своихъ воспоминаній? Неужели все должно сохраняться до потомковъ, и ничего не должно дѣлаться для современниковъ, которые, говоря: «мы интересуемся сочиненіями такого-то», очень естественно могутъ прибавить: «мы нѣсколько интересуемся также и личностью его». Не должно при этомъ опасаться самохвальства: оно находитъ тысячу прекрасныхъ средствъ высказываться и безъ помощи біографій или автобіографій. Намъ даже кажется, что чѣмъ прямѣе, открытѣе долженъ говорить о себѣ человѣкъ, тѣмъ скромнѣе будетъ онъ говорить. Полунамеки, аггере-репсёе, темнота, вотъ истинное поприще для самохвальства. Потому мы искренно благодаримъ тѣхъ современныхъ намъ профессоровъ Московскаго университета, которые нашли, что могутъ подѣлиться съ публикою нѣкоторыми изъ своихъ воспоминаній, за то, что они позволили напечатать о себѣ нѣчто болѣе сухаго списка официальныхъ отношеній. Кто, напримѣръ, можетъ осудить г. Погодина за то, что онъ позволилъ напечатать въ своей біографіи слѣдующій отрывокъ, конечно въ высокой степени интересный для каждого изъ читателей. Г. Погодинъ поступаетъ въ университетъ. Самымъ знаменитымъ изъ тогдашнихъ профессоровъ былъ Мерзляковъ. «Всякое его слово, отъ души сказанное, западало въ душу». Студенты слушали его, какъ оракула. Но Мерзляковъ, какъ извѣстно, былъ приверженцемъ классицизма, а молодежь увлекалась ужъ баладами Жуковскаго. Однажды, говоритъ г. Погодинъ, Мерзляковъ, оканчивая лекцію, сказалъ:

«Вышла, господа, новая поэма, молодого нынѣшняго поэта, лорда Байрона, Шильйонскій узникъ, переведенная по русски Жуковскимъ. Мы займемся ея разборомъ въ слѣдующій разъ». Весь университетъ взволновался, и, считая минуты, ожидалъ этого слѣдующаго раза. Лишь только кончилась лекція, предшествовавшая Мерзлякову въ 5 часовъ, и вышелъ профессоръ изъ аудиторіи, какъ студенты со всѣхъ сторонъ бросились туда, точно на приступъ, спѣша занять мѣста. Медики, математики (о словесникахъ и говорить нечего), юристы, кандидаты, жившіе въ университетѣ, всѣ явились въ аудиторію, которая наполнилась въ минуту народомъ съ верху до низу, по окошкамъ, даже подъ верхними лавками амфитеатра. Мерзляковъ долженъ былъ продираться сквозь толпу. Какое молчаніе воцарилось, когда онъ сѣлъ наконецъ на кафедру! Всѣ дрожали, сердце билось, слухъ былъ напряженъ, и онъ началъ:

Взгляните на меня—я сѣдъ,
Но не отъ старости и лѣтъ;
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой;
Но не труды, не хладъ, не зной—
Тюрьма разрушила меня!

«Что это за лицо рассказываетъ о своемъ положеніи? Какихъ слушателей у него должны мы себѣ представить? Почему предполагаетъ онъ ихъ участіе? Что за странность рассказывать безъ всякаго вступленія и предупрежденія? Что за выраженіе: тюрьма разрушила? Какъ она разрушила, если онъ еще можетъ говорить? Разрушить можно зданіе, но человѣкъ разрушенъ быть не можетъ. Вотъ эти модные поэты! Не спрашивайте у нихъ логики! Они пренебрегаютъ языкомъ!» и т. д. Молодое поколѣніе слушало его разборъ съ почтеньемъ, и соглашалось съ вѣрностью многихъ его замѣчаній, но все-таки было въ восторгѣ отъ Байроновой поэмы....»

Кто не поблагодарить за этотъ отрывокъ? А многіе факты, сообщаемые въ біографіи, относительно исторіи развитія самого г. Погодина и его трудовъ, еще гораздо важнѣе. Но мы боимся, что ужъ утомили читателей выписками; боимся, что и статья наша превзошла предѣлы рецензій; потому заключимъ ее увѣрешиемъ, что среди офшціальныхъ списковъ, два толстые тома «Біографическаго словаря» представляютъ много другихъ страницъ, чрезвычайно интересныхъ и еще болѣе страницъ, очень важныхъ для исторіи русской литературы. Желаемъ скорѣйшаго выхода и еще большаго объема «Словарю воспитанниковъ Императорскаго Московскаго университета».

О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III Васильевича на престолъ Великаго Княжества Московскаго. Сочиненіе И. Андреевскаго. Спб. 1854.

Г. Андреевскій старательно собралъ главнѣйшіе факты и постановленія, могущіе доставить матеріалы для рѣшенія вопроса о гражданскомъ положеніи иноземцевъ, селившихся на Руси до половины XV вѣка. Съ этой стороны трудъ его заслуживаетъ полнаго одобренія. Но матеріалы, имъ собранные, далеко не наполняютъ всѣхъ рубрикъ, какія онъ вздумалъ сдѣлать въ своемъ разсужденіи. Напримѣръ, въ первомъ отдѣлѣ авторъ хочетъ показать, какими правами пользовались вообще иноземцы, безъ различія по происхожденію и занятіямъ, и находитъ нужнымъ говорить въ отдѣльности о восьми правахъ. Прекрасно; какіе факты находитъ онъ на свои восемь вопросовъ? Вотъ какіе: имѣли ль иноземцы право свободного вѣзда и выѣзда? Собственно говоря, «источники совершенно молчатъ объ этомъ». Имѣли ль они (когда были не грекороссійскаго исповѣданія) право свободного отправленія богослуженія? опять, собственно говоря, «мы не можемъ указать» положительныхъ доказательствъ, чтобъ имъ это позволялось закономъ: такъ точно должно «собственно говоря» отвѣчать и на большую часть вопросовъ. Но г. Андреевскій всегда прибавляетъ положительный отвѣтъ, и всегда въ одномъ

смыслъ: ииѣл всѣ права, какія только при новѣйшемъ развитіи гуманности и терпимости даются иноземцамъ.

Брошюра г. Андреевскаго не имѣетъ особеннаго ученаго значенія; она свидѣтельствуетъ только объ одномъ: что авторъ человѣкъ трудолюбивый. Потому мы ограничились бы похвалою этому достоинству, и не сочли бы нужнымъ упоминать ни о чемъ больше, еслибъ трудъ г. Андреевскаго былъ одинокимъ по своему направленію. Но въ послѣднее время у многихъ ученыхъ или по крайней мѣрѣ пишущихъ объ ученыхъ предметахъ развилась странная привычка переносить на старину всѣ тѣ понятія, какимъ только прилагаются къ настоящему времени. Укажемъ еще одинъ изъ многихъ примѣровъ этого направленія. Въ настоящее время знаніе иностранныхъ языковъ довольно распространено въ Россіи, хотя вовсе не въ такой степени, какъ у многихъ другихъ народовъ. Всѣмъ извѣстно, что въ старину это было не такъ. По нѣмецки, по французски, по англійски начали мы учиться только со временъ Петра Великаго. До начала XVIII вѣка не можетъ быть рѣчи о томъ, до какой степени существовало знаніе этихъ языковъ между русскими. Между тѣмъ, какъ всѣмъ извѣстно, до XVIII вѣка въ другихъ странахъ Европы знаніе иноземныхъ языковъ было уже очень распространено. Всякій, слышавшій о Шекспирѣ, знаетъ, что въ его эпоху знакомство съ итальянскимъ языкомъ (не говоримъ уже о французскомъ) было очень распространено въ Англіи; всякій, слышавшій о Кернелѣ и Мольерѣ, знаетъ, что въ ихъ время знакомство съ испанскимъ языкомъ было очень распространено во Франціи, а прежде французы очень любили итальянскій языкъ. Кажется, объ этомъ нечего и распространяться. Между тѣмъ, въ чемъ же хотятъ насъ увѣрить? Вотъ въ чемъ: «говоря вообще, русскіе (до Петра Великаго) были довольно знакомы съ языками иностранными»; этого мало, прибавляютъ даже, что «русскіе, по всей вѣроятности, были знакомы съ иностранными языками болѣе, нежели другіе европейцы». Это выводъ изъ длинной статьи, занимающей около ста страницъ, наполненной всевозможными цитатами. Но гдѣ жъ факты? Фактовъ нѣтъ никакихъ. На чемъ же основанъ выводъ? На доброй волѣ автора. И чего ни коснутся люди, одаренные подобнымъ желаніемъ отыскивать то, о чемъ не имѣли и понятія въ старину, отвѣтъ всегда одинъ. Мы не удивимся, если появятся сочиненія, доказывающія, что въ XVII вѣкѣ русскіе пожилые люди говорили о желѣзныхъ дорогахъ и читали газеты, молодые люди носили палевыя перчатки и восхищались Шекспиромъ, дѣвицы играли на фортепьяно и выписывали себѣ модныя шляпки изъ Архангельска, который въ то время совершенно замѣнялъ нынѣшній Петербургъ. Что тутъ невѣроятнаго, если до Петра Волякаго русскіе были образованнѣе всѣхъ остальныхъ народовъ? Одно только остается непонятнымъ въ такомъ случаѣ: что сдѣлалъ для блага Россіи Петръ Великій?

Да, исторія Россіи съ Петра Великаго до настоящаго времени становится совершенно непонятною, если XV вѣкъ ничѣмъ не отличался отъ XIX, если, напримѣръ, развитіе законодательства и степень образованности при Василиѣ Тейномъ и Рюрикѣ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что мы видимъ въ Россіи половины XIX вѣка. Неужели можно имѣть такъ мало чувства исторической истины, чтобы доходить до выводовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе мы указали? И, что всего прискорбнѣе, этому странному самообольщенію поддаются иногда молодые ученые. Чего можетъ ожидать русская наука отъ людей, которые въ молодости, въ этомъ возрастѣ благороднаго увлеченія страстною любовью къ истинѣ, такъ мало цѣнятъ истину?

Но мы упомянули о трудахъ, написанныхъ молодыми учеными, и должны сдѣлать оговорку, чтобы не вздумали придавать нашимъ словамъ смыслъ, котораго они не имѣютъ. Это ужъ случилось, и слѣдующимъ образомъ: читатели «Современника» вѣроятно уже забыли о статейкахъ, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ по поводу «Историческаго обзорѣнія царствованія Алексѣя Михайловича» г. Медовикова и «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» г. Калачова. Мы предполагаемъ, что читатели забыли объ этихъ nobolshixъ статейкахъ, потому что онѣ заключали въ себѣ только немногія замѣчанія, не представлявшія ничего особеннаго. Но «Отечественнымъ Запискамъ» вздумалось обратить на нихъ вниманіе, чрезвычайно лестное для насъ, и помѣстить въ книжкѣ за прошедшій мѣсяцъ «Нѣсколько словъ (занимающихъ болѣе двадцати страницъ) о мнѣніяхъ Современника касательно новѣйшихъ трудовъ по русской исторіи». Всякому очень пріятно бываетъ удостоиться чести подробнаго разбора, удостоившись, что еобратія по литературѣ заимчиваютъ его мнѣнія и считаютъ ихъ заслуживающими большаго вниманія. Потому благодаримъ лично за себя нашего противника, который употребилъ столько трудовъ, чтобы привлечь вниманіе читателей къ нашимъ мнѣніямъ. Но онъ нѣсколько ошибается въ смыслѣ статей, которыми такъ занятъ; потому повторимъ наши мысли, со всевозможною заботою о ясности.

Въ одной изъ нашихъ статей мы говорили, что напрасно г. Соловьевъ подвергаетъ микроскопическому разбору «Исторію» Карамзина, съ цѣлью выказать недостатки этого колоссальнаго труда, потому что они теперь ясны для всѣхъ; въ другой мы говорили, что напрасно г. Буслаевъ считаетъ г. Снегирева такимъ противникомъ, ошибки котораго нуждаются въ подробныхъ доказательствахъ, потому что каждому извѣстно, что текстъ «Пословицъ» г. Снегирева изобилуетъ неточностями. Кажется, смыслъ этого ясенъ. Мы хотѣли сказать, что излишне съ самодовольствомъ распространяться о томъ, что не нуждается въ доказательствахъ. Но нашъ почтенный критикъ думаетъ, будто бы мы считаемъ трудъ г. Снегирева верховъ совершенства въ ученomъ отношеніи. Дѣло вовсе не въ томъ, напротивъ, во мнѣніяхъ своихъ относительно трудовъ, недостатки которыхъ выказываются гг. Буслаевымъ и Соловьевымъ, мы идемъ гораздо далѣе, нежели эти ученые; мы говоримъ, что подвергать ихъ подробной критикѣ—дѣло безполезное, потому что это будетъ безплодною тратою времени.

До послѣдняго времени, между людьми, занимавшимися русскою исторіею и изученіемъ русской народности, было очень мало ученыхъ въ истинномъ смыслѣ слова. Эти отрасли знанія издѣлывались у насъ дилеттантами, которые не могли удовлетворять не только требовавшимъ нынѣшней, но и современной имъ науки. Это извѣстно каждому, кто коротко знакомъ съ прежними трудами по нашей исторіи и собиранію памятниковъ народности, но эта мысль, раздѣляемая всѣми современными учеными, хотя высказываемая довольно рѣдко, какъ видно, не извѣстна автору статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ». Онъ очевидно предполагаетъ, будто бы Карамзинъ можетъ быть подвергася такой же критикѣ, какъ Шлецеръ, Эверсъ или, чтобы упоминать о живыхъ, г. Неволгинъ, каждое слово которыхъ имѣетъ глубокое ученое значеніе; будто бы изданія г. Снегирева могутъ быть подвергаемы такому разбору, какъ изданія Гримма. Каждому специалисту извѣстно, что это вовсе не нужно. Ясно ли теперь наше мнѣніе? Если еще нѣтъ, то, къ сожалѣнію, мы должны отказаться отъ возможности выразиться еще примѣе. Но пойдемъ далѣе; сообразивъ

наши послѣдующія слова съ предъидущими, читатели увидятъ наше мнѣніе еще точнѣе.

Каждый ученый, вступая въ длинную полемику, долженъ выбрать себѣ противниковъ, достойныхъ серьезной ученой критики. Если бы г. Соловьевъ написалъ цѣлые томы для обнаруженія ошибокъ, встрѣчаемыхъ у Шлецера, Эверса, г. Неволлина, онъ явился бы предметомъ, заслуживающимъ ученаго вниманія. Если бы г. Буслаевъ строго выставялъ на видъ малѣйшія ошибки, встрѣчаемыя въ сборникахъ пѣсенъ или пословицъ, пользующихся славою истинно ученыхъ изданій, онъ дѣлалъ бы нѣчто, нужное для науки. Но, распространяться о каждой ошибочной буквѣ въ изданіи, которое по общему признанію, не имѣетъ ученаго достоинства—это трудъ совершенно излишній. Неужели, кто захочетъ трудиться для науки, можетъ съ самодовольствіемъ тратить время на сраженія съ Хилковымъ, Щербатовымъ, Кайсаровымъ, Чулковымъ и проч.? Точно также понапрасну отвлекаются съ поля науки ученые, нами названные, борьбою, которую мы не одобряемъ.

Но потеря времени и труда, самый маловажный вредъ этой ненужной борьбы. Гораздо прискорбнѣе то, что она можетъ имѣть вредное вліяніе на самую извѣстность людей, предающихся ей. Тѣмъ, какого противника мы выбираемъ себѣ, измѣряются наши собственныя силы. Разбирать по ниточкѣ Хилкова или Кайсарова значитъ быть самому немногимъ выше ихъ, значитъ : аставлять думать о себѣ, какъ о человѣкѣ, отставшемъ отъ движенія науки. Мы, цѣня достоинства трудовъ г. Буслаева не можемъ такъ думать о немъ. Но многіе могутъ основать свое мнѣніе о немъ на мнѣніи о тѣхъ, съ которыми онъ такъ охотно вступаетъ въ ратоборство. На турнирахъ славные рыцари были очень разборчивы въ выборѣ противниковъ, которыхъ удостоивали чести пасть отъ своего копья.

Ясно ли теперь, какое понятіе мы хотѣли бы сохранить о новѣйшихъ ученыхъ, сравнительно съ людьми, которые и въ старину считались не учеными, а только трудолюбивыми? Мы жалѣемъ о томъ, когда новые ученые считаютъ за нужное вступать въ состязаніе, не разсмотрѣвъ различія между тою степенью развитія науки, на которой должвы стоять они сами и учеными силами своихъ противниковъ. Неужели необходимо высказывать вашу мысль еще яснѣе? Если угодно, мы готовы, насколько это возможно.

За исключеніемъ очень немногихъ трудовъ, всѣ доселѣ изданныя сочиненія по русской исторіи, изученію русской народности и т. д., имѣютъ только одно достоинство—за то очень важное, достоинство сборниковъ матеріаловъ. Мнѣнія, высказанныя этими трудолюбивыми собирателями, не имѣютъ особеннаго ученаго значенія. Мы даже очень немногіе изъ этихъ сборниковъ можемъ считать достойными строгой критики и относительно того, въ какомъ видѣ изданы въ нихъ матеріалы. Что говорилъ Карамзинъ въ предисловіи къ своей исторіи объ предшествовавшихъ ему издашяхъ по русской исторіи, остается до нѣкоторой степени справедливымъ и относительно изданій, сдѣланныхъ впослѣдствіи. Очень немного есть сборниковъ представляющихъ матеріалы въ удовлетворительномъ видѣ. И такъ, что намъ остается дѣлать? Одно изъ двухъ—или сказать, что надобно быть признательнымъ, за то, что сдѣлано, хотя и не удовлетворительно, благодарить нашихъ предшественниковъ и за немногое, неполное, неточное; или прямо сказать: до сихъ поръ почти ничего не сдѣлано для науки. Въ первомъ случаѣ, мы можемъ требовать снисходительности и къ собственнымъ трудамъ; во второмъ — должны отказать и своимъ собственнымъ трудамъ, изданнымъ доселѣ, въ важномъ значеніи для науки.

Но говорить: до меня не было сдѣлано ничего, а и сдѣлалъ уже чрезвычайно много, еще не имѣетъ права никто изъ новѣйшихъ ученыхъ. Они собираютъ матеріалы лучше, нежели ихъ предшественники; но до сихъ поръ издали ихъ еще очень мало. Мы не думаемъ, чтобы до сихъ поръ кнѣзъ бы то ни было, Карамзинъ или его предшественники или его послѣдователи, русская исторія была обработана въ такомъ видѣ, который совершенно соответствовать бы строгимъ требованіямъ науки. За всѣми этими трудами остается одно неоспоримое достоинство—они болѣе или менѣе полные сборники матеріаловъ для будущей обработки. И бесполезно прибавлять, что ни одинъ изъ ученыхъ, писавшихъ о русской исторіи послѣ Карамзина, не представилъ въ своемъ сочиненіи столько новыхъ матеріаловъ, какъ онъ. Слѣдовательно, соразмѣрно тому уваженію, какое каждый изъ новыхъ историковъ имѣетъ къ этой заслугѣ Карамзина, должны оцѣниваться имъ и его собственные труды. Что же касается до исторіи какъ науки, обработка ея принадлежитъ еще будущему. Всякій приговоръ, произнесенный въ этомъ отношеніи о прежнихъ трудахъ, прилагается и къ новымъ, какіе намъ доселѣ извѣстны. И потому, кто хочетъ считать свои труды важными не только для изданія матеріаловъ, но и для обработки исторіи, какъ науки, долженъ какъ можно менѣе говорить о неудовлетворительности прежнихъ трудовъ. Что касается собственно вашего мнѣнія, намъ казалось бы наиболѣе сообразнымъ съ истиною не говорить объ этомъ вовсе. Nullius in terra est patet, по правиламъ старинной философіи, или выражаясь по русски: нельзя говорить о достоинствахъ или недостаткахъ того, чего нѣтъ.

Но для исторіи русской литературы уже сдѣлано многое—кѣмъ, когда, неумѣстно было бы разсуждать здѣсь. Довольно того, что не людьми, которые нынѣ трудолюбиво занимаются разработкою фактовъ. И потому мы считали нужнымъ сказать, что эти люди, достойные всякаго уваженія за свое трудолюбіе, должны были бы не забывать и нѣкоторыхъ предшественниковъ. Если мы еще не знаемъ, гдѣ подробно и справедливо объясненъ ходъ всей русской исторіи, то прочныя основанія понятіямъ объ исторіи русской литературы уже положены, и мы опять считаемъ долгомъ напомнить, что трудясь по исторіи русской литературы не должно забывать о понятіяхъ, уже довольно давно высказанныхъ и очень вѣрныхъ.

Развѣ все это неизвѣстно каждому читателю? И что особеннаго новаго въ вашихъ словахъ? И что въ нихъ нуднаго? Но у насъ многіе привыкли все преувеличивать. Потому считаютъ каждую ошибку, найденную, напримѣръ, въ сборникѣ г. Снегирева, важнымъ открытіемъ, между тѣмъ какъ давно ужъ всѣмъ извѣстно, что ихъ тамъ тысячи; открывъ, что г. Снегиревъ пропустилъ сотню пословицъ, опять считаютъ это важнымъ открытіемъ, между тѣмъ, какъ всякому извѣстно, что сборникъ г. Снегирева не включаетъ и третьей части всѣхъ русскихъ пословицъ; каждое слово, часто вовсе излишнее, кажется важнымъ приобрѣтеніемъ для науки. Однимъ словомъ, у насъ очень многіе находятся въ чрезвычайномъ самообольщеніи, и каждый отзывъ, умѣренный въ своихъ похвалахъ, кажется для нихъ несправедливымъ. Это очень естественно. Число людей которые занимаются у насъ серьезною разработкою науки, такъ еще не велико, что почти всѣ они принадлежатъ къ одному кружку, всѣ члены котораго тѣсно связаны между собою понятіями и самою жизнью; потому и при оцѣнкѣ трудовъ каждаго изъ этихъ ученыхъ, почти постоянно слышатся только голоса людей, совершенно раздѣляющихъ понятія автора

о всемъ, даже о значеніи каждаго новаго труда его. Нашимъ ученымъ рѣдко приходится читать о себѣ самостоятельныя сужденія; потому остревенно, что эти сужденія не могутъ не вызывать горькихъ нареканій, не совсѣмъ быть можетъ, справедливыхъ. Намъ кажется однако, что самостоятельное мнѣніе имѣетъ свою важность, и потому лучше высказать его, нежели молчать, опасаясь возбудить неудовольствіе: мы думаемъ, что истинно замѣчательныя ученые труды нуждаются въ безпристрастной оцѣнкѣ, а не въ бозотчетныхъ панегирикахъ, и слышать вѣчно одиѣ и тѣ же похвалы, лишонныя научнаго значенія, утомительно для такихъ людей, которые истинно дорожатъ своею ученою извѣстностью. Она прочна бываетъ только тогда, когда оцѣнена безпристрастно. Возвратимся же къ направленію тѣхъ молодыхъ ученыхъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи.

Развѣ не должно замѣтить этимъ людямъ, изъ которыхъ одинъ вздумалъ утверждать, будто бы въ XI—XV вѣкахъ, наше законодательство было на той же саной точкѣ развитія, какой достигло въ XIX вѣкѣ; другой, будто бы въ XV—XVII вѣкахъ, знаніе иностранныхъ языковъ было между русскими болѣе распространено, нежели между всѣми другими народами—развѣ по должно замѣтить имъ, что подобный взглядъ на исторію совершенно несправедливъ и ведетъ къ прискорбной запутанности въ понятіяхъ, отнимающей всякую возможность здраво судить о самыхъ простыхъ вещахъ? Что мы сказали бѣ, если бѣ нашли у Щербатова или Татищева мысль, будто бы древняя Русь или Московское царство до Петра Великаго ни чѣмъ не отличались отъ современной имъ Россійской Имперіи? Какими насмѣшками были-бѣ осыпаны эти старики! Но даже у нихъ, не смотря на то, что они не были людьми учеными въ строгомъ смыслѣ слова, мы не найдемъ подобныхъ несообразностей. А со временъ Татищева и Щербатова Россія, вакъ мы всѣ говоримъ, далеко двинулась впередъ. И между тѣмъ людв, которые должны быть учеными людьми, рѣшаются утверждать подобныя вещи теперь! И всѣ остальные подтверждаютъ ихъ мнѣніе своимъ молчаніемъ, а нѣкоторые даже похвалами основательности ихъ наслѣдованій, какъ будто возможна основательность при недостаткѣ самыхъ первыхъ условій, какія требуются наукою отъ ея дѣятелей, при отсутствіи уваженія къ истинѣ. Пусть подають свой голосъ въ защиту истины люди, которые считаютъ себя представителями науки. А если они не хотятъ дѣлать этого, то другіе люди исполнять эту обязанность, какъ умѣють и какъ могутъ. Вѣдь необходимо же въ литературѣ и наукѣ говорить, по мѣрѣ силъ и возможности, то, что слѣдуетъ говорить. Или въ этомъ нѣтъ надобности, а нужны только безграничныя панегирики? Въ такомъ случаѣ надобно прямо сказать: «я не хочу, чтобы мое сочиненіе подвергалось критикѣ». Есть люди, которые стараются достичь этого; но труды, принадлежащіе этимъ людямъ, не имѣють ничего общаго съ тѣми вполне достойными уваженія трудами, самостоятельный отзывъ о которыхъ напечаталъ «Современникъ» въ разборѣ «Архива» и въ рецензіи о книгѣ г. Медовикова: авторы этихъ трудовъ, имѣющихъ неотъемлемыя достоинства, не могутъ опасаться самостоятельной критики.

Грамматическія замѣтки. В. Классовскаго. С.-Петербургъ. 1855.

Математическія науки, достигшія высокой степени совершенства, во многомъ должны служить образцомъ состояшя, къ которому надлежитъ стремиться и остальнымъ наукамъ. Какъ стройно, какъ несомнѣнно, какъ необходимо развивается въ нихъ каждое послѣдующее предложеніе изъ предыдущаго! Какъ точно опредѣлено содержаніе, какъ ясно сознается существенная задача каждой науки! Никто не споритъ, къ ариметикѣ или геометріи, къ дифференціальному исчисленію или тригонометріи относится та или другая формула, та или другая теорема; никто не сомнѣвается, что арифметика должна учить умноженію и дѣленію, а не землемѣрію или вычисленію эллиптическихъ функцій, что геометрія должна учить землемѣрію площадей и тѣль, а не вычисленію вѣроятностей или предсказыванію солнечныхъ затмений. Математикъ можетъ справедливо гордиться своею наукою и ставить ее въ примѣръ всѣмъ другимъ.

Не то въ наукахъ, касающихся человѣка и объясняющихъ явленія его жизни. Предѣлы ихъ, даже существенныя задачи ихъ такъ слитно сплетены, что трудно избѣжать темноты или ошибочности въ понятіяхъ о значеніи, содержаніи, методѣ каждой изъ нихъ. Возьмемъ, на примѣръ исторію литературы. Тотчасъ же является недоумѣніе о томъ, какъ обширны должны быть границы ея. Она должна показать развитіе умственной жизни народа. И такъ, неправда ли, если она ограничится беллетристикою, поэзіею, исторіею, краснорѣчіемъ, она будетъ не полна, потому что только совокупностью всѣхъ отраслей умственной дѣятельности опредѣляется развитіе умственной жизни. И такъ исторія литературы должна говорить и о специальныхъ наукахъ—о математикѣ, юриспруденціи, медицинѣ и т. д. Возможно ли одному человѣку написать дѣльную книгу съ такимъ широкимъ объемомъ содержанія?—рѣшительно нѣтъ; но пусть будетъ написана такая книга; можетъ ли понять ее одинъ человѣкъ, если она будетъ отдѣливаться отъ специальныхъ наукъ не пустыми общими фразами? Могу ли я понять состояніе математики у древнихъ, могу ли понять заслуги Лаланда, Гауса, Пуассона, Коши, не зная высшихъ частей математики? Могу ли я оцѣнить открытія и ошибки Бруссе, Ганемана, Присница, не зная очень основательно медицины? Нужно найти всезнающихъ геніевъ, иначе не для кого и писать исторію литературы въ полномъ ея объемѣ. Самъ Гумбольдъ не все знаетъ и не можетъ читать серьезныхъ трактатовъ о всѣхъ существующихъ въ мірѣ наукахъ. Слѣдственно, поневолѣ надобно въ исторіи литературы ограничиваться изложеніемъ только общедоступныхъ отраслей науки, имѣющихъ ближайшую связь съ умственною жизнью цѣлаго общества. Но какія науки имѣютъ «ближайшую связь», какія только «отдаленную»? опять сомнѣнія и недоумѣнія. То же самое, что объ исторіи литературы, надобно сказать и объ исторіи вообще, о филологіи, философш и т. д. Повсюду трудности, повсюду возможность ошибокъ и недоумѣній.

Мы вовсе не хотимъ сказать, что ошибки неизбежны, недоумѣнія неразрѣшимы. Наше время, время великихъ открытій, твердыхъ убѣжденій въ наукѣ, и кто предается нынѣ скептицизму, свидѣтельствуетъ этимъ лишь о слабости своего характера или отсталости отъ науки или недостаточномъ знакомствѣ съ наукою. Но мы хотимъ только сказать, что ясные случаи могутъ помогать рѣшенію неясныхъ,

что всё науки находятся между собою въ тѣсной связи, и что прочныя приобретёнія одной науки должны не оставаться безплодны для другихъ. Надѣмся, что это истина, неподлежащая спору, точно также какъ и то, что математическія науки достигли несравненно высшаго развитія, нежели остальные.

Къ числу важныхъ и прочныхъ приобретёній, какихъ уже достигла математика, принадлежитъ очень ясное различіе, какое положено между частями ея, которыя должны (потому что могутъ) быть извѣстны всякому образованному человѣку и другими частями, знакомиться съ которыми долженъ только человѣкъ, посвящающій себя спеціальному анітію математикою, потому что для неспеціалиста онѣ были бы непонятны. Никто не думаетъ утверждать, чтобы въ уѣздныхъ училищахъ было возможно преподавать коническія сѣченія, или въ гимназіяхъ варіаціонное исчисленіе. Эти части науки съ пользою могутъ быть изучаемы только взрослыми юношами, спеціально посвящающими свою жизнь математическимъ наукамъ. Но даже и тѣ части математики, которыя должны входить въ кругъ общаго образованія, излагаются тутъ совершенно не въ томъ видѣ, какой имѣютъ въ строгой, спеціальной наукѣ. Мальчику, который учится ариметикѣ, не считаютъ нужнымъ или возможнымъ внушать, что ариметическія дѣйствія — только частные случаи высшихъ алгебраическихъ законовъ, и что сложеніе или умноженіе, собственно говоря, есть только особенное приложеніе какой нибудь формулы интегральнаго исчисленія, даже не говорятъ ему, что двѣнадцатиричная система гораздо лучше десятичной, которая совершенно произвольна, не считаютъ нужнымъ объяснить ему, что семьдесятъ пять пишется 75 по такому закону: $an' + bn^0$, гдѣ n = десяти, а еслибъ n былъ равенъ двѣнадцати, то семьдесятъ пять написалось бы не 75, а 63, между какъ при двойничной системѣ, гдѣ въ формулѣ $an' + bn^0$, $n = 2$, то же число семьдесятъ пять напишется 1008021, и что собственно все равно, какъ ни писать, лишь соблюдать формулу $an^2 + bn' + cn^0$. И всякій согласится, что хорошо дѣлаютъ не муча мальчика, еще не знающаго нумерація, надъ этими мудростями, хотя на нихъ и основывается нумерація, какъ знаетъ всякій изучившій высшія части алгебры. Еслибы начали сомнѣтнему мальчику толковать эти совершенно необходимыя для спеціалиста вещи, бѣднѣшка могъ бы сойти съ ума, и навѣрное плохо пошло бы у него ариметическое дѣло.

Не должно ли прилагать и къ другимъ наукамъ этотъ законъ различія между частями и понятіями, доступными и нужными только спеціалисту, и между другими частями, необходимыми въ системѣ общаго образованія? Кажется, что это необходимо. Примѣръ математики намъ доказываетъ, что общее и спеціальное образованіе различаются другъ отъ друга не только объемомъ, но и характеромъ изложенія. Для спеціалиста 375 основаны на формулѣ $an^2 + bn' + cn^0$; спеціалистъ скажетъ даже, что въ строго научномъ смыслѣ 375 непонятны безъ формулы $an^2 + bn' + cn^0$; но формулу эту знаютъ только сотни изъ милліоновъ, умѣющихъ писать цифры, и достаточно знающихъ ариметику.

Точно тоже и въ исторіи. Спеціалистъ скажетъ, что не прочитавъ заповѣсти въ подлинникѣ нельзя понять персидское царство, не умѣя читать гіероглифовъ, нельзя знать Египта. Но вообразимъ, что увлекшись этими понятіями, справедливыми въ строгомъ ученomъ смыслѣ, мы заставимъ всякого, кому нужно знать, что Камбизъ покорилъ Египетъ и убилъ быка Аписа, предварительно изучить записки языка и гіероглифы. Что выйдетъ изъ этого? Кто не читаетъ въ подлинникѣ Гомера,

тотъ не знаетъ Греціи, скажетъ спеціалистъ, и будетъ правъ; но что выйдетъ, если мы начнемъ всякаго, кому нужно знать объ Ахиллесѣ и Троянской войнѣ, учить читать въ подлинникѣ Гомера и углубляться въ тонкости іоническаго діалекта? Возможно ли это? и нужно ли это?

Теперь легко рѣшить и филологическіе вопросы. Кто не умѣетъ ставить на мѣстѣ букву ѣ и знаковъ препинанія, тотъ невѣжда. Выучиться правильно употреблять букву ѣ можно только узнавъ различіе частей рѣчи, падежей и глагольных формъ; правильно употреблять знаки препинанія можно только узнавъ составъ предложенія. Этому учить грамматика. Итакъ безъ грамматики никому нельзя обойтись. Трудно ли выучиться ей такъ, чтобъ умѣть разбирать части рѣчи, падежи, времена, подлежащее и сказуемое, слова дополнителныя и опредѣлительныя? О, если дѣло только въ этомъ, неупоумнаго мальчика можно выучить грамматикѣ въ двѣ недѣли.

— А въ чемъ же дѣло? Что же еще нужно знать?

— Какъ что? Развѣ вы забыли, что формы русскихъ падежей объясняются только историческою грамматикою, составъ предложенія, смыслъ падежей, глагольных формъ, частей рѣчи только философскою грамматикою. Итакъ нужно знать ихъ.

— Прекрасно; но кому знать? каждому, кто обязанъ быть не невѣждою, или только спеціалисту?

Вопросъ, какъ мы говорили, рѣшить очень легко. Намъ нужно знать, что въ дательномъ именѣ, имѣющихъ въ именительномъ *а*, пишется буква *ъ*. Можно сказать просто, какъ говаривалось въ старыхъ грамматикахъ: «дательный ставится на вопросъ: *кому?* дать брату, сестрѣ; *сестрѣ* дательный падежъ». Это каждый пойметъ въ одну минуту. Чтобы такимъ способомъ правильно разбирать падежи, нужно только запомнить ихъ имена, и дѣло будетъ кончено. Но неужели можно ограничиться такими скудными и въ строгомъ ученѣмъ смыслѣ, неосновательными свѣдѣніями. Нѣтъ, нужно основательное знаніе. Оно дается только сравнительно-историческою филологіею при помощи философской грамматики. Посмотримъ, что скажетъ намъ новый и основательный способъ изученій.

Но прежде нужно сдѣлать воззваніе: читатель! если вы не искусились въ безднахъ филологическо-философской грамматики, читайте слѣдующія строки съ вниманіемъ, перечитайте ихъ нѣсколько разъ—понятія нами излагаемыя, въ сущности правильны, основательны, изложены логически; слѣдовательно, должны быть понятны. Но если вы ихъ поймете, то скажите: прояснилось или запуталось отъ нашихъ мудростей ваше знаніе о дательномъ падежѣ, и о томъ, что въ дательномъ ставится буква *ъ*, когда именительный имѣетъ *а*. Читайте же со вниманіемъ.

Предметъ, выражаемый дополненіемъ, не подвергаясь страдательно дѣйствію извнѣ и не вызывая сопротивляемости своею дѣйствіемъ со стороны подлѣжащаго, прямо противопоставляется подлежащему въ видѣ чего-то самостоятельнаго, по собственной волѣ дѣйствующаго. Онъ принимаетъ форму дательнаго падежа и есть собственно падежъ лица, а не вещи. Итакъ дать *брату*—дательный падежъ.

Но во фразѣ: онъ *ему* братъ, *ему* не дательный падежъ, а собственно родительный, только выражаемый формою дательнаго; или даже и не родительный, а прилагательное притяжательное, выражаемое падежемъ существительнаго. Напротивъ въ фразѣ: онъ отнялъ *у брата*, *у брата* не есть родительный съ предлогомъ

у, а дательный безпредложный, выражаемый формою родительного съ предлогомъ у. Это очевидно изъ слѣдующаго сличенія:

Онъ *Ивановъ* братъ значить то же, что онъ брату *Ивану*; итакъ Ивану здѣсь стоитъ вмѣсто *Ивановъ*, потому и не есть дательный падежъ, а прилагательное имя. Онъ согласуется съ существительнымъ—итакъ *Ивану* есть въ этой фразѣ имя прилагательное, мужескаго рода именительнаго падежа.

Точно также: далъ или отказалъ *брату* и отнялъ у *брата* отношеніе понятій совершенно одинаковое, потому у *брата* здѣсь дательный падежъ.

Скажите, легко ли вамъ теперь узнавать дательные падежи? А мы привели только два пояснительныхъ случая (братъ *Ивану*; Ивану прилагат. имен. над. и отнялъ у брата— у *брата* дательный безъ предлога); а для полноты и основательности нужны сотня подобныхъ примѣровъ; скажите же, удобно ли и вѣрно ли достигается этимъ способомъ отлѣченіе дательнаго падежа отъ другихъ падежей?

Неправда ли, привыкнуть узнавать такимъ образомъ столь же легко, какъ дойти до умѣнья разрѣшать уравненія пятой степени съ подкоренными величинами?

$$\left\{ \frac{a^5 \sqrt[3]{b} + c - \frac{d^2}{e^3}}{a + b^2} \right\} 2 = \text{дательному падежу.}$$

Отыскать его по этой формѣ не легко, но полезно въ качествѣ умственной гимнастики. Теперь мы знаемъ, что такое дательный, этимъ обязаны мы философской грамматикѣ; взглянемъ, при помощи сравнительно-исторической филологіи, на букву *ь*, которую надобно ставить въ дательномъ падежѣ именъ.

Ѣ собственно не Ѣ, а аї. Это аї знакъ не только дательнаго, но и родительнаго падежа, какъ видно изъ латинскаго aquaї=воды и водѣ, но иногда ѣ=не аї, а і, какъ видимъ изъ сличенія славянскаго. Именит. земл*я*, родит. земл*я*, дат. земл*и*. Здѣсь очевидно новый языкъ замѣнилъ истиннымъ дательнымъ падежемъ родительный, а нынѣшній дательный земл*ь* совершенно неправиленъ, явился неорганическимъ образомъ изъ смѣшенія еклонешій. И такъ надобно писать земл*ь*, хотя это совершенно неправильно, потому что слѣдовало бы писать въ дательномъ земл*и*, а въ родительномъ земл*я*, такъ: иду изъ земл*я* моя; иду къ земл*и* моей.

Неправда, этими изслѣдованіями подкрѣпляется правило о томъ, что въ дательномъ должно писать земл*ь*, какъ пишемъ рѣкѣ, водѣ?

Таковы-то всѣ спеціальныя изслѣдованія и спеціальныя пріемы. Они пригодны и необходимы только специалисту, а на человѣка, не предназначившаго себя быть специалистомъ, производить такое же дѣйствіе, какъ чтеніе медицинскон книги на человѣка, не изучавшаго въ теченіе многихъ лѣтъ медицину со всѣми ея вспомогательными науками. У того и другаго являются санныя странныя и тяжелыя мысли. А играть роль филолога человѣку, не употребившему нѣсколькихъ лѣтъ жизни на изученіе филологіи, тоже самое, что играть роль медика, не зная медицины: слѣдствія будутъ очень вредныя для пашѣнтовъ. Спеціальностью нельзя играть. Спеціальность не маскарадное домино, въ которое каждый можетъ наряжаться по произволу.

Но однако же, возможно ли распространеніе филологическаго образованія на массу общества? Не можетъ ли филологическое образованіе войти въ составъ об-

щаго образованія, какъ нѣкогда входилъ латинскій языкъ, какъ нынѣ входятъ новѣйшіе языки?

Рѣшить это очень легко. Человѣкъ, предназначенный получить филологическое образованіе, долженъ предварительно познакомиться: 1) съ славянскими нарѣчіями, именно: старославянскимъ, сербскимъ, хорутанскимъ, чешскимъ, лужицкимъ, польскимъ; 2) съ языками: нѣмецкимъ (въ его древней формѣ, такъ называемомъ готскомъ языкѣ), латинскимъ, греческимъ.

Менѣе этого нельзя знать, а собственно говоря, должно знать еще нѣсколько другихъ языковъ и нарѣчій.

Кромѣ того, онъ долженъ основательно изучить древности (миоологию, общественнаго быта, нравовъ) нѣмецкія, кельтскія, римскія, греческія, не говоря уже о славянскихъ.

Безъ этихъ приготовительныхъ знаній филологическое образованіе также невозможно, какъ знаніе дифференціального исчисленія безъ знанія алгебры.

Но мы говорили только объ одной сторонѣ новаго метода, филологической; а онъ имѣетъ и другую сторону—философію языка, оракуломъ которой является Беккеръ. Для рѣшенія того, какая степень умственнаго развитія требуется отъ человѣка, желающаго сдѣлаться ученикомъ Беккера, довольно сказать, что ученіе Беккера о языкѣ есть приложеніе къ фактамъ языка философской системы Гегеля, которую понимать начинаютъ только взрослые люди, да и то получившіе прочное философское образованіе. Мы имѣемъ основаніи предполагать, что многимъ изъ нашихъ послѣдователей Беккера эти слова покажутся удивительною новостью. Въ такомъ случаѣ совѣтуемъ имъ ближе познакомиться съ системою, о которой мы говоримъ. Понявъ ее, они увидятъ, что до того времени не понимали Беккера, ученіе котораго остается пустою и бесполезною формою для людей, незнакомыхъ съ Гегелемъ. Этого достаточно, чтобы показать, до какой степени Беккерова система можетъ войти въ кругъ общаго образованія. Теперь надобно было бы сказать о степени ея основательности. Но людямъ, знающимъ современное положеніе философіи, не нужно объяснять, что система Гегеля не удовлетворяетъ современнымъ понятіямъ, и что вмѣстѣ съ ея распаденіемъ и Беккерова система потеряла право считаться непреложною.

Наконецъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о возможности, взглянемъ на пользу или цѣль этого стремленія. Для чего нужно вводить философско-филологическое направленіе въ первоначальное изученіе грамматики? Для того, чтобы подъ формою грамматики учить дѣтей филологіи? Но филологія такой же спеціальный предметъ, какъ изученіе восточныхъ языковъ, в если не для чего желать, чтобы всѣ мы учились говорить по арабски или по персидски, то столь же напрасно желать дать всему обществу филологическое образованіе.

Или филолого-философскія тонкости будутъ благотворною гимнастикою для ума? Но гимнастика должна быть соразмѣрна силамъ упражняемаго въ ней. Нельзя заставлять малютку бѣгать въ латахъ Орланда или Амадиса Гальскаго; онъ падетъ въ нихъ, будетъ лежать неподвижно. И развѣ въ системѣ общаго образованія, мало предметовъ, считаемыхъ превосходною гимнастикою для ума? Таковы всѣ предметы, доступные дѣтскому уму и не лишенные внутренняго смысла.

Но, заговорившись о методѣ, мы еще не коснулись книжки, изданной г. Классовскимъ. Мы должны сказать, что эта книга прекрасна. Авторъ несомнѣнно

доказываетъ свои глубокія филологическія познанія изложеніемъ, которое отличается глубиною и ясностью, и также многочисленными цитатами. Назовемъ хотя не многихъ изъ огромнаго числа авторовъ, которыхъ сочиненія онъ приводитъ: Гунбольдтъ, г. Буслаевъ, Кюнерь, г. Лавровскій, г. Костыръ, г. Борисовъ, г. Перевлѣскій, Кур-де-Жебелень, Беккеръ, Фатеръ, Погтъ, г. Шафрановъ, Таппе, Миклошичъ. Кромѣ того, г. Классовскій очень часто цитуетъ самые источники: латинскихъ и греческихъ писателей, наши лѣтописи и старинныя грамоты и пр. Такимъ богатымъ запасомъ эрудиціи могутъ гордиться немногіе изъ нашихъ филологовъ, и неудивительно, что г. Классовскій не только прекрасно излагаетъ результаты, уже пріобрѣтенныя наукою, но и движетъ науку впередъ, предлагая вниманію специалистовъ новое опредѣленіе видовъ глагола.

К Р И Т И К А.

ПРОПИЛЕИ. Сборника статей по классической древности, издаваемый *П. Леонтьевым*. Книги III и IV. Москва. 1853 — 1854.

I.

Положеніе человѣка, который не приобрѣлъ привычки читать книги ни на одной языкѣ, кромѣ русскаго, но хочетъ, однако, познакомиться съ всеобщей исторіею, очень невыгодно. Отрывочныя статьи, разсѣянныя по журналамъ,—вотъ почти все, что представляетъ ему русская литература. Въ самомъ дѣлѣ, можно по пальцамъ пересчитать заслуживающія вниманія русскія книги по всеобщей исторіи: 1) Исторіи Аѣинской республики отъ убійства Гиппарха до смерти Мильтада, г. Куторги; 2) О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи, г. Леонтьева; 3) Судьбы Италіи въ средніе вѣка, г. Кудрявцева; 4) Аббатъ Сугерій, г. Грановскаго. Затѣмъ остается только лучшій у насъ учебникъ г. Лоренца. Итакъ—отрывокъ изъ аѣинской исторіи, отрывокъ изъ греческой міеологіи, отрывокъ изъ исторіи Италіи въ средніе вѣка, отрывокъ изъ исторіи Франціи XII вѣка, вотъ нашъ собственный историческій архивъ. Не довольствуясь этими прекрасными отрывками и разсказами учебника, любознательный русскій читатель, конечно, долженъ будетъ обратиться къ переводамъ историческихъ книгъ. Не многимъ обильнѣе будутъ его находки и на этомъ полѣ; вотъ онѣ, всѣ безъ исключенія, какія только имѣютъ хотя малѣйшее достоинство: «Всемирная Исторія» Беккера (шесть частей, обнимающія древнюю и среднюю исторію), сочиненіе, заслуживающее чтенія только за недостаткомъ лучшаго; извлеченіе изъ Герона, составленное г. Погодинымъ; «Исторія Греціи», Гиллиса (книга потерявшая всякую цѣну и переведенная смѣсю польскаго языка съ русскимъ, такъ-что ее невозможно читать), «Кесари», Шампаньи (одинъ отрывокъ о Неронѣ); «Разсказы о временахъ Мсровинговъ», Тьерри; «Исторія крестовыхъ походовъ», Мишо; «Исторія Карла V», Робертсона (оба эти сочиненія далеко не соотвѣтствуютъ настоящему положенію науки, и языкъ перевода въ той и другой книгѣ устарѣлъ); «Изображеніе пероворотовъ въ системѣ европейскихъ государствъ», Ансильйона (книга, также очень устарѣвшая); «Римскіе Папы», Ранке (дурной переводъ)—и конецъ всему, кромѣ исторіи Наполеона, которой посчастливилось обратитъ на себя особенное вниманіе переводчиковъ; на русскомъ языкѣ существуютъ: «Записки» Бурьона, герцогини Абрантесъ и Жомини, «Исторія Наполеона», Вальтеръ-Скотта; «Исторія Консульства и Имперіи», Тьера и компилиція Полеваго: «Исторія Наполеона». Такимъ образомъ составленіе полной русской библіотеки по всеобщей исторіи не раззоритъ и бѣдняка. Изъ купленныхъ имъ

книгъ онъ довольно подробно (если не довольно хорошо) познакомится съ исторіею Наполеона; затѣмъ съ удовольствіемъ и пользою прочитаетъ сочиненія гг. Грановскаго, Кудрявцева, Куторги и Леонтьева; узнаетъ очень хорошо времена Меровинговъ изъ разсказовъ Тьерри, узнаетъ кое-что о Неронѣ, отъ Шампаньи, о крестовыхъ походахъ, отъ Мишо, о Карлѣ V, отъ Робертсона, о Папахъ XVI—XVII вѣковъ, а сколько-то позволить ему русскій переводчикъ Ранке; а потомъ? потомъ можетъ отдыхать на лаврахъ, справедливо гордясь тѣмъ, что поглотилъ всю историческую мудрость на русскомъ языкѣ, или (и мы совѣтуемъ ему сдѣлать это) можетъ читать сочиненія, доселѣ остающіяся на русскомъ языкѣ лучшими по своему предмету; «Древняя исторія объ египтянахъ, о кареагенянахъ, объ ассиріянахъ и о грекахъ», Роллена; «Римская исторія», Роллена и «Исторія о Римскихъ императорахъ», Крееіера и Роллона, всѣ три переведены трудами и тщаніемъ Василія Тредіаковскаго». Это, повторяемъ, сочиненія еще ничѣмъ незамѣнимыя для русскаго читателя, и да будетъ почтенъ нашею признательностью трудолюбивый ученый, который, быть можетъ, и не вадѣлся, что переводы его будутъ заслуживать чтенія въ 1855 году.

Чѣмъ же можно объяснить такое странное положеніе русской литературы по всеобщей исторіи? Представляемъ каждому читателю объяснять его, чѣмъ угодно, а намъ кажется, что тутъ нечего и объяснять: «на *нѣтъ* и суда *нѣтъ*». Просмотрѣвъ другіе отдѣлы наукъ, мы увидимъ то же самое, что въ историческомъ отдѣлѣ: слѣдовательно фактъ имѣетъ такую всеобщность, которая очень ясно говоритъ о своихъ причинахъ. Если не издаются книги, то, вѣроятнѣе всего, потому что *нѣтъ* на нихъ требованія. Кому эта причина кажется недостаточною, можетъ отыскивать другія.

Какъ бы то ни было, но интересно слѣдующее замѣчаніе. Большая часть исчисленныхъ нами сочиненій переведены въ 1830—1840 годахъ; два или три принадлежать 1840—1850 годамъ; въ послѣднія пять или шесть лѣтъ не было переведено ни одно историческое сочиненіе, заслуживающее вниманія. Если угодно, можно объяснять это упадкомъ книжной торговли.

Никто не удивится малочисленности оригинальныхъ сочиненій, издаваемыхъ у насъ по всеобщей исторіи: силы большего числа современнныхъ ученыхъ, занимающихся исторіею, сосредоточены на разработываніи русской исторіи; это очень естественно. Несмотря на всѣ многочисленныя и прекрасныя труды по этой части, мы еще слишкомъ недостаточно знакомы съ нею, и русская исторія, важнѣйшая для насъ, какъ своя родная, съ тѣмъ вмѣстѣ есть самая привлекательная для неутомимыхъ изслѣдователей потому, что обѣщаетъ самое обильное поле для новыхъ открытій, самостоятельныхъ взглядовъ, вообще для приобрѣтенія ученой славы. Кромѣ того, пріятно трудиться на такомъ поприщѣ, гдѣ трудъ оцѣняется по достоинству читателями; а у насъ теперь ужъ есть публика, если не слишкомъ многочисленная, то все же состоящая не изъ десяти или двадцати чловѣкъ, способная основательно судить о достоинствѣ трудовъ по русской исторіи. Между тѣмъ люди, издающіе сочиненія по другимъ частямъ исторіи, до сихъ поръ остаются одинокими, едва находя нѣсколько разрозненныхъ цѣнителей своимъ трудамъ.

Потому *нѣтъ* ничего удивительнаго, если этихъ трудовъ является очень мало. Но почему бы, казалось, не знакомить русскую публику съ лучшими сочиненіями по всеобщей исторіи посредствомъ переводовъ? Работа эта неутомительна; успѣхъ

ея не могъ бы, кажется, подлежать сомнѣнію; по наслышкѣ всякій знаетъ о важнѣйшихъ достижествахъ знаменитѣйшихъ историческихъ сочиненій; притомъ же большая часть изъ нихъ писаны очень увлекательно, и могутъ всякаго, скольконибудь любящаго чтеніе человѣка заинтересовать не только содержаніемъ, но и самымъ изложеніемъ. А между тѣмъ все-таки они остаются у насъ извѣстны только по именамъ. Найти причину тому чрезвычайно трудно для того, кто не захочетъ удовольствоваться прекрасною пословицею, на которую сослались мы выше.

Ужели, въ самомъ дѣлѣ, историческая литература не нашла бы у насъ ни поддержки, ни сочувствія со стороны публики? Но вѣдь этотъ вопросъ совершенно равняется другому: неужели любознательность не привилась еще къ нашей публикѣ? Потому что, какою отраслью знанія можетъ интересоваться публика, которую не интересуетъ исторія? Можно не знать, не чувствовать влеченія къ изученію математики, греческаго или латинскаго языковъ, хмѣш, можно не знать тысячи наукъ, и все-таки быть образованнымъ человѣкомъ; но не любить исторію можетъ только человѣкъ, совершенно неразвитый умственно.

Или публика можетъ довольствоваться двумя-тремя историческими статьями, которыя помѣстилъ журналъ въ теченіе года? Всѣ наши журналы, какими бы титулами они себя ни называли, по преимуществу литературные; ни одинъ изъ нихъ не можетъ удѣлять болѣе четырехъ или пяти листовъ въ мѣсяцъ чисто ученому отдѣлу; иначе онъ измѣнилъ бы своему существенному назначенію. Можно до нѣкоторой степени понять возможность того, что журналы наши поглотили беллетристику, хотя это не свидѣтельствуетъ о пассивности объема поглощенной ими отрасли литературы; но какимъ образомъ неинтересныя страницы отдѣла наукъ могутъ, не говоря о поглощать науку, но даже удовлетворять тѣхъ читателей, которые интересуются чѣмънибудь, кромѣ беллетристики? Ужолп довольно прочитать три-четыре печатныхъ листа, чтобъ удовольствоваться на цѣлый мѣсяцъ?

Или всѣ наши любознательные люди удовлетворяютъ своей жаднѣ знанія чтеніемъ на иностранныхъ языкахъ? Объ этомъ рѣдко случается слышать; но постоянно слышится общая мысль, будто бы у насъ публика чрезвычайно пристрастилась къ иностраннымъ книгамъ. Мнѣніе, совершенно ложное. Во всѣхъ другихъ европейскихъ земляхъ чтеніе на иностранныхъ языкахъ вошло въ нравы публики гораздо глубже, нежели у насъ. Можно видѣть въ русскомъ обществѣ кашіе угодно недостатки, но ужъ навѣрное самый неосновательнѣйшій изъ упрековъ — мнимое пристрастіе къ иноземному, о которомъ такъ часто толкуютъ, и тѣмъ подтверждаютъ извѣстную аксіому, что каждый любитъ обвинять себя въ тѣхъ недостаткахъ, которыхъ не имѣетъ, съ чрезвычайною осторожностью избѣгая прикосновенія къ своимъ дѣйствительно слабымъ сторонамъ. Нѣтъ народа, который не любилъ бы своего роднаго, нѣтъ народа, который не уважалъ бы себя до чрезвычайности, начиная отъ кптайцевъ и кончая сѣвероамериканцами.

Русскихъ часто сравниваютъ съ сѣвероамериканцами, по большей частью несправедливо; но эти два народа, столь противоположные, совершенно сходятся между собою въ томъ, что у обоихъ чувство національной гордости развито необыкновенно сильно, какъ ни въ одной изъ другихъ цивилизованныхъ націй. Русскій издавна привыкъ считать свой народъ первымъ въ мірѣ. И, чтобъ указать примѣръ, екажемъ опять, что ни въ одной изъ европейскихъ земель не читаютъ такъ мало на иностранныхъ языкахъ, какъ въ Россіи. Развѣ у насъ было бы воз-

можно перепечатывать французскія книги (о нихъ исключительно идетъ рѣчь, когда говорить о пристрастіи къ иностраннымъ языкамъ), какъ, напримѣръ, перепечатываются въ Лейпцигѣ англійскія, и до запрещенія перепечатки, въ Парижѣ не только нѣмецкія и англійскія, но даже итальянскія и испанскія? Да у насъ это раззорило бы издателя; «*Revue Etrangère*», этотъ очень маленькій по объему журналъ, имѣетъ возможность существовать только благодаря своей чрезвычайно высокой цѣнѣ. Откуда жъ взялось предубѣжденіе, будто бы у насъ чрезвычайно много людей, любящихъ читать по французски? Оттого, что наши беллетристы до самаго послѣдняго времени преимущественно принадлежали или старались показать, что принадлежать къ немногочисленному кругу людей, воспитываемыхъ на французскомъ языкѣ (кругу, который въ Англіи и Германіи гораздо обширнѣе, нежели у насъ), и привычки этихъ немногихъ переносили на все общество, вовсе не причастное великосвѣтскому блеску. Однимъ словомъ, мнѣше о пристрастіи къ иноземному на столько же выдерживаетъ критику, какъ существовавшія когда-то у насъ повѣсти пзъ великосвѣтской жизни, и ему даво пора-бы исчезнуть, подобно этимъ повѣстямъ.

А если чтеніе беллетристическихъ произведеній на французскомъ языкѣ очень мало распространено въ нашемъ обществѣ, то еще слабѣе привычка читать серьезныя книги на иностранныхъ языкахъ. Конечно, люди по призванію занимающіеся ученою или литературною дѣятельностью, ни въ одной изъ европейскихъ земель не могутъ избавиться отъ этой необходимости; но и тутъ надобно сказать, что у насъ они гораздо чаще, нежели, напримѣръ, въ Германіи или Франціи, ограничиваются только однимъ изъ иностранныхъ языковъ. Но мы говоримъ не о нихъ. Гизо переводится на англійскій языкъ не для Мекоlea, и Ранке на французскій не для Тьера. Во всѣхъ націяхъ число любознательныхъ людей, читающихъ книги только на своемъ языкѣ, безконечно превышаетъ ту горсть людей, которымъ легко доступны чуждыя литературы. Потому наука дѣлается достояніемъ общества только въ той мѣрѣ, въ какой передается на его языкъ. И ни объ одномъ изъ европейскихъ народовъ нельзя сказать этого такъ полно, какъ о русскомъ. Это извѣстно каждому, кто живетъ не исключительно въ ученомъ или литературномъ кружкѣ.

Капія длинная разсужденія, чтобъ доказать простую истину, что у насъ, какъ и вездѣ, на одного читающаго иностранную историческую книгу, должны приходиться если не сотни, то навѣрное десятки людей, жслающихъ прочесть ее на родномъ языкѣ! Что дѣлать! Чувствуешь потребность оградить самого себя, не только другихъ, отъ сомнѣній въ существованіи этого факта, когда видишь, какъ мало отражается онъ въ нашей дѣйствительной литературной жизни, когда видишь, что историческихъ книгъ на русскомъ языкѣ нѣтъ (кромѣ книгъ по русской исторіи)—поневоля чувствуешь влеченіе усумниться въ существованіи потребности на нихъ. Быть и не обнаруживаться—какое странное сочетаніе качествъ у этой загадочной любознательности! Много трудныхъ противорѣчій соглашала нѣкогда нѣмецкая философія; но этого не могла-бы согласить и она. Нѣтъ, никакія соображенія не могутъ доказать существованія того, что не обнаруживается, сказать: «да, я не сомнѣваюсь» все-таки зависитъ отъ доброй воли. Потому, не считая другихъ обязанными непремѣнно раздѣлять наше мнѣше, мы принуждены ограничиться по правиламъ старинной логики, условнымъ силлогизмомъ; если въ обществѣ есть любознательность, то эта любознательность должна быть болѣе всего обращена на исторію; а если

есть потребность исторической литературы, то очень прискорбно и еще болѣе удивительно, что историческая литература не существуетъ или почти не существуетъ. Мы хотимъ думать, что любознательность и потребность есть. Другіе могутъ думать иначе, если у нихъ достанетъ на то твердости характера.

Но мы видимъ въ «Прописяхъ», удовлетвореніе той потребности исторической литературы, которую хотимъ признавать. По прежнему или даже болѣе, нежели прежде, остается совершенно скудна наша литература по средней и новой исторіи. По крайней мѣрѣ, благодаря издашю г. Леонтьева, на русскомъ языкѣ ежегодно выходитъ теперь прекрасная книга по древней исторіи. Мы не хотимъ пока говорить о безотносительныхъ достоинствахъ «Прописей» — объ этомъ послѣ — въ настоящемъ положеніи нашей литературы «Прописи» представляютъ драгоценнѣйшее для насъ явленіе ужъ потому, что служатъ единственнымъ органомъ ученой дѣятельности по всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ.

Нѣтъ надобности много говорить о томъ, какъ важенъ въ исторіи отдѣлъ, занимаемый классическимъ міромъ. Довольно указать нѣсколькими словами на главнѣйшія причины, по которымъ тѣсно знакомство съ греческою и римскою жизнью доселѣ продолжаетъ считаться однимъ изъ необходимѣйшихъ знаній въ кругѣ общаго образованія. Римляне, и особенно греки, достигали такой степени цивилизаціи, что новая Европа только въ самое послѣднее время, говоря вообще, стала выше ихъ. До начала или даже до половины прошедшаго вѣка древніе сохраняли передъ новыми рѣшительное преимущество въ большей части сторонъ умственной и даже матеріальной жизни, по справедливости считались учителями нашихъ европейскихъ предковъ. Теперь вообще отношеніе измѣнилось. Новая Европа произшла своимъ развитіемъ цивилизацію классическаго міра; тѣмъ не менѣе очень во многонъ еще остаются для насъ греки примѣромъ. Мы говоримъ не только о ихъ скульптурѣ и архитектурѣ, но также и о многихъ, болѣе существенныхъ сторонахъ жизни. Кромѣ того, даже и въ тѣхъ отрасляхъ развитія, гдѣ мы стали выше древнихъ, чрезвычайно поучительно знать, какъ думали и дѣйствовали гениальные предшественники, при совершенно другихъ условіяхъ жизни. Сравнивая текущіе вопросы съ общимъ историческимъ ходомъ классическаго міра, мы легче понимаемъ существенный ходъ событій и въ новой Европѣ. Наконецъ, каково бы ни было значеніе классическаго міра относительно новѣйшей цивилизаціи, его исторіи приобрѣтаетъ чрезвычайную важность въ системѣ общаго образованія потому, что обыкновенно обрабатывается гораздо полнѣе и удовлетворительнѣе для истинной любознательности, нежели исторіи новой Европы. Давно ужъ всѣ толкуютъ о томъ, что исторіи должна знакомить насъ съ ходомъ развитія обществъ и народовъ, а не только съ военными событіями и сухими именами, не имѣющими существенной важности для нравственной и экономической жизни народовъ. Но до сихъ поръ только при изложеніи древней исторіи эти понятія довольно замѣтно прилагаются къ дѣлу большею частью историковъ. Греческіе мненія, законодательство Ликурга, общественныя отношенія въ Спартѣ и Афинахъ, развитіе наукъ и искусствъ, торговли и нравовъ — все это болѣе или менѣе обращаетъ на себя вниманіе каждаго, пишущаго о греческой исторіи; возникновеніе и развитіе общественныхъ отношеній въ Римѣ подробно излагается въ каждой книгѣ, называющейся римскою исторіею. Очень рѣдко можно встрѣтить такой объемъ содержанія въ книгахъ, говорящихъ о новой исторіи. Двѣ-три сухія фразы о порчѣ или улучшеніи нравственности,

краткій безплодный перечень извѣстѣйшихъ ученыхъ—вотъ все, что мы найдемъ въ большей части сочиненій, излагающихъ исторію Франціи, Англіи, Германіи. Потому надобно сказать, что при нынѣ господствующемъ характерѣ изложенія, изъ всѣхъ отдѣловъ исторіи древній—самый способный удовлетворять любознательности читателя, желающаго знать исторію въ истинномъ ея смыслѣ. Быть народовъ доселѣ излагаетъ одна только древняя исторія.

Такъ ужъ самое заглавіе, которое далъ г. Леонтьевъ своему изданію, выражаетъ, что этотъ сборникъ преимущественно посвященъ самой важной части исторіи—быту народовъ, онъ называетъ свои «Пропілеи» сборникомъ статей по классической древности; подобное заглавіе едва ли было-бъ найдено для сборника статей по новой исторіи, потому что трудно найти даже слово, которое выражало-бъ огромную важность изученія быта въ исторіи новыхъ временъ, какъ выражаетъ его слово «древности», когда говорится объ отдаленныхъ временахъ. Заглавію соответствуетъ и содержаніе сборника, въ которомъ равно обширное мѣсто съ разсказами о событіяхъ занимаютъ статьи по исторіи литературы, искусства, о нравахъ и общественныхъ отношеніяхъ. Едва ли кто нибудь захотѣлъ бы уступить двѣ трети страницъ этимъ послѣднимъ отдѣламъ, издавая сборникъ по новой исторіи; а если-бъ и захотѣлъ, не нашелъ бы статей. На десять человѣкъ, занимающихся исключительно громкими событіями и именами, едва ли найдется между изслѣдователями новой исторіи одинъ, обращающій главное вниманіе на развитіе истинно важныхъ вопросовъ и элементовъ исторической жизни.

Ученое изданіе, подобное «Пропілеямъ» должно имѣть на русскомъ языкѣ двоякую цѣль; во первыхъ, знакомить русскихъ читателей съ классическимъ міромъ, передавать факты изъ его жизни и понятія о нихъ, насколько они ужъ утвердились въ современной наукѣ; если мы не ошибаемся, самъ издатель, посвящая свою дѣятельность въ первыхъ трехъ книгахъ преимущественно трудамъ подобнаго рода, считалъ эту цѣль важнѣйшею. Она дѣйствительно и придаетъ живое значеніе его сборнику. Мы видѣли обиліе русской литературы по древней исторіи; положеніе дѣла таково, что болѣе или менѣе остроумныя, глубокомысленныя наслѣдованія о специальныхъ вопросахъ, которые могутъ быть очень важны для специалистовъ, но лишены значенія или недоступны для большинства любознательныхъ людей, для насъ вовсе еще не такъ нужны, какъ основательные трактаты о важнѣйшихъ и общеприятныхъ предметахъ науки; пусть эти статьи будутъ представлять мало неизвѣстнаго глубокимъ специалистамъ, стоящимъ совершенно въ уровень съ развитіемъ науки—число такихъ читателей у насъ очень ограничено. Огромное большинство людей, удовлетворяютъ потребностямъ которыхъ должно русское изданіе по всеобщей исторіи, желаетъ не столько того, чтобъ вмѣ двигалась впередъ наука въ абстрактномъ смыслѣ, а того, чтобы раздвигались границы знанія, доступнаго русскому читателю. Пусть большая часть помѣщаемыхъ въ «Пропілеяхъ» статей не содержатъ въ себѣ почти ничего новаго для ихъ ученаго издателя; если эти статьи будутъ написаны основательно, онѣ будутъ совершенно новостью для девяти изъ ста его читателей. Распространить въ публикѣ знакомство съ классическою древностью, вотъ для чего собственно и нужно изданіе, подобно «Пропілеямъ». Но само собою разумѣется, что статья, подписанная именемъ извѣстнаго ученаго, или проливающая новый свѣтъ на одинъ изъ темныхъ вопросовъ науки, должна также съ радостью быть принята во всякое изданіе, на какомъ бы языкѣ

оно ни печаталось. Дѣлая многое для многихъ, тѣмъ пріятнѣе дать что нибудь пріятное и для немногихъ; поставляя главною цѣлью изданія общую пользу, не бесполезно сообщить ему и чисто ученый блескъ, украсивъ его нѣсколькими статьями, имѣющими высокое достоинство не только для читателей, но и для самой науки.

Въ этомъ отношеніи есть очевь замѣтное различіе между характеромъ двухъ томовъ «Пропилей», которые мы теперь рассматриваемъ. Въ третьемъ преобладаютъ статьи, имѣющія главною цѣлью передать на русскомъ языкѣ въ самостоятельной формѣ результаты, которыхъ уже достигла наука или вообще содѣйствовать распространенію у насъ знакомства съ классическою древностью; въ четвертомъ, напротивъ, большая часть статей занята изслѣдованіями о специальныхъ вопросахъ, и имѣютъ въ виду не столько массу читателей, сколько самую науку. Будемъ и за тотъ и за другой томъ благодарны издателю; пожелаемъ только того, чтобы въ слѣдующихъ томахъ его полезнаго и прекраснаго изданія нашлось опять мѣсто для втораго отдѣла, представляющаго «свѣдѣнія о трудахъ новѣйшихъ ученыхъ», какъ находилось оно въ первыхъ трехъ томахъ: мы увѣрены, что общій приговоръ читателей признавалъ, напримѣръ, статьи г. Леонтьева, заключающія подробное критическое изложеніе «Исторіи Греціи» Грота, принадлежащими къ числу самыхъ важныхъ во всемъ изданіи. Быть можетъ даже многіе скажутъ, что для нихъ было бы пріятно, если-бъ двѣ или три изъ статей о древностяхъ и развалинахъ сѣвернаго берега Чернаго моря были отложены до слѣдующаго тома съ тѣмъ, чтобы дать въ четвертомъ мѣсто продолженію статей ученаго издателя о Гротѣ или г. Грановскаго о лекціяхъ Нибура. Надобно желать расширенія, а никакъ не стѣсненія или прекращенія прекрасному второму отдѣлу «Пропилей». Вотъ единственное замѣчаніе какое можетъ сдѣлать самая строгая критика изданію г. Леонтьева, взятому въ цѣломъ.

Обозрѣвая отдѣльныя статьи, помѣщенные въ двухъ послѣднихъ томахъ «Пропилей», мы распредѣлимъ ихъ по характеру содержанія на относящіяся къ литературѣ, искусству, нравамъ и собственно такъ называемой исторіи древняго міра, относя къ послѣднему разряду и чисто археологическія статьи о древностяхъ сѣвернаго берега Чернаго моря.

Первое мѣсто въ литературномъ отдѣлѣ «Пропилей» всѣ читатели конечно отдадутъ началу перевода Иліады, (пѣснь первая и большой отрывокъ изъ второй), Жуковскаго. Эти остатки недоконченнаго труда, которымъ хотѣлъ увѣнчать Жуковский свою поэтическую дѣятельность, напечатаны, съ отдѣльною нумераціею страницъ, въ четвертомъ томѣ. По той же системѣ, какой слѣдовалъ поэтъ при переводѣ «Одиссеи», онъ поручилъ нѣмецкому филологу, г. Фишингеру, приготовить для себя подстрочный нѣмецкій переводъ Иліады, и перелагалъ этотъ переводъ въ русскіе стихи.

Нѣтъ сомнѣнія, что отрывки Иліады, являющіеся теперь, возбудятъ до нѣкоторой степени вниманіе публики къ вопросу о переводѣ Гомера на русскій языкъ и въ особенности о переводахъ Жуковскаго. Въ самыхъ «Пропилеяхъ» явилась уже написанная по этому поводу статья г. Каткова: «Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера простонароднымъ языкомъ». Потому считаемъ обязанностью, нѣсколько остановиться на этихъ вопросахъ. Г. Катковъ совершенно справедливо доказываетъ, что переводить Иліаду простонароднымъ языкомъ, какъ

пытались въкоторыя, такая же вопіющая несообразность, какъ напимѣръ, перевода комедіи Аристофана, замѣнять особенное нарѣчіе Спартанскихъ пословъ малорусскихъ или костромскихъ. Это значило бы сообщать переводу колоритъ, несвойственный подлиннику, дѣлать фальшивый переводъ. Совершенно справедливо. Но иенно по этому самому невозможно согласиться съ мнѣніемъ г. Каткова, что Гомеръ можетъ быть переводить устарѣлыя языкомъ. Онъ говоритъ:

«Гомерическія пѣсни должны были во многомъ имѣть для грека образованной эпохи характеръ архаическій, старинный, отчасти именно такой, какой имѣетъ для васъ языкъ славянской. Эпическій языкъ былъ у грековъ впечатлѣвъ значеніемъ священнаго и очень отличался отъ литературнаго языка, какъ овъ установился въ воздвигшее время. Намъ даже кажется, что русскій переводчикъ Гомера поступилъ бы весьма неразсчитливо, еслибъ не воспользовался богатою сокровищницею славянскаго языка и не черпалъ изъ нея характеристическихъ красотъ. Еще болѣе можетъ послужить для этой цѣли ввученіе старинныхъ, собственно русскихъ, свѣтскихъ памятникъ нашей письменности—грамотъ, лѣтописей, юридическихъ актовъ».

Намъ кажется, что и славянской или лѣтописной, устарѣлый, элементъ въ переводѣ Гомера будетъ точно такъ же сообщать ему чуждый, фальшивый колоритъ, какъ сообщаетъ, по справедливому мнѣнію г. Каткова, простонародное нарѣчіе. Народностей не должно смѣшивать, говорить г. Катковъ. Точно также нельзя смѣшивать и историческихъ воспоминаній. Агамемнонъ по Дмитрій Донской, если греческая хламида не зипунъ, то и не боярская ферьязь. Странно, какъ г. Катковъ допускаетъ подобное превращеніе, самъ говоря, что «при существованіи литературнаго языка, формы рѣчи, не вошедшія въ него, не могутъ быть употребляемы для перевода съ чужаго языка; не могутъ, потому что за ними, какъ тѣнь, слѣдитъ ихъ мѣстное значеніе». Онъ самъ говоритъ, что переводъ всегда по необходимости глаживаетъ колоритъ подлинника, но не долженъ придавать ему чуждаго колорита. «Ужъ лучше покажите намъ Гомера въ какомъ нибудь неопредѣленномъ костюмѣ, нежели въ кафтанѣ удалаго русскаго ямщика; пусть ужъ лучше старый рапсодъ будетъ представляться намъ неясно, въ туманѣ, чѣмъ жалкимъ образомъ кривляться передъ нами и корчить нашего пріятеля казака Киршу Данилова»—ясно, что по смыслу рѣчи должно прибавить: или чѣмъ сидѣть неподвижнымъ бояриномъ временъ Алексѣя Михайловича или разсыпаться расторопнымъ и неуклюжимъ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. «Для перевода гомерическаго эпоса нужно свѣжее слово», говорятъ самъ г. Катковъ; а въ лѣтописяхъ и грамотахъ свѣжести несравненно меньше, нежели у Кирши Данилова. Однимъ словомъ, кто внимательно прочтетъ очень основательныя соображенія г. Каткова, тотъ выведетъ заключеніе, что по возможности простой и свѣжей литературный языкъ—единственный, пригодный для Гомера въ рускомъ переводѣ.

Одиссея въ переводѣ Жуковскаго не имѣла успѣха, какого надѣялись большая часть изъ насъ, потому что языкъ ея очень искусственный. Сверхъ того находимъ принужденность слога, которая усиливается слишкомъ буквальнымъ подражаніемъ подлиннику въ разстановкѣ словъ, очень часто неестественной для русскаго языка. Все это осталось въ такомъ же видѣ и въ переводѣ Иліады:

Гнѣвъ намъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнѣвъ, приключившій Ахейцамъ много великихъ
Бѣдствій и вонновъ многихъ безстрашныя души низведшій
Въ область Авда...

Слогъ этотъ можетъ быть очень художественъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ по русски онъ выходитъ очень искусственъ и тяжелъ въ чтеніи. Но вопросъ о языкѣ самъ собою рѣшится, если рѣшится вопросъ о томъ, удачно ли выбранъ для перевода гекзаметръ. Отъ качествъ, который неразрывно сроднились въ русскомъ языкѣ съ этимъ размѣромъ, всего болѣе зависить и натянутасть слога, которою отличается все, писанное по русски гекзаметромъ.

Гекзаметръ обыкновенно превозносится у насъ, потому, что мы наслушались похвалъ гибкости, благозвучію и т. д. греческаго гексаметра и потому, что писать свосные гекзаметры умѣютъ у насъ немногіе, а все трудное высоко цѣнится. Но собственно говоря, русскій гекзаметръ не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, какими отличается греческій и совершенно нейдетъ къ системѣ вашего стихосложенія, нарушая коренныя требованія нашей поэтической рѣчи.

Въ греческомъ гекзаметрѣ спондеи (соотвѣтствующіе нашимъ хореймъ) безпрестанно перемеживаются съ дактилями; потому гекзаметрическіе стихи самыхъ разнообразныхъ размѣровъ безпрестанно перемеживаются между собою (всѣхъ формъ гексаметра тридцать двѣ). У Гомера очень рѣдко можно встрѣтить два къ ряду гексаметра одинаковой формы, и вѣроятно ни разу не встрѣтятся къ ряду трехъ одинаковыхъ стиховъ *). Это качество и ставитъ главный достоинствомъ греческаго гексаметра, оно причиною того, что онъ гибокъ благозвученъ, разнообразенъ. Напрасно стали бы искать разнообразія стопъ въ русскомъ гекзаметрѣ: онъ почти постоянно состоитъ изъ однообразныхъ дактилей съ однообразнымъ хореемъ на концѣ **). Вообще, собственно говоря, русскіе гекзаметры слѣдуетъ считать не гекзаметрами, т. е. стихами, въ которыхъ дактиль постоянно смѣшивается съ хореемъ, а просто дактилическими стихами, въ которыхъ изрѣдка, невзначай, попадаютъ хоренческія стопы, довольно частыя для того, чтобъ раздражать ухо неправильнымъ нарушеніемъ дактилическаго размѣра, но слишкомъ рѣдкія для того, чтобъ ухо

*) Вотъ, напримѣръ, стопы трехъ первыхъ стиховъ Одиссея:

дактиль,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	спондей,
дактиль,	спондей,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	спондей,
спондей,	спондей,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	спондей.

Продолживъ разборъ, мы увидимъ, что разнообразіе все увеличивается. Въ каждомъ пяти стихахъ мы найдемъ по крайней мѣрѣ четыре различныхъ размѣра. Одинаковыхъ къ ряду почти не бываетъ.

**) Вотъ, напримѣръ, начало «Одиссеи» въ переводѣ Жуковскаго (мы беремъ «Одиссею», а не отрывки «Иліады», теперь изданные, потому что Жуковский успѣлъ, по справедливому замѣчанію издателя, придать окончательную отдѣлку только начальнымъ стихамъ своего послѣдняго труда); отиѣченъ курсивомъ хорей:

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытнѣи мужѣ, который
Странствуя долго со дня, какъ святой Иліонъ имъ разрушенъ,
Многихъ людей города поостылъ и обычаи выдѣлъ,
Много и сердецъ скорбѣлъ на норияхъ, о спасенія заботясь
Жизни своей и возвратѣ въ отчизну сопутниковъ; тѣхъны
Были однако заботы, не соасъ онъ сопутниковъ; сами
Гибель они на себя навлекли святотатствомъ, безумцы,
Съѣвши быковъ Геліуса, надъ нами холящаго бога,—
Демъ возврата у нихъ онъ похитилъ. Скажи же объ этомъ
Что нибудь, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.

Затѣмъ опять начинаются безконечныя ряды чистые дактили. Вообще на цѣлую сотню стиховъ едва приходится въ «Одиссеѣ» у Жуковскаго восемь или девять, въ которыхъ попадаетъ хорей, да и тѣ опять часто стоятъ рядомъ, производя новую монотонность.

привыкло къ этому нарушенію и ожидало его, какъ чего нибудь правильнаго. Потому, лишенный разнообразія, главнаго своего достоинства въ греческомъ языкѣ, гекзаметръ остается какою-то утомительною и вялою прозою, читаемою на подобіе стиховъ, и допускающею всѣ натянутости, напыщенности въ языкѣ, непозволительныя въ прозѣ, не вознаграждая ихъ увлекательностью, какая принадлежитъ стихамъ, понятнымъ для народа. Безпрестанное перенесеніе фразы изъ одного стиха въ другой, совершенно противное духу нашего стихосложенія, окончательно убиваетъ всякую возможность читать гекзаметръ, какъ размѣръ, понятный русскому уху *). Мы не знаемъ, какъ пѣли рапсоды свои гекзаметры; но ни одинъ русскій не скажетъ, чтобы возможно было пѣть слѣдующее:

Но когда наконецъ обращенъ временемъ *приведенъ былъ*
Годъ, въ который ему возвратиться назначили боги
Въ домъ свой, въ Итаку (во гдѣ и въ объятіяхъ вѣрныхъ друзей оныхъ
Все не избѣгъ отъ тревогъ) прекполнились жалостью боги
Всѣ. Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать Одиссея...

А стихи, которыхъ невозможно пропѣть, едва ли заслуживаютъ имени стиховъ. И надобно прибавить, что мы, не понимая разнообразія размѣра, въ этомъ раздиранъ и перепутыванъ фразъ поставляемъ существенное достоинство гекзаметра. Въ русскомъ оно попадаетъ вдвое чаще, нежели въ греческихъ гексаметрахъ. Такъ всегда бываетъ съ искусственнымъ подражаніемъ: упускаются изъ виду существенныя качества оригинала, за то утрируются его странности. Есть въ гекзаметрѣ и другія противорѣчія основнымъ требованіямъ русскаго мелодическаго стиха. Пока намъ кажется достаточно и этого основанія, чтобы сказать, что онъ ненатураленъ въ нашемъ языкѣ. Но если не гекзаметромъ, то какимъ же размѣромъ переводить Гомера? Какимъ вамъ угодно пѣть тѣхъ, музыкальность которыхъ повинаетъ русское ухо: ямбомъ, хореемъ, дактилемъ, амфибрахіемъ, анапестомъ, если угодно правильнымъ смѣшеніемъ ямба съ анапестомъ или хореемъ съ амфибрахіемъ—только такимъ размѣромъ, который легче всего для переводчика и съ тѣмъ вмѣстѣ не дикъ и не вялъ для русскаго уха. Легкость—необходимое условіе для удачнаго перевода Гомера. Стихъ его очень гармониченъ по гречески—русскіе стихи безъ рима вялы, тяжелы, скучны; потому необходимы въ переводѣ Гомера римы. Но онъ стѣснительны?—Кто не можетъ владѣть риемою, но однакожъ непремѣнно хочетъ прославиться переводами съ греческаго, можетъ перевести Геродота или Фукидда, чѣмъ окажетъ великую услугу русской литературѣ.—А какъ же можно нарушать размѣръ подлинника? Но если такъ, французскіе стихи пришлось бы переводить силлабическимъ размѣромъ, а арабскіе—размѣромъ, для котораго у насъ не существуетъ и названія. Буквальность не есть близость, а только несообразность.

Такъ, напримѣръ, «Хвастливый воннъ», комедія Плавта, переведена г. Шестаковымъ слишкомъ буквально, такъ что черезъ это теряетъ колоритъ подлинника: у Плавта, пѣтъ всѣхъ латинскихъ поэтовъ, самый непринужденный языкъ. Вѣрность перевода вовсе не требуетъ того, чтобы въ русскомъ слогѣ сохранять

*) Впрочемъ, не только русскому, но точно также и нѣмецкому.

особенные обороты, свойственные только латинскому языку. Вообще латинские и греческие драматурги чрезвычайно нуждаются въ особенномъ изяществѣ перевода; ихъ пьесы такъ отличаются отъ нашихъ своею манерою, что даже и при чрезвычайной легкости перевода читаются довольно тяжело. Надобно также прибавить, что перевода стихотворное произведеніе прозою, вообще мы не можемъ держаться буквально всѣхъ оборотовъ подлинника: они часто обусловливаются самою формою стиха, такъ что лишившись оя при переходѣ на другой языкъ, фраза часто должна бываетъ или распутаться, или сократиться, или быть пополнена, чтобы не казаться странною и не мѣшать ровному ходу рѣчи. Нѣтъ надобности прибавлять, что переводъ г. Шестакова гдѣланъ добросовѣстно. Мы хотѣли поговорить о значеніи Плавта, его вліяніи на Мольера и, черезъ Мольера на новѣйшую литературу—но намъ остается говорить на этихъ страницахъ еще о многихъ важныхъ статьяхъ, изъ которыхъ двѣ имѣютъ даже свою исторію, это именно — «Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи», г. Каткова, и «Письма изъ Рима и Неаполя» г. А. А. Авдѣева.

«Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи» статья очень хорошая, имѣющая, какъ и многое на свѣтѣ, свои недостатки, но имѣющая и неоспоримыя достоинства. Главнымъ достоинствомъ ея было бы то, —еслибъ она первая явилась на руссконъ языкѣ по этому предмету; но когда то въ одномъ изъ нашихъ журналовъ была статья подобнаго содержанія, писанная очень замѣчательнымъ мыслителемъ. Слѣдственно главное достоинство, которое могли-бъ имѣть «Очерки», ужъ нельзя присвоивать имъ. За то остаются у нихъ другія хорошія качества: достаточная полнота, основательность. Есть, какъ мы сказали, и недостатки —чрезвычайно презрительный тонъ, съ которымъ авторъ говоритъ о разныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, сравниться съ которыми мы ему отъ души желаемъ; темнота; выраженія такого рода: «прежнія понятія объ этомъ были ошибочны, изъ нашего изложенія, напротивъ, видно» —при чемъ для ясности надлежало бы прибавлять, что «прежнія» ошибочныя понятія ужъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ замѣнены тѣми самими, которыя очень основательно выводятся ученымъ авторомъ. Здѣсь то и нить завязки романа, по выраженію Гоголя. Рецензентъ одного изъ нашихъ журналовъ, самымъ наивнымъ и горячимъ образомъ принявъ къ свѣдѣнію всѣ эти фразы и презрительные отзывы, написалъ очень длинный разборъ, въ которомъ доказать какъ $2 \times 2 = 4$, что до появленія «Очерковъ» никто въ цѣломъ мірѣ не понималъ духа древнѣйшихъ греческихъ философскихъ системъ, что всѣ философы ошибочно толковали системы Талеса, Пифагора, и пр.; что «Очерками» положено первое основаніе исторіи философіи и т. д. и т. д. Ясно было, что неопытный папегиристъ слишкомъ далеко увлекся въ своихъ божественныхъ похвалахъ, основанныхъ единственно на изученіи статьи г. Каткова и незнакомствѣ съ курсами исторіи философіи. Одинъ изъ людей, знающихъ, какъ надобно предполагать по его статьѣ, истинное положеніе науки нѣсколько ближе, вздумалъ напечатать въ «Москвитинѣ» статью очень убѣдительно доказавшую рецензенту, что надобно осторожнѣе судить о предметахъ, когда не знакомъ съ сущностью дѣла. Статья была направлена противъ рецензента, и наполнена похвалами достоинствамъ «Очерковъ»; она даже признавала въ нихъ новостъ нѣкоторыхъ взглядовъ, и очень высокую степень самостоятельности, однимъ словомъ, была также не совсѣмъ умѣренна въ похвалахъ. Тогда авторъ «Очерковъ» напечаталъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ того

же «Москвитянина» огромную статью въ 68 страницъ, на которыхъ и доказалъ, что похвалы рецензента, написавшаго панегирикъ, нисколько не преувеличены, что «Очерками» дѣйствительно въ первый разъ отъ изобрѣтенія финикіянъ азбуки положено основаніе исторіи философіи, которая и не существовала до минуты появленія «Очерковъ», что всё прежшіе труды (несравненно превосходящіе достоинствомъ его «Очерки») дѣйствительно никуда не годятся, писаны людьми тупоумными и невѣжественными, и т. д. Все это сопровождалось приличнымъ количествомъ безцеремонныхъ укоризнъ противнику (который вовсе и не нападалъ на «Очерки» г. Каткова), укоризнами, какихъ въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ никто не возвращалъ даже на злосчастнаго Зоида. А противникъ былъ дѣйствительно достоинъ нѣкотораго осужденія развѣ за то, что, хотя и нападалъ на панегириста, но вѣтави хотѣлъ видѣть самостоятельность и высокое значеніе для науки въ одной изъ очень обыкновенныхъ статей, которыя могутъ свидѣтельствовать только объ основательномъ знакомствѣ своего автора съ предметомъ, но и только; хотѣлъ видѣть особенное значеніе для науки не привившейся у насъ, въ такой статьѣ, которая и у насъ не можетъ быть названа лучшею по своему предмету. Какую философскую или психологическую мысль можно вывести изъ подобной исторіи? Такую, что панегирическіи критики, основанныя единственно на восторгѣ, могутъ имѣть самое вредное вліяніе.

Напротивъ, исторія, возникшая по поводу «Писемъ изъ Рима и Неаполя» г. Авдѣева, кончилась для автора совершенно иначе, именно въ его пользу. Около того самаго времени, какъ одинъ рецензентъ провозглашалъ, что положены основанія исторіи философіи, другой рецензентъ необыкновенно удивился, прочитавъ у г. Авдѣева описаніе римскаго храма св. Петра, который всё мы, профаны въ дѣлѣ архитектуры, привыкли по наслышкѣ считать первымъ по художественной красотѣ созданіемъ искусства. Г. Авдѣевъ, занимаясь архитектурою какъ специалистъ, объяснилъ, довольно понятно и для насъ, что хорошъ въ храмѣ св. Петра только одинъ куполь, а всё остальные части плана не выдвигаютъ даже снисходительной критики. За это рецензентъ объявилъ его невѣждою, и упрекнулъ г. Леонтьева, зачѣмъ онъ печатаетъ такіа невѣжественныя сужденія въ своемъ сборникѣ. Въ слѣдующемъ томѣ «Прописей» г. А. А. Авдѣевъ принужденъ былъ доказать, что мнѣніе, котораго онъ держится, господствуетъ между всѣми людьми, имѣющими понятіе объ архитектурѣ. Онъ превосходно заключаетъ свой отвѣтъ словами, которыя могли-бъ служить эпиграфомъ ко многимъ изъ разборовъ разныхъ прославляемыхъ произведеній литературы или науки:

«Архитектору все-таки нельзя не порадоваться за свое искусство. Чтобы ваяться построить что нибудь, вдобродно быть по крайней мѣрѣ простынѣ плотнякомъ или камешникомъ. А въ литературѣ, видно, и карточный домикъ идетъ иногда за строеніе, и, что еще обиднѣе, безъ шума его даже не сдунешь».

Г. Безсоновъ избралъ слишкомъ сухой предметъ для своего разуужденія, объясняя на 80 страницахъ, въ какой мѣрѣ можно довѣрять «Фастамъ» Овидія, какъ источнику для римской миеологіи. Специалисты давно знаютъ рѣшеніе этого вопроса, очень незатруднительное, а большинству читателей онъ не интересъ и не нуженъ. Если-бъ вмѣсто этого длиннаго изслѣдованія г. Безсоновъ написалъ статью объ Овидіѣ и его сочиненіяхъ, или изложилъ какой-нибудь отдѣлъ римской миеологіи, трудъ его принесть бы гораздо болѣе пользы. Почти такое же мнѣніе должны

мы высказать о разборѣ Платонова Филеба, который написавъ г. Меншивовичъ въ доказательство того, что «діалогъ этотъ по изяществу формы и художественной своей отдѣлкѣ, занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ ряду твореній Платоновыхъ», не смотря на то, что разрозненность и неровность частей этого разговора поражала еще древнихъ, и заставляетъ многихъ новѣйшихъ сомнѣваться въ его цѣлости или не вполне признавать его высокое достоинство». Пусть многотомное изданіе твореній Платона трактуетъ въ одномъ изъ своихъ предисловій, до какой степени основательно то и другое мнѣніе, и какой изъ разговоровъ Платона занимаетъ первое мѣсто въ ряду его произведеній по изяществу формы: неспециалисты могли бы удовольствоваться общимъ понятіемъ о высокомъ художественномъ достоинствѣ Платоновыхъ разговоровъ, и конечно скорѣе желали-бы увидѣть на русскомъ языкѣ или просто переводъ Филеба, или хорошее жизнеописаніе самого Платона, или изложеніе одной изъ частей его философіи. «Діогенъ Киникъ», (переводъ изъ Геттлинга) также не можетъ быть названъ произведеніемъ, особенно удачнымъ; многія соображенія Геттлинга рѣшительно неумѣстны. Но мы должны похвалить статью г. Влаговѣщенскаго «о пантомимахъ» за выборъ интереснаго предмета и занимательность разсказа, на мало не вредящую основательности изслѣдованія.

Изъ статей о римскихъ нравахъ—«Бракъ и свадебные обряды древнихъ римлянъ», г. Тихановича, составлена недурно. Законный бракъ у римлянъ бывалъ двухъ родовъ—*съ поступленіемъ (жены) подъ власть (мужа) и безъ поступленія подъ власть*. Въ первомъ случаѣ вся собственность жены, даже ея приданое передавалось мужу; онъ былъ судья жены, могъ, вмѣстѣ съ родственниками, произносить ей даже смертный приговоръ; за то, по смерти мужа, она дѣлалась его наслѣдницею. Въ бракѣ безъ поступленія подъ власть мужа, жена продолжала оставаться членомъ прежней своей семьи, пользовалась своимъ имуществомъ, зато не была наслѣдницею по мужѣ. Этотъ обычай появился въ Римѣ позднѣе, но мало по малу вытѣснилъ изъ жизни первую форму брака, и былъ шагомъ къ эманципации, которой въ послѣднее время республики достигли римскія женщины. Двоеженство никогда не было извѣстно римлянамъ. Обручальныя кольца были ужъ въ обыкновеніи у нихъ. Май мѣсяцъ признавался, по народному предразсудку, неблагопріятнымъ для свадебъ, какъ и у насъ. Идя въ домъ жениха, неvěста должна была показывать видъ, что ее уводитъ насильно—опять сходство съ нашими народными обычаями. Такъ обычай требовалъ, чтобы она сама не переступала черезъ порогъ дома жениха—ее переносили черезъ порогъ—церемонія, служившая воспоминаніемъ о похищеніи неvěстъ въ древнѣйшія времена.

«День въ Римскомъ циркѣ»—статья Августа Данца, написана очень живо и составлена очень внимательно. Нѣмецкій ученый пересказываетъ подробно описанныя историками великолѣпныя игры, которыя далъ Калигула въ день своего рожденія, и дополняетъ эту картину извѣстными намъ изъ другихъ случаевъ свѣдѣніями о циркѣ. Все, что только бываетъ великолѣпнѣйшаго на нашихъ театрахъ и народныхъ праздникахъ, ничтожно въ сравненіи съ неvěроятною роскошью, какою удивляли міръ игры Римскаго цирка. Внутренняя площадь или арена его имѣла до 310 сажень (болѣе полуверсты) въ длину и болѣе 90 сажень въ ширину. Мѣста зрителей, идшія амфитеатромъ въ 50 рядовъ, отдѣлялись отъ арены каналомъ въ 10 футовъ ширины и 10 футовъ глубины. Циркъ вмѣщалъ, по словамъ

Діонисія 150,000, а по словамъ Плінія до 260,000 зрителей. Однако онъ мотъ выѣзжать и половины желающихъ. Тиберій оставилъ своему преемнику 150 милліоновъ руб. сер. въ казнохранилищѣ—и въ пять мѣсяцевъ Калигула истратилъ ихъ на игры. Уже изъ этого можно судить о роскоши игръ. Но и главного торжества былъ назначенъ день его рожденія. Со всей имперіи везли игры дикихъ звѣрей и вѣли лошадей. Со всѣхъ концовъ міра стекаются зрители. Съ полночи наканунѣ игръ масса уже ломится въ циркъ; шумъ ея пробуждаетъ Калигулу и въ досадѣ онъ велѣлъ выгнать палками безпокойную толпу. При этомъ были задавлены двадцать римскихъ всадниковъ и столько же дамъ, кромѣ мѣста простолудиновъ. Но подобные пустяки не останавливаютъ любопытства. И разсвѣтъ циркъ уже полонъ. Огромная арена, вмѣсто обыкновеннаго песку, покрыта зеленымъ малахитовымъ порошкомъ, по которому выведены узоры позолоченныхъ киновари; малахитъ покрываетъ арену потому, что Калигула держитъ стороню зеленыхъ противъ синихъ (все участвующіе въ скачкахъ, раздѣляются на эти двѣ партіи). Трубы возвѣщаютъ прибытіе Калигулы: впереди необозримой процессіи идутъ ликторы, потомъ ѣдутъ и идутъ тѣлохранители, наконецъ самъ Калигула на колесницѣ изъ слоновой кости, запряженной шестью лошадьми въ рядъ. Онъ самъ правитъ лошадьми, и медленно объѣзжаетъ арену, преклоняя хлыстъ на приветствія народа. За колесницею Калигулы ѣдутъ сто другихъ колесницъ, запряженныхъ четвернею. Процессію замыкаютъ двѣ колесницы, изъ которыхъ одна запряжена четырьмя верблюдами, другая четырьмя слонами. Проѣхавъ черезъ арену до противоположнаго конца, откуда начинается скачка, Калигула выбираетъ изъ трехъ противниковъ изъ сенаторовъ, и начинается ристалище. Конечно, онъ остается побѣдителемъ, и народъ, въ знакъ восторга, бросаетъ вверхъ плащи (какъ у насъ подбрасываютъ шапки). Довольный успѣхомъ, цезарь отправляется въ свою комнату и даетъ знакъ начинать общія скачки. Римляне смотря на арену, забыли о вѣтѣрѣ; ихъ укрываютъ отъ солнца огромное шелковое покрывало, великолѣпно вышитое золотомъ, освѣняющее весь циркъ—но Калигула придумалъ имъ сюрпризъ въ полдень, по его знаку покрывало вдругъ снимается, и зрители остаются подъ жгучими лучами солнца. Выпускать изъ цирка не велѣно никого. Римляне и въ этотъ часъ томятся палящимъ зноемъ; но Калигула довольно позабавился ихъ мученіями, циркъ застилается густымъ влажнымъ облакомъ: насосы, скрытые подъ ареною и въ верхней галлерей цирка, орошаютъ все пространство дождемъ благовуханныхъ эссенцій, которыя ручьями стекаютъ по ступенямъ, и въ ту же минуту покрывало опять освѣняетъ циркъ. Лошади устали, ихъ уводятъ отдохнуть; и закутить и зрителямъ—тысячи столовъ съ роскошнѣйшими кушаньями покрываютъ арену: хозяинъ угощаетъ свой народъ, и кушая самъ пьетъ ложѣ, любитъся на шумъ и суматоху, съ какою бросаются и тѣсняются къ столамъ сотни тыщъ голодавшихъ гражданъ. Обѣдъ конченъ, столы приняты, зрители опять сидятъ мѣстамъ, начинается второе зрѣлище—выступаютъ на сцену дрессированныя животные. Два льва преслѣдуютъ зайцевъ, ловить ихъ и опять пускаютъ бѣжать: левы въ каналѣ плаваютъ, повинаясь голосу своихъ приставниковъ. По канату, натянутому съ верхней галлерей цирка внизъ на арену, спускаются ученые слоны на спинѣ своего вожака. Выносятъ шесть столовъ, уставленныхъ кушаньями золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ; выходятъ двѣнадцать слоновъ, шесть мужской, шесть въ женской одеждѣ, по парно возлегаютъ за столы на престолахъ.

перивы, начинаютъ кушать, какъ истинно образованные граждане. Потомъ обезьяны забавляютъ своими кривляньями.

Но вотъ начинается охота и гладиаторскіе бои. Послѣднихъ мы не будемъ описывать, скажемъ только о битвахъ съ звѣрями, и онѣ уже слишкомъ возмутительны. Игры начинаются тѣмъ, что слонъ бьется съ носорогомъ, гиппопотамъ съ медвѣдемъ; слонъ и медвѣдь побѣждены, они ревутъ въ предсмертныхъ судорогахъ; зародъ рукоплещетъ побѣдителямъ. Потомъ отворяются всѣ двери карцеровъ (звѣршницевъ), на сцену бросаются множество львовъ, тигровъ, леопардовъ, медвѣдей, гіенъ—они въ ожесточеніи терзаютъ другъ друга. Восеньсотъ звѣрей погибаетъ такимъ образомъ. Ихъ крючьями вытаскиваютъ изъ цирка на прилежанціа улицы, гдѣ съ жадностью рветъ ихъ голодная чернь, таща домой окровавленные куски, на лакомое для голодныхъ кушанье. На аренѣ уже новое зрѣлище: въ одинъ мигъ 50 страусовъ, 32 жирафа, 20 зебровъ, 15 лосей, 100 оленей, 20 слоновъ, 40 дикихъ лошадей, 60 буйволловъ наполняютъ арену, а 36 крокодиловъ—каналъ, ее окружающій. Противъ нихъ выходитъ жители всѣхъ странъ свѣта, каждый съ своимъ оружіемъ; самъ цезарь, страстный охотникъ, стрѣлялъ изъ ложи звѣрей, подбѣгающихъ близко. Охота кончилась, и снова чернь влечетъ по улицамъ трупы, выброшенные въ добычу ей. Кровь покрыла зеленую скатерть арены, кровь стоитъ озерами. Ихъ засыпаютъ свѣжимъ пескомъ и начинается новый бой—битвы людей съ звѣрями. Сначала выпускаются три буйвола—бойцы выказываютъ свою ловкость, вспрыгивая на спину разъяреннаго животного, которое мчится по аренѣ до изнеможенія, и тогда босцъ, сильно дернувъ его за рога, повергаетъ на сцену. Потомъ выступаютъ противъ львовъ и медвѣдей бойцы, вооруженные только крѣпкими сѣтями—они должны запутать въ нихъ противника и, безвреднаго, утащить въ кѣтку. Вотъ ужъ много бойцовъ растерзано въ неровной борьбѣ. Зрители опьянены запахомъ человѣческой крови—они жаждутъ послѣднаго акта—и по данному знаку выведены на сцену сотни плѣнныхъ, вооруженныхъ мечами; отворяются карцеры—и 200 голодныхъ медвѣдей, 400 львовъ, тигровъ и гіенъ бросаются на своихъ жертвъ. Всѣ плѣнные погибли, и жадные звѣри передъ глазами зрителей пожираютъ полуживыхъ людей. Но Калигула нынѣ любитъ сюрпризы—онъ велитъ схватить еще двѣнадцать человѣкъ изъ среды зрителей и бросить на арену. Чтожъ вѣдь надобно пощекотать чувства? Но довольно. Звѣри оставшіеся въ живыхъ, раскаленнымъ желѣзомъ загоняются назадъ въ карцеры; трупы бойцовъ стаскиваются крючьями въ огромные подвалы, арена снова усыпается поскомъ, снова чиста—теперь пора повеселиться невиннымъ образомъ. Посредствомъ особенныхъ машинъ, на срединѣ цирка является лѣсъ; къ вѣтвямъ деревъ привязано множество рѣдкихъ птицъ. Въ то же время впускается на арену тысяча страусовъ, нѣсколько тысячъ овецъ, свиней, оленей, домашней птицы; отворяются ворота цирка, и чернь бѣшеннымъ потокомъ врывается на арену. Зрители наслаждаются ловлею, толкотнею, дракою, которая кипитъ по всей сценѣ; чтобъ еще увеличить сумятицу, изъ ложи цезаря и нѣсколькихъ другихъ, бросаютъ въ толпу марки съ обозначеніемъ разныхъ подарковъ. Въ мѣста сенаторовъ также бросаютъ драгоценныя вещи, билеты на полученіе домовъ и помѣстій—и между сенаторами водворяется также суматоха. Но ужъ наступаетъ вечеръ—да и Калигулѣ наскучило все. Онъ встаетъ, за нимъ пустѣетъ циркъ до слѣдующаго кроваваго праздника.

Намъ должно теперь сказать нѣсколько словъ о статьяхъ, имѣющихъ предметомъ описаніе памятниковъ и изысканія въ развалинахъ Черноморскаго берега. и затѣмъ у насъ останутся для слѣдующаго обзора историческаго изслѣдованія и рассказы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слога, принадлежащіе безъ сомнѣнія къ лучшимъ статьямъ сборника.

«Керчь и Тамань», г. Беккера; «Древности Томи», его же; «Разысканія на мѣстѣ древняго Тинаша», г. Леонтьева; «Разысканія въ окрестностяхъ Симферополя», графа А. С. Уварова, «О керченскихъ гробницахъ», г. Линевпча находятся по своему предмету въ близкой связи и сообщаютъ множество важныхъ древнихъ надписей и подробностей о вещахъ найденныхъ въ курганахъ, такъ что значительно пополняютъ матеріалы для исторіи того края въ греко-римскомъ періодѣ. Но мы не рѣшаемся дѣлать общій обзоръ содержащаго этихъ обширныхъ статей, потому что при этомъ возможно избѣжать ошибокъ только тому, кто лично осматривалъ описываемыя мѣста. Г. Кене напечаталъ въ третьей книгѣ Пропилей. описаніе музея древностей, принадлежащаго г. Монферрану. Г. Кене считаетъ это собраніе, заключающее до 73 замѣчательныхъ произведеній древняго ваянія. и множество другихъ древностей, богатѣйшимъ изъ собраній, принадлежащихъ частнымъ людямъ въ Россіи. Особенно драгоценна въ немъ превосходная бронзовая статуя Юлія Цезаря, единственная, дошедшая до нашего времени. Она была открыта въ Римѣ Н. Н. Демидовымъ и тотчасъ тайно вывезена во Флоренцію. изъ опасенія, чтобы дирекція римскихъ музеевъ, узнавъ о такой важной находкѣ. не удержала ее въ Римѣ. Даже мраморныя статуи Юлія Цезаря, самыя бюсты его, очень рѣдки; а находящаяся теперь у г. Монферрана бронзовая статуя—доселѣ единственная въ мірѣ, и кромѣ того, по словамъ г. Кене, эта статуя въ художественномъ отношеніи выше всѣхъ остальныхъ, принадлежа къ числу первоклассныхъ произведеній ваянія. Стилъ ея, по мнѣнію г. Кене, указываетъ на эпоху искусства, современную Цезарю. Вообще, г. Кене усваиваетъ этой статуй одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми извѣстными бронзовыми статуями, которыя въ художественномъ отношеніи цѣнятся чрезвычайно высоко.

II.

Древняя исторія достигла гораздо высшей степени обработки, нежели исторія среднихъ вѣковъ или послѣднихъ столѣтій. Безпрестанно повторяемыя фразы « томъ, что исторія должна излагать развитіе внутренняго быта народовъ, а не рассказывать, подобно лѣтописи, сборнику анекдотовъ или дюжинному роману, разныя шумныя или эффектныя происшествія, — эти фразы по большей части остаются безплодны въ отношеніи къ исторіи новаго міра. Очень мало найдется первоклассныхъ историковъ, которые, посвящая свои труды изслѣдованіямъ о среднихъ вѣкахъ или новѣйшихъ вѣкахъ, главное вниманіе обращали бы, подобно Гизо и Шлоссеру, на развитіе существенно важныхъ сторонъ народной жизни: общественныхъ и экономическихъ отношеній, образованности и т. д.; большею частью вниманіе изслѣдователя занято вопросами объ именахъ, личностяхъ и подробностяхъ разныхъ шумныхъ событій. Но въ древней исторіи истинныя понятія о существенномъ ея предметѣ ужъ успѣли утвердиться и примѣняются къ дѣлу большинствомъ изъ-

искателей; оттого и сочиненія о ней, говоря вообще, пріобрѣтахъ для людей, требующихъ отъ исторіи того, чего на самомъ дѣлѣ должно въ ней искать, такой интересъ, какой рѣдко представляютъ сочиненія о послѣдующихъ вѣкахъ. Было бы слишкомъ долго исчислять причины, которымъ обязана обработка древней исторіи такимъ направленіемъ; но, между прочими, есть одна, о которой мы должны упомянуть, потому что ею также объясняется положеніе очень многихъ основныхъ вопросовъ древней исторіи, къ числу которыхъ принадлежать и вопросы, составляющіе предметъ важнѣйшихъ по ученому достоинству статей въ разсматриваемыхъ нами томахъ «Прописей»; эта причина—малочисленность источниковъ. Ученый, который хочетъ, напримѣръ, рассказать царствованіе Людовика XIV или Фридриха II, можетъ представить тысячи фактовъ и миллионы подробностей, которыя не были изложены въ такой полнотѣ его предшественниками: тысячи томовъ печатныхъ матеріаловъ, сотни фоліантовъ, скрывающихся въ библіотекахъ и архивахъ, представить ему неисчерпаемое богатство давнихъ, и его сочиненіе можетъ пріобрѣсти большое ученое достоинство сообщеніемъ новыхъ фактовъ, хотя-бъ и ограничивалось изложеніемъ такъ называемой политической исторіи. Не то съ древнимъ миромъ. Здѣсь всѣ источники давно ужъ исчерпаны относительно событій внѣшней исторіи, потому что эти источники очень малочисленны. Слѣдовательно, нужно переработать матеріалы съ новой точки зрѣнія, для того чтобы сказать что нибудь новое и сообщить ученое значеніе своему труду; отъ внѣшней исторіи необходимо обратиться въ внутреннюю исторію, которая мало была разработана прежними исследователями. Но источники древней исторіи не только малочисленны—они отрывочны и неполны; въ этомъ заключается невыгодная сторона дѣла. Если и въ новой исторіи, столь обильной матеріалами, изслѣдованіе развитія народной жизни часто бываетъ затруднительно по недостатку фактовъ, то гораздо ощутительнѣе это препятствіе въ рѣшеніи вопросовъ о жизни древнихъ народовъ. Часто самыя основныя воззрѣнія должны быть выводимы здѣсь изъ двухъ или трехъ указаній, ограничивающихся шаткими, неясными намеками. Особенно должно это сказать о древнѣйшихъ вѣкахъ. Потому не удивительно, что рѣшенія вопросовъ, къ нимъ относящихся, бываютъ разногласны; не удивительно покажется и то, что въ предпочтеніи одного рѣшенія другому часто нужно бываетъ руководиться не положительными фактами, сохранившимися именно о той странѣ, о которой идетъ дѣло, а преимущественно аналогіею съ тѣми, что происходило или еще происходитъ въ другихъ странахъ. Конечно, въ такомъ случаѣ заключенія будутъ только правдоподобны; но аналогія иногда бываетъ такъ поразительна, что трудно подвергать сомнѣнію выводъ, которому она благоприятствуетъ. Если же отказаться отъ ея пособія, то часто надобно будетъ отказаться отъ всякаго положительнаго вывода. Намъ казались нужными эти замѣчанія потому, что на основаніи ихъ рѣшается большая часть спорныхъ вопросовъ изъ греческой исторіи, изслѣдуемыхъ въ важнѣйшихъ статьяхъ третьяго и четвертаго томовъ «Прописей». Мы говоримъ о статьяхъ: г. Леонтьева «Историческая Греція до персидскихъ войнъ» и г. Куторги «Критическія разысканія о законодательствѣ Клизосена».

Статьи г. Леонтьева объ «Исторіи Греціи», составляемыя по сочиненію Грота, не нуждаются въ вашихъ похвалахъ, которыя будутъ только повтореніемъ общаго отзыва. Ученый авторъ не просто сокращаетъ многотомное сочиненіе Грота: онъ, какъ знатокъ дѣла, подвергаетъ основательной критикѣ мнѣніи этого историка,

представляет ихъ въ связи съ трудами другихъ изслѣдователей, и принимаетъ изъ нихъ только то, что кажется ему самому справедливымъ, показывая причины, по которымъ нельзя соглашаться съ остальнымъ. Такимъ образомъ его изложеніе, въ высшей степени интересное, имѣетъ полное право на имя самостоятельного ученаго труда. Обширная статья, помѣщенная въ третьемъ томѣ, говоритъ о «достоверной исторіи» Греціи до персидскихъ войнъ, служа продолженіемъ прежнему разсказу о многоческой Греціи. Послѣ прекрасной характеристики самой страны въ связи съ ея вліяніемъ на развитіе народа, ее населившаго, и общаго взгляда на узъ, которыми связывались разрозненные греческія племена въ одно цѣлое по своему духу. г. Леонтьевъ разсказываетъ первоначальную исторію Спарты и Аеинъ.

Первымъ достовернымъ событіемъ спартанской исторіи г. Леонтьевъ, согласно съ Гротомъ, принимаетъ введеніе Ликургова законодательства около половины IX вѣка до Р. Х., и въ этомъ случаѣ расходится съ мнѣшемъ ученыхъ, полагающихъ, что учрежденія, приписываемыя предшесму Ликургу—древнѣйшія учрежденія дорійскаго племени, и что они только сохранились у спартанцевъ. быть можетъ были развиты ими, но не могутъ быть сочтены особеннымъ явленіемъ, возникшимъ исключительно въ Спартѣ, и возникшимъ такъ поздно, какъ утверждаетъ преданіе о Ликургѣ. Впрочемъ, здѣсь разногласіе болѣе въ словахъ, нежели въ сущности мнѣній; г. Леонтьевъ признаетъ, что такъ называемыя Ликурговы учрежденія были въ сущности только развитіемъ древнѣйшаго племеннаго устройства, лежавшаго въ характерѣ дорійскаго племени. Существенное разнорѣчіе съ господствовавшимъ до послѣдняго времени взглядомъ мы находимъ только въ одномъ пунктѣ. Гротъ и г. Леонтьевъ отвергаютъ извѣстіе, что земля была раздѣлена между спартанскими гражданами на равныя участки. Но намъ кажется, что возраженія, ими представляемыя, недостаточны для опроверженія обыкновеннаго мнѣсія. Неизвѣстно—говоритъ Гротъ—какими мѣрами охранялось это учрежденіе. Но спартанскіе законы о наслѣдствѣ и правѣ отчужденія поземельной собственности не такъ подробно извѣстны намъ, чтобы можно было заключать о несуществованіи подобныхъ мѣръ. Намъ кажется даже, что исправленный текстъ Гераклида Понтійскаго, на которомъ основываетъ свои сомнѣнія Гротъ, свидѣтельствуетъ напротивъ того о неподвижности поземельной собственности у спартанцевъ. Вотъ слова Гераклида: «У лакедемонянъ считается позорнымъ продавать землю, а изъ древняго участка это вовсе не дозволено»—итакъ, земля не продавалась почти никогда, а участки, назначенные въ древности, вовсе не могли быть отчуждаемы изъ рода. Слѣдовательно, неизвѣстно только, какъ предотвращалось дробленіе участковъ между сыновьями владѣльца. Но, если вспомнимъ, что вообще число спартанцевъ скорѣе уменьшалось (отъ безпрестанныхъ войнъ и другихъ причинъ), нежели увеличивалось, то должны будемъ заключить, что въ большей части семействъ дробленіе родовыхъ участковъ не могло быть слишкомъ велико. еслибъ даже и не было принято противъ него никакихъ мѣръ. Кроме того, слова Гераклида ясно говорятъ о «древнихъ участкахъ», неприкосновенность которыхъ была особенно важна для государства. Этимъ самымъ сильно подтверждается мнѣніе о древней раздачѣ отъ государства равнымъ гражданамъ равныхъ участковъ. «Но въ Спартѣ были въ VI—V вѣкѣ богатые люди—говоритъ Гротъ—а спартанское богатство должно было состоять исключительно въ землѣ, а не въ деньгахъ — почему же не могло состоять оно въ награвленныхъ у непріятеля драгоценныхъ

металлахъ, въ скотѣ, рабахъ а т. д.? Что касается сомнѣній о дѣлѣжѣ, основанныхъ на молчаніи писателей до Полибія (во II вѣкѣ до Р. Х.) они вовсе во убѣдительны; тѣмъ болѣе, что бѣглыя упоминовенія о равномъ дѣлѣжѣ земли между спартамцами есть у Платова, Аристотеля, Исократы; а болѣе подробныхъ объясненій не могли и дать эти писатели, говорящіе совершенно о другихъ предметахъ. Наконецъ самое сильное возраженіе Грота приводимъ собственными словами г. Леонтьева, чтобы показать, какъ оно шатко, не смотря на свое остроуміе: «Очень можетъ быть, что философъ Сферосъ, другъ и спутникъ Клеомена (предпринявшаго новый раздѣлъ земли между обѣднѣвшими гражданами, съ цѣлью возвратити Спартѣ прежнее могущество) былъ однимъ изъ первыхъ, пустившихъ въ ходъ эту гипотезу». Мы ничего не знаемъ о Сферосѣ, и предположеніе Грота чисто произвольно. Но какъ онъ хочетъ объяснить увѣренность въ раздѣлѣ земли Ликургомъ мечтами Клеомена о возможности подобнаго дѣла, такъ мы объясняемъ недовѣріе самаго Грота къ извѣстію, переданному Полибіемъ и Плутархомъ, тѣмъ, что Гротъ, напивавшись мнѣніями англійскихъ современныхъ экономистовъ о невозможности подобнаго дѣла въ настоящее время, перенесъ ихъ мнѣнія на экономическое устройство эпохи, не имѣющей въ этомъ случаѣ никакого сходства съ нашимъ временемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ древности племена, поселяясь въ завоеванной странѣ, дѣлили землю между всѣми воинами, участвовавшими въ завоеваніи; такъ было вездѣ. То же повторялось и въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда разныя германскія племена завоевывали римскія провинціи. Поэтому нельзя сомнѣваться, что и дорійцы, завоевавъ часть Пелопонсса, раздѣлили между собою землю. А какъ войны эти были равны между собою—равенство ихъ постоянно оставалось существенною чертою спартанскаго устройства—то конечно и участки были равны. Еслибъ мы не знали этого о спартанскомъ первобытномъ учрежденіи изъ положительныхъ свидѣтельствъ, то должны были бы такъ предположить на основанія того, что при подобныхъ обстоятельствахъ то же явленіе бывало повсюду. Тѣмъ менѣе мѣста сомнѣнію, когда есть положительное свидѣтельство такого достовѣрнаго историка, какъ Полибіи. Вообще все изложеніе экономическихъ учреждений въ Спартѣ носятъ у Грота явные слѣды узкаго пониманія вещей подъ вліяніемъ экономистовъ, занимающихся полемикою противъ разныхъ современныхъ идей. Онъ позабываетъ при этомъ о формахъ экономическихъ отношеній, преобладавшихъ въ патріархальномъ обществѣ, съ которыми совпадаетъ и учрежденіе, приписываемое Ликургу, и потому съ его нѣтъшiemъ не возможно согласиться. Все остальное въ исторіи Спарты, какъ пересказываетъ ее г. Леонтьевъ, не представляетъ важныхъ поводовъ къ разнорѣчію.

Но при самомъ началѣ Аѳинской исторіи Гротъ опять излагаетъ гипотезу, едва ли справедливую. По греческимъ преданіямъ, пелазги, первоначальные жители Греціи, были отличны отъ геллоновъ, пришедшихъ впослѣдствіи времени съ сѣвера. Іонійское племя, населившее, между прочимъ, Аттику, было гелленскаго происхожденія. Миенчески это выражается тѣмъ, что Іонъ былъ внукъ Геллена. Вообще, у всѣхъ древнихъ писателей, геллены представляются народомъ, различнымъ отъ пелазговъ, и къ гелленамъ, а не къ пелазгамъ причисляются іоняне. Трудно найти фактъ въ первобытной греческой исторіи, относительно котораго свидѣтельства были бы такъ многочисленны и согласны. Но Гротъ, основываясь на томъ, что аѳиняне считали себя въ Атикѣ туземцами, а не пришель-

нами, называется іонянъ пелазгами и считаетъ ихъ самымъ первобытнымъ населеніемъ этой страны, хотя мнѣніе аеинянъ о томъ, что они жили въ Атикѣ съ незапамятныхъ временъ, нисколько не противорѣчитъ преданію о ихъ гелленскомъ происхожденіи, потому что пришествіе гелленовъ въ среднюю Грецію относится къ глубочайшей древности. Гипотеза Грота совершенно произвольна. Можно доказывать родство всѣхъ гелленовъ съ пелазгами; но странно отказывать іонянамъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ ахейцами и дорійцами. Обыкновенно также думаютъ, со времени Нибура, что іоніине завоевала Атику и покорили прежнихъ ея жителей. Гротъ также отвергаетъ это мнѣніе, основываясь преимущественно на томъ, что въ числѣ знатныхъ афинскихъ родовъ есть многіе, происходившіе, по всей вѣроятности, отъ первобытныхъ жителей страны. Но это не противорѣчитъ факту завоеванія. Гротъ не сомнѣвается въ томъ, что спартанская область была завоевана дорійцами, которые покорили ахейнъ; между тѣмъ въ числѣ спартацевъ были роды не дорійскаго, а ахейскаго происхожденія; даже спартанскіе цари, по его собственнымъ словамъ, считали себя потомками ахейнъ, то есть покоренныхъ туземцевъ, а не дорійцевъ, побѣдоносныхъ пришельцевъ. Изъ первобытной римской исторіи также видимъ, что нѣкоторые роды изъ побѣжденнаго племени принимались въ племя побѣдителей. Другія возраженія противъ послѣдователей Нибура еще слабѣе. Такъ, напримѣръ, мнѣніе, будто бы іонійскій діалектъ вѣрнѣе другихъ сохранилъ первобытную полноту гласныхъ, совершенно несправедливо. Іонійскій діалектъ болѣе всѣхъ другихъ уклонился отъ древнихъ формъ—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Здѣсь было бы неумѣстно продолжать этотъ специальный разборъ, слишкомъ сухой. Но внимательное разсмотрѣніе приводитъ къ тому, что Нибурово мнѣніе о завоеваніи гелленскимъ іонянами Атики, населенной первоначально другимъ племенемъ, гораздо вѣроятнѣе гипотезы, отвергающей завоеваніе. Что же касается различія первобытныхъ жителей отъ позднѣйшихъ пришельцевъ іонянъ, въ немъ, кажется, невозможно и сомнѣваться. Вообще, вопросы о первобытной исторіи Гротъ излагаетъ менѣе удовлетворительно, нежели о послѣдующихъ временахъ. Онъ не имѣетъ той гениальной проницательности, которая нужна для самостоятельныхъ и прочныхъ открытій въ хаосѣ темныхъ извѣстій, и когда противорѣчитъ своимъ предшественникамъ, которые руководились удивительно глубокими соображеніями Нибура, то обыкновенно приходитъ къ предположеніямъ, удовлетворительнымъ менѣе, нежели выводы послѣдователей Нибура. Г. Леонтьевъ справедливо говоритъ, что здравый смыслъ, которымъ отличается Гротъ, недостаточенъ для разъясненія мрака первобытной исторіи. Гораздо лучше его соображенія о тѣхъ вопросахъ, разрѣшить которые можно и безъ помощи гениальности, однимъ здравымъ смысломъ. Во всякомъ случаѣ, сочиненіе Грота—единственная полная исторія Греціи, написанная очень основательно и заслуживающая той извѣстности, какую приобрѣла; если бы г. Леонтьевъ ограничивался только изложеніемъ того, что паходимъ у Грота, онъ оказывалъ бы большую услугу русскимъ читателямъ; но присоединяя къ изысканіямъ Грота свои собственные, и знакомя читателей со всѣми другими замѣчательными мнѣніями о спорныхъ вопросахъ греческой исторіи, онъ еще болѣе возвышаетъ учное достоинство своего труда. Именно въ такихъ статьяхъ нуждается русская историческая литература, и конечно всѣ читатели «Пропилей» съ самымъ живымъ интересомъ ожидаютъ ихъ продолженія.

Г. Куторга пишетъ очень мало, и нельзя не пожалѣть о томъ. Конечно,

изслѣдованія, инъ печатаемыя, представляютъ новыя рѣшенія очень важныхъ и трудныхъ вопросовъ,—и мы согласны, что такія произведенія требуютъ слишкомъ многихъ изысканій. Но положеніе нашей исторической литературы таково, что ученый, трудясь для движенія науки впередъ, можетъ также посвящать нѣкоторую часть своего времени и на такіе труды, которые, если не двинуть впередъ науку вообще, то будутъ совершенно новыми у насъ. Изслѣдованіе г. Куторги о Клисеевѣ займетъ почетное мѣсто въ общей европейской исторической литературѣ, объясняя одинъ изъ главнѣйшихъ фазисовъ развитія аонскаго законодательства. Въ третьемъ томѣ «Пропилей» напечатана только первая часть этого труда: изслѣдованіе о дарованіи гражданскихъ правъ метекамъ. Такъ какъ содержаніе этого трактата касается интереснѣйшихъ сторонъ общественнаго устройства, и такъ какъ г. Куторга излагаетъ вполне справедливыя, но еще очень мало извѣстныя у насъ понятія о племенномъ бытѣ, то представимъ здѣсь извлеченіе изъ его изысканія.

Свѣдѣній о преобразовавшихъ, введенихъ Клисеемъ въ аонское законодательство по изгнаніи Пизистратидовъ, дошло до насъ очень мало. Тѣмъ драгоцѣнныя они, потому что Клисеевы реформы составили чрезвычайно важную эпоху въ развитіи аонскихъ общественныхъ отношеній. Къ числу немногихъ указаній о сущности этихъ реформъ принадлежатъ слова Аристотеля: «Клисеевъ помѣстилъ въ филы многихъ иностранцевъ и рабовъ метековъ». Это мѣсто очень затрудняло ученыхъ; выраженіе «рабы метеки» было непонятно, и темноту приписывали испорченности текста. Но эти исправленія текста были несправедливы, какъ потому что сами не представляли несомнѣннаго смысла, такъ и потому, что дѣлались наперекоръ авторитету всѣхъ дошедшихъ до насъ рукописей Аристотеля. Потому г. Куторга, отвергая мысль о произвольныхъ пзмѣненіяхъ чтенія, переданнаго всѣми списками, дѣлаетъ попытку объяснить его безъ всякихъ исправленій, и для того въ подробности разбираетъ смыслъ затруднительныхъ выраженій «помѣстилъ въ филы» и «рабы метеки». Для этой цѣли ему необходимо было объяснить положеніе различныхъ сословій жителей аонскаго государства; но какъ скудныя свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ этомъ предметѣ, вполне ясны становятся только при сличеніи ихъ съ фактами, извѣстными намъ объ устройствѣ другихъ племенъ, проходившихъ тѣ же ступени развитія, какія проходило аонское государственное общество, то г. Куторга излагаетъ общій ходъ этого развитія слѣдуя методу Нибура, доказательства котораго дополняетъ результатами собственныхъ изслѣдованій. Ясность и основательность всего этого разысканія даетъ намъ возможность представить его въ существенныхъ чертахъ читателямъ, какъ примѣръ удачнаго приложенія сравнительнаго метода, столь необходимаго для исторіи, особенно древнѣйшей исторіи, которая только при помощи его даетъ выводы прочныя и чрезвычайно важныя для пониманія всѣхъ послѣдующихъ явленій народной жизни. Введеніе этого метода въ науку—одна изъ важнѣйшихъ заслугъ великаго Нибура, и можно безъ преувеличенія сказать, что степенью умѣнья прилагать сравнительный методъ преимущественно должна измѣряться способность ученаго съ пользою изслѣдовать темныя, но важныя времена первобытной исторіи. Прославленный методъ Гримма въ сущности есть тотъ же самый методъ Нибура, только примѣненный болѣе спеціальнымъ образомъ.

Прежде всего надобно замѣтить, что въ древнихъ государствахъ все населеніе раздѣлялось по отношенію къ государственнымъ правамъ на двѣ не-

ровамя половины: людей, участвовавших въ управленіи государствомъ, и людей, но имѣвшихъ права ни подавать голоса въ народныхъ собраніяхъ, рѣшавшихъ важныя дѣла, ни дѣлаться членами совѣти или, выражаясь римскимъ терминонъ, соната, управляющаго общимъ ходомъ текущихъ дѣлъ, ни занимать правительственныя должности. Подобное устройство видимъ въ городахъ среднихъ вѣковъ: въ большихъ разнѣрахъ почти то же замѣчаемъ донинѣ въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, особенно въ Англіи. Общій ходъ государственнаго развитія въ государствахъ, внутреннія силы которыхъ увеличивались съ теченіемъ времени, состоялъ въ томъ, что постепенно это различіе сглаживалось раздачею правъ жителямъ, которые прежде лишены были участія въ управленіи. Такъ было и въ Аоніяхъ.

Аоніане дѣлились первоначально на четыре колѣна или «филы» имѣвшія племенное значеніе; здѣсь можетъ возникнуть вопросъ о томъ, все ли народонаселеніе аоніискаго государства входило въ составъ этого дѣленія, или только одни люди, участвовавшіе въ управленіи. По мнѣнію Нибура, раздѣляемому г. Куторгою, только эти люди. Но собственно объ устройствѣ аоніискихъ первоначальныхъ филъ не дошло до насъ точныхъ извѣстій, и Нибуръ основываетъ свое мнѣніе на сравненіи аоніискаго общественнаго быта съ римскимъ; въ Римѣ такъ же были колѣва состоявшія изъ родовъ, какъ и въ Аоніяхъ, какъ и въ большей части другихъ древнихъ государствъ; но въ составъ колѣвъ входили только члены класса, управляющаго государствомъ. Г. Куторга подтверждаетъ эту аналогію, показывая, что «быть приняту въ составъ филы» и «получить участіе въ государственномъ управленіи» значить у греческихъ писателей одно и то же. Часть населенія, лишенная правъ, не входила въ составъ филъ. Но какимъ же людямъ Клісеенъ далъ право участія въ филахъ, или въ государственномъ управленіи? Для опредѣленія этого опять надобно точнѣе припомнить общій ходъ развитія гражданскихъ обществъ въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда опять изъ плененнаго быта созидались государства. Вездѣ мы видимъ, что первоначально участвовали въ управленіи государствомъ только люди, имѣвшіе поземельную собственность, и что съ теченіемъ времени остальные классы народа приобрѣли участіе въ государственнхъ правахъ, которыя перестали быть неразрывно связаны съ землею. Соединеніе государственныхъ правъ съ поземельною собственностью произошло оттого, что первоначально была только общинная, а не частная поземельная собственность: земля принадлежала обществу, а не частнымъ лицамъ, которымъ участки ея отдавались только въ пользованіе: всѣ, принадлежавшіе къ составу государственнаго общества, получали участки, не имѣли ихъ только люди, не входившіе въ составъ этого общества. Подобное тому устройство до сихъ поръ сохранилось въ нашемъ сельскомъ бытѣ. Точно также дѣлили землю между всѣми членами дружины или общины германцы, занимая какую-нибудь область. Рабы и покоренные конечно не получали отъ завоевавшей общины этихъ участковъ, они также не имѣли и участія въ государственномъ управленіи. Мало по малу участки эти сдѣлались полною собственностью частныхъ лицъ; но по прежнему оставалось понятіе и правило, что только люди владѣющіе землею, члены государственнаго общества. Такъ было повсюду у германцевъ, римлянъ и различныхъ греческихъ племенъ. Такъ должно было быть и въ Аоніяхъ, что подтверждается общимъ сходствомъ внутренней исторіи гражданскихъ отношеній въ этомъ государствѣ съ другими государствами.

Но въ теченіемъ времени одни взъ владѣльцовъ богатѣли, другіе бѣднѣли, одни дѣлались людьми могущественными, другіе слабыми, беззащитными. При самоуправствѣ и неопредѣленности отношеній, чѣмъ всегда отличаются государства, еще въ достигшія очень высокой степени благоустройства, бѣдные и слабые владѣльцы должны были терпѣть очень много притѣвленій отъ сосѣдовъ; для многихъ также были очень тяжелы государственныя подати и повинности; что имъ оставалось дѣлать? или продавать свои участки, или искать покровительства могущественныхъ людей, которые защищали-бъ ихъ отъ притѣсненій, принимая извѣстныя права надъ ихъ землею. Последнее явленіе встрѣчаемъ повсюду. Такъ въ V вѣкѣ по Р. Х., когда Римская Имперія разрушалась, когда безопасности было мало, и по внутреннимъ безпорядкамъ, и потому что германцы безпрестанно дѣлали свои набѣги, — въ это тяжелое время мелкіе свободные землевладѣльцы принуждены были искать защиты и помощи у богатыхъ людей, которымъ передавались вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ; такимъ образомъ образовался классъ колоновъ или поселанъ, бывшихъ во власти частныхъ людей. Еще въ обширнѣйшихъ размѣрахъ происходило подобное явленіе во время распадѣнія имперіи Карла Великаго. Безпорядки и потрясенія этой тяжелой эпохи были такъ невыносимы для слабыхъ, что «свободные люди, владѣвшіе небольшими участками земли, обращались къ болѣе сильнымъ, избирали ихъ своими покровителями (*patronus*) и господами (*seigneur*) и давали имъ присягу въ вѣрности и покорности (*fidelitas et homagium*). Такое добровольное поступленіе одного лица въ зависимость другаго (*commendatio, recommendatio, traditio*) было признано правительствомъ и сдѣлалось государственнымъ постановленіемъ». Такъ произошелъ классъ вассаловъ изъ свободныхъ алодіальныхъ владѣльцевъ, потомковъ германскихъ воиновъ, получившихъ по жребію участки земли при завоеваніи страны. Можно прибавить, что до нѣкоторой степени подобнаго явленія встрѣчаемъ и въ смутныя времена русской исторіи, когда поселане и мелкіе земледѣльцы «записывались» за бояръ и монастыри, чтобы имѣть отъ нихъ защиту и участвовать въ льготѣхъ, которыми пользовались ихъ помѣстья и вотчины. — Теперь легко будетъ для насъ убѣдиться въ основательности объясненія, которое даетъ г. Куторга словамъ Аристотеля «Клисоенъ далъ право гражданства рабамъ метекамъ». Онъ полагаетъ, что «метеками» назывались въ Аоніахъ владѣльцы псбольшихъ участковъ, которые передались со всѣмъ своимъ поземельнымъ имуществомъ другому лицу и поступили въ число людей его». Правда, до сихъ поръ, руководствуясь опредѣленіемъ словаря Генриха Стефана, подъ именемъ метековъ хотѣли ученые понимать пноземцевъ, поселившихся въ чуждомъ государствѣ, и постоянно живущихъ въ немъ подъ покровительствомъ законовъ, но устраненныхъ отъ участія въ гражданскихъ правахъ. Но это значеніе получено было словомъ метокъ уже въ позднѣйшія времена, послѣ Аристиды, по предложенію котораго всѣ свободные жители Аттики получили право гражданства. Но въ старину это слово должно было относиться къ туземцамъ, но имѣвшимъ гражданскихъ правъ; это ясно во первыхъ изъ того, что относя его къ пноземцамъ, прибавляютъ къ нему эпитетъ «иностронецъ»; во вторыхъ еще опредѣлительнѣе узнается основной смыслъ слова метекъ, когда сравнимъ его съ подобными ему «періэкъ» и «синекъ»: этими словами означались туземцы, не пользовавшіеся гражданскими правами, и состоявшіе подъ покровительствомъ могущественныхъ землевладѣльцевъ. Туземность древнихъ метековъ прямо подтверждается словами Исократы, говорящаго что

они были «соотечественники» или «соплеменники» людям, имѣвшимъ гражданскія права. Какимъ же образомъ произошелъ въ Аониахъ этотъ классъ людей свободныхъ, но потерявшихъ права? Точно такъ же, отвѣчаетъ г. Куторга, какъ въ Римской Имперіи, въ имперіи Карла Великаго и проч. принужденные искать безопасности и льготъ въ покровительствѣ людей сильныхъ, владѣльцы небольшихъ участковъ передавались погущественнымъ покровителямъ вмѣстѣ съ своею собственностью, отказываясь отъ званія самостоятельныхъ владѣльцевъ и теряя черезъ то гражданскія права.

Если мы примемъ это объясненіе, имѣющее за себя, по нашему мнѣнію, всю вѣроятность, то для насъ будутъ совершенно понятны слова Аристотеля и коренное значеніе важныхъ преобразованій, сдѣланныхъ Клизееномъ въ распредѣленіи государственныхъ отношеній въ древней Атикѣ, также и общій ходъ событій вызвавшихъ эти реформы.

Подчиняясь богатымъ землевладѣльцамъ, говоритъ г. Куторга, метеки надѣялись найти покровительство; но скоро покровители начали притѣснять ихъ, какъ это было и при распаденіи Римской Имперіи, по разсказу Сальвіана. Бѣдные дѣлаются еще бѣднѣе черезъ покровительство, прибавляетъ этотъ писатель, объяснивъ, какъ слабые землевладѣльцы передавались погущественнымъ: ихъ принимаютъ какъ людей непринадлежащихъ къ числу рабовъ, а владѣютъ ими какъ своею собственностью, такъ что вольные люди обращаются въ рабовъ. Такъ же точно и мелкіе алодіальные владѣльцы среднихъ вѣковъ, поступая въ число вассаловъ, мало по малу совершенно утрачивали личную свободу, превращались въ рабовъ, какъ часто ихъ и называли, несмотря на то, что, по закону они не были рабами. «Въ такомъ же положеніи были аонійскіе метеки. Они потеряли прежнія «права свои и стояли какъ бы въ срединѣ между свободными и рабами. Они были «свободными метеками по своему происхожденію, но рабами по положенію въ обществѣ. Этотъ классъ людей и разумѣетъ Аристотель подъ словомъ: рабы метеки». Но въ Атикѣ были кромѣ этихъ туземныхъ мстековъ другіе метеки—иноземцы, поселившіеся въ Аониахъ. Аристотель упоминаетъ и о нихъ. Потому слово метеки въ его фразѣ надобно понимать относящимся и къ слову «рабы» и къ слову «иноземцы». Клизеенъ далъ право гражданства метекамъ рабамъ и мстекамъ иноземцамъ.

Нѣтъ надобности говорить о важности этого объясненія, открывающаго указаніе на одинъ изъ основныхъ фактовъ внутренней исторіи Аонійскаго государства, и мы совершенно согласны съ мнѣніемъ г. Леонтьева, что изслѣдованіе г. Куторги приводитъ къ результату, имѣющему всю убѣдительность, возможную въ подобныхъ случаяхъ. Строгая логичность выводовъ и основательность толкованія древнихъ свидѣтельствъ въ этомъ разыскашн равно замѣчательны. Мы не можемъ раздѣлить мнѣній ученаго изслѣдователя только относительно одного пункта — основаній, по которымъ произошла неразрывная связь, существовавшая въ первобытной государственной формѣ между званіемъ гражданина, эвпатрида или патриція, и участіемъ въ общинной государственной собственности. Г. Куторга, относитъ возникновеніе общинной поземельной собственности, раздававшейся во владѣніе всѣмъ членамъ племени, къ земледѣльческому быту, который признаетъ порвобытнымъ: «нѣтъ «никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что первоначальное состояніе чловѣка было земледѣльческимъ, а рыбная ловля и охота занятіемъ второстепеннымъ и отчасти позднѣй-

«шмъ. Многіе писатели доказывали, что общество проходило разныя степени, что «человѣкъ сдѣлался прежде всего рыболовомъ и охотникомъ, познакомился потомъ съ скотоводствомъ, и только впоследствии времени узналъ хлѣбопашество. Этотъ систематическій переходъ неестественъ и совершенно противорѣчитъ свѣдѣніямъ о патриархальномъ бытѣ, приобретеннымъ въ позднѣйшее время» — напротивъ, овъ совершенно подтверждается ими, и совершенно естественъ: ненатурально человеческому обществу дичать, натурально ему цивилизоваться. Преданія всѣхъ народовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что прежде нежели узнали они земледѣліе и сдѣлались осѣдлыми, они бродили, существуя охотою и скотоводствомъ. Чтобы ограничиваться греческими преданіями и относящимися именно къ Аттікѣ, укажемъ на нѣчто Церерѣ и Триптолемѣ, котораго научила она земледѣлію—очевидно, что по воспоминаніямъ греческаго народа нищенское и грубое состояніе дикарей охотниковъ было первымъ, а съ благоденствіемъ осѣдлой земледѣльческой жизни познакомились люди уже впоследствии. Такія общія всѣмъ народамъ преданія совершенно подтверждаются для всего европейскаго отдѣла индоевропейскихъ племенъ изслѣдованіями Гримма, которые справедливо считаются безусловно вѣрными въ своихъ главныхъ выводахъ. То же самое примымъ образомъ доказываютъ положительные факты, записанные въ историческихъ памятникахъ: мы не знаемъ ни одного народа, который, ставъ разъ на степень земледѣльческаго, низпалъ потомъ въ состояніе одичалости, не знающей земледѣлія; напротивъ того, у многихъ изъ европейскихъ народовъ достовѣрная исторія записала почти съ самаго начала весь ходъ распространенія земледѣльческаго быта. Къ числу такихъ народовъ принадлежатъ германцы и отчасти славяне. Мы выставляемъ здѣсь наше несогласіе съ этимъ положеніемъ г. Куторги, между прочимъ, именно потому, что выводъ, изложенный нами, и не подлежащій сомнѣнію послѣ новѣйшихъ изслѣдовацій, гораздо сильнѣе подтверждаетъ его справедливый взглядъ на государственное значеніе поземельной собственности, нежели теорія, будто бы земледѣльскій бытъ есть первоначальное состояніе народа. Частная поземельная собственность была необходимымъ условіемъ государственныхъ правъ потому, что произошла изъ общинной собственности, которую пользовались всѣ лица, составлявшія племенное общество, и не пользовался никто, не принадлежащій къ этому обществу (роду, колѣну, племени); а общинная собственность — существенная принадлежность не земледѣльческаго, а бродячаго, пастушескаго или звѣроловческаго быта. У пастушескихъ народовъ, безпрестанно перекочовывающихъ съ мѣста на мѣсто, личная поземельная собственность недостаточна, стѣснительна и потому не нужна. У нихъ только община (племя, родъ, ора, улусъ, юрта) хранитъ границы своей области, которая остается въ нераздѣльномъ пользованіи у всѣхъ ея членовъ; отдѣльнымъ лицамъ не имѣютъ отдѣльной собственности. Совершенно не то въ земледѣльскомъ бытѣ, который дѣлаетъ необходимою личную поземельную собственность. Потому-то отъ кочеваго состоянія ведетъ начало связь земли съ племенными, и, впоследствии, съ государственными правами. Такимъ образомъ новѣйшія изысканія, доказывающія, что европейскіе народы сначала были звѣроловами и пастухами, и только въ позднѣйшія времена сдѣлались земледѣльцами, какъ нельзя лучше подтверждаютъ гениальныя открытія Нибура о племенномъ устройствѣ, принимаемыя г. Куторгою. Эти изысканія также совершенно подтверждаютъ другую основную мысль, принимаемую г. Куторгою — мысль объ одинаковости племеннаго устройства у всѣхъ

народовъ, проходящихъ первыя ступени историческаго развитія. Мы имѣли случай говорить о томъ, что значеніе исторической филологіи преувеличивается ся исключительными поклонниками; говорили даже, что тѣхъ же самыхъ выводовъ, какіе получены ею, можно было бы достигъ менѣе утомительнымъ путемъ — изученіемъ быта дикихъ и полудикихъ племенъ, существующихъ доселѣ. Но во всякомъ случаѣ выводы уже получены, и нѣтъ возможности сомнѣваться въ ихъ основательности. Потому нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Нибуръ жилъ въ настоящее время, то онъ воспользовался бы трудами Гримма, какъ драгоценнѣйшимъ пособіемъ для своихъ изысканій. Намъ кажется, что они дали бы прочную опору и понятіямъ о поземельной собственности, на которыхъ основывается у г. Куторги объясненіе Клісеевой реформы. Какъ бы то ни было, нельзя однако не повторить, что это объясненіе, сдѣланное съ замѣчательною проникательностію и несомнѣнною ученостію, должно быть считаемо однимъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ, какіе только появились въ послѣднее время для объясненія развитія гражданскихъ отношеній въ афинской исторіи.

Статья г. Грановскаго «Чтенія Нибура о древней Исторіи» подобно статьямъ г. Леонтьева о сочиненіи Грота представляетъ извлеченію, сопровождаемое критическими замѣчаніями о тѣхъ положеніяхъ автора, которыя кажутся несправедливыми излагателю. Г. Грановскій передаетъ мнѣніи великаго историка о главныхъ событіяхъ и дѣйствателяхъ греческой исторіи до конца пелопонезской войны; и мы не ошибемся, сказавъ, что эти статьи нашихъ ученыхъ принесутъ наиболѣе пользы читателямъ «Прописей» и будутъ почти всѣми считаемы лучшимъ украшеніемъ разсматриваемыхъ вами томовъ этого сборника. Такіе трактаты, какъ изслѣдованіе г. Куторги о законодательствѣ Клісеева или переведенное въ IV томѣ «Прописей» сочиненіе покойнаго Д. Л. Крюкова «О первоначальныхъ различіяхъ римскихъ патрицевъ и плобеевъ въ религіозномъ отношеніи» находятъ себѣ у насъ мало цѣнителей и остаются въ русской литературѣ одинокими явленіями, имѣющими болѣе внутренней значительности, чѣмъ вѣшняго значенія для читателей, за исключеніемъ, быть можетъ, десяти или двадцати человекъ. Напротивъ, сочиненія соединяющія ученую основательность съ подробнымъ изложеніемъ общеизвѣстнаго въ наукѣ, но представляющагося новымъ въ нашей литературѣ, если не прославить своихъ авторовъ, то будутъ истинно полезны. Мы не будемъ распространяться о достоинствахъ статьи г. Грановскаго, потому что въ этомъ случаѣ насъ предупредили отзывы всѣхъ рецензентовъ, разбиравшихъ третій томъ «Прописей» и займемся сочиненіемъ Крюкова, являющимся теперь въ русскомъ переводѣ.

Крюковъ не успѣлъ оставить послѣ себя много сочиненій; да и тѣ немногія, которыя окончены имъ, должны быть названы скорѣе отрывками (какъ, напр. статья о трагическомъ характерѣ исторіи Тацита, помѣщенная въ «Москвитинѣ»), или, какъ сочиненіе, переведенное теперь въ «Прописяхъ», опытами, которые были бы только предшественниками трудовъ болѣе обширныхъ и глубокихъ, если бы смерть не отняла такъ рано у науки замѣчательнаго пзслѣдователя, у русскаго ученаго сословія профессора, который въ немногіе годы сдѣлалъ такъ много для водворенія классической филологіи въ Россіи. Судьба Крюкова была подобна судьбѣ Липовскаго, Лунина, Прейса, которые умерли почти въ самомъ началѣ своей прекрасной и плодотворной дѣятельности, оставивъ по себѣ позас-

венную память во всѣхъ, знавшихъ по личнымъ сношеніямъ, какою колоссальною ученостью, глубокомысліемъ и страстною любовью къ своей наукѣ были одарены эти люди, отъ которыхъ могли мы ожидать столь многого, и которые ушли отъ насъ, не совершивъ и сотои части того, что совершили-бъ, если бы жизнь ихъ продлилась хотя двадцатью, хотя десятью годами. Скорбно чтимъ ны память этихъ равно угасшихъ дѣятелей науки, и съ печальнымъ благоговѣніемъ смотримъ на ихъ труды, которые такъ много общали въ будущемъ. Съ этимъ чувствомъ мы приступаемъ къ изложенію «Мыслей о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеовъ въ религіозномъ отношеніи» — не съ тою цѣлью, чтобы показывать, по чему идеи Крюкова объ этомъ предметѣ не утвердились въ наукѣ, а единственно въ намѣреніи познакомить съ глубокомысліемъ и ученостью покойнаго изслѣдователя тѣхъ читателей, которые не захотятъ слѣдовать за авторомъ въ лабиринтъ спеціальныхъ изысканій и подробностей, изъ котораго взвлекаетъ онъ свои мысли. Мы не хотимъ анализировать мысли Крюкова съ критической точки зрѣнія — это уже давно сдѣлано для специалистовъ первоклассными нѣмецкими учеными, удостоившими большого вниманія трудъ, изданный для нихъ, а считаемъ своею обязанностью распространить ближайшее знакомство съ изслѣдованіемъ Крюкова и его достоинствами.

Тотъ самый процессъ постепенной раздачи гражданскихъ правъ классу населенія, первоначально лишенному ихъ, какой видимъ въ аспіекой исторіи, составляетъ существенное содержаніе и внутренней исторіи римскаго государства, въ источникахъ которой записанъ онъ гораздо полнѣе и яснѣе. Но всѣ лѣтописцы и историки, отрывки которыхъ дошли до насъ, принадлежатъ уже тому времени, когда первый періодъ борьбы между патриціями и плебеями окончился, и различіе между этими двумя первобытными классами римскаго населенія относительно гражданскихъ правъ исчезло. Потому они въ своихъ извѣстіяхъ довольно часто смѣшиваютъ понятія, относящіеся къ различнымъ эпохамъ, и истинныя черты различія между плебеями и патриціями при возникновеніи римскаго государства могутъ быть восстановлены только при пособіи критики. Обыкновенно думаютъ, со временъ Нибура, существенное различіе между патриціями и плебеями состояло въ государственныхъ правахъ. Побѣдители (патриціи) не могли слиться съ побѣжденными тотчасъ же послѣ побѣды надъ ними, не приняли ихъ въ свои колѣна и роды (*cursu* и *gens*) и не дали имъ никакого участія въ государственномъ управленіи, принадлежавшемъ исключительно членамъ господствующаго племени, входившимъ въ составъ патриційскихъ колѣнъ и родовъ. Изъ этого основнаго различія проистекало и религіозное различіе: поклоненіе извѣстнымъ богамъ, покровителямъ государства, принадлежало исключительно господствующему племени, потому что эти боги были боги владычествующаго племени, чуждые покоренному населенію. Потомъ, когда сблизились побѣжденные съ побѣдителями въ политическихъ правахъ, когда государственныя права стали принадлежать всѣмъ свободнымъ туземцамъ города Рима, и поклоненіе государственнымъ богамъ сдѣлалось общимъ для всѣхъ, участвовавшихъ въ государственныхъ правахъ.

Крюковъ, напротивъ того, различіе между патриціями и плебеями основывалъ преимущественно на религіозномъ ихъ единствѣ, и считалъ остальные государственныя права ихъ уже второстепеннымъ слѣдствіемъ участія въ общей патриційской религіи. Этимъ однако еще не вполне опредѣляется отношеніе его понятій къ

обыкновенному воззрѣнію на первобытное различіе между патриціями и плебеями. Обыкновенно думаютъ, что только между патриціями существовало религіозное единство, происходившее отъ общаго поклоненія государственными богамъ (богамъ первоначальныхъ патриційскихъ племенъ); между тѣмъ, какъ плебеи, сведенные въ Римъ изъ различныхъ племенъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, не имѣли и общаго религіознаго поклоненія, пока не приобрѣли религіознаго единства черезъ приобретеніе участія въ государственной религіи. Напротивъ, по мнѣнію Крюкова, вмѣстѣ съ общей патриціанскою религіею первоначально существовала въ Римѣ и общая плебейская религія, и только впослѣдствіи патриціанская религія сначала подавила ее на нѣкоторое время, потомъ слилась съ нею. Изъ самаго изложенія этихъ понятій въ наслѣдованіи Крюкова мы увидимъ, на какихъ предположеніяхъ они основаны, увидимъ также и степень ихъ убѣдительности; но съ тѣмъ вмѣстѣ убѣдимся, какимъ глубокимъ знакомствомъ съ классическою древностью обладалъ покойный нашъ ученый, столь рано отнятый смертью у русской филологіи, какъ самостоятельны были его изысканія въ древнихъ писателяхъ, и какою замѣчательною силою мысли былъ онъ одаренъ.

«Римскіе патриціи говорятъ о себѣ, уже при первыхъ зачаткахъ Рима, какъ о племени издревле осѣдломъ и живущемъ въ пламенномъ или родовомъ быту — начинается онъ свое изслѣдованіе. — Они ставятъ себя такимъ образомъ въ противоположность плебеямъ, чуждымъ всякихъ родовыхъ связей»; — то есть, не имѣвшимъ общаго племеннаго единства. Отчасти эта разрозненность происходила отъ разноплеменности; но даже и племенные отношенія тѣхъ плебеевъ, которые до покоренія патриціями или до прихода своего въ Римъ (если предположить, что были также плебеи, поселившіеся въ Римѣ добровольно, — предположеніе сомнительное) были въ племенномъ родствѣ между собою и имѣли родовой бытъ, не были признаваемы государствомъ, состоявшимъ первоначально изъ однихъ патриціевъ. «Но — продолжаетъ Крюковъ — органическое единство, которое усваивается патриціанъ, могло принадлежать имъ только въ духовномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ однокровности, потому что и патриційское общество произошло посредствоиъ разнородныхъ переселеній въ Римъ. Многіе роды патриціевъ были, очевидно, чуждаго происхожденія. Потому они были связаны между собою только нравственными узами; по всей вѣроятности, религіозное родство соединяло ихъ». Объ этомъ можно заключить изъ способа принятія въ патриціанскую общину. Оно совершалось посредствоиъ кооптаціи; «но такъ какъ этотъ актъ былъ въ употребленіи при принятіи въ какую бы то ни было жреческую общину, то отсюда мы безъ сомнѣнія въ правѣ предполагать совершенное единство религіи». Такимъ образомъ патриціи отличались отъ плебеевъ религіею. Доказательствомъ тому служитъ первобытное воспрещеніе брачныхъ связей между патриціями и плебеями. Древніе писатели говорятъ, что позднѣйшая римская религія произошла черезъ сліяніе двухъ различныхъ религій, изъ которыхъ одна чтитъ боговъ подъ символическими изображеніями, другая имѣла идоловъ. Первоначально римляне, по единогласному свидѣтельству Варрона, Плинія, Плутарха, Тертуліана, не знали идоловъ, служеніе которымъ явилось, по словамъ Варрона, изъ Этруріи, во время Тарквинія старшаго. Но эти извѣстія, по мнѣнію Крюкова, не совершенно точны въ томъ отношеніи, что вѣщаютъ символическую религію единственною древнѣйшею, а введеніе изображеній боговъ приписываютъ позднѣйшимъ временамъ. Этрусскій элементъ существовалъ въ Римѣ еще до Тарк-

винія; потому, считая символическую религію принадлежащую латинамъ, а поклоненіе изображеніямъ боговъ—этрусканъ, надобно допустить, что обѣ различныя религіи существовали въ Римѣ одновременно. Слѣды противоположности этихъ элементовъ сохранились и въ позднѣйшемъ римскомъ богослуженіи, которое образовалось изъ ихъ сліянія. «Если мы спросимъ, въ какомъ же отношеніи находились они первоначально къ двумъ различнымъ частямъ римскаго народа, патриціямъ и плебеямъ, мы невольно должны предположить, что первоначальныя различія религіи могли совершенно совпадать съ различіями самаго народа». Потомъ Крюковъ доказываетъ, что патриціи оставались чужды всякой этрусской примѣси, а въ плебейхъ былъ силенъ этрусскій элементъ. После того становится для него очевиднымъ, что происшедшая изъ Лаціума символическая религія была патриціанскою, а этрусская религія, имѣвшая изображенія боговъ, принадлежала плебеямъ. Нѣтъ надобности говорить, что это мнѣніе основано на предположеніяхъ, которымъ противятся самые основные факты римской первобытной исторіи. Если—съ чѣмъ соглашается намъ Крюковъ, плебеи были разноплеменнаго происхожденія, то у нихъ не могло быть общей религіи, пока они, имѣя съ другими гражданскими правами, не получили и права считать государственной религіи (принадлежавшей прежде, какъ и всѣ другія государственныя учрежденія, однимъ патриціямъ) своею религіею. И такъ, первоначальное религіозное различіе между патриціями и плебеями состояло не въ томъ, что одни имѣли одну, другіе другую религію, а въ томъ, что патриціи имѣли богослуженіе, признанное государственнымъ, а плебеи не имѣли въ немъ участія. Точно также мы знаемъ, что это различіе было только однимъ изъ слѣдствій совершеннаго отчужденія плебеевъ отъ всѣхъ государственныхъ правъ; и это отчужденіе основывалось на томъ, что патриціи имѣли свое родовое и племенное устройство, а плебеи не были приняты въ составъ ихъ родовъ и колѣнъ или курій. Что же касается вопроса о патриціяхъ, переселившихся въ Римъ изъ другихъ племенъ, то они именно черезъ то и стали патриціями, что были приняты въ составъ патриційскихъ племенъ посредствомъ кооптаціи — учрежденія, дававшего вообще участіе въ правахъ племени, а не исключительно только въ богослуженіи. Что патриціи были въ сколько не чужды этрусскому влиянію, доказываются множественныя государственныя учрежденія, существовавшихъ въ Римѣ тогда, когда еще одни только патриціи составляли государство. Такъ, напримѣръ, самъ Крюковъ говоритъ, что устройство войска у Римлянъ было чисто этруское. Точно такъ же нельзя противопоставлять плебеевъ, какъ этрусковъ, патриціямъ, какъ латинамъ, потому что въ плебейхъ, какъ и въ патриціяхъ, преобладалъ латинскій элементъ, съ чѣмъ согласенъ и Крюковъ. Вообще, Крюковъ не успѣлъ своихъ изслѣдовашемъ доказать понятій, ни принимаемыхъ. Остается несомнѣннымъ, что различныя системы языческаго богослуженія—одна, не имѣющая статуй и почитающая боговъ подъ видомъ разныхъ символовъ или фетишей — оружія, камней и т. п., другая, имѣющая статуи, принадлежать различнымъ степенямъ развитія; сначала возникаетъ фетишизмъ, потомъ, съ возвышеніемъ образованности, фетиши вытѣсняются статуями. Римскіе писатели свидѣтельствуютъ, что и въ Римѣ было точно то же, и что два различныя поклоненія, о которыхъ говоритъ Крюковъ, явились не въ одно время, а сначала служеніе символамъ (фетишамъ), потомъ статуямъ. Крюковъ самъ, кажется, чувствовалъ, что его доводы, опровергающіе этотъ фактъ, не вполне убѣдительны. По крайней мѣрѣ онъ заключаетъ свое изслѣдованіе сло-

вамп: «Если еще остается нѣкоторое сомнѣніе (въ томъ, что символическое служеніе принадлежало патриціямъ, а этрусское плебеямъ), то оно рѣшительно уничтожится при разематриваніи первоначальнаго отношенія плебеевъ къ патриціямъ и царя (Рех) къ обоимъ. Это будетъ предметомъ особеннаго разсужденія, въ которомъ мы попытаемся также представить исторію борьбы и взаимнаго слиянія обѣихъ религій». Но издать это обѣщанное дополненіе не суждено было Крюкову, и его мысли остались недосказанными. Потому-то было бѣ и несправедливо слишкомъ долго останавливаться на возраженіяхъ имъ. Но по крайней мѣрѣ одно успѣлъ доказать Крюковъ своимъ изслѣдованіемъ: то, что у него былъ богатый запасъ классической учености и сила мысли, могшая обнимать тысячи запутанныхъ, противорѣчащихъ другъ другу фактовъ, и въ строгой системѣ подводить ихъ подъ общую точку зрѣнія.

Затѣмъ должны мы говорить о прекрасной третьей статьѣ г. Кудрявцева: «Римскія женщины по Тациту. Агриппина младшая и Пoppея Сабина». Мастерской, можно сказать краснорѣчивый, разсказъ, сила и вѣрность въ обрисовкѣ характеровъ дѣлають эту статью вполне достойной двухъ предыдущихъ. Мы желали бы выписать нѣсколько страницъ изъ художественнаго разсказа г. Кудрявцева—потому что это было бы единственнымъ средствомъ познакомить съ достоинствами его тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не имѣли еще случая прочесть самой статьи—но этимъ нарушалась бы строгая связь развитія драмы, которую пересказываетъ намъ авторъ, слѣдуя своему великому руководителю, и мы сважомъ только, что немногіе романы имѣють такую завлекательность, какъ исторіи Агриппины и ея соперницы, и что г. Кудрявцевъ умѣлъ и понять и изобразить эту кровавую исторію съ искусствомъ истиннаго художника.

Интересна и статья г. Бабста: «Антоній и Клеопатра»; лучшими ея страницами показались намъ тѣ, въ которыхъ разсказывается обаятельное вліяніе Клеопатры на любовника, котораго довела она до гибели и котораго такъ беззастѣливо хотѣла покинуть, чтобы броситься въ объятія Октівіана. Быть можетъ, нѣкоторые читатели съ удивленіемъ услышатъ, что Клеопатра, которую привыкли по преданію считать идеаломъ красоты, была очаровательна не красотой, а умомъ и пысканійшимъ кокетствомъ: «Мы имѣемъ положительныя извѣстія—говоритъ г. Бабст—что она была не хороша собою. Но ея вкрадчивыя рѣчи, ея страстный взоръ, оболѣстительная игра глазъ, неподражаемая грація въ каждомъ движеніи очаровывали всѣхъ невольно. Она обладала необыкновеннымъ даромъ поддерживать страсть всѣми средствами, какія имѣють въ рукахъ ловкая, умная и кокетливая женщина».

Просматривая статьи, помѣщенные въ третьемъ и четвертомъ томахъ прекраснаго изданія г. Леонтьева, мы обращали наибольшее вниманіе на тѣ сочиненія, которыя содержатъ въ себѣ новыя и самостоятельныя рѣшенія важныхъ спорныхъ вопросовъ древней исторіи; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы ниже ихъ цѣнили другія статьи, задача которыхъ состоитъ въ изложеніи на русскомъ языкѣ того, что будучи уже хорошо извѣстно специалистамъ, можетъ быть еще не вполне знакомо многимъ изъ русскихъ читателей. Таково положеніе критики, что она можетъ распространяться только о томъ, что представляетъ какія нибудь стороны, требующія объясненій или замѣчаній; о ясномъ и несомнѣнномъ въ наукѣ, она говоритъ только: «это совершенно справедливо и хорошо изложено». Но если мы

по находили удобнымъ останавливаться въ отдѣльности надъ каждою изъ статей, имѣющихъ цѣлью распространеніе въ русскихъ читателяхъ знакомства съ исторіею и бытомъ древняго міра, то вообще мы должны сказать, что именно на этихъ-то статьяхъ и основано то высокое значеніе, какое имѣютъ «Пропилеи» въ русской литературѣ. Желаемъ видѣть въ пятомъ томѣ, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, столько же такихъ статей, сколько было ихъ въ третьемъ томѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотекѣ за 1854 годъ. СП.-бургъ. 1855.

Просвѣщенная и неутомимая заботливость нынѣшняго начальства Императорской Публичной библіотеки, съ одной стороны объ увеличеніи драгоцѣннаго умственаго капитала, въ ней хранящагося, и о приведеніи въ извѣстность этихъ богатствъ, съ другой стороны о доставленіи публикѣ всевозможныхъ удобствъ пользоваться ими, принося огромную пользу и Библіотекѣ и публикѣ, сообщаетъ важность и ежегоднымъ отчетамъ Библіотеки, изъ которыхъ въ каждомъ заключается много извѣстій о приобрѣтеніяхъ этого важнѣйшаго архива науки въ Россіи и новыхъ мѣрахъ къ усовершенствованію его устройства. Перечисляемъ главнѣйшіе изъ фактовъ, представляемыхъ отчетомъ библіотеки за истекшій годъ.

Важность такого учрежденія, какъ Императорская Публичная Библіотека, дѣлаетъ необходимымъ собраніе матеріаловъ для его исторіи. Потому въ прошедшемъ году соединены въ одну коллекцію всѣ сочиненія, изданныя Библіотекою или касающіяся ея исторіи. Двѣ другія коллекціи составлены: 1) изъ книгъ гражданской печати при Петрѣ Великомъ и 2) газетъ, выходившихъ въ его царствованіе. Первая коллекція состоитъ изъ 111 номеровъ, въ числѣ которыхъ находится «Геометрія славенскіи вемлемѣріе івдадеса новотшгографскіи тѣсеніемъ» конченная печатаніемъ. «Въ лѣто нировданія 7216. Отъ Рожества же Бога слова 1708. Індікта перваго, мѣсяца Марта» — первая, какъ теперь открывается, книга гражданской печати, потому что «Пріклады како пішутся комплементы разные на нѣмецкомъ языкѣ», считавшіеся доселѣ первою гражданскою книгою, кончены печатаніемъ только «мѣсяца Априліа» того же года. Газеты царствованія Петра Великаго есть въ Библіотекѣ за всѣ годы, но совершенно полны экземпляры ихъ, по особенному счастью, имено только за самыя рѣдкіе годы ихъ изданія, 1703—1706. По 1710 годъ онѣ печатались церковнымъ шрифтомъ; первый изъ находящихся въ Библіотекѣ номеровъ гражданской печати — 8 февраля 1710 года. Первые годы газетъ (до 1711 года) печатаны въ Москвѣ; первый, сколько извѣстно, номеръ, вышедшій въ Петербургѣ, — 11 мая 1711 года. Рядомъ съ Петровскими газетами и книгами выставлена карта той же эпохи: «Размѣрная карта часті в начале Балтискаго моря начинающаяся отъ Броклома, даже до Стрелны, идѣ же Ост Оинскіи и отъ Парны дажо до Шлотбурга». — Это лучшая изъ тогдашнихъ картъ.

Кромѣ того, по окончательномъ разборѣ книгъ и рукописей поступившаго

въ Библіотеку Древлехранилища г. Погодина, всѣ онѣ отличены надписями на переплетахъ. Наконецъ съ 1854 заведена, по Высочайшей волѣ, особенная книга для записыванія приношеній Библіотекъ.

Въ числѣ приобрѣтеній Библіотеки, кромѣ изданій присланныхъ Правительственными мѣстами, заграничными учеными учрежденіями и поступившихъ по правилу ценсурнаго устава, особенно важны пожертвованія частныхъ лицъ; возрастающая цифра ихъ свидѣлствуетъ о томъ, что сочувствіе къ Публичной Библіотекѣ продолжаетъ усиливаться въ обществѣ. Въ 1853 было пожертвовано 115 лицами 2230 томовъ, а въ 1854 году 138 лицами 5059 томовъ. Особенно значительны были въ прошедшемъ году приношенія гг. Аделунга (1495 томовъ), Греча, Малышевича, Бунге, Добровича, Погодина, Прянишникова, Беккера, Деми, Геннады, Булича, Полѣнова, кн. Одоевскаго. Въ числѣ пожертвованныхъ книгъ очень многія принадлежать къ числу драгоцѣннѣйшихъ библиографическихъ рѣдкостей.

Покупки книгъ на иностранныхъ языкахъ были также многочисленны; наиболѣе обогатились ими въ прошедшемъ году отдѣленіе, посвященное изученію Россіи и отдѣленіе математико-естовонное. Изъ числа чрезвычайно рѣдкихъ купленныхъ книгъ замѣтимъ «Краткую Исторію Москвы», *Brief History of Moscovia*, Мильтона (Лондонъ, 1628 года). Кромѣ того Библіотека занималась составленіемъ самой полнѣйшей коллекціи всего, печатаемаго въ Европѣ и въ Америкѣ относительно нынѣшней войны.

Изъ рукописей, поступившихъ въ Библіотеку, важнѣйшія: 1) великолѣпное Евангеліе на греческомъ языкѣ, XII вѣка (пожертвовано г. Титовымъ); 2) Минея праздничная (на славянскомъ языкѣ) XIV вѣка (пожертвована г. Палазовымъ); 3) Описаніе въ лицахъ бракосочетанія цара Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Лукьяновною Стрешневою, современная рукопись, очень любопытная по своимъ рисункамъ; 4) Мемуары шведскаго генерала графа Спренгсपोर्टена, имѣющіе важность для исторіи шведскихъ войнъ; 5) Собственноручный дневникъ (на франц. языкѣ) Л. И. Голенищева-Кутузова за годы 1806—1820, 1823—1828 и 1831—1843, всего 34 книжки, которыя нѣкогда будутъ очень любопытнымъ матеріаломъ для исторіи нашего времени. Общая цифра приобрѣтеній Библіотеки въ 1854 году была: печатныхъ книгъ 13,816 томовъ (изъ того числа 5509 пожертвованы и 5420 куплены); географическихъ картъ 93, гравюръ 525, музыкальныхъ пьесъ 422, рукописей и автографовъ 162 и проч.

Многотрудное и громадное дѣло составленія каталоговъ Библіотеки продолжается съ быстротою, какая только возможна при подобной работѣ, необходимо требующей годовъ; всего въ теченіе четырехъ предшествовавшихъ лѣтъ, со времени утвержденія правилъ, составлены каталоги 253,000 томовъ. По многимъ важнымъ частямъ каталоги уже окончены, и между прочимъ, каталоги: 1) Альдинскихъ изданій, коллекція которыхъ очень богата рѣдкостями; 2) два каталога дублетовъ, назначенныхъ въ продажу; 3) коллекціи замѣчательныхъ переплетовъ (эти три каталога составлены библіотекаремъ г. Минцлафомъ); 4) алфавитные каталоги иноязычныхъ сочиненій о Россіи, коллекція которыхъ въ библіотекѣ чрезвычайно богата.

Въ прошедшемъ году библіотека издала новое тисненіе Вѣдомостей 1703 года, о которомъ «Современникъ» уже говорилъ подробно (1855, № III, Библи-

ографш); это издаше было подаркомъ Московскому Университету въ день его юбилей.

Число посѣтителей Библіотеки въ 1854 году] было 20,645 (въ 1853 — 17,897). Въ чтеніе истребовано книгъ: на русскомъ языкѣ 24,137; на иностранныхъ языкахъ 10,338 томовъ; всего 34,475 (въ 1853 г. 32,345)—такое приращеніе свидѣтельствуетъ, по замѣчанію Отчета, о томъ, что занятія въ Библиотекѣ съ каждымъ годомъ становятся обширнѣе и Библіотека приносить болѣе пользы, главною причиною чего, прибавимъ мы, надобно считать удобства, которыя находятъ для своихъ занятій посѣтители Библіотеки.

О древне-русскихъ училищахъ. Разсужденіе *Н. Лавровскаго*. Харьковъ. 1854.

Не скроемъ отъ читателя, что мы взяли за эту книгу съ великими опасеніями. Мы ожидали, что по примѣру другихъ болѣе или менѣе ученыхъ изыскателей, трактовавшихъ въ послѣднее время о просвѣщеніи въ древней Руси, авторъ будетъ доказывать, что при Владимірѣ Мономахѣ или Іоаннѣ Калитѣ существовали на Руси учебныя учрежденія, подобныя нынѣшнимъ гимназіямъ, лицеемъ, университетамъ; что у насъ процвѣтало въ XI—XIII вѣкахъ изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, не говоря уже о латинскомъ и греческомъ: что у насъ ученымъ образомъ преподавалось тогда римское право, какъ въ Болоньи, медицина какъ въ Салерно, даже, по всей вѣроятности, органическая химія по системѣ Либиха и электромагнетизмъ по поспитіямъ Фареде и Араго. Къ счастью, ничего подобнаго авторъ не утверждаетъ. Здравый смыслъ спасъ его отъ поразительныхъ открытій, которыми столько разъ удивляли насъ въ послѣднее время. Но, къ несчастію, авторъ не могъ найти рѣшительно никакихъ опредѣленныхъ извѣстій о предметѣ, который долженъ былъ составить содержаніе его книги. Потому его книга осталась совершенно безъ всякаго содержанія. Въ ней говорится объ училищахъ, но говорится о нихъ—ровно ничего, потому что ровно ничего нельзя сказать о нихъ. Впрочемъ, ни нашей радости, ни нашего сожалѣнія не должно понимать въ безусловномъ смыслѣ. Мы радуемся скромности выводовъ только потому, что ожидали найти гораздо больше и гораздо большихъ преувеличеній, а не потому, чтобъ авторъ былъ совершенно чистъ отъ желанія преувеличить. Не должно также думать, чтобъ источники не доставили автору ни одного указанія объ училищахъ—онъ не преминулъ привести извѣстное мѣсто изъ лѣтописи, что Ярославъ въ Новгородѣ «собра отъ старость и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ»—и такъ, мы жатѣмъ не о томъ, что автору не попалось рѣшительно ни одного факта, а только о томъ, что этотъ единственный фактъ его книги былъ уже болѣе 300,000 разъ приведенъ въ другихъ книгахъ и потому лишился своей свѣжести и завлекательности. Намъ кажется, что о предметѣ, столь богатомъ, можно было написать развѣ три строки: «Ярославъ, по словамъ лѣтописи, собралъ и т. д.; нѣтъ сомнѣнія, что и послѣ на Руси были люди, умѣвшіе читать и писать; потому несомнѣнно, что на Руси учили читать и писать; а болѣе объ этомъ ничего не извѣстно». Но авторъ нашелъ средство написать около двухъ-сотъ страницъ. Интересно будетъ читателямъ узнать, какимъ образомъ. Вотъ какимъ. Все, что

ему вздумается, онъ выясываетъ изъ 'лѣтописей и другихъ памѣтниковъ русской литературы, и во всемъ открываетъ признаки великаго факта, что нѣкоторые люди на Руси знали грамотѣ, открываетъ произвольно толкуя всѣ мѣста въ жола-скомъ смыслѣ. Главнѣйшее средство для этого даюгъ глаголь «учити», который значилъ не только учить, но также поучать, назидать. Всѣ мѣста, свидѣтельствующи, что пастыри церкви назидали свою паству въ благочестіи и благонравіи, перетолковываетъ онъ въ томъ смыслѣ, что они заводили училища и были наставниками въ качествѣ школьных учителей, а не въ томъ качествѣ, какъ повсюду и всегда каждый священникъ назывался наставникомъ своей паствы. Между тѣмъ во всѣхъ случаяхъ очевидно, что говорится не о школьномъ ученіи дѣтей, а о благочестивомъ вазиданіи взрослыхъ. Но остается нѣсколько нѣстъ, говорящихъ дѣйствительно объ ученіи грамотѣ, и надобно видѣть, какъ пользуется ими авторъ. Такъ, напримѣръ, въ «Степенныхъ книгахъ» говорится, что митрополитъ Михаилъ совѣтовалъ «давать каждому ученику урокъ по его силамъ» — ясно, что эти слова (показываютъ если только они дѣйствительно принадлежать Михаилу, а не составляютъ позднѣйшую вставку), что дѣло идетъ не о правильныхъ школахъ, гдѣ много учениковъ и невозможно проходить съ каждымъ особенный курсъ, а о томъ домашнемъ обученіи, когда учитель занимается съ двумя или тремя учениками, изъ которыхъ каждому задаютъ особые уроки. Но г. Лавровскій, основываясь на этихъ словахъ, готовъ предполагать, что ученики дѣлились на отдѣлы по успѣхамъ, что въ нашихъ старинныхъ школахъ было раздѣленіе по классамъ, между тѣмъ какъ даже неизвѣстно, существовали ли школы, или дѣло ограничивалось только домашнимъ обученіемъ, что и гораздо вѣроятнѣе. Мало того, онъ даже утверждаетъ, будто бы у насъ были школы, въ которыхъ содержались воспитанники; онъ даже полагаетъ, что у насъ учили въ школахъ грамматикѣ! На чемъ все это основано? Рѣшительно ни на чемъ. Такъ вздумалось предположить автору. Подобнымъ-то способомъ пишутся большіе ученые трактаты о предметахъ, о которыхъ нельзя сказать двухъ словъ.

О времени происхожденія славянскихъ письменъ. Сочиненіе *О. Бодянского*.
Москва. 1855.

Было время, когда первымъ вопросомъ въ наукѣ былъ вопросъ о пользѣ ея. Польза такой-то и такой-то науки была темою ученическихъ сочиненій, рѣчей на публичныхъ актахъ и т. д. Не доказавъ практической пользы своей науки для каждаго человѣка вообще и для такого-то и такого-то въ частности, почти ни одинъ ученый не принимался за оя изложеніе. Затѣмъ была пора противоположнаго направленія. Наука не захотѣла признавать никакой практической пользы и поставила себѣ цѣлю самое себя—знаніе. Та и другая пора равно были плодотворны для науки: одна возбудила довѣріе къ наукѣ въ людяхъ, въ которыхъ еще не родилась безотчетная жажда знанія и которые потону мѣрили каждое знаніе мѣркой практической удобопримѣнимости; другая, освободивъ науку отъ внѣшнихъ цѣлей, дала ей свободное развитіе, самостоятельность и достоинство. Съ какой щепетильностью писатели первой эпохи старались отыскивать пользу такихъ знаній, въ полезности которыхъ никто не могъ сомнѣваться! Съ какимъ увлече-

нием писатели второй эпохи защищали самостоятельность науки, замкнутость ее самой въ себя, въ магическомъ кругѣ знанія! Еще Карамзинъ, принимаясь за русскую исторію, нашелъ нужнымъ отыскивать въ ней пользу и удовольствіе, противъ чего такъ сильно возставалъ Полевой. Для насъ все это литературныя воспоминанія. Мы не принадлежимъ ни къ той, ни къ другой эпохѣ и потому не можемъ придерживаться ни того, ни другаго мнѣнія въ ихъ исключительности. Для насъ наука самостоятельна, какъ дѣло потребности ума человѣческаго, естественной потребности знанія; но для насъ наука и не заключена также въ недоступномъ святилищѣ, а какъ органъ общаго развитія, существуетъ для жизни, въ то же время не теряя своей самостоятельности, какъ всякой органъ въ жизни организма. Такъ искусство, будучи свободнымъ творчествомъ, есть въ то же время источникъ знанія и обнаруживаетъ нравственное вліяніе сильнѣе всякой морали. Съ этой точки зрѣнія мы уже должны заботиться не о томъ, чтобы уединить науку и какъ бы не подчинить ее внѣшнимъ цѣлямъ, а о томъ, чтобы сдѣлать ее плодотворною для жизни и освободить отъ предметовъ педантической мелочности и празднаго любопытства. Только одинъ случай можетъ быть отсюда исключеніемъ—когда предметъ знанія имѣетъ отношеніе къ національному чувству. Этимъ объясняемъ мы обширное, многотрудное сочиненіе г. Бодянского, имѣющее только одну цѣль—доказать, что славянская азбука изобрѣтена не въ 855 году, какъ прежде думали, а въ 862 году. Собственно говоря, отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ только одно—будемъ ли мы праздновать тысячелѣтіе славянской азбукѣ въ нѣвѣшнемъ году, или черезъ семьнадцать лѣтъ. Но съ другой стороны мы вполне понимаемъ, что вопросъ этотъ можетъ занять ученаго, съ жаромъ преданнаго славяно-русской филологіи, и что онъ можетъ имѣть интересъ (хотя все-таки интересъ одного любопытства) для всѣхъ славянскихъ племенъ, употребляющихъ кирилловскія письма. Заклучая свои изслѣдованія, г. Бодянскій предается размышленію о значенія 862 года въ судьбахъ славянскаго племени:

«Знаменателенъ этотъ 862-й годъ въ судьбахъ славянскаго племени! Въ вѣкъ сложения въ самостоятельныя государства отдѣльныхъ частей изъ сплоченныхъ-было сильной рукой Карла Великаго и его предшественниковъ въ одну монархію, когда начинаютъ предъявлять права свои на самобытную жизнь разныя племена и народности западной Европы, восточная ее половина тоже пробуждается отъ долговременнаго сна и глазамъ нашимъ представляетъ подобное же явленіе. Славяне, до сихъ поръ, такъ сказать, затерты, или по крайности закрыты чужой тѣнью, являются на позорище и совокупляются около нѣсколькихъ горнякъ, пытаются около нихъ образовать нѣсколько везависимыхъ цѣлыхъ, соединенныхъ однородностью и общими выгодами, преимущественно вѣроисповѣдо-племовными, такъ какъ религія и родъ въ ту пору я долго, долго послѣ того были главнымъ двигателемъ большей части событій, условливавшихъ жизнь в смерть вародевъ на цѣлые вѣка, даже в вывѣ отзывающихся во многомъ у того, или другаго народа. Съ одной стороны, понимая важность богослуженія на родномъ языкѣ для жизни составившихъ славянское государство его поколѣній Ростиславъ отправляетъ въ 862 году посольство къ царю в церкви, въ высшей степени благопріятствующихъ самобытному развитію всякой народности, и получаетъ оттуда учителей в устроителей везависимой іерархіи и самостоятельнаго образованія, принесшихъ съ собой самыя знаки, какъ орудіе для проявленія духовнаго совершенствованія, вскорѣ сообщившіеся и тѣмъ и другимъ, и гдѣ они съ языкомъ уцѣлѣли, тамъ в народность уцѣлѣла употреблявшихъ ихъ даже подъ чужимъ жезломъ. Съ другой стороны около того же и въ томъ же году государь изъ племени покорителей славянъ мвайскихъ принимаетъ крещеніе, а съ нимъ в письма эти, собственно я ориспосо-

бленинъ рѣчи его народа, и тѣмъ окончательныя наносить ударъ господствующему народу, заставляя съ арнятіемъ вѣроисповѣданія перелиться въ народъ покоренный; а на славянскомъ сѣверѣ ближайшіе по происхожденію въ вѣтви южныя славянамъ славяне ильменскіе, наскучивъ усобицами вѣе видя имъ коипа, прииваютъ въ-за моря въ владыку для народа, чѣмъ полагаютъ краугольный камень тому государству, которое твердостью и прочностью своею оставило позади себя всѣ одноплеменнымъ ему и которое всѣхъ яхъ лучше воспользовалось цареградскимъ наображеніемъ».

И насъ этотъ 862-й годъ наводитъ на размышленія. Въ одно и то же время славяне южныя отправляютъ пословъ въ Грецію просить себѣ учителей и вѣры, а славяне сѣверныя посылаютъ за море просить себѣ князя. Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, а характеръ 862 года не измѣнился. Только языкъ, богатый, могучій, сильный языкъ—свидѣтель самобытнаго существованія и залогъ будущаго развитія мысли.

Сочиненія г. Бодянскаго, есть трудъ въ высшей степени добросовѣстный и образцовый по обстоятельности и полнотѣ изслѣдованія заданнаго имъ себѣ вопроса. Сначала онъ разсматриваетъ источники и показанія ихъ объ изобрѣтеніи славянской азбуки, потомъ излагаетъ исторію вопроса, т. е. мнѣнія ученыхъ объ этомъ предметѣ, наконецъ, дѣлаетъ свое собственное заключеніе. Къ книгѣ приложены особо (въ листъ) снимки старинныхъ шрифтовъ съ тѣхъ сочиненій, которыя служили ему источниками.

О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа. Сочиненіе Н. Благо- вищенскаго.

Г. Благовищенскій съ большимъ тактомъ изъбираетъ всегда предметами своихъ сочиненій очень интересныя и съ тѣмъ вмѣстѣ малоизвѣстныя у насъ вопросы изъ исторіи римской литературы. Этими удачными выборомъ отличаются его разсужденія о римскихъ атолланахъ, о римскихъ пантомимахъ, о началѣ римской комедіи, о судьбахъ римской трагедіи. Нельзя не прибавить, что изложеніе у него бываетъ такъ же интересно, какъ и самый предметъ; потому его сочиненія съ ученымъ достоинствомъ соединяютъ и чисто литературное. Новое его разсужденіе вмѣстѣ самый живой интересъ, излагая исторію явленій, совершенно подобныхъ которымъ мы зачѣаемъ и въ нашей литературѣ, и въ ясномъ примѣрѣ представляя, каково значеніе и каковъ будетъ конецъ тѣмъ литературнымъ претіямъ, которыя часто занимаютъ нашихъ современниковъ, и которыя почти въ такомъ же видѣ (только о другихъ именахъ) происходили и въ Римѣ. Изученіе классической древности—говорить онъ—интересно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что она представляетъ намъ собою міръ отжившій, замкнутый, въ которомъ мы можемъ прослѣдить каждое событіе, каждое явленіе отъ начала его до конца. Мы усматриваемъ не только самое явленіе, но и результаты, въ которыхъ оно привело, чего не видимъ при изученіи эпохъ, болѣе близкихъ къ намъ по времени, потому что будущее ихъ намъ неизвѣстно. Потому нерѣдко правильное пониманіе исторіи древняго міра даетъ намъ до нѣкоторой степени возможность вѣрно судить, если не о всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ аналогическихъ явленіяхъ въ современной намъ жизни. Въ этомъ замкнутомъ мірѣ мы находимъ, между прочимъ, рѣшеніе и такихъ

общечеловѣческихъ вопросовъ, которые всегда вездѣ составляли предметъ жаркихъ споровъ, а потому въ настоящее время невольно обращаютъ на себя вниманіе людей образованныхъ и мыслящихъ. Говори это, я имѣю здѣсь исключительно въ виду вопросы литературные и эстетическіе. Въ литературѣ каждаго народа, въ пору его дѣятельной жизни и развитія, одно направленіе смѣняется другимъ, или даже одновременно существуетъ нѣсколько направленій, и каждое изъ нихъ находитъ своихъ приверженцевъ и представителей, несогласныхъ между собою во взглядѣ на искусство. При извѣстной степени зрѣлости и развитія общества наступаетъ перемѣна вкуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эстетическаго взгляда на искусство, и въ литературѣ начинается борьба между старымъ и новымъ направленіями. Подобное явленіе не разъ встрѣчаемъ мы и въ римской литературѣ. Съ точки зрѣнія, на которую становится г. Благовѣщенскій, исторія древняго міра пріобрѣтаетъ самый живой интересъ для нашего времени. Изложивъ факты, рассказываемые г. Благовѣщенскимъ, мы почти не должны будемъ указывать параллельность ихъ съ явленіями, среди которыхъ стоимъ мы сами—такъ велико и очевидно сходство.

Движеніе римской поэзіи состояло въ постепенномъ ея подчиненіи греческому вліянію, имѣвшему слѣдствіемъ обработку языка и художественной формы. Это новое направленіе считало въ вѣкъ Августа своими представителями Виргилія и Горация. Приверженцы старины не щадили ни того, ни другаго нововводителя. Всѣ произведенія Виргилія были осыпаны ожесточенною бранью; такъ Октавій Авівъ написалъ цѣлое сочиненіе въ доказательство того, что Виргилій присвоиваетъ себѣ чужіе стихи: на его «Буколики» была написана пародія («Антибуколики»); на «Энеиду» также была составлена сатира или пародія («Бичъ Энеиды», *Aeneidomastix*). Пародія нѣкоторыхъ стиховъ его дошли до насъ. Многія выраженія, употребленныя Виргиліемъ, называли варварскими, мужицкими. Такимъ же упрекамъ подвергались и Гораций. Не были щадимы и писатели, которымъ обязана усовершенствованіемъ латинская проза. Такъ Цицерона упрекали за нововведенія въ языкѣ, и даже называли его аллоброгомъ, говоря что онъ пишетъ не по-латини, а на варварскомъ языкѣ. Грамматисты и риторы, занимавшіеся преподаваніемъ стилистики, не считали новыхъ писателей заслуживающими изученія, а классическими авторами признавали однихъ старинныхъ писателей, въ которыхъ восхищались именно тѣмъ, что было ихъ величайшимъ недостаткомъ. Вотхія, вышедшія изъ употребленія слова и обороты превозносились похвалами. Это «литературное старовѣрство» по удачному выраженію г. Благовѣщенскаго, не признававшее великими писателями Цицерона, Виргилія, Горация, предпочитавшее имъ Ливія Андроника, Эннія, Луцилія, существовало въ Римѣ очень долго. Персій, жившій слишкомъ столѣтіе спустя послѣ Виргилія и Горация, говоритъ, что еще въ его время были люди, восхищавшіеся «надутымъ» произведеніемъ стариннаго поэта Аттія и «Антіопею, у которой слезное сердце облокотилось на горести» (выраженіе, взятое изъ стариннаго поэта, которымъ восхищаются эти отсталые люди и надъ которымъ смѣется Персій). Конечно, оскорбляемые шуты и приверженцы ихъ принуждены были не шадить обидчиковъ: у Горация много ѣдкихъ выходокъ противъ его хулителей; Виргилій на вѣки заклеилъ своихъ литературныхъ праговъ, Бавія и Мевія, знаменитымъ стихомъ:

Qui Baviū non odit, amet tua carmina, Maevī.

«Кому сносенъ Бавій, пусть тотъ восхищается твоими стихами, Мевій». Мало

того; новые писатели, принужденные нападками, должны были доказывать, что старинные поэты, подражать которымъ хотѣли ихъ заставить, не выдерживаютъ эстетической критики; Горацій долженъ былъ, въ оправданіе нововведеній, обнаруживать грубые недостатки Луціанъ, Пакувія и другихъ писателей, чрезмѣрно прославляемыхъ приверженцами старины. Однимъ словомъ, дѣло происходило совершенно такъ же, какъ происходитъ теперь передъ нашими глазами.

Но важность не въ томъ, какъ ѣдки и остроумны были взаимные упреки — важность въ томъ, которая сторона признана за справедливую безпристрастнынъ потомствомъ, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ нравственныхъ и художественныхъ силъ. Виргилій и Горацій стояли за нововведенія. А кто были ихъ противники? «Бавій» и «Мевій» сдѣлались синонимами словъ: «дурной писатель и дурной человекъ». Мало того: имена ихъ дошли до насъ только благодаря тому, что они упомянуты у Виргилія, котораго старались терзать своими гнилыми зубами. То же будетъ съ Бавіями и Мевіями всѣхъ временъ. Утѣшительно по крайней мѣрѣ это, если не утѣшительна самая борьба съ такими жалкими противниками.

Повѣсть о Царьградѣ. Изданіе И. Срезневскаго.

Къ любимому чтенію нашихъ предковъ принадлежала, между прочимъ, «Повѣсть о созданіи и взятіи Царьграда». Это доказывается многочисленностью списковъ, въ которыхъ она дошла до насъ. Уже по одному этому она заслуживала бы полнаго вниманія, какъ важный памятникъ литературный, еслибъ и не имѣла важности для исторіи взятія Византіи турками. Но сличеніе съ важнѣйшими изъ греческихъ и западныхъ описаній этого событія показываетъ, что въ нашей «Повѣсти» есть много подробностей, не записанныхъ ни въ одномъ изъ другихъ рассказовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ обнаруживаетъ, что эта «повѣсть», хотя и потерпѣвшая отъ позднѣйшихъ вставокъ въ извѣстныхъ нынѣ спискахъ, должна быть почитаема рассказомъ вовсе не лишеннымъ исторической достовѣрности — тѣмъ болѣе становится она драгоценна. Г. Срезневскій принялъ на себя трудъ пересказать ея содержаніе новымъ языкомъ, сохраняя однако же всѣ характеристическія выраженія и почти всѣ подробности подлинника. Къ этому переводу, составленному по сравненіи многихъ списковъ, приложилъ онъ прекрасныя объяснительныя примѣчанія, составленныя съ большею внимательностью и проникательностью. Такой комментарий долженъ, по словамъ г. Срезневскаго, служить какъ бы введеніемъ къ изданію самаго текста, исправленнаго по лучшимъ спискамъ. Если изданіе будетъ соответствовать изложенію содержанія и примѣчаніямъ, то оно будетъ однимъ изъ лучшихъ въ числѣ изданій памятниковъ нашей литературы.

Политическое равновѣсіе и Англія. Сочиненіе И. В. Вернадскаго. Москва. 1855.

Въ одной изъ нашихъ газетъ г. Вернадскій помѣстилъ рядъ статей, въ которыхъ доказывалось, что всѣ толки англичанъ о томъ, что они — защитники политическаго равновѣсія, несправедливы, потому что Англія постоянно стремилась и стремится къ преобладанію надъ остальными державами, не отступая ни

предъ какими средствами для достиженія этой цѣли. Это патріотическое мнѣніе подтверждалось обзоромъ англійскихъ владѣній въ различныхъ частяхъ земнаго шара. Статьи, написанныя съ большимъ знаніемъ дѣла, обратили на себя заслуженное вниманіе публики, и г. Вернадскій рѣшился издать ихъ отдѣльною книжкою. Предполагая, что большая часть нашихъ читателей уже знакомы съ трудомъ г. Вернадскаго, мы не будемъ излагать его содержанія, вполне соотвѣтствующаго тому чувству, какимъ долженъ быть проникнутъ каждый Русскій въ настоящее время.

Высшій курсъ русской грамматики, составленный *Владиміромъ Стоюнинымъ*. Спб. 1855.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы говорили объ учебномъ курсѣ русской грамматики, написанномъ съ необыкновенно высокими философскими взглядами и чрезвычайно филологическою эрудиціею. Теперь передъ нами лежитъ другой учебникъ русской грамматики, также написанный въ духѣ сравнительной филологіи. Мы далеки отъ того чтобы сравнивать по достоинству эти двѣ книги. Недостатки руководства, написаннаго г. Стоюнинымъ, можемъ мы откровенно указать впослѣдствіи, и должны сказать, что во всякомъ случаѣ г. Стоюнинъ занимался обработкою своего сочиненія очень добросовѣстно, добросовѣстно старался о приобрѣтеніи познаній въ томъ предметѣ, который излагается въ его книгѣ—преимущества очень важныя. Уничтожающія всякую мысль о сравненіи. Кромѣ того должны мы прибавить, что г. Стоюнинъ пишетъ скромно, не обнаруживаетъ притязаній на великія преобразованія въ наукѣ, не тщеславится цитатами изъ всѣхъ книжекъ, которыя попадаются ему подъ руку, не хочетъ разыгрывать роли величайшаго изъ филологовъ и философовъ, однимъ словомъ, чуждъ всякаго шарлатанства. Мы не думаемъ сравнивать по достоинству двѣ книги, о которыхъ говоримъ. Но во всякомъ случаѣ частое появленіе грамматикъ, написанныхъ съ цѣлью ввести филологическое направленіе въ преподаваніе русской грамматики доказываетъ, что этотъ методъ, обольстительный по своей новосте у насъ, начинаетъ входить въ моду. Потому нельзя оставить безъ вниманія это модное направленіе. Мы уже говорили о томъ, что филологія, наука требующая слишкомъ многихъ приготовительныхъ познаній, не можетъ быть предметомъ общаго образованія, какъ не могутъ входить въ кругъ общаго образованія многія другія отрасли науки. Посмотримъ же теперь на дѣло съ другой точки зрѣнія. Нужно ли, полезно ли стремиться къ тому, чтобы ввести филологическое образованіе въ кругъ общаго преподаванія?

Изучать родной языкъ необходимо, это не подлежитъ спору. Но съ какою цѣлью и въ какомъ направленіи долженъ каждый изъ насъ изучать его? Конечно для того, чтобы умѣть употреблять его для выраженія своихъ мыслей. Разговорное употребленіе изучается практически. Каждый умѣетъ на своемъ языкѣ говорить о всемъ, что только знаетъ. Письменное употребленіе представляетъ нѣкоторыя трудности по запутанности нашего правописанія. Итакъ необходимо выучиться писать безъ орфографическихъ ошибокъ. Этого легко достигнуть, и тогда мы будемъ вполне владѣть своимъ языкомъ, на сколько то позволяютъ наши способности и степень нашего умственного развитія. Никому изъ русскихъ великихъ писателей не понадобилось филологическое образованіе, чтобы писать такъ прекрасно, какъ они писали.

Не совершенно ли достаточно будет знать намъ о нашемъ языкѣ на столько, ва сколько знаемъ о немъ Жуковский, Пушкинъ, Грибоѣдовъ? Развѣ Пушкинъ неправильно употреблялъ прошедшее время глаголовъ? А вѣдь онъ не зналъ, соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ оно по греческому аористу, не зналъ, какимъ санскритскимъ суффиксамъ соотвѣтствуетъ наше — лѣ, которымъ характеризуется прошедшее время, не зналъ, что въ словѣ <люблю> первая гласная есть старославянская йотированное оу, а второе — старославянскій юсь, произносившійся съ носовымъ отгласкомъ. Къ чему намъ знать, отъ какого корня происходятъ слова <рука> и <нога>? Развѣ не умѣемъ мы и безъ того правильно употреблять эти слова? Но этого знанія мало, говорятъ приверженцы моднаго филологическаго воспитанія. Ихъ понятія сдѣлались такъ стереотипны, что каждымъ повторяются совершенно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Возьмемъ же взъ предисловія къ книгѣ г. Стоюнина доказательства, что необходимо каждому юношѣ 13—15 лѣтъ изучать языкъ глубже, нежели изучалъ его Пушкинъ.

«Для человѣка вполне образованнаго мало только умѣть пользоваться практическими правилами языка; нужно *разумѣть* законы своего роднаго языка, видѣть его историческое развитіе и то мѣсто, какое онъ занимаетъ между другими языками, понять тѣсную связь между языкомъ и мыслью, понять, какъ подъ вліяніемъ мысли образуется языкъ. Только при такомъ званіи можно совершенно понять, что языкъ, есть зеркало народа, что въ немъ отразилась вся духовная народная жизнь. Разумное знаніе языка раскрываетъ передъ нами духъ народа въ его языкѣ».

Эти мысли повторяются такъ часто, и съ такою безотчетною увѣренностью, какъ будто онѣ — аксіомы въ родѣ $2 \times 2 = 4$. Но увы, какъ неосновательны эти мнимыя аксіомы и слѣдствія, изъ нихъ выводимыя!

«Мало умѣть практически пользоваться языкомъ, нужно уразумѣть его законы». — Но вы забываете, что языкъ — ни болѣе ни менѣе, какъ *орудіе* для выраженія мыслей, а орудіемъ нужно только умѣть пользоваться, а <разумѣть законы, по которымъ оно образовано> дѣло спеціалиста, а не cadaго человѣка, употребляющаго это орудіе. Жолудокъ варить пищу, глазъ видитъ предметы, хотя бы мы вовсе не знали, по какому физиологическому процессу это происходитъ. Точно также моя мысль выражается словами: <времени не должно тратить на безполезныя знанія>, хотя бы я и не <разумѣлъ> по какимъ законамъ образовались эти слова и эта фраза. Зачѣмъ же нужно мнѣ обременять голову тысячами ненужныхъ подробностей о томъ, отъ какихъ корней, посредствомъ какихъ приставокъ образовались слова <безполезно> и <не нужно>?

Филологу это знать необходимо, какъ математику необходимо знать свои формулы, какъ египтологу необходимо знать гіероглифы. Но неспеціалисту эти знанія вовсе не нужны.

— <Но изучая языкъ народа, мы изучаемъ духъ народа>. — Не гораздо ли легче, опредѣленнѣе, полнѣе изучается духъ народа изученіемъ его исторіи, его литературы, его нравовъ? зачѣмъ идти къ цѣли длиннымъ, скучнымъ, невѣрнымъ путемъ, когда можно гораздо вѣрнѣе достигъ ея другими путями, болѣе удобными и болѣе благотворными для умственной дѣятельности?

— <Но языкъ есть зеркало народной мысли>; — не всѣ зеркала отражаютъ предметъ въ его полномъ размѣрѣ и истинномъ видѣ. Въ литературѣ, въ исторіи, жизни народа отражается вѣрно и полно; въ языкѣ неточно, неполно и часто не-

вѣрно. Мы знаемъ, что противорѣчимъ въ этомъ случаѣ общепринятому мнѣнію, потому приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ арабскомъ языкѣ глаголъ не имѣетъ времени, неужели же арабы не понимаютъ различія между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ? Въ англійскомъ языкѣ нѣтъ различія между родами именъ существительныхъ—неужели-жъ англичане не понимаютъ различія между поваромъ и кухаркою? а между тѣмъ то и другое понятіе выражается по англійски однимъ и тѣмъ же словомъ. Дѣло въ томъ, что мысль не вполне выражается словомъ—надобно подразумѣвать то, что не досказывается. Иначе люди научались бы изъ книгъ, а не изъ жизни и опыта. Конечно, развитіе языка идетъ вслѣдъ за развитіемъ народной жизни, но ны не «разумѣемъ», какая нужда изучать отраженіе предмета въ зеркалѣ, когда онъ самъ очень хорошо видѣнъ изъ литературы и исторіи. Ужели въ самомъ дѣлѣ, дѣлъ Петра Великаго нельзя узнать изъ Голикова «Дѣяній Петра Великаго», и непременно нужно для этого изслѣдовать, какія слова ввелъ Петръ Великій въ русскій языкъ? И скажите, какимъ образомъ изъ филологическаго изученія русскаго языка вы узнаете, что Пушкинъ ввелъ въ русскую литературу новыя идеи? Для этого нужно знать исторію русской литературы, а не филологически разбирать русскій словарь или русскую этимологию.

Филологія наука очень важная—но для того, кто хочетъ ею спеціально заниматься; человѣку, который не намѣренъ сдѣлаться филологомъ, санскритскій языкъ не принесетъ ни малѣйшей пользы. Еще менѣе пользы приобрѣтетъ онъ, научившись различать большой юсъ отъ малаго. Странно даже доказывать такіе простыл истины. Но какъ же не защищать ихъ, когда модное направленіе стремится къ тому, чтобы вмѣсто свѣдѣній о человѣкѣ и природѣ набивать голову юноши теоріями придыханій, приставокъ, корнями и суффиксами.

Годы, посвящаемые человѣкомъ ученью, драгоценныя годы. Жаль тратить ихъ на мученіе ребенка или юноши надъ бесполезными для него тонкостями, которыхъ не можетъ онъ и постичь вполне.

Не будучи согласны съ г. Стоюнинымъ въ необходимости или полезности руководствъ, подобныхъ составленному имъ «Вышему курсу русской грамматики», мы должны однако же отдать автору ту справедливость, что онъ старался «уразумѣть» филологію. Но его книга была бы свободнѣе отъ ошибокъ, еслибъ онъ былъ осмотрительнѣе въ выборѣ авторитетовъ. Трудями гг. Вуслаева, Востокова, Давидова, Срезневскаго можно пользоваться безопасно, они не введутъ въ важные ошибки. Но драгоценныя труды г. Павскаго могутъ принести пользу только опытному спеціалисту; до нѣкоторой степени надобно сказать это и о трудѣ г. Каткова: другихъ своихъ руководителей напрасно не оставилъ г. Стоюнинъ, потому что у нихъ болѣе ошибочнаго, нежели вѣрнаго. Сравненія съ персидскимъ языкомъ, принадлежащія самому г. Стоюнину, часто бываютъ очень удачны и придаютъ нѣкоторую самостоятельность его труду. Но—если выразить наше мнѣніе откровенно, то мы посоветовали бы г. Стоюнину, или совершенно посвятить себя филологіи, или совершенно оставить ее. Какъ и во всякой спеціальности, въ филологіи не должно существовать дилеттантизма.

О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1820 году. Сочиненіе *Ивана Андреевскаго*. С.-П.-бургъ. 1855.

Немногія страницы этой брошюрки, написанныя самимъ авторомъ, скомпилированы изъ сочиненій, написанныхъ до него о сношеніяхъ Новгорода съ Ганзою и Готландомъ; большая половина книжки занята текстомъ договоровъ, переведенныхъ изъ сочиненія Сарторіуса о Гаазѣ, и переводами этого текста съ стариннаго нѣженѣмецкаго языка на новый нѣмецкій и русскій. Главнымъ достоинствомъ сочиненія было бы то, еслибы переводы были вѣрны. Но авторъ, не зная стариннаго нѣженѣмецкаго нарѣчія, поручилъ другому перевести договоры на новый нѣмецкій; другой этотъ также не всегда понимаетъ текстъ и сдѣлалъ довольно много ошибокъ; съ этого ошибочнаго нѣмецкаго перевода сдѣлалъ г. Андреевскій русскій переводъ, въ которомъ повторились ошибки нѣмецкаго. Намъ кажется, что авторъ или долженъ употребить два-три дня, чтобы привыкнуть разбирать языкъ подлинника (что не представляетъ почти никакого труда знающему по-нѣмецки), или избрать для своего сочиненія предметъ, болѣе знакомый.

Азовское сидѣніе. Историческое сказаніе въ лицахъ, въ пяти актахъ и девяти картинахъ, *Н. Кукольника*. Спб. 1855.

Немногіе счастливыцы, которымъ судьба позволила прочесть предпоследнее произведеніе г. Кукольника, «Маркидантку», гдѣ подъ предлогомъ воспоминаній о войнѣ съ Карломъ XII и Полтавской битвѣ столь наивно и трогательно изображена прелесть милой Тани, на сценѣ доказывающей своему жениху, что она невинна, и героизмъ ея матери, лопатою побивающей Карла или Левенгаупта, — эти немногіе могутъ полагать, что угадаютъ впередъ достоинства новой пьесы извѣстнаго нашего драматурга и романиста. Но думая такъ, они ошибутся. Первое важное преимущество «Азовскаго сидѣнія» надъ прозаическою «Маркиданткою» состоитъ въ томъ, что это «историческое сказаніе въ картинахъ» писано стихами, какихъ еще никогда не бывало на русскомъ языкѣ. Вотъ примѣръ. Донцы Кумшатный и Шершило бесѣдуютъ съ запорожцемъ Зарембою, который говорить, что ему пора отдохнуть отъ войны и жениться; Кумшатный отвѣчаетъ:

Пора-то давно пора, только не туда попать!
Ты намъ не станчвикъ; ты даже не нашъ
Козакъ. Какая козачка за тебя выйдетъ?
Г'авѣ възъ ясыроу неврещенныхъ жеву поймешь;
А козачка, что называется козачка... лудки!

Правда, прибавляетъ луганскій козакъ Торешка Лещина, поэтъ, говорящій ломаннымъ малорусскимъ языкомъ—не пойдетъ козачка за запорожца; запорожцы злодѣи, они разорили нашу Лугань:

Була сторовка людная, а теперъ лысая.
Отъ злодѣевъ запорожескихъ повивалъ.
Бодай вамъ добра небуло, олемя ведмешъ!

Только мани и осталось отъ солодкаго краю,
Що бандура, та сердце. Не на у пене ни роду, ни хаты;
Не чужой я и на чужой сторонцъ—бо у мене бандура,
Тая бандура на всихъ язывахъ знае,
У мене голосъ, чистый голосъ, слезами вымытъ,
У мене память—не забуди Лугани!
Не забудуть добрыи люда пѣсень Терешки,
Зачуютъ и у дьявольской Сѣчи голосъ Лешины.

Я буду мстить запорожцамъ и грозною, вдохновенною пѣснью, и саблею, прибавляетъ Терешка: они, злодѣи, зарѣзали мою жену. Запорожець сердится за эти поэтическія выдумки на своихъ однокашниковъ, и вмѣсто того, чтобы замѣтить Терешкѣ, что онъ, очевидно, по невѣжеству смѣшиваетъ запорожцевъ, защитниковъ и героевъ Украины, лучшихъ сыновъ Малороссіи, съ татарами, ея притѣснителями, начинаетъ бранить донцовъ и ихъ подвиги, чего запорожцы никогда не дѣлывали, и называетъ Азовъ, взятіемъ котораго хвалятся донцы, «дурацкимъ городомъ».

кумшатный (вставъ и стукнувъ кулакомъ
по столу).

Дурацкій! Азовъ дурацкій! Гавриха, слышвъ?
Да какъ стоитъ ваша запорожская трущоба,
Такъ никому въ васъ такого превеликаго дѣла
И во сѣ не удалось видѣть! Ахъ, ты, темя баравсь!
А еще на козачкѣ вздумалъ жениться! дудки!
Какъ вамъ яа Днѣпрѣ отъ латывщиковъ жутко пришлось,
Такъ вы куда махнули? Потянули къ бусурманамъ яа службу!
На поганыхъ хлѣбахъ задумали
Добывать зипуна молодецкаго!
Охъ ужъ вы, козави оплаканные
Гдѣ вамъ быть добрыми зипувнявами,
Какъ мы, всевеликое войско Донское?

Нѣтъ надобности прибавлять, что Кумшатный, подобно Терешкѣ, по невѣжеству взводитъ на запорожцевъ небылицы. Жаль, что авторъ не объяснилъ этого въ примѣчаніи—тогда мы могли бы отличить мнѣніе господина Кукольника о запорожцахъ отъ того, что говорятъ о нихъ Кумшатный и Терешка въ его пьесѣ. На самомъ дѣлѣ донцы никогда такъ не думали о запорожцахъ, какъ принуждены авторомъ отзываться о нихъ мнимые донцы. Но не въ этомъ дѣло: славные запорожцы, дивную храбрость и высокое благородство которыхъ признавали даже враги ихъ, татары и турки, и потомки которыхъ, черноморцы, своими подвигами показываютъ «какихъ отцовъ они дѣти», какихъ преданія завѣщали имъ отцами,—славное войско запорожское не нуждается въ защитѣ отъ выдуинокъ Терешки, не умѣющаго даже говорить правильнымъ великорусскимъ или малорусскимъ языкомъ и потому признаваемого нами за самозванца—онъ не великорусъ, не малорусъ. не козакъ, онъ долженъ быть выходецъ въ чужихъ земель, но дѣло не въ сдержаніи рѣчей, а въ томъ, какими стихами изложены эти рѣчи. Повторимъ ихъ еще:

кумшатный.

Пора-то давно пора, только не туда попалъ!
Ты намъ не станицивкѣ, ты даже не нашъ
Козакъ! Какая козачка за тебя пойдетъ и т. д.

Т Е Р Е Ш К А .

Будь стороака людная, а теперь лыся.
Отъ злочѣвъ запорожцевъ повтикади в т. д.

Поэтъ-Терешка, вѣроятно, воображаетъ, что это народный русскій или малорусскій разиѣръ. Если наша догадка, что Терешка—выходецъ изъ чужихъ земель, только старающійся прикидываться русскимъ,—справедлива, то Терешкѣ простиительно ошибаться. Но странно, что авторъ, который представляется намъ въ качествѣ истого русскаго, написалъ такими странными клочками фразъ все свое историческое сказаніе».

Тема, данная первою сценою, развивается всею пьесою, которая имѣетъ единственную цѣлью—доказать, что запорожцы были хвастуны, трусы, безчестные волокиты, предатели, подводившіе татаръ на пагубу своихъ единоплеменниковъ, донцовъ, которыхъ авторъ справедливо изображаетъ героини; за послѣднее нельзя не похвалить его, потому что донцы, братья запорожцевъ, дѣйствительно всегда были воинами въ высшей степени отважными и благородными, точно также, какъ и запорожцы.

Вся первая картина, занимающая не менѣе 30 страницъ, состоитъ изъ длинныхъ разговоровъ на двойную тему пьесы,—разговоровъ, ни къ чему не ведущихъ и потому скучныхъ. Вторая картина—козацкій майданъ, или сходка. Изъ Азова прибѣжалъ вѣстникъ, Стопанъ Норошникъ, и рассказываетъ, что донцы, тамъ застѣвшіе, осаждены безчисленнымъ войскомъ Гуссейна Паши или Гусь-Паши (этотъ «Гусь-Паша», повторяемый безпрестанно, долженъ придавать пьесѣ комизмъ). Если донцы не поспѣшатъ на выручку, товарищи пропадутъ. Козаки рѣшаютъ вѣсѣмъ поголовно ѣхать въ Азовъ, выбравъ своимъ предводителемъ Порошина. Картина третья очень длинна—не менѣе, какъ на 45 страницахъ—изображаетъ сборы донцовъ въ походъ. Букетъ картины заключается въ послѣднихъ стихахъ ея: козаки уѣхавъ, на сценѣ остаются козачки, между прочими Ульяна, принужденная женщина, которая груститъ, отпустивъ мужа въ опасный походъ, и пріятельница ея Даша, объявленная невѣстою Порошина.

Д А Ш А .

Вотъ и невидно!... Что приуныла? Полно вслѣдъ смотрѣть!
Сладимъ лучше путь дороженьку вашимъ молодцамъ!
Выпьемъ до чиста чару полную
Про вѣхъ здоровье молодецкое!—Любо!

всѣ (кромя Ульяны, ваяя чарки).

Любо!

д а ш а (подавая чарку, строго).

Уля, любо!

у л ь я н а (ваяя чарку, съ отчаяніемъ).

Любо! любо!

По вусвамъ сердечко разрывается!

(Всѣ пьютъ. Занавѣсъ падаетъ).

Картина четвертая переносит насъ въ Азовъ. Сцена представляетъ полу-разрушенныя укрѣпленія города. Осажденныхъ козаковъ осталось въ живыхъ уже мало. Они отдыхаютъ въ ожиданіи приступа. Козачки, замѣняя усталыхъ нужей, направляютъ укрѣпленія и готовятъ боевые припасы. Тутъ является новое лицо, обязанное, вмѣстѣ съ Гусь-Пашою, смѣшить публику: козакъ изъ нѣмцевъ, говорящій ломаннымъ языкомъ. Рѣчей очень много, какъ и въ предъидущихъ картинахъ; дѣйствій очень мало. Наконецъ являются Порошинъ и другіе козаки, потѣхавшіе на выручку. За сценою шумъ приступа. Потомъ являются люди, рассказывающіе зрителямъ, что приступъ отбитъ, но турки готовятся къ новому приступу. Приносятъ смертельно раненнаго Терешку, который умираетъ, не успѣвъ пропѣть ни одной изъ обѣщанныхъ пѣсенъ. Для пьесы это лицо совершенно лишнее; оно выведено авторомъ только для того, чтобы позорить о запорожцахъ и чтобы восхитить зрителей восторженными выходками о бандурѣ и могуществѣ своего голоса.

Дѣйствіе пятой картины опять въ станицѣ. Козачки, долго не получая вѣстій о мужьяхъ, отправившихся въ Азовъ, отъ скуки ѣздятъ на охоту, стрѣляютъ дудаковъ, и притомъ стрѣляютъ не изъ ружей, а изъ луковъ. Это совершенно новое понятіе о казацкой охотѣ въ половинѣ XVIII вѣка. Является запорожецъ, перелѣтый, и съ накладною бородою; онъ, пошедши съ донцами въ Азовъ, на дорогѣ струсилъ и вернувшись въ станицу подъ чужимъ именемъ, хвастаетъ своими геройскими подвигами въ Азовѣ, и рассказываетъ, что всѣ козаки тамъ перебиты или померли съ голоду. Старухи ему вѣрятъ, но богатырша Даша, которая умѣетъ «до чиста выпивать чару полную», не такъ довѣрчива—она срываетъ съ запорожца фальшивую бороду, заставляетъ его признаться въ трусости и злоиъ умыслѣ—у волокиты запорожца было на умѣ силою увести Ульяну,—въ наказаніе за то бабы сбрасываютъ его съ берега въ рѣку. Вслѣдъ за тѣмъ является рыбалка (т. е. рыбацка?) и объявляетъ, что въ Азовѣ дѣйствительно голодъ. Даша убѣждаетъ козачекъ садиться на коней и спѣшить на помощь мужьямъ.

Шестая картина—курганъ по дорогѣ къ Азову. За курганомъ сидитъ запорожецъ съ татарами; онъ подвелъ ихъ, чтобы перехватить козачекъ. Но козачки разгоняютъ татаръ, убиваютъ измѣнника запорожца, и продолжаютъ свой путь.

Въ седьмой и восьмой картинахъ, мы видимъ бѣдствія осажденныхъ; они умираютъ съ голоду. Являются козачки съ дудакими, которыхъ по дорогѣ настрѣляли изъ луковъ, и подкрѣпляютъ этою неожиданною пищею силы своихъ мужей. Тогда турки, у которыхъ въ станѣ началась чума, снимаютъ осаду (картина девятая), козаки обогащаются ихъ пожитками, Порошинъ женится на Дашѣ, а нѣмецъ-козакъ на другой дѣвушкѣ, Дунѣ, которая любила бандуриста—Терешку.

Дѣйствія въ пьесѣ очень мало, разговоры неимоверно растянуты; ни одно лицо не говоритъ натуральнымъ языкомъ, всѣ выражаются странною смѣсью на-дутаго книжнаго языка съ простонароднымъ.

О жизни и ученых трудах Френа. Соч. П. Савельева. Съ портретомъ Френа.
Спб. 1855.

Услуги, оказанныя покойнымъ академикомъ изученію мухаммедагкаго востока, уже оцѣнены по достоинству въ наукѣ, и безъ сомнѣнія каждому читателю будетъ пріятно ближе познакомиться съ біографіею этого извѣстнаго ориѣнталиста.

Френъ родился въ 1782 г. въ Ростокѣ (въ Мекленбургѣ-Шверинѣ) и былъ ученикомъ знаменитаго ориѣнталиста и нумизмата Тихсена, направленіе котораго предѣлило и характеръ ученой дѣятельности нашего академика. Рекомендация Тихсена доставила ему мѣсто профессора восточныхъ языковъ при Казанскомъ университетѣ (въ 1804 г.). По смерти Тихсена Френу предложили быть его преемникомъ въ Ростокскомъ университетѣ, и онъ въ 1817 г. поѣхалъ, побуждаемый желаніемъ видѣть родину. На пути туда, онъ остановился въ Петербургѣ рассмотреть восточный музей Академіи Наукъ; его просили заняться разборомъ ученыхъ богатствъ этого хранилища, — онъ согласился, выпросивъ отсрочку изъ Ростокскаго университета, и, увлекшись этимъ начатымъ съ горячею ревностью колоссальнымъ трудомъ, остался, наконецъ, въ Петербургѣ навсегда, въ званіи академика и директора Азіатскаго Академическаго Музея. Онъ скончался 16 августа 1853 г., на семидесятомъ году отъ роду.

Въ Казани Френъ занимался преимущественно разборомъ мухаммеданскихъ монетъ, особенно монетъ хавовъ Золотой Орды и Волжскихъ Булгаръ, и успѣлъ приготовить къ изданію «Описаніе монетъ хановъ Джучіева улуса или Золотой Орды» — сочиненіе, необыкновенно важное для исторіи Кипчакской орды. Въ Казани же начать имъ другой трудъ, еще болѣе обширный — составленіе полного критическаго словаря арабскаго языка. Богатство словъ и выраженій въ этомъ языкѣ такъ велико, что несмотря на всѣ превосходные труды арабскихъ и европейскихъ лексикографовъ, далеко не всѣ слова этого языка и его многочисленныхъ нарѣчій внесены въ словари. Въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, до конца своей жизни, Френъ вписывалъ въ свой словарь всѣ пропущенные его предшественниками слова и выраженія, которыя встрѣчались ему при чтеніи. Послѣ этого можно вѣрить г. Савельеву, что словарь Френа, остающійся еще въ рукописи, чрезвычайно важенъ для арабской лексикографіи.

Но дѣятельность Френа стала еще плодотворнѣе для науки, когда онъ поселился въ Петербургѣ и посвятилъ всѣ свои силы разбору монетъ и рукописей чрезвычайно богатаго Академическаго восточнаго музея. Френъ привелъ это громадное хранилище въ систематическій порядокъ, глубоко изучилъ его и издалъ полныя каталоги или рецензіи его монетъ, на основаніи которыхъ восстановлены имъ тысячи фактовъ исторіи мухаммеданскихъ государствъ. Въ музей нашелъ онъ и знаменитый «Географическій словарь» Якута, столь драгоцѣнный для русской исторіи по извлеченіямъ изъ Ибнъ-Фоцлана, изданіе которыхъ пролило неожиданнъ свѣтъ на исторію полуславянскаго приволжья въ X-мъ вѣкѣ. Чтобы понять важность трудовъ Френа по мухаммеданской нумизматикѣ, довольно сказать, что имъ было рассмотрѣно до трехъ милліоновъ восточныхъ монетъ!

Нельзя не упомянуть и о томъ, что Френъ оказывалъ всевозможное содѣйствіе русскимъ молодымъ оріенталистамъ въ ихъ трудахъ. Едва ли есть оріенталистъ въ Россіи, который бы не былъ чѣмъ нибудь ему обязанъ, говорить г. Савельевъ.

Записки Русскаго Географическаго Общества. Кнѣжка X. Спб. 1855.

По достоинству своего содержанія, десятая книжка «Записокъ» Географическаго Общества одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ изданіи, столь важной для русской географіи, статистики и этнографіи. Обѣ статьи, ее составляющія — «Очерки торговли Россіи съ Средней Азіей» г. Небольсина, и «Списокъ мѣстъ въ сѣверозападной части Средней Азіи, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически», составленный гг. Ханьковымъ и Толстымъ (и являющийся, какъ приложеніе къ составленной г. Ханьковымъ картѣ этихъ мѣстъ) принадлежать къ числу капитальныхъ трудовъ, — или, справедливѣе сказать, должны быть названы. каждая по своему предмету, лучшими сочиненіями.

Г. Небольсинъ, оказавшій много услугъ статистикѣ своими трудами касательно вѣншей торговли Россіи, особенно нашихъ торговыхъ сношеній съ Среднею Азією, написалъ теперь очень обширный и полный трактатъ о торговлѣ Россіи съ Бухарой, Хивой и Коканомъ. При составленіи этого обзора онъ, кромѣ богатаго запаса своихъ собственныхъ замѣтокъ, пользовался многими рукописными матеріалами (особенно записками г. Генса) и представилъ изслѣдованіе, драгоценное по множеству новыхъ и точныхъ подробностей. Чтобы составить ясное понятіе о степени важности нашихъ торговыхъ сношеній съ Средней Азією, прежде всего приведемъ итоги «Общей вѣдомости» этой торговли за послѣднее десятилѣтіе (1840—1850 г.), въ круглыхъ числахъ.

Отпускъ.

Звонкая монета	1,530,000	руб.
Мѣдь, желѣзо, чугуны, в разныя надѣлы въ этихъ металловъ	1,014,000	—
Бумажный товаръ	1,488,000	—
Шелковый и шерстяной товаръ	625,000	—
Кожевенный товаръ	825,000	—
Прочіе товары	1,281,000	—
Итого	9,763,000	

Привозъ.

Бумага хлопчатая, сырецъ, пряжа	2,748,000	руб.
Бумажный товаръ	4,012,000	—
Шелковый и шерстяной товаръ	150,000	—
Мѣха, мерлушки, пухъ	1,075,000	—
Фрукты	299,000	—
Марева	224,000	—
Прочіе товары	853,000	—
Итого	9,371,000	

Изъ этихъ цифръ получаемъ средній годовой отпускъ (по сложности послѣдняго десятилѣтїя)—876.000 р. годовой привозъ 897.000; вся сумма среднего годичнаго оборота торговли съ Среднею Азіею—1,573.000 р. сер.

Незначительность этой цифры поразительна и часто обвиняютъ предпринимчивость русскаго купечества въ томъ, что его торговли съ Бухарою, Хивою и пр. не приобрѣла болѣе широкихъ размѣровъ. Г. Небольсинъ принадлежитъ къ числу людей, которые чрезвычайно завиты будущностью и возможнымъ развитіемъ нашихъ сношеній съ Среднею Азіею; потому его нельзя подозрѣвать въ пристрастія, когда онъ доказываетъ, что въ настоящее время торговля эта остается маловажна по необходимости, въ которой вовсе не виноваты русскіе купцы. Бухарцы и сосѣди ихъ, говоритъ онъ, народъ бѣдный, а нищій не можетъ быть ни покупщикомъ, ни продавцомъ на большія суммы. Немногіе зажиточные люди, которые находятся между ними, боятся обнаруживать свое богатство — они должны притворяться нищими, иначе будутъ ограблены своими эмиромъ или ханомъ. Они не могутъ пускаться въ значительныя торговыя операціи, не смѣютъ даже покупать себѣ хорошаго платья, хорошей мебели—они живутъ, какъ бѣдняки. Потому русскіе товары не нашли бы себѣ покупателей, если бы привозились въ большомъ количествѣ. Обвинять нашихъ купцовъ за то, что они возятъ въ Бухару и пр. издѣлія только самыхъ лишнхъ сортовъ,—также несправедливо, по мнѣнію г. Небольсина: по своей бѣдности и безвкусію среднеазіатцы могутъ покупать только самые дешевые товары; не купцы наши хотятъ продавать имъ плохой товаръ, а сами Бухарцы и Хивинцы заставляютъ ихъ ограничивать свой привозъ грошовыми вещами. Таковъ же вывозъ изъ средней Азіи: три четверти его суммы составляютъ бумажныя ткани и пряжа, имѣющія одно только достоинство—дешевизну, и потому годныя для простолюдиновъ Оренбургскаго края, куда не привозится изъ фабричныхъ губерній дешевыхъ русскихъ тканей, появленіе которыхъ въ Оренбургѣ значительно сократило бы нашу торговлю съ Хивой и Бухарой. Сношенія съ этими странами остаются незначительны также по недостатку гражданскаго благоустройства тамъ—зачиточный русскій купецъ, привыкшій дома пользоваться почетомъ, не захочетъ самъ ѣхать въ такую землю, гдѣ можетъ на каждомъ шагу подвергаться грубостямъ и притѣсненіямъ; потому русская торговля ведется преимущественно черезъ мелкихъ прикащиковъ, которые не имѣютъ ни средствъ, ни охоты слишкомъ заботиться о расширеніи круга ея. Прибавивъ наконецъ медленность и дороговизну караваннаго провоза, и мы будемъ имѣть достаточное объясненіе причинъ, по которымъ наша торговля съ Среднею Азіею ограничивается нѣсколькими сотнями тысячъ рублей. За общимъ введемъ слѣдуетъ у г. Небольсина подробное описаніе способовъ и маршрутовъ караванной торговли Россіи съ Бухарою, Хивою и Коканомъ, очень богатое точными подробностями; потомъ онъ говоритъ о торговыхъ связяхъ среднеазіатскихъ владѣній между собою и путяхъ, которымъ слѣдуютъ караваны изъ одного владѣнія въ другое; подробно объясняетъ качество и назначеніе каждой привозной и отпускной статьи товаровъ и заключаетъ свой трактатъ общею вѣдомостью о движеніи среднеазіатской торговли за 1840—1850 годы. Извлеченіе изъ этой вѣдомости мы уже представили, и теперь сообщимъ краткій обзоръ другихъ отдѣленій его интереснаго сочиненія.

Верблюды для бухарскихъ каравановъ нанимаются отъ киргизовъ. Средній вьюкъ верблюда 18 пудовъ: на дромадера (одного горбаго верблюда) можно класть

о 24 пудовъ. Собственно неизбѣжна была бы перевозка товаровъ на верблюдахъ только черезъ пески Кызылъ-кумъ, между Бухарою и Сыръ-Дарьею; до этихъ пекловъ отъ Бухары можно было бы доставлять товары на арбахъ, что иногда и дѣлается; отъ Сыръ-Дарьи до нашей Линіи также возможенъ колесный путь. Возможно было бы также учредить изъ Бухары водяную доставку по Аму-Дарьѣ (отстоящей отъ города Бухары только на одинъ переходъ) до Аральскаго моря: судоспособность Аму-Дарьи на этомъ пространствѣ доказана опытомъ. Но привычка и простота караванной перевозки доселѣ одерживаютъ верхъ. Въ киргизской степи нынѣ водворено спокойствіе, и караваны тамъ не подвергаются болѣе опасностямъ отъ хищниковъ. Одинъ изъ опытныхъ торговцевъ говорилъ г. Небольсину, что вѣроятно скоро караваны будутъ ходить на арбахъ, запряженныхъ волами, и верблюды переведутся въ степи. И дѣйствительно, перевозка на волахъ отъ Линіи до Сыръ-Дарьи уже начинаетъ входить въ обыкновеніе. До Бухары изъ Оренбурга или Троицка считается около 1.700 верстъ; средняя цѣна провоза 10 р. сер. съ верблюда т. е. 55 коп. сер., полагая вьюкъ въ 18 пудовъ. Прежде платилось гораздо болѣе—отъ 20 до 25 р. за верблюда; нынѣ цѣна упала, отъ обѣднѣнія лакиргязовъ, отъ спокойствія лаки, водвореннаго въ степи, или отъ правильности, введенной при наймѣ. Доставка изъ Бухары въ Троицкъ нынѣ обходится дешевле, нежели въ Оренбургѣ. Караванъ въ Бухару изъ Оренбурга идетъ 55—60 дней, изъ Троицка 50—55 дней. Караваны въ Коканъ (Ташконтъ) ходятъ преимущественно изъ Петропавловска. Путь—45—50 дней: плата за верблюда 7—8 р. сер. Въ Хиву ходятъ караваны изъ Оренбурга; путь 50—55 дней; плата 8—10 руб. сер. Главная наша торговля съ Бухарой; Хива—второстепенный пунктъ; торговля съ Коканомъ ничтожна. Десятилѣтіе 1840—1850 г. даетъ слѣдующія цифры.

	Отпускъ.	Привозъ.
Торговля съ Бухарой . .	5,225,000 руб.	7,310,000 руб.
“ “ Хивой . .	1,335,000 —	1,395,000 —
“ “ Коканомъ . .	205,000 —	265,000 —

Потому средній годово́й оборотъ бухарской торговли—1,255,000 р. хивинской—275,000 коканской—47,000 р.

Чтобы видѣть, какихъ сортовъ товары требуются отъ насъ среднеазиатскими покупателями, приведемъ цѣны нѣкоторыхъ отпускныхъ статей. Бритвы для этой торговли идутъ изъ продающихся на нижегородской ярмаркѣ по 14 коп. сер. за пару, перочинные ножи—по 55—70 коп. сер. за дюжину ножей о двухъ лезвьяхъ. При такой цѣнѣ очевидно, какое качество могутъ имѣть издѣлія. Болѣе высокая доброта не требуется. Ситцы посылаются различныхъ сортовъ—лучшіе 9 коп. сер. дешевые—6 коп. сер. аршинъ по цѣнамъ на нижегородской ярмаркѣ. Коленкоръ—1 р.—1 р. 50 к. сер. за кусокъ въ 12—16 аршинъ. Бумажные платки имѣютъ величины обыкновенно 4—7 вершковъ въ квадратъ; имѣющіе 8—10 вершковъ требуются уже мало. То что называется «плисомъ» въ среднеазиатской торговлѣ, —есть, по удачному выраженію г. Небольсина—«вещество, непріятное для осязанія и обонянія, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ товаромъ, который мы знаемъ у себя подъ именемъ плиса, приводящее зрителя въ раздумье о томъ, неужели можно этому издѣлію избрѣсть какое нибудь употребленіе?»—Но это вещество требуется среднеазійцами, потому что цѣна аршина его—11¼ коп.

сер. Таковы же шелковые и шерстяные матеріи, годныя по цѣнѣ для бухарца или хивинца. Таково же качество всѣхъ прочныхъ статей нашего отпуска. Напримѣръ, по словамъ г. Небольсина, «фарфоровая и глиняная посуда отправляется отъ насъ въ Среднюю Азію только тѣхъ сортовъ, которые по негодности не могутъ уже имѣть сбыта нигдѣ внутри имперіи: по бѣдности и незатѣйливости азіатца, нашъ бракъ посуды для него находка, благо товаръ нашъ очень дешевъ». Интересна также доброта очковъ, требуемыхъ этими народами. Они не бываютъ дороже 1 р. 50 коп. дюжина. «Эти инструменты, замѣчаетъ г. Небольсинъ, если, можетъ быть, и плохо приспособлены для человѣческаго глаза, за то весьма хорошо согласованы съ достаткомъ народовъ Турана». Однако же эти удивительныя издѣлія достаются среднеазіяцамъ вовсе не такъ дешево, какъ было бы можно предполагать. Съ одной стороны дороговизна привоза, съ другой необходимость брать значительный барышъ при мелочности, медленности и невѣрности торговыхъ оборотовъ, сильно повышаютъ продажныя цѣны нашихъ издѣлій на бухарскихъ и хивинскихъ рынкахъ. По разсчету г. Генса, торговцы наши получаютъ въ Бухарѣ выгоды:

на ситецъ	33	процента	съ	рубля
— нанку	47	—	—	—
— платки	35	—	—	—
— сукно	46	—	—	—

Потому-то напримѣръ, кусокъ сукна, купленный въ Нижнемъ за $12\frac{1}{2}$ —17¹ з р. сер., продается въ Бухарѣ 24—32 р. сер.

Главная привозная статья изъ Бухары и Хивы—хлопокъ и бумажныя ткани, очень дешевыя. Ткани даютъ одежду всему населенію Оренбургскаго края, потому что привозимыя изъ Имперіи слишкомъ непрочны и дороги. Покойный Генсъ говорить по этому поводу: «У насъ любятъ продавать товаръ лицомъ; обыкновенно начинаютъ торговцы хорошо, сначала товаръ красивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и прочей. Потомъ убавляютъ мѣры и плотности. Черезъ нѣсколько лѣтъ, издѣліе, одного названія съ первоначальнымъ, по достоинству уже не то, и покупатель, обольстившійся названіемъ, находитъ, что онъ обманутъ. Ткани бухарскія и хивинскія, каковы были за сто лѣтъ, таковы и теперь: ихъ покупаютъ безъ оглядки, а нашимъ не довѣряютъ. Вотъ почему наши фабриканты, несмотря на мнимую утонченность промышленности и на такъ называемую изящность своихъ произведеній, не успѣли вытѣснить изъ здѣшней торговли (т. е. изъ Оренбургскаго края) грубыя выбойки, зеделі, бязи и проч.». Г. Небольсинъ, оправдывая фабрикантовъ, принужденъ однако же прибавить, что всеобщее употребленіе среднеазіатскихъ тканей въ привлекающихъ русскихъ провинціяхъ, «указываетъ на беззаботность промышленника о развитіи русской промышленности». Цѣны этихъ привозныхъ тканей слѣдующія:

Бѣлая бязь (бумажное тканье, видомъ похожее на холстъ) лучшая, кусокъ въ 16—21 аршинъ (общая ширина всѣхъ тканей 6 вершковъ), въ Троицкѣ	60—80 коп. сер.
Синяя бязь (или зеделъ) лучшая, кусокъ въ 13 аршинъ, на Липів	50—55 коп. сер.
Выбойка (или бахта). т. е. бязь вабвнная красками, подобная ситцу, лучшая, кусокъ 22—24 аршина, въ Троицкѣ	1 р.—1 р. 20 к. с.
Алача (или суса), полосатая бумажная ткань для халатовъ, лучшая, кусокъ въ 9 аршинъ въ Липів	40—50 коп. сер.

Къ обширной статьѣ своей г. Небольсинъ присоединилъ три приложенія, являющіяся изъ записокъ г. Генса: 1) Дорога изъ Семипалатинска въ Ташкентъ; 2) Дорога изъ Амбергера въ Кашеняръ, Коканъ и Кабулъ; 3) Описаніе странствованій Габайдуллы Амрова по Средней Азіи до Индіи. Всѣ эти маршруты и рассказы записаны г. Генсомъ со словъ самихъ путниковъ, и если многое въ нихъ потеряло интересъ новости, то многія указанія будутъ небезполезны и нынѣ.

Важность «Карты мѣстностей въ сѣверозападной части Средней Азіи, положеіе которыхъ опредѣлено астрономически», составленной г. Ханыковымъ, и приложеннаго къ ней списка этихъ мѣстностей, очевидна. Труды г. Ханыкова по географіи этой части азіатскаго материка пользуются достаточнымъ вѣсомъ въ ученомъ мірѣ, чтобы уже имя составителя ручалось за высокое достоинство его новаго труда. Сводъ астрономическихъ наблюденій сдѣланъ изъ 23 русскихъ и иностранныхъ ученыхъ путешествій. Всѣхъ мѣстностей, опредѣленныхъ астрономически въ 1849 года между 64° и 102° долготы и 34° — 54° сѣверной широты собрано въ списокъ и отмѣчено на картѣ 486; изъ нихъ большая половина опредѣлена трудами русскихъ ученыхъ, изъ которыхъ первымъ былъ г. Вишневскій (въ 1806—1815 г.), почти не имѣвшій въ этомъ дѣлѣ предшественниковъ и между иноземцами. Изъ общаго числа мѣстностей, 360 находится такихъ, для которыхъ опредѣлена и широта и долгота; для остальныхъ найдена только широта. Въ нѣкоторыхъ полосахъ этой части материка число опредѣленныхъ мѣстностей такъ значительно, что карты могутъ быть составлены съ удовлетворительною точностью. Таково пространство ограничиваемое Орскою крѣпостью на сѣверѣ, Аральскимъ моремъ на югѣ и р. Тургаемъ на востокъ (45° — 51° сѣв. шир., 76° — 83° долг.) и Персидскія области, прилежащія къ Каспійскому морю; другія полосы, напротивъ того, остаются еще бѣдны астрономически опредѣленными пунктами; особенно это надобно сказать о пространствахъ между южною частію Каспійскаго моря на западѣ, Аральскимъ моремъ на сѣверѣ и Бухарою на юговостокѣ (38° — 43° сѣв. шир. и 71° — 79° долг.) и еще болѣе обширномъ пространствѣ на востокъ отъ рѣкъ Ишима и Сары-су и на сѣверъ отъ озеръ Кара-Куль и Исыкъ-Куль (43° — 54° сѣв. шир. и 84° — 102° долг.). Труды русскихъ ученыхъ въ скоромъ времени, конечно, пополнятся и эти пробѣлы; тогда карта сѣверозападной половины среднеазійскихъ странъ достигнетъ равной точности во всѣхъ своихъ частяхъ.

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1855 годъ. С.-Петербургъ 1855.

Дѣятельность Императорскаго Географическаго Общества, приносящая столько пользы русской наукѣ, давно уже возбуждаетъ въ публикѣ сочувствіе, которое должно почестся совершенно заслуженною наградою его неутомимыхъ трудовъ.

Интересуясь дѣйствіями Общества, публика не можетъ не желать постоянно слѣдить за именами сановниковъ и ученыхъ, имѣющихъ особенное вліяніе на его труды. Потому изъ «Отчета», лежащаго теперь передъ нами, прежде всего выпишемъ здѣсь личный составъ управленія Общества въ 1854 г.

Вице-предсѣдателемъ Общества въ истокшемъ году былъ М. Н. Муравьевъ; его помощникомъ—А. И. Левшинъ; членами совѣта Н. А. Милютинъ, Я. И. Ростов-

цевъ, К. М. Бэръ, Г. П. Гельмерсенъ, К. В. Чсвкинъ, Ю. А. Гагенействъръ, К. А. Неволинъ и К. С. Веселовскій. Въ лѣтніе мѣсяцы, по случаю отсутствія вице-предсѣдателя и его помощника, текущими дѣлами Общества заправлялъ Н. А. Милютинъ. Казначеемъ Общества оставался М. Д. Княжевичъ, секретаремъ былъ Е. И. Ламанскій.

Въ отдѣленіяхъ Общества были: въ отдѣленіи физической географіи, предсѣдательствующимъ А. И. Зеленой; этнографіи—предсѣд. Н. И. Надеждинъ, помощникомъ предсѣд. И. И. Срезневскій; статистики—предсѣд. А. П. Заблоцкій, помощникъ предсѣд. К. О. Веселовскій; математической географіи—предсѣд. В. Я. Струве, пом. предсѣд. Н. П. Буцкій.

По состоянію денежныхъ суммъ Общества находимъ въ «Отчетѣ» слѣдующія цифры:

Въ кассѣ Общества къ 1 декабря 1853 года находилось: капитала и остатковъ отъ текущихъ расходовъ 20,808 руб. $3\frac{3}{4}$ коп. сер.; суммъ, имѣющихъ особое предназначеніе 55,593 руб. 17 коп., всего 76,401 р. $20\frac{3}{4}$ коп. сер.

Въ теченіе года, 1 декабря 1853 г.—1 декабря 1854 г., поступило: общихъ расходовъ 16,675 р. 28 к.; доходовъ, имѣющихъ особое предназначеніе 29,510 р. 60 коп.; всего 46,185 руб. 88 к. сер.

Изъ того числа израсходовано: на канцелярію, наемъ дома и другія хозяйственнымъ издержки—4,678 р. 58 коп.; на библіотеку и музей—1,221 р. 5 к.; на снаряженіе экспедицій, собраніе разныхъ свѣдѣній, пособія для ученыхъ работъ и выдачу премій—7,952 р. 48 к.; на печатаніе изданій Общества 9,575 р. 7 к.; всего 23,427 р. 18 к. сер.

Затѣмъ къ 1 дек. 1854 г. состояло: капитала и остатковъ отъ текущихъ расходовъ 22,624 р. $11\frac{3}{4}$ к.; суммъ, имѣющихъ особое предназначеніе 76,435 р. 80 к.; всего 99,059 р. $91\frac{3}{4}$ коп.

Всѣ источники постоянныхъ доходовъ Общества представляютъ хотя не быстрое, но замѣтное приращеніе. Продажа изданій Общества доставила 500 руб. сер. болѣе нежели въ предъидущемъ году. Но особенно значительно возрасла сумма пожертвованій въ особія, предложенныя отъ Общества предпріятія—экспедиціи и проч. Такъ въ истекшемъ году графъ Чапскій пожертвовалъ Обществу 17,500 р. сер. въ капиталъ для снаряженія восточно-сибирской экспедиціи.

Библіотека Общества, отчасти покупкою, отчасти обмѣномъ и особенно пожертвованіями приобрѣла въ истекшемъ году 804 сочиненія. Особенно значительно приобрѣтеніе Общества по завѣщанію Н. С. Корсакова, изъ библіотеки котораго поступило въ собственность Общества 1,006 томовъ книгъ и 1,289 листовъ картъ. Къ 1 апрѣля 1854 г. библіотека Общества содержала—книгъ 3,500 названій въ 6,700 томахъ; картъ—1,679 атласовъ; рукописей—256 и проч.

Этнографическій музей Общества обогатился въ прошломъ году особенно коллекціею вещей изъ быта туземцевъ нашихъ сѣверо-американскихъ владѣній; она пожертвована П. П. Дорошниковымъ.

Изъ различныхъ отраслей ученой дѣятельности Общества «Отчетъ» прежде всего говоритъ объ экспедиціяхъ, снаряжаемыхъ Обществомъ. Ихъ въ 1854 г. было четыре: 1) обширѣйшее изъ всѣхъ предпріятій Общества—экспедиція въ восточную Сибирь—осуществилась въ этомъ году. Математическій отдѣлъ экспедиціи, состоящій изъ главнаго астронома ея, Л. А. Шварца, и его помощниковъ—

поручика Рошкова и подпоручиковъ Сиратина и Усольцева, извѣстнаго художника, академика Майера и натуралиста г. Радде, прибылъ въ Иркутскъ; 2) Экспедиція для геогностическаго изученія степной части Черноирскаго уѣзда, подъ управленіемъ г. Ауэрбаха, снаряжена и исполнила свое назначеніе въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ прошедшаго года; она особенно подробно изслѣдовала интересныя для науки окрестности Большой Богдо и произвела замѣчательный вертикальный разрѣзъ этой горы отъ вершины до самой подошвы; кромѣ того она изслѣдовала саянскія свѣрныя копи; 3) Экспедиція г. И. С. Аксакова для изученія торговли на украинскихъ ярмаркахъ, также окончила свой трудъ; 4) Экспедиція для изученія рыболовства на Каспійскомъ морѣ, состоящая подъ начальствомъ академика Бѣра, съ успѣхомъ продолжала свои важныя работы.

Изъ картографическихъ предпріятій Общества важнѣйшее по объему—изданіе межеваго атласа Тверской губерніи, приводится къ окончанію подъ наблюденіемъ г. Менда; болѣе половины этого обширнаго атласа уже вышло въ свѣтъ. Кромѣ того Общество издало важную «Карту астрономически опредѣленныхъ мѣстъ сѣверозападной части Средней Азіи», составленную г. Ханыковымъ (о которой мы говоримъ въ настоящемъ номерѣ «Современника» въ разборѣ X книжки «Записокъ Общества»); оканчивается литографированіе карты озера Исмыкъ-Куль и его окрестностей, составленной также г. Ханыковымъ. Изготовленіе статистическаго атласа Европейской Россіи г. Н. А. Милютинымъ продолжалось.

Изданіи Общества въ истекшемъ году были слѣдующія: 1) X-ая книжка «Записокъ» (о которой мы говоримъ въ этомъ номерѣ «Современника»; она издана подъ редакцію г. И. П. Арапетова). XI-ая книжка (по преимуществу геологическаго содержанія) готовится къ изданію подъ редакцію г. В. Г. Ерофѣева; 2) «Вѣстникъ» Общества правильно выходилъ подъ редакцію секретаря Общества В. А. Милютина и во время его отсутствія — Е. И. Ламанскаго; 3) «Отчетъ» Общества за 1853 годъ; 4) 2-ая книжка этнографическаго сборника подъ редакцію г. М. К. Коркунова; 5) 2-ая книжка математическаго сборника. Всѣ эти книги принадлежатъ къ постояннымъ изданіямъ Общества. Сверхъ того въ 1854 г. оканчивались печатаніемъ: 6) Сельская лѣтопись, составленная изъ климатологическихъ наблюденій 1851 года; 7) Труды уральской экспедиціи, томъ II; 8) то же сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ; 9) Статистическое описаніе города Калязина и его уѣзда (приложеніе къ Атласу Тверской губерніи); 10) «Обзоръ путешествій и географическихъ открытій въ 1848—1853 годахъ, г. Свенске. Наконецъ печатались или готовились къ печатанію: 11) Каталогъ всѣхъ картъ Россіи и ея частей; 12) Памятники народнаго русскаго языка, подъ редакцію И. И. Срезневскаго; 13) Обзоръ внутренней торговли; 14) Переводъ Риттеррова землевѣдѣнія, часть котораго будетъ скоро готова къ печати.

Изъ двухъ премій, которыми ежегодно располагаетъ Общество, Константиновская (которая присуждается по очереди различными отдѣленіями Общества) въ прошедшемъ году выдана по предмету географіи—г. Манганани, за карты Мраморнаго моря. Жуковская статистическая премія присуждена Е. И. Ламанскому за его сочиненія: «О денежномъ обращеніи въ Россіи съ 1650 по 1817 г.» и «Объ операціяхъ кредитныхъ установленій съ 1817 года».

Статей доставлено изъ провинцій членами-сотрудниками 350.

Вообще дѣятельность Общества, сочувствіе и содѣйствіе его трудамъ съ

каждымъ новымъ годомъ усиливается, подъ милостивымъ покровительствомъ Монарха и непосредственнымъ ободреніемъ и участіемъ Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

Подвигъ матери, эпизодъ изъ отечественной войны, въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. *Ореста Миллера*. Спб. 1855. .

Пьеса г. Миллера не имѣла особеннаго успѣха или, лучше сказать, никакого успѣха на сценѣ—этимъ достаточно опредѣляется степень ея достоинства; потому было бы излишне много говорить о ней. Расскажемъ только ея сюжетъ въ вѣсколькихъ словахъ.

Елена Петровна, вдова генерала, отпустила двухъ сыновей въ армию, стоящую подъ Можайскомъ и съ минуты на минуты ожидающую сраженія (дѣйствіе въ 1812 году въ Москвѣ). Легко понять безпокойство нѣжной матери. Оно увеличивается тѣмъ, что Ваня, младшій сынъ и любимецъ матери, тоскуетъ и рвется душою на защиту родины—онъ хочетъ побѣдить или умереть рядомъ съ своими братьями. Онъ даже успѣлъ выпроситься у матери съѣздить навѣстить братьевъ. Елена Петровна мучится опасеніемъ, что любимецъ ея останется при арміи. Но Ваня послушный сынъ, и возвращается, какъ ни тяжело ему это. Въ этомъ состоитъ первый актъ. Во второмъ актѣ получено извѣстіе о Бородинской битвѣ. Дядька старшихъ сыновей длиннымъ разговоромъ постепенно приготовляетъ Елену Петровну въ страшной вѣсти, что оба они убиты. Жена старшаго изъ убитыхъ падаетъ обморокъ, услышавъ о смерти мужа. Но мать возвышается духомъ, и въ порывѣ благороднаго энтузіазма сама посылаетъ Ваню, котораго удерживала прежде, заступитъ мѣсто братьевъ въ рядахъ защитниковъ отечества.

Читателямъ предоставляется судить о естественности развязки. Авторъ особенно старался изобразить психологическую борьбу—патріотизма и послушанія къ матери въ сердцѣ Вани, патріотизма и материнской любви въ сердцѣ Елены Петровны. Что онъ не успѣлъ еще уловить истинныя черты этой борьбы, объясняется, и, если угодно, извиняется его молодостью. Этимъ же объясняется и многое другое неудачное въ его пьесѣ, которая, впрочемъ, писана довольно гладкими стихами.

Новѣйшій полный русскій пѣсennикъ. Въ четырехъ частяхъ. Москва. 1855.

Русская литература чрезвычайно богата потребностями. Одна изъ нихъ — собраніе лучшихъ произведеній русской поэзіи, въ родѣ многочисленныхъ сборниковъ, какія существуютъ въ другихъ литературахъ, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго «*Hausschatz der deutschen Poesie*» Вольфа. Но у насъ существуютъ только хрестоматіи, которыя называются хорошими только сравнительно съ другими, ужъ слишкомъ плохими. Притомъ же, никакая хрестоматія, по самому своему назначенію для юношества чрезвычайно стѣсняясь въ выборѣ стихотвореній, не можетъ соответствовать требованіямъ публики, сошедшей съ школьной скамьи. Повидимому, матеріальный успѣхъ подобнаго сборника, составленнаго хотя съ нѣкоторымъ

знаніємъ и ввучеонъ, не подлежалъ бы сомнѣнію. Но до сихъ поръ русская публика должна довольствоваться хрестоматіями. Кромѣ ихъ въ нашей литературѣ существуютъ только сѣробунажные Пѣсенники, слѣпленные съ самою грустною небрежностью, самымъ жалкимъ невѣжествомъ и безвкусіемъ—Пѣсенники, вей похожіе одинъ на другой по своему внѣшнему и внутреннему безобразію, какъ двѣ капли воды, в принадлежащіе той же отрасли литературы, къ которой относится анекдоты о Балакиревѣ и Похожденія Францыла Венеціана.

Пѣсенникъ нынѣ оттиснутый въ четырехъ частяхъ московскою бумагонабивною промышленностью, ничѣмъ не лучше своихъ предшественниковъ. Четыре части его всѣ свободно обнимаются общею оберткою, подъ которою прячется два или три десятка печатныхъ листовъ плохой бумаги, отчасти наполненныхъ строками избыткаго шрифта—общая форма издѣлій набивной бумажной промышленности. О содержаніи можетъ дать понятіе уже самое заглавіе, если его прочитатъ въ полномъ составѣ, покрывающемъ первую страницу: «Новѣйшій полный русскій пѣсенникъ, собранный изъ народныхъ русскихъ пѣсенъ и изъ сочиненій извѣстныхъ русскихъ писателей: Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Кольцова, Цыганова, кв. Вяземскаго, Нелединскаго, Мелецкаго, Козлова, Марлинскаго, Бенедиктова, Батюшкова, Мерзлякова, Дмитріева, Веневитинова, Давыдова, Плетнева, Баратынскаго; также содержащій пѣсни своточныя, хороводныя, подблюдныя, плясовымъ, свадебнымъ и проч.».

Какова должна быть книжка съ такимъ спискомъ именъ и словъ, которыя, кажется, отталкиваютъ другъ друга! Когда же мы будемъ имѣть сборникъ составленный хотя на одинъ волосъ лучше этихъ уродливыхъ чудовищъ, которыя отъ времени становятся только безобразнѣе?

Крымская экспедиція. Разсказъ очевидца, французскаго генерала. Переводъ съ французскаго. Спб. 1855.

Брошюра эта, говорятъ, написанная по порученію привца Наполеона, который находится не совсѣмъ въ пріятныхъ отношеніяхъ съ своимъ родственникомъ, нынѣшнимъ французскимъ императоромъ, произвела въ Европѣ сильное впечатлѣніе, какъ потому, что написана очень ловко (ее приписываютъ даже — вѣроятно, несправедливо—перу Эмиля Жирардена, самаго бойкаго изъ современныхъ французскихъ публицистовъ), такъ и потому, что въ ней содержится нѣсколько фактовъ, очеви важныхъ и бывшихъ до того времени извѣстными только немногимъ лицамъ — они сообщены редактору памфлета, конечно, принцемъ Наполеономъ, который по своему положенію могъ знать очень много «домашнихъ секретовъ» французскаго правительства.

Брошюра имѣетъ двоякую цѣль: обнаружить непредусмотрительность, неблагонамѣренность, эгоизмъ нынѣшняго французскаго правительства (т. е. Луи-Наполеона и его приверженцевъ), доказать фактами, что Крымская экспедиція задумана не для блага Франціи, но по политической необходимости, а единственно по личнымъ разчетамъ Луи-Наполеона; задумана безъ знанія дѣла, безъ предусмотрительности; что до сихъ поръ точно также безъ всякой предусмотрительности ведутся военныя дѣйствія французовъ въ Крыму; что выборъ генераловъ былъ неудачепъ

и основанъ не на заслугахъ, а на личнѣхъ отношеніяхъ ихъ къ Луи-Наполеону; что французская армія совершенно понапрасну гибнетъ подъ Севастополемъ отъ вуждъ, болѣзней и испрыательскаго оружія и т. д.—все это справедливо, и составляетъ сильную сторону памфлета. Но есть у него и слабая сторона — стремленіе доказать, что принцъ Наполеонъ предвидѣлъ всѣ патубныя послѣдствія Крымской экспедиціи и каждаго изъ ошибочныхъ дѣйствій при ея исполненіи; что принцъ Наполеонъ — великій политикъ, великій полководецъ, человѣкъ, чуждый всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ и думающій единственно о благѣ Франціи; что если бы въ настоящую войну императоръ французовъ руководился его совѣтами, то все было бы хорошо (подразумѣвай: а еслибы принцъ Наполеонъ сидѣлъ на мѣстѣ Луи-Наполеона, то было бы еще лучше, Франція благоденствовала бы и вмѣстѣ украшалась лаврами); что поэтому — долженъ заключить читатель, французы должны предпочесть геніальнаго и преданнаго общему благу принца Наполеона Луи-Наполеону — все это слабая сторона брошюры, потому что осыпать себя похвалами не значить еще доказать справедливость этихъ похвалъ.

Но русскимъ читателямъ нѣтъ никакого дѣла до выгодъ и достоинствъ принца Наполеона. Имъ интересна только критическая часть брошюры, въ которой много правды, и мы постараемся, какъ можно короче, изложить содержаніе этой стороны брошюры не касаясь общихъ соображеній принца Наполеона о причинахъ войны, которыя нынѣ потеряли свой интересъ, и ограничиваясь только фактами, относящимися къ Крымской экспедиціи.

Французская вспомогательная армія (около 40,000) прибыла въ Галлиполи въ концѣ апрѣля прошедшаго года, и тамъ долго стояла бездѣйственно — медленность вредная для Франціи: на войнѣ драгоцѣнна каждая минута. Потомъ она двинулась въ Варву и опять бездѣйственно стояла тамъ. Цѣлые два мѣсяца свирѣпствовала въ лагерѣ холера съ тифусомъ. Это было легко предвидѣть: Варна извѣстна своимъ нездоровымъ климатомъ. Войско роптало и унывало. Для того, чтобы поддержать его духъ побѣдами, Сентъ-Арно послалъ въ Добруджу генерала Эспинаса искать русскихъ — въ убійственныхъ болотахъ этой области умерло до 6,000 французовъ; русскихъ Эспинасъ и не видалъ. Пагубность похода очень легко было предвидѣть: Добруджа извѣстна, какъ страна безплодная, пустынная, болотистая и въ высшей степени нездоровая. Наконецъ начали говорить о Крымской экспедиціи. Но карты Крыма были плохи; состояніе дорогъ неизвѣстно. Рагланъ, Гамеленъ, принцъ Наполеонъ считали экспедицію при тогдашнихъ обстоятельствахъ предпріятіемъ безразсуднымъ; Лейонсъ, Дондасъ и Чернеръ говорили въ томъ же смыслѣ. Но рѣшительное мнѣніе главнокомандующаго арміею, маршала Сентъ-Арно, не допускало противорѣчій. Начать экспедицію въ сентябрѣ, когда уже близки осеннія и зипія бури, было дѣйствительно безразсудно. Послѣ сраженія при Альмѣ было опять потеряно много драгоцѣннаго времени — Канроберъ, замѣстившій умершаго Сентъ-Арно, изнемогалъ подъ бременемъ отвѣтственности, въ которой не былъ приготовленъ предшествующею своею службою — онъ никогда не былъ самостоятельнымъ начальникомъ — потому дѣйствовалъ робко. Медленностью потеряны были всѣ выгоды, пріобрѣтенныя счастливымъ началомъ экспедиціи. Сентъ-Арно всю надежду на успѣхъ экспедиціи основывалъ на мысли тотчасъ же по прибытіи къ Севастополю штурмовать эту крѣпость, еще не приготовленную къ осадѣ и не имѣвшую значительнаго гарнизона; эта мысль не осуществилась, когда

онъ умеръ, и единственный шанс торжества былъ потерянъ. Союзники, не готовившіеся къ зиней кампаніи, должны были зиновать въ Крыму, и подверглись страшнымъ лишеніямъ, холоду, часто голоду, болѣзнямъ, однимъ словомъ, началась исторія, очень хорошо нынѣ извѣстная. «Очевидецъ» рѣзко описываетъ эти несчастія и неудачи.

Въ этомъ отношеніи его показаніи могли произвестъ сильное впечатлѣніе на французовъ, но для насъ, которымъ всегда было извѣстно истинное положеніе англо-французскихъ войскъ подъ Севастополемъ, въ его словахъ нѣтъ ничего новаго.

Кого же должны обвинять французы въ безплодной гибели тысячъ своихъ лучшихъ воиновъ отъ русскаго сраженія, десятковъ тысячъ отъ болѣзней и лишений? Кто виноватъ въ бездѣйствіи французской арміи, напрасно страдавшей въ Варѣ въ лучшее время года, кто виноватъ въ пагубномъ для нихъ рѣшеніи осаждать Севастополь, кто виноватъ въ непростительныхъ ошибкахъ, которыми такъ богата исторія этой несчастной осады? Это для большинства остается еще или темно или совершенно неизвѣстно. «Очевидецъ» даетъ на все положительные отвѣты.

Французская армія — говоритъ онъ — стояла очень долго въ Галлиполи и Варѣ потону, что Луи-Наполеонъ и Сентъ-Арно выжидали, пока Австрія объявить войну Россіи. Надежда эта, прибавляетъ онъ, была безразсудна, и очень рѣзко доказываетъ, что надѣяться на дѣятельное участіе Австріи въ англо-французскомъ союзѣ могли и могутъ только люди, лишенные всякаго политическаго такта — быть можетъ, это справедливо, замѣтитъ мы; но очевидецъ забываетъ, другое обстоятельство еще болѣе важное: въ началѣ войны, Франція не думала присылать въ Турцію болѣе 40—50 тысячъ, и не надѣялась, чтобы турки могли устоять въ полѣ противъ русскихъ; потому начать наступательную войну Луи-Наполеонъ и Сентъ-Арно считали невозможнымъ; союзники послали войско собственно только для защиты южныхъ провинцій Европейской Турціи.

Планъ пагубной крымской экспедиціи составленъ въ Парижѣ самимъ Луи-Наполеономъ, говоритъ авторъ, — это должно быть хорошо извѣстно принцу Наполеону, отъ котораго онъ получилъ свои матеріалы. — Всѣ хорошіе французскіе генералы, даже маршалъ Вальянъ, нынѣшій военный министръ, видѣли невозможность исполнить этотъ планъ, и громко объ этомъ говорили; одинъ главнокомандующій, Сентъ-Арно, согласился принять его (и гѣмъ крымская экспедиція была рѣшена) потому что былъ креатурою Луи-Наполеона, и, при всей своей безхарактерности, былъ человѣкъ отважный до дерзости. Смерть его, передавшая команду осторожному Канробору, лишила французовъ всякой возможности успѣха, потому что дерзкій планъ могъ быть осуществленъ только дерзкимъ средствомъ — немедленнымъ штурмованіемъ Севастополя послѣ Альискаго сраженія, какъ и хотѣлъ Сентъ-Арно. Теперь всякое вѣроятіе успѣха миновалось для союзниковъ.

Мы передали только главныя мысли «Очевидца», въ разсказѣ котораго кромѣ того есть очень много интересныхъ подробностей.

Записки о войнѣ 1813 года въ Германіи. Генераль-маіора Н. Ортенберга.
Спб. 1855.

Цѣль, съ которою издала эта книга, объясняется авторомъ въ предисловіи. «Побуждаемый славами «Наставленія для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній», что военныя событія 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ должны составлять предметъ особаго изученія для офицеровъ русской арміи, я рѣшился, говорить г. Ортенбергъ, принести посильную дань военной литературѣ, представивъ ясное, хотя и краткое изображеніе одного изъ знаменитыхъ годовъ, когда въ такомъ яркомъ свѣтѣ проявилась и великодушная твердость Государя и доблести народа русскаго».

Пріятное препровожденіе врѣмени или собраніе уютривительнѣйшихъ фантовъ.
Спб. 1855.

Быть можетъ, вы захотите посмѣяться надъ этою книжкою—и вы будете правы, потому что многія изъ описываемыхъ въ ней игръ нелѣпы, а сама книжка написана языкомъ, далеко не образцовымъ въ грамматическомъ отношеніи. Но любители фантовъ могутъ узнать изъ нея нѣсколько игръ, довольно забавныхъ, напримѣръ:

Ленты.

«Играющіе берутъ въ руки каждый особенную ленту и держатъ ее за одинъ конецъ; а другой конецъ всѣхъ лентъ дается въ руки тому, кто распоряжается игрою. Когда онъ говоритъ: «тяните!»—надо опускать; а когда онъ говоритъ: «опускайте!»—надо потянуть. Удивительно, что въ такой незамысловатой игрѣ собирается множество фантовъ».

Въ самомъ дѣлѣ, ошибки должны тутъ быть ежеминутны, и игра можетъ доставить нѣсколько минутъ веселаго хохота. Однако не всѣ игры такъ легки и забавны, напр. «быть статуей» или «попугаемъ» очень трудно,—но только въ фантахъ: въ жизни напротивъ, и легко и пріятно.

Восточная война, ея причины и послѣдствія. Москва. 1855.

Брошюра эта, написанная еще въ мартѣ прошедшаго года, и слишкомъ поздно явившаяся въ русскомъ переводѣ, едва ли можетъ имѣть особенный интересъ для читателей въ настоящее время. Борьба, неизбежность которой еще только предсказываетъ брошюра, продолжается уже болѣе года, и приняла такіе обширные размѣры, что совершенно измѣнила свой характеръ. Это уже не война между Россією и Турцією съ ея союзниками, какою представлялась она полтора года тому назадъ, а война между Россією и двумя западными державами, которыя от-

тѣснили Турцію на второй планъ и на военномъ и на дипломатическомъ поприщѣ. Если возможно было сомнѣваться, по совѣту или противъ совѣта Англии и Франціи начала войну Турція въ 1853 году, то для каждаго теперь ясно, что въ настоящую минуту Турція продолжаетъ ее противъ собственной воли, по приказанію своихъ союзниковъ, которые изъ союзниковъ сдѣлались властелинами слабой державы. Дѣло приняло оборотъ, напоминающій басню, рассказанную аеинянами когда сиракузяне предлагали имъ свою помощь противъ персовъ: «Лошадь вела войну съ какимъ-то врагомъ, и видя собственное безсиліе продолжать ее, обратилась съ просьбою о помощи къ человѣку. Человѣкъ охотно взялся помогать ей, только съ условіемъ, чтобы лошадь позволила ему сѣсть на ее спину; лошадь согласилась; но когда, по окончаніи войны, попросила своего союзника освободить ее спину отъ тяжести его тѣла, подъ которою она изнемогаетъ, союзникъ преспокойно отвелъ ее въ конюшню, не слушая никакихъ просьбъ, и послѣ того никогда уже не возвращала себѣ лошадь прежней воли». Аеиняне, выслушавъ эту басню, отказались отъ помощи, предлагаемой сиракузянами. Турки не знали басни, вѣроятно только потому и просили помощи у французовъ и англичанъ. Какъ бы то ни было, но характеръ войны совершенно измѣнился послѣ того, какъ она стала дѣломъ западныхъ державъ, и тѣ вопросы, о которыхъ первоначально шло дѣло, потеряли теперь значеніе—воюющія державы успѣли согласиться въ ихъ рѣшеніи на вѣнскихъ конференціяхъ и это не остановило войны, потому что успѣли уже возникнуть новые вопросы, отнявшіе у первыхъ большую часть важности. Во многомъ измѣнились и другія обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ продолженіе войны, и на которыхъ основаны предположенія автора брошюры. Однимъ словомъ, событія, совершающіяся передъ нашими глазами, отняли своимъ развитіемъ большую часть интереса у прошлогоднихъ памфлетовъ и статей, которыя могли быть любопытны въ свое время. Къ числу ихъ принадлежитъ и брошюра, заглавіе которой мы выписали выше.

Новыя письма о химіи, въ ея приложеніяхъ къ промышленности, физиологіи и земледѣлію, Юстуса Либиха. Переводъ инженеръ-поручика А. Юхера. Спб. 1855.

Разсказываютъ, что Либиха, основателя органической химіи, когда онъ былъ еще мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати, спросили: «Какимъ предметомъ ты хочешь заниматься?»—«Химіею», отвѣчалъ онъ.—«Глупенькій, какъ же можно заниматься такими пустяками!» отвѣчалъ ученѣйшій изъ присутствовавшихъ ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если какая нибудь наука можетъ назваться созданіемъ новѣйшаго времени, то это химія, особенно органическая. Кто учился химіи лѣтъ двадцать тому назадъ, тому нынѣ должно совершенно вновь изучать ее, чтобы хотя сколько нибудь имѣть понятіе объ огромной важности и великихъ результатахъ этой науки, одной изъ драгоцѣннѣйшихъ для человѣка, едва ли не самой важнѣйшей въ наше время изъ всѣхъ естественныхъ наукъ, и уже ставшей, не смотря на свою молодость, руководящею нашею и въ сельскомъ хозяйствѣ, а въ промышленности, и въ физиологіи, и въ медицинѣ. Виновиномъ столь быстраго и благотѣльнаго для людей развитія химія былъ Либихъ; онъ же былъ и вѣяная

тедемъ своихъ великихъ открытій для всѣхъ образованныхъ людей, потому что, обладая всѣми качествами гениальнаго пэслѣдователя, онъ въ то же время одаренъ способностью и охотою писать чрезвычайно популярно-драгоцѣнныя качества, рѣдко соединяющіеся въ одномъ человѣкѣ. Его «Письма о химіи», будучи одною изъ важнѣйшихъ книгъ нашего времени по ученому достоинству, съ тѣмъ вѣстѣ одна изъ самыхъ занимательныхъ и легкихъ книгъ, какія только существуютъ по естественнымъ наукамъ. Въ послѣднемъ отношеніи они стоятъ наравнѣ съ астрономическими трактатами Араго, далеко превосходя ихъ по гениальной самостоятельности содержанія. Впрочемъ, было бы совершенно напрасно распространяться о достоинствахъ этого сочиненія, всѣмъ вѣстныхъ. Первая часть «Писемъ» (I—XXVI письма) была уже переведена нѣсколько лѣтъ тому назадъ на русскій г. Димчичемъ; теперь является и вторая часть ихъ, служащая необходимымъ продолженіемъ первой (письма XXVII—XXXVII). Благодаря г. Юхера за этотъ истинно полезный трудъ, мы пользуемся появленіемъ новой книги Либиха на русскомъ языкѣ, чтобы сообщить нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о главѣ современныхъ химиковъ.

Юстусъ Либихъ родился въ 1803 году въ Дармштадтѣ. Еще будучи ребенкомъ, онъ обнаруживалъ уже большую любовь къ естественнымъ наукамъ, и потому отецъ опредѣлялъ молодого Юстуса, по окончаніи гимназическаго курса, въ аптеку въ городкѣ Геппенгеймѣ, близъ Дармштадта. Проживъ здѣсь около года, онъ поступилъ въ Боннскій университетъ, потомъ слушалъ лекціи въ Эрлангенѣ, а въ 1822 году, для усовершенствованія себя въ естественныхъ наукахъ, могъ отправиться въ Парижъ, благодаря пособію отъ правительства. Тамъ двадцатилѣтній юноша уже обратилъ на себя вниманіе Гумбольдта важными изслѣдованіями по части органической химіи. Отчасти рекомендаціи Гумбольдта, отчасти собственной извѣстности, быстро пріобрѣтенной, обязанъ онъ тѣмъ, что на 21-й году получилъ мѣсто профессора въ Гиссенскомъ университетѣ, который въ свою очередь обязанъ ему громкою славою, какъ лучший университетъ въ Европѣ по части химіи. Въ Гиссенѣ оставался онъ до 1852 года, когда, принявъ настоятельныя приглашенія Баварскаго правительства, перешелъ профессоромъ химіи въ Мюнхенскій университетъ, привлеченный не какими нибудь денежными выгодами—онъ и въ Мюнхенѣ получаетъ, если не ошибаемся, не болѣе 2,000 талеровъ жалованья, т. е. гораздо менѣе, нежели каждый изъ профессоровъ парижскаго факультета,—а тѣмъ, что средства Мюнхенскаго университета позволяли ему устроить болѣе обширную лабораторію. Въ Гиссенѣ, до Либиха совершенно неизвѣстный въ ученомъ мірѣ, стекались на лекціи Либиха ученики—не только изъ всѣхъ концовъ Германіи, но также изъ Россіи, Франціи, Англіи, даже Швеціи. Теперь они стекаются въ Мюнхенъ. Органическая химія, можно сказать, обязана своимъ еуще-ствованіемъ Либиху, почти всѣми своими важными открытіями—Либиху и его ученикамъ.

Переводъ «Новыхъ писемъ о химіи» удовлетворителенъ со стороны языка, почти всегда правильнаго и яснаго.

Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называвшихъ старообрядцахъ, собранное протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ. Изданіе пятое. Спб. 1855.

Сочиненіе, написанное протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ въ концѣ прошедшаго вѣка, есть одно изъ главныхъ пособій для изученія исторіи и ученій раскола. Сочинитель, самъ въ молодости принадлежавшій къ послѣдователямъ безпоповщины, очень хорошо зналъ суевѣрія раскольниковъ, особенно той секты, въ которую нѣкогда былъ увлеченъ. Кромѣ того, у него въ рукахъ было большое количество раскольниковыхъ книгъ и грамотъ, писанныхъ расколочальниками. Поэтому его книга заключаетъ въ себѣ множество фактовъ, сохранившихъ которыхъ мы обязаны исключительно ему, и которыхъ напрасно стали бы искать въ другихъ источникахъ. «Полное историческое извѣстіе» было уже рѣдкою книгою въ послѣднее время, и лица, занимающіяся обращеніемъ раскольниковъ или изученіемъ ихъ исторіи, будутъ рады новому изданію этого важнаго пособія.

Игра пикетъ, написанная и изданная П. С. Вишневымъ. Спб. 1855.

Выучиться по этой книжкѣ играть въ пикетъ очень трудно, потому что правила игры изложены въ ней безсвязно и сбивчиво. Гораздо проще и скорѣе можно научиться пикету, сыгравъ двѣ или три игры съ кѣмъ нибудь знающимъ, потому что расчеты его легко запомнить. Итакъ, книжка г. Вишнева, состоящая изъ нѣсколькихъ мнѣннотурныхъ страничекъ, не стоила бы своей цѣны: <75 коп., съ пересылкою 1 руб. сер.>, если бы въ концѣ ея, послѣ увѣренія, что <игра эта такъ увлекательна, что въ нее могутъ играть всегда съ удовольствіемъ всѣ мужчины и женщины; здѣсь бывають иногда такіе чрезвычайные случаи, которые могутъ привести въ восхищеніе самую холодную душу> — если бы послѣ этого увѣрошя не былъ разсказанъ авторомъ анекдотъ, способный привести въ восхищеніе самую холодную душу:

<Одинъ почтенный старый воинъ, славныхъ отечественныхъ войвъ, разсказывалъ мнѣ замѣчательный эпизодъ изъ собственной жизни: что въ пикетъ за деньги онъ никогда не игралъ; во что этой игрѣ онъ считалъ себя обязаннымъ счастливымъ супружествомъ. По выходѣ въ отставку въ 1818 году, говорилъ онъ, рѣшился я жениться, скоро нашелъ въ своей деревнѣ выгодную невѣсту, во сойтись съ нею въ продолженіе цѣлаго года никакъ не могъ; родители ея желали этого брака, а она в слышать не хотѣла; бывало приду къ ней, припоминалъ старый воинъ, — вакъ водится въ такихъ случаяхъ, насъ оставить вдвоемъ, и мы сидимъ часъ другой: слова нейдуть. она зѣваетъ, а мнѣ досадно; дѣло деревенское, развлеченій немного, и чѣмъ помочь горю я не авалъ; однажды мнѣ пришла въ голову благая мысль, и я рѣшился съ согласія родителей показать моей невѣстѣ правила игры въ пикетъ в овѣ ей понравились съ разу. Съ той поры, счастье улыбнулось намъ, и мы болѣе десяти лѣтъ не знали скуки, а почтенный старикъ, сколько мнѣ навѣстно никогда не дгаль>.

Итакъ, кто желаетъ склонить къ любви гордую красавицу, долженъ играть съ нею въ пикетъ: <счастье улыбнется ему, и онъ съ нею болѣе десяти лѣтъ не будетъ знать скуки>.

Исследование о летописи Яниновской. Составилъ П. А. Лавровскій.
Спб. 1855.

Г. Лавровскій предпринялъ дѣло небезполезное: разобрать составъ Іоакимовской летописи, сохраненной для насъ Татищевымъ и сличить ея извѣстія съ фактами, находящимися у Нестора и польскихъ летописцевъ. Особенно сличеніе съ польскими летописями можетъ быть любопытно для людей, но знающихъ съ ними. Подобно всѣмъ новѣйшимъ изслѣдователямъ, онъ оправдываетъ Татищева отъ несправедливаго обвиненія, будто бы летопись эта выдумана имъ самимъ и признаетъ подлинность летописи. Важнѣйшія изъ заключеній, до которыхъ онъ доходитъ, состоятъ въ томъ, что первая половина отрывка, сохраненнаго Татищевымъ, обнимающая событія до призванія варяговъ, наполнена извѣстіями, которыя не подтверждаются другими источниками, и носить на себѣ очевидные слѣды средневѣковыхъ сказаній о происхожденіи и разселеніи народовъ; эта часть отрывка составлена подъ вліяніемъ польскихъ летописцевъ. Вторая половина отрывка, рассказывающая событія, слѣдовавшія за призваніемъ варяговъ, значительнымъ образомъ дополняя Нестерову летопись, не содержитъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго или противорѣчащаго достовѣрнымъ фактамъ, напротивъ того, часто объясняетъ ихъ своими извѣстіями, и потому должна заслуживать нашего довѣрія.

Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ. Книги второй половина первая. Москва. 1855.

Предисловіе къ новому тому «Архива» служитъ обширная статья издателя, г. Калачова, содержащая обзоръ рецензій на предыдущіе томы этого сборника, помѣщенные въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ г. Калачовъ, гдѣ нужно, самъ дѣлаетъ замѣчанія на статьи своего изданія. Этотъ критическій обзоръ долженъ назваться превосходнымъ, не только по основательности и учености, но также и по чрезвычайно скромному и вмѣстѣ полному достоинству, деликатному и благородному тону, въ которомъ написанъ. Насталъ бы золотой вѣкъ ученыхъ прешій, если бы подобныя статьи являлись чаще. Всѣ вопросы, въ которыхъ тотъ или другой рецензентъ были несогласны съ авторами статей, помѣщенныхъ въ «Архивѣ» разсмотрѣны съ совершеннымъ хладнокровіемъ и рѣдкимъ безпристрастіемъ; отдана полная справедливость немногимъ дѣльнымъ замѣчаніямъ; спокойно объяснены недоразумѣнія, исправлены ошибки, довольно часто встрѣчавшіяся въ разборахъ «Архива», и ни одной фразы не нашли мы въ обширномъ предисловіи г. Калачова, которая отзывалась бы хотя слабымъ отгѣвномъ нетерпимости или гнѣва, отъ чего немногіе умѣютъ удержаться, отвѣчая на замѣчанія, сдѣланныя на ихъ книги или статьи. За то, какое благоприятное впечатлѣніе производитъ на читателя это предисловіе! Даже тотъ, чьи замѣчанія опровергаетъ г. Калачовъ, охотно согласится признать основательность его возраженій — потому что вездѣ идетъ дѣло о научныхъ вопросахъ, а не объ отыскиваніи или нанесеніи оскорбленій чьему нибудь самолюбію. Такъ ли поступаютъ обыкновенно? Впрочемъ, мы не уди-

вляемся рѣдкому спокойствію в деликатности г. Калачова, потому что онъ силенъ и спокоенъ справедливымъ сознаніемъ достоинствъ своего изданія. Люди, легко раздражающіеся замѣчаніями критики, обыкновенно не имѣютъ этого успокоительнаго сознанія. Если бы можно было находить излишекъ въ такомъ превосходномъ качествѣ, какъ внимательность, то мы сказали бы, что г. Калачовъ напрасно входитъ въ ученые объясненія съ однимъ изъ рецензентовъ своего изданія, очевидно не имѣющимъ ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ—не всякое мнѣніе заслуживаетъ отвѣта. Имя этого рецензента, намъ кажется, не должно было бы стоять подлѣ именъ гг. Погодина, Буслаева и Кавелина.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемомъ нами томѣ «Архива», самая важная и самая интересная, безъ сомнѣнія—ислѣдованіе г. Грановскаго «О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ». Мы не будемъ говорить о достоинствахъ, которыми отличается ея изложеніе, потому что ясность и изящество изложенія—постоянные и всѣми признанныя качества сочиненій г. Грановскаго. Но самую высокую цѣну получаетъ его статья оттого, что онъ—какъ и всегда впрочемъ—избралъ предметомъ ея вопросъ, имѣющій очень важное значеніе въ общей системѣ науки, и, надобно прибавить въ настоящемъ случаѣ, сдѣлавшійся у насъ особенно интереснымъ по тѣмъ жаркимъ спорамъ, которые были возбуждены вопросами о родовомъ бытѣ, въ которомъ многіе хотѣли видѣть исключительную принадлежность славянской исторіи, въ противоположность германскому племени, чуждому, по ихъ мнѣнію, общиннаго начала—важная ошибка, вовлекающая въ различныя заблужденія. Оставляя въ сторонѣ спеціальную сторону ислѣдованія г. Грановскаго, мы въ короткихъ словахъ перескажемъ существенные выводы, къ которымъ привела въ послѣднее время розысканія о родовомъ бытѣ у германцевъ.

Въ нашемъ отчетѣ о предъидущемъ томѣ «Архива» мы, чтобы опредѣлить степень важности ислѣдованій вашихъ филологовъ о патриархальномъ бытѣ славянъ, говорили о значеніи трудовъ Гримма, и, между прочимъ, упомянули, что одною изъ главнѣйшихъ пружинъ, вызвавшихъ труды этого великаго ислѣдователя была односторонняя тевтономанія, стремленію доказать путемъ науки, что германцы искони были племенемъ, высоко превосходившимъ всѣ остальные племена евоныхъ умственными и нравственными качествами, своимъ общественнымъ развитіемъ. Заключение, которое мы выводили изъ этого—именно, что эти труды теряютъ часть своей важности, какъ скоро мы поймемъ фальшивость всѣхъ возможныхъ тевтономаній, галломаній, англomanій, чехоманій, болгароманій—это заключение не понравилось нѣкоторымъ изъ людей, обратившихъ на нашу статейку вниманіе, котораго она не заслуживала, заключая въ себѣ только вещи, далеко не новыя. Но что же дѣлать отъ него нельзя отказаться, потому что оно справедливо, и мы напомнили о тевтономаніи потому, что вопросъ о родовомъ бытѣ долго былъ исслѣдуемъ у нѣмцевъ также въ духѣ тевтономаніи, а въ послѣднее время у насъ послужилъ опорой совершенно другой маніи. Именно, дѣло произошло слѣдующимъ образомъ.

Поземельная частная собственность становится важною и потому возникаетъ только тогда, когда народъ начинаетъ заниматься по преимуществу земледѣліемъ; для пастуха мало нѣсколькихъ десятинъ земли, ему нужно гонять свое стадо на цѣлой полянѣ, чтобы прокормить его. Потому, какъ мы имѣли случай говорить въ разборѣ III и IV тома «Пропилей», каждый народъ, сначала находясь на степени пастушескаго быта, незнакомаго или мало знакомаго съ земледѣліемъ, не знаетъ

частной поземельной собственности—только цѣлый округъ, занимаемый племенемъ, составляетъ собственность этого племени, и находится въ общемъ владѣніи у всѣхъ членовъ его. Потомъ, когда преобладающимъ занятіемъ становится земледѣліе, земля надо по малу переходитъ въ частную собственность и общинность владѣнія исчезаетъ.

Итакъ, мы имѣемъ въ исторіи два различные порядка вещей: первоначальную общинность земли, при отсутствіи или маловажности земледѣлія, и земледѣліе соединенное съ появленіемъ частной собственности. Политическая экономія давно показала истинное отношеніе этихъ фактовъ между собою. Но старинные историки не знали политической экономіи, да и многіе изъ нынѣшнихъ обращаютъ на нее мало вниманія—и этимъ объясняется возможность ошибокъ, состоящихъ въ непризнаваніи естественной связи между общинностью владѣнія и отсутствіемъ земледѣлія, земледѣліемъ и частною поземельною собственностью, или въ отрицаніи одного изъ этихъ періодовъ развитія. Въ угожденіе самолюбивымъ предубѣжденіямъ, они, въ невѣдѣніи политической экономіи, извратили натуральное сцѣпленіе явленій, выбрали такіе факты, которые больше другихъ льстили ихъ самолюбію и отбросили факты, имъ непріятные.

Нѣмецкіе историки начали прагматически обрабатывать исторію своего народа еще въ тѣ времена, когда политико-экономическіе вопросы не были объяснены, или по крайней мѣрѣ слухи о политико-экономическихъ преніяхъ не гремѣли еще въ ушахъ каждаго. Потону они остановились на извѣстной истинѣ, что земледѣльческій народъ стоитъ на высшей степени развитія, нежолі племя незнакомое съ земледѣліемъ. Въ угоду своей тевтономаніи, они стали доказывать, что ихъ предки искони вѣковъ были народомъ земледѣльческимъ; послѣ этого имъ пришлось утверждать, что у нѣмецкихъ племенъ искони вѣковъ существовала частная поземельная собственность, а общинность поземельнаго владѣнія никогда не существовала. Этимъ они гордились, за это превозносили нѣмецкое племя выше всѣхъ остальныхъ чело-вѣческихъ племенъ. Свидѣтельства нѣкоторыхъ лѣтописей, грамотъ, и, особенно, древнихъ писателей о томъ, что у нѣмцевъ существовала нѣкогда поземельная собственность были ясны и многочисленны; но ихъ отвергали или насильственно истолковывали превратнымъ образомъ. Правдоподобность гордаго мнѣнія значительно поддерживалась тѣмъ, что у нѣмцевъ, которые раньше славянъ—особенно славянъ восточныхъ,—предались преимущественно занятію земледѣліемъ, остатковъ первобытной общинности сохранилось нынѣ мало.

Но въ настоящее время политическая экономія провозгласила, что раздробленность капиталовъ есть безсиліе и ведетъ къ нищетѣ, соединеніе капиталовъ есть могущество и ведетъ къ богатству. Важнѣйшій изъ капиталовъ—земля. У славянъ, особенно восточныхъ, которые позднѣе нѣмцевъ обратились къ земледѣлію, какъ преимущественному средству жизни, гораздо болѣе, нежели у нѣмцевъ, сохранилось слѣдовъ общинности въ поземельномъ владѣніи. Не разсмотрѣвъ, что эти остатки—остатки прежняго пастушескаго или охотническаго быта, нѣкоторые вздумали утверждать, что общинность владѣнія, незнакомая (будто бы) никогда нѣмцамъ, у славянъ не есть (такъ же, какъ и у нѣмцевъ) историческое явленіе, связанное съ извѣстнымъ періодомъ развитія, а неизгладимая черта характера, которой лишсны другіе народы; что поэтому одни славяне осуществляютъ идеалъ чело-вѣческаго быта. Эти люди не замѣтили, что съ развитіемъ земледѣлія и цивилизаціи, общинность владѣнія исчезаетъ и у славянъ, какъ исчезала повсюду, и что нынѣ она уже гораздо слабѣе, нежели была у тѣхъ же самыхъ славянъ за триста, за пять

есть лѣтъ. Мы не можемъ здѣсь разсматривать, каковы экономическіе идеалы будущаго—но все согласны въ томъ, что было бы мало утѣшительнаго представлять себѣ будущее въ такомъ видѣ, въ какомъ представляется намъ Европа V—X вѣковъ. Идеалы будущаго осуществляются развитіемъ цивилизаціи, а не безплоднымъ хвастовствомъ остатками исчезающего давно-прошедшаго.

Предоставляя ученымъ, специально занимающимся разработкою русской исторіи, объяснить истинный смыслъ вопроса о родовомъ бытѣ и общинности владѣнія въ русской исторіи, г. Грановскій статью, помѣщенною въ «Архивѣ» г. Калачова доказываетъ, что родовой бытъ и общинность владѣнія точно такъ же существовали нѣкогда и у нѣмцевъ, какъ нѣкогда существовали у славянъ; что если у нѣмцевъ менѣе, нежели у восточныхъ славянъ, сохранилось остатковъ этого древняго устройства, то все же сохранилось ихъ довольно много, и что, однимъ словомъ, разница здѣсь не въ національномъ характерѣ, а только въ эпохахъ историческаго развитія. Такимъ образомъ всякая тевтононіа, или чехонашія должна быть устранена изъ этого вопроса, чисто историческаго, и не долженствующаго служить опорой ни тевтононіанскимъ, ни какимъ либо другимъ предубѣжденіямъ.

Мы уже говорили, что излишне было бы замѣчать ясность и стройность изложенія статьи, потому что это постоянныя качества изложешя у г. Грановскаго. Отъ нихъ-то происходитъ, что запутанный вопросъ о родовомъ бытѣ германцевъ представляется у него очень простымъ, вразумительнымъ. Есть люди, которымъ ясность и простота кажутся недостатками въ ученомъ сочиненіи, которое, по ихъ мнѣнію, тѣмъ лучше и ученѣе, чѣмъ труднѣе для чтенія, чѣмъ запутаннѣе и тиннѣе. Г. Калачовъ думаетъ не такъ, и справедливо приписываетъ статьѣ г. Грановскаго огромное значеніе для разъясненія вопроса о родовомъ бытѣ въ жизни русскаго народа,—вопроса, до сихъ поръ еще остающагося, по его справедливому мнѣнію, темнымъ.

Статья санаго г. Калачова «Замѣтки объ Инсарѣ и его уѣздѣ» представляетъ множество важныхъ матеріаловъ для исторіи порубежныхъ поселеній, устройства засѣкъ на юговосточной границѣ и постепенномъ движеніи ихъ на югъ, и вообще для исторіи городоначнаго устройства въ XVI—XVII вѣкахъ. Мы не можемъ здѣсь представить извлеченія изъ этой прекрасной и чрезвычайно добросовѣстно обработанной статьи, и потому екажемъ только, что ничего подобнаго по этому предмету у насъ еще не было написано. Интересны также статистическія замѣтки объ Инсарскомъ уѣздѣ, предшествующія археологическимъ.

Кромѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ статей, въ первомъ отдѣленіи разбираемаго нами тома (Изслѣдованія), находимъ статью г. Срезневскаго «Роженицы у славянъ и другихъ языческихъ народовъ». По изслѣдованіямъ г. Срезневскаго, справедливость которыхъ намъ кажется несомнѣнною, «роженницы» у славянъ были существа, подобно паркамъ, назначавшія судьбу человѣка при его рожденіи. Ученый авторъ не рѣшаетъ прямо вопроса о томъ, дѣйствительно ли роженица, какъ единичное существо, была въ народныхъ повѣрьяхъ, или они всегда знали, какъ нывѣ знаютъ, только роженицъ, являвшихся всегда по три или девяти вмѣстѣ, какъ парки. Последнее кажется вѣроятнѣе, потому что упоминанія о роженицѣ (въ единственномъ числѣ) въ паренейникѣ можно приписать вліянію греческаго текста, гдѣ соотвѣтствующее слово стоитъ въ единственномъ числѣ; изъ этого переводнаго мѣста «роженница» (въ единств. числѣ) могло перейти и въ вопрошанія Кирика и въ слово Христолюбца. Если такъ, то сближенія единичной роженицы съ единичной, высшею

личностью Фортуны становятся излишними, и остается только соответствие многочисленных роженецъ, существъ низшаго разряда въ языческихъ повѣрїяхъ, съ подобными имъ парками. Прибавленіемъ къ наслѣдованію г. Срезневскаго является статья г. Афанасьева «О значеніи рода и роженецъ» написанная въ извѣстной методѣ автора, иногда дѣлающаго удачныя сравненія, но часто и слишкомъ смѣлаго въ своихъ сближеніяхъ.

«Учрежденіе патріаршества въ Россіи», г. Зорнина—подробный рассказъ, который съ пользою будетъ прочитавъ людьми, не посвятившими своихъ трудовъ специально исторіи московскаго царства. Для специалистовъ же онъ представлять мало новаго.

Во второмъ отдѣленіи сборника (матеріалы) помѣщены: грамота Новгородскаго правительства къ Рижскому, начала XV вѣка (сообщ. г. Н. Закревскимъ); акты, записанные въ крѣпостной книгѣ XVI вѣка (сообщ. г. Лакіеромъ); дополнительныя статьи къ судебнику цари Іоанна Васильевича по эрмитажному списку (сообщ. г. Бычковымъ)—всѣмъ этимъ актамъ, которые и сами по себѣ не лишены важности, особенная цѣна придается прекрасными предисловіями г. Калачова; менѣе важенъ, кажется намъ, списокъ бояръ и проч., сообщенный г. Глѣбовымъ-Стрѣшновымъ.

Еще мы должны признать достоинства прекрасныхъ и дѣйствительно полезныхъ монографій за статьями: г. Самчевскаго «Торки, Берендѣи и Черныя Клобуки» и г. Калутина «Окольныйчій». Кромѣ того, въ третьемъ отдѣленіи находимъ нѣсколько мелкихъ статей гг. Зернина, Бѣляева, Калачова, Соловьева и г. Д. С.

Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Руководство начальной геометріи. Спб. 1855.

Имя составителя этого руководства, г. Остроградскаго, служить достаточнымъ свидѣтельствомъ тѣхъ высокихъ научныхъ достоинствъ, которыми отличается его сочиненіе, содержащее изслѣдованія относительно прямой линіи и прямолинейныхъ фигуръ. Если бы г. Остроградскій написалъ руководство свѣе по общей методѣ, принятой для учебныхъ геометрій, его книга и тогда, безъ сомнѣнія, заслуживала бы величайшаго вниманія, потому что его математическій геній необходимо улучшилъ бы изложеніе многихъ частей. Но руководство, составленное г. Остроградскимъ, имѣетъ другое, болѣе глубокое значеніе для науки, потому что нашъ знаменитый математикъ вводитъ совершенную реформу въ методѣ учебниковъ геометріи, предполагая замѣнить способъ доказыванія посредствомъ черченія фигуръ способомъ аналитическимъ, доказывающимъ геометрическія положенія безъ пособія фигуръ. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи:

«Авторъ имѣетъ въ виду приблизить изложеніе вставъ вачальной геометріи къ способамъ употребляемымъ въ другихъ частяхъ математики. Однакожь онъ не посмѣлъ, въ первой попыткѣ, войти въ рѣшительное состязаніе съ изложешемъ, которому Эвклидъ представилъ образецъ и которое употребляется болѣе двадцати вѣковъ. Но если первый опытъ будетъ одобренъ, то въ послѣдующихъ издашіяхъ авторъ поступитъ съ болѣею рѣшительностію, введетъ въ начала науки всѣ измѣненія, необходимыя для

совершеннаго выполненія сейчасъ указанной мысли. Теперь же только нѣкоторые предложенія доказаны способомъ аналитическимъ и безъ пособія фигуръ, т. е. данъ аналитическій характеръ только нѣкоторымъ частямъ геометрическаго изложенія.

О научномъ превосходствѣ методы, предпочитаемой нашимъ гениальнымъ аналитикомъ, не можетъ быть и вопроса. Благоразумно предоставляя опыту доказать ея практическое превосходство въ преподаваніи и потому вводя на первый разъ только отчасти предпочитаемый методъ, онъ выказываетъ скромность, чрезвычайно замѣчательную въ такомъ ученомъ. Желаемъ отъ души, чтобы его справедливыя ожиданія исполнились, и чтобы опытъ всѣхъ преподавателей математики рѣшилъ дѣло въ пользу новаго метода, соответствующаго настоящему развитію науки. Очень важны — и безъ всякаго сомнѣнія полезны въ преподаваніи — и другія измѣненія, вносимыя г. Остроградскимъ въ изложеніе Начальной Геометріи, именно: подробное развитіе объясненій о предметѣ и основаніяхъ науки и введеніе въ курсъ новыхъ предложеній, для сообщенія совершенной научной строгости выводамъ. Вотъ справедливыя мнѣнія автора объ этомъ:

«Что касается до подробностей въ объясненіи предмета и основаній науки, предположеній, на которыхъ она основана в начальныхъ ея истинъ,.. авторъ имѣлъ въвиду избѣгать неполноты объясненій. Онъ полагаетъ, что составители курсовъ Начальной Геометріи, по примѣру Эвклида, слишкомъ совратили этотъ важный предметъ, в тѣмъ самымъ могли породить неясность въ идеяхъ и неправильные взгляды на основныя начала науки... Нѣкоторые изъ предложеній также могутъ показаться излишними; авторъ проситъ не произносить подобнаго приговора, не вникнуть совершенно въ вопросъ: что слѣдуетъ принять, какъ необходимое допущеніе? и что должно доказать? Вы напр., спросите: начерченная линія прямая или нѣтъ? «нѣтъ», отвѣчаютъ вамъ, «это видно». Въ практикѣ такое рѣшеніе достаточно, но въ началахъ науки свидѣтельство глаза не принимается. Гдѣ былъ бы конецъ допущеніямъ, основаннымъ на показаніи чувствъ? Пусть докажутъ, что проведенная линія не имѣетъ свойствъ прямой, в тогда только убѣждать насъ неоспоримо, что она не прямая».

Не нужно доказывать справедливость этихъ словъ; излишне также говорить, что руководство г. Остроградскаго отличается необыкновенною ясностью и строгостью изложенія; излишне и рекомендовать его книгу величайшему вниманію всѣхъ преподавателей математики — все это совершенно излишне, потому что на ней выставлено имя г. Остроградскаго.

Православный собесѣдникъ, издаваемый при Казанской Духовной Академіи. 1855. Книжка первая. Казань.

По примѣру трехъ старшихъ духовныхъ академій, изъ которыхъ каждая издаетъ свой журналъ духовнаго содержанія, Казанская Академія также приступила къ изданію подобнаго журнала, имѣющаго одною изъ главныхъ задачъ кроткое обличеніе заблуждений раскольниковъ, секты которыхъ находятся въ учебномъ округѣ духовнаго вѣдомства, принадлежащемъ къ Казанской Академіи. Первая книжка этого журнала содержитъ въ себѣ слѣдующія сочиненія: Краткія свѣдѣнія о св. Игнатіи Богоносцѣ и его посланіяхъ; Переводъ посланія св. Игнатія Богоносца къ Ефесянамъ, по двумъ его редакціямъ — краткой и пространной; Черты изъ жизни блаженнаго Оеофилакта, архіепископа Болгарскаго; Блаженнаго Оеофилакта, архіепископа Болгарскаго, толкованіе на св. Евангеліе отъ

Матвея, въ обновленномъ переводѣ; Первое в второе посланія блаженнаго Игнатія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго; День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свито?—Толкованіе блаженнаго Теофилакта и Посланія блаженнаго Игнатія напечатаны славянскимъ шрифтомъ, безъ сомнѣнія для тѣхъ набожныхъ читателей, которые любятъ по преимуществу книги славянской печати. Изъ этихъ статей, интереснѣе всего многимъ читателямъ «Православнаго Собесѣдника» покажутся посланія блаж. итроп. Игнатіи, изъ которыхъ въ первомъ пастырь предостерегаетъ свою паству отъ раскольничьихъ лже-учителей, а во второмъ опровергаетъ ложное мнѣше раскольниковъ о трехперстномъ крестномъ знаменіи.

Разснзъ солдата Сидорова при бомбардированіи Севастополя англо-французами. Москва. 1853.

Одна изъ многочисленныхъ спекуляцій разчитывающихъ на патріотизмъ простонародья. Книжку эту можно похвалить хотя за то, что она не хочетъ никого вводить своею внѣшностью въ заблужденіе: обертка съ лубочными картинками и бумага, какой мы уже давно не встрѣчали даже въ сѣробумажныхъ издашяхъ, съ перваго же взгляда даютъ вѣрное понятіе о литературныхъ качествахъ книжки. Хорошо было-бъ, если всегда встрѣчалась такая похвальная «гармонія формы съ идеею».

Практическое руководство къ производству уголовныхъ слѣдствій, составленное по своду законовъ Ив. Оболенскимъ. 2 части. Москва. 1855.

Г. Оболенскій, увлеченный успѣхомъ различныхъ руководствъ къ производству слѣдствій, вздумалъ и самъ сочинить книжку подобнаго рода—это не дурно; но дурно то, что въ предисловіи онъ слишкомъ хвалитъ свою книжку за превосходство надъ всѣми другими руководствами. Мы не замѣтили въ вей практическихъ совѣтовъ, которые обѣщаетъ дать составитель, а нашли только то же самое, что представляютъ и другія юридическія руководства—извлеченіе изъ статей Свода Законовъ, съ тою только разницею, что оно сдѣлано не столь точно и удовлетворительно, какъ въ большой части другихъ подобныхъ книгъ.

Палитра, новыя стихотворенія. Москва. 1854.

Итакъ, болѣе полугода «Палитра» лежала въ кладовой, не ослѣпляя русскую публику своими разноцвѣтными красками. Жаль, потому что краски въ самомъ дѣлѣ разноцвѣтны,—или, если хотите, разношерстны. Начинается книжка стихами, написанными какъ будто въ подражаніе Хераскову:

Смири ты всѣ мои роптавы
И безразсудство все мое,
Прощая мнѣ въ моемъ незавыи,
Неправыхъ дѣлъ мовхъ бытъе, и проч.

Далѣ слѣдуетъ отрывокъ, написанный подъ вліяніемъ поэмъ Пушкина:

Полна могучей красотой
Засеребрилась вся Москва,
Какъ дѣва юная, фатою
Приварядилась... какъ чиста
Твоя роскошная обнова и т. д.

Послѣ этого находимъ подражанія Губеру:

Явился тяжкій часъ разувѣренья!
Довольно!.. мучиться не стало силъ! в т. д.

Затѣмъ подражанія автору стихотворенія: «Живя согласно съ строгою моралью» —

Живу я честными трудами
И взятку въ жизнь свою не бралъ:
Владѣю я двумя домами
И важилъ скромный капиталъ и проч.

Есть также подражанія г. Бенедиктову:

Коса ты русая, большая,
Какъ гладко ты заплетена!
Тесьмой широкой ниспада
Какъ ты роскошна в пышна! и т. д.

Нѣкоторые пьесы, напротивъ того, поддѣлка подъ стихъ Кольцова:

Пѣть ужъ силъ мнѣ терпѣть,
Людамъ выскажу я:
Хоть пропасть, хоть соглѣть,
Тоска мучить меня! и проч.

Вы видите, что талантъ неизвѣстнаго автора «Палитры» не завиденъ, и стихи его не гладки. Но если вы захотите взглянуть, какіе стихи пишетъ неизвѣстный авторъ, когда сбросивъ его подражанія, возносится на крылахъ собственного вдохновенія, то увидите, что даже отъ подражанія Хораскову и г. Бенедиктову, не только Пушкину и Кольцову, его произведенія очень много выигрываютъ. Вотъ, на примѣръ, какія пьесы внушаетъ ему собственный гений:

Я не художникъ, не поэтъ.
Мнѣ трудно васъ изобразить;
Но ваше ласки, вашъ портретъ
Въ душѣ не въ силахъ я забыть!

Или:

Два края знакомы родной мнѣ Россіи:
На югѣ цвѣтистомъ, на чудной Невѣ
Видалъ я врасавицъ, ихъ взоры живые,
Но огненныхъ глазъ, какъ твои, нѣтъ нигдѣ!

Или наконецъ:

Такъ много писали, писали въ альбонахъ,
Что, право, не знаешь, что въ васъ написать.
Скажу только, гдѣ ни бывалъ я въ салонахъ,
Подобной нигдѣ вамъ не могъ повстрѣчать.

Конечно, никто не будетъ въ восторгѣ, если неизвѣстный стихотворецъ вслѣдъ за «Палитрою» вздумаетъ издать «Кисть», потомъ «Камень для растиранія враговъ» и т. д. Но вѣроятно каждый согласится, что если уже непремѣнно захочетъ онъ печатать свои стихи, то лучше пусть онъ подражаетъ Хераскову или г. Бенедиктову, нежели предается полетамъ самостоятельнаго творчества. Мы все это говоримъ, разумѣется, вовсе не къ тому, чтобы давать совѣты автору «Палитры» — будетъ онъ или не будетъ продолжать свое поэтическое поприще, для насъ, какъ и для читателя, рѣшительно все равно. Мы хотѣли только замѣтить, что инымъ стихотворцамъ гораздо выгоднѣе передавать въ своихъ стихахъ чужія темы, нежели свои собственные. Авторъ «Палитры», какъ видно, не знаетъ ни одного иностраннаго языка, потому онъ и могъ перелагать въ своихъ стихахъ только русскія же стихи; но знай онъ по нѣмецки или по англійски — мы увѣрены, онъ пореводилъ бы нѣмецкихъ или англійскихъ поэтовъ, и быть можетъ, заслужилъ бы даже нѣкоторую благодарность многихъ читателей, быть можетъ, даже принесъ бы нѣкоторую пользу литературѣ. Почему бы, кажется, многимъ изъ нашихъ стихослагателей, имѣющихъ страшную охоту и даже нѣкоторое умѣнье подбирать рѣимы, притомъ знающихъ иностранные языки, не понять, что порядочно переводить хорошія пьесы гораздо почетнѣе, нежели кропать собственные стихи? Посмотрите, кто не уважаетъ гг. Берга и Ө. Миллера? и кто не уважалъ бы ихъ еще болѣе, еслибъ они переводили больше, еслибъ наконецъ вмѣсто отдѣльных пьесъ, выбранныхъ наудачу и безъ связи, давали намъ въ переводахъ всѣ лучшія пьесы нынѣ одного, черезъ годъ другаго нѣмецкаго или англійскаго поэта? Между тѣмъ, посмотрите, какое прекрасное имя составилъ себѣ въ нѣмецкой литературѣ Боденштедтъ переводомъ Пушкина и Лермонтова — а вѣдь если бы онъ только воспѣвалъ собственные ощущенія, никто и не замѣтилъ бы его существованія. Правда и то, что каждый дѣльный трудъ требуетъ нѣкоторой энергіи, нѣкотораго терпѣнія; но вѣдь достаетъ же у людей, о которыхъ мы говоримъ, энергія и терпѣнія, чтобы выносить досадную для нихъ холодность публики; почему жъ бы не обратить этихъ качествъ на полезное и почетное дѣло?

Послѣдній вечеръ новобранца въ родительской семьѣ. Москва. 1855.

Чувство и любовь къ престолу и отечеству. Москва. 1855.

Описаніе бомбардированія англичанами Соловецкаго монастыря. Москва. 1855.

Обхожденіе русскихъ съ врагами. Москва. 1855.

Доблестные подвиги русскихъ воиновъ. Москва. 1855.

Все это множество книжекъ и тетрадокъ, имѣющихъ въ виду воспользоваться патріотическими чувствами народа, такъ же мало принадлежитъ литературѣ,

какъ и «Разсказъ Сидорова». о которомъ говорили мы выше, и читатели конечно не потребуютъ подробнаго отчета о ихъ достоинствахъ и содержаніи.

Антъ восьмага выпуска студентовъ главнаго педагогическаго Института 20 іюня 1855 года. Спб. 1855.

Въ теченіе двухлѣтія, отдѣляющаго послѣдній выпускъ студентовъ Института отъ предъидущаго, преобразование этого учрежденія было довершено раздѣленіемъ его историко-филологическаго факультета, въ двухъ высшихъ курсахъ, на отдѣленія наукъ филологическихъ и наукъ историческихъ, и учрежденіемъ годичныхъ курсовъ, вмѣсто прежнихъ двухлѣтнихъ, такъ что нынѣ Главный Педагогическій Институтъ будетъ выпускать окончившихъ курсъ студентовъ ежегодно, и имѣетъ четыре отдѣленія: 1) филологическое, 2) историческое, 3) математическое и 4) естественное. Въ концѣ учебнаго 1854—1855 года число воспитанниковъ Института было 122; изъ нихъ окончили курсъ по истеченіи этого года 30 человѣкъ. Состояніе учебныхъ пособій Института въ 1855 году было слѣдующее:

Главная библіотека заключала . .	17,890	томовъ
Классная библіотека	9,417	—
Физико-математическій кабинетъ . .	267	приборовъ
Минералогическій кабинетъ	4,745	номеровъ
Ботаническій кабинетъ	24,168	—
Зоологическій кабинетъ	3,182	—
Музей-кабинетъ	1,281	монетъ и медалей.

Важнымъ улучшеніемъ было то, что на экзаменахъ студентовъ, оканчивающихъ курсъ, присутствовали, кромѣ профессоровъ Института, профессоры Санкт-петербургскаго Университета и другіе спеціальные ученые,

Учрежденіе Юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства съ Отчетомъ за 1854 годъ. Москва. 1855.

Записки Юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства за 1854—1855 годъ. Москва. 1855.

Съ величайшимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы первую книгу трудовъ младшаго по лѣтамъ изъ нашихъ Обществъ сельскаго хозяйства и отчетъ о его учрежденіи и дѣйствіяхъ за первый годъ существованія. Прежде всего разскажемъ, какія обстоятельства пробудили въ сельскихъ хозяевахъ Юрьевскаго уѣзда (Владимірской губерніи) потребность основать Общество, между тѣмъ, какъ цѣлыя обширныя края Россіи не сознали еще пользу приносимую развитію общаго благосостояніи подобными учрежденіями, потомъ ознакомимъ читателя съ первыми трудами новоучредившагося Общества.

Извѣстно, что по развитію промысловъ, Владимірская губернія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми нашими областями. Бѣдность почвы и перевозъ дешеваго хлѣба изъ сосѣднихъ хлѣбородныхъ губерній были причиною, что

владимірскіе поселяне, не находя выгоды заниматься земледѣліемъ, должны были искать средствъ къ безбѣдному существованію въ промышленности, которая давала имъ порядочныя выгоды. Но въ послѣднее время, вслѣдствіе развитіи мануфактуръ и промысловъ повсюду, прежніе источники доходовъ перестали быть выгодными, и явилась потребность заботиться объ улучшеніи средствъ промышленности, или изобрѣтеніи новыхъ промысловъ; явилась также необходимость искать въ улучшеніи сельскаго хозяйства тѣхъ способовъ къ жизни, въ которыхъ начала отказываться промышленность. Попытки отдѣльных частныхъ лицъ на этомъ поприщѣ улучшеній, если и были удачны для самаго предпринимателя (что бывало далеко не всегда) то оставались безъ вліянія на общее состояніе края. Эти соображенія побудили г. дворянскаго предводителя юрьевскаго уѣзда, В. В. Калачова, предложить поиѣщикамъ своего уѣзда проэктъ соединиться въ Общество, чтобы совокупными силами искать средствъ къ возвышенію собственнаго благосостоянія и благосостоянія всей мѣстности, находящейся въ одинаковыхъ съ юрьевскимъ уѣздомъ экономическихъ условіяхъ. Понимая важность и выгоду этой счастливой мысли, они приняли ее съ живымъ одобреніемъ, черезъ посредство г. губернскаго предводителя обратились къ г. министру государственныхъ имуществъ съ просьбою объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на основаніе Общества сельскаго хозяйства, и Уставъ Общества былъ Высочайше утвержденъ 19 марта 1854 года. По окончаніи сельскихъ работъ, 11-го сентября того же года, Общество, участвовать въ которомъ изъявили согласіе уже до шестидесяти лицъ, было торжественно открыто, благодаря дѣятельнымъ заботамъ В. В. Калачева. Въ то же время и также благодаря заботамъ В. В. Калачева, была устроена въ городѣ Юрьевѣ выставка мѣстныхъ произведеній, для ознакомленія какъ членовъ Общества съ экономическимъ положеніемъ края, такъ и окрестныхъ жителей съ полезными предпріятіями Общества. Выставка дала живой поводъ для бесѣды новооткрывшагося Общества; съ тою же цѣлью г. В. В. Калачовъ предварительно разослалъ поиѣщикамъ рядъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, обсужденіемъ которыхъ могло начать Общество свои совѣщанія. Московское Общество сельскаго хозяйства, для изъявленія своего сочувствія и готовности содѣйствовать трудамъ юрьевскаго Общества, поручило своему непремѣнному секретарю, г. Маслову, быть своимъ депутатомъ при его открытіи. Въ первыхъ же засѣданіяхъ Общества, по исполненіи обыкновенныхъ формальностей, выборѣ девиза (*трудъ и соревнованіе*) и герба, избраніи президента (г. Пункевичъ), вице-президента (В. В. Калачовъ) и секретаря (г. Дубенскій) было прочитано нѣсколько статей, отличающихся здравымъ практическимъ направленіемъ (нѣкоторыя изъ нихъ, помѣщенные въ «Запискахъ» Общества, заслуживаютъ полнаго вниманія русскихъ сельскихъ хозяевъ) начались бесѣды одушевленные и очень дѣльныя, предложены желающимъ различныя практическія изслѣдованія, была осмотрѣна и обсуждена выставка, розданы награды экспонентамъ и проч.—Однимъ словомъ, началась живая и, безъ сомнѣнія, плодотворная для будущаго дѣятельность молодаго Общества. Черезъ три съ половиною мѣсяца по открытіи, къ 1-му января 1855 года, Общество состояло уже изъ 97 членовъ. Къ отчету Общества за 1854 годъ, доставившему намъ эти свѣдѣнія, приложено сельско-экономическое обзорѣніе 1854 года въ Владимирской губерніи и таблицы метеорологическихъ наблюденій.

Переходимъ къ «Запискамъ Общества». Кромѣ различныхъ отчетовъ объ учрежденіи Общества и выставкѣ, эта, довольно полновѣсная, книга, заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Объ устраненіи препятствій къ правильному развитію хозяйства и промышленности во Владимірской губерніи» г. Соловьева; «Объ овсѣ» г. Барыкова; «О дублени холста и полотнѣ», г. Калачова; «О почвахъ Владимірской губерніи» г. Дубенскаго; «Замѣчанія о земледѣльческихъ орудіяхъ, бывшихъ на выставкѣ», г. Калачова; двѣ статьи «О разведеніи табаку во Владимірской губерніи» г. Ушакова и «Отвѣты на вопросы, предложенные Обществомъ» (и составленные г. Калачовымъ). Мѣсто не позволяетъ намъ говорить подробно о каждой изъ этихъ статей; замѣтимъ только, что всѣ онѣ имѣютъ прекрасное, чисто практическое направленіе, и представляютъ много полезныхъ наблюденій, уваженныхъ авторамъ ихъ собственнымъ опытомъ. Чтобы дать понятіе члвтелямъ о дѣятельности многихъ членовъ Общества, скажемъ, что ни одинъ изъ предложенныхъ имъ 32-хъ вопросовъ, не остался безъ отвѣта, а на многіе получено по нѣскольку отвѣтовъ, болѣею частью очень удовлетворительныхъ, простыхъ, ясныхъ и здравыхъ. И здѣсь, какъ вездѣ, г. В. В. Калачовъ, которому принадлежитъ и нынѣ основывать Общество и ея исполненіе, является ревностѣйшимъ членомъ Общества и обнаруживаетъ богатый запасъ агрономическихъ знаній и умѣнья прилагать ихъ къ дѣлу. Обширѣйшая изъ помѣщенныхъ въ «Запискахъ» статей,—«О почвахъ Владимірской губерніи», принадлежитъ г. Дубенскому; она представляетъ подробное описаніе всѣхъ мѣстностей Владимірской губерніи, по различію ихъ почвъ и произведешій, могущихъ расти въ каждой мѣстности. Если, какъ и должно думать, точность наблюденій, собранныхъ г. Дубенскимъ, равняется ихъ обилію, то его статья есть одно изъ лучшихъ описаній подобнаго рода. Статьи гг. Соловьева, Барыкова, Калачова и Уианова заключаютъ въ себѣ много вѣрныхъ практическихъ указашій и наблюденій относительно различныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

Пожелаемъ всевозможнаго преуспѣянія трудамъ юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства, начатымъ скромно и прекрасно—желаемъ успѣха имъ сколько по сочувствію къ самому Обществу, сколько и для того, чтобы прекрасный примѣръ, поданный гг. помѣщиками юрьевскаго уѣзда, возбудилъ—выражаясь терминами девиза, избраннаго ихъ Обществомъ—повсюду «соревнованіе», начатому ими «труду» на пользу общую.

О аваніи генерала, сочиненіе Дюра-Ласалы, перевелъ г. Сведерусъ.
Спб. 1855.

Сочиненіе Дюра-Ласалы, написанное на французскомъ языкѣ, поднесено было въ рукописи Его Величеству, въ Возѣ почивающему Императору Николаю Павловичу; русскій переводъ этой книги посвященъ нынѣ благополучно царствующему Государю Императору. Краткія размышленія находящіяся въ этой книжкѣ не могутъ замѣнять полныхъ трактатовъ о военной искусствѣ или качествахъ полководца, но представляютъ много умныхъ и справедливыхъ замѣчаній. Для

примѣра выписываемъ слѣдующія мѣста, заимствованныя съ первыхъ страницъ книги:

«Нѣтъ предрасудка гибельнаго мнѣнія, что генералы рождаются готовыми, что можно со славою командовать войсками, не бывъ къ тому приготовленныя съ самаго дѣтства, в не предаваясь продолжительнымъ и постояннымъ занятіямъ. Правда, были примѣры, что генералы-невѣжды одерживали побѣды; во эти генералы имѣла достаточно ума, чтобы выслушивать и исполнять полезные совѣты, были окружены офицерами, знающими свое дѣло, и потому на нихъ перенесена заслуга дѣйствій, совершенныхъ другими. Цезарь въ генію своему присоединялъ самыя обширныя знанія; Конде жилъ между ученѣйшими по всѣмъ отраслямъ людми, изученіе исторіи было его первою страстью; Ришелье, изумленный его познаніями, предсказалъ что онъ будетъ первымъ полководцемъ въ Европѣ. По примѣру Конде не единственный въ исторіи: Густавъ Адольфъ, Вилларъ, Тюревъ, Катина, Моатекукули, првцъ Евгеній Люксембургъ, Филиппъ Орлеанскій, Вандомъ, Петръ Великій, де Саксъ, Фридрихъ, Румянцовъ, Мальборо,—всѣ эти великіе полководцы были такъ же знамениты по своимъ познаніямъ. Дюмурье, Моро, Дезе, Пишгерю, Суворовъ, были воины, обладавшие обширнымъ образованіемъ. Противное мнѣіе распространилось потому только, что потворствуетъ нашей лѣни. Истинный генералъ долженъ соединять обширныя познанія съ счастливыми дарованіями» (стр. 2—8).

Переходя къ изложенію своихъ понятій о военномъ образованіи, г. Дюра-Ласаль настаиваетъ на томъ, что спеціальному образованію должно предшествовать общее, обширное и основательное, и доказываетъ это тѣмъ, что, напримѣръ, французскія спеціальныя, замкнутыя школы, Политехническая и Сен-Сирская, не смотря на свою славу, до сихъ поръ еще не дали Франціи ни одного хорошаго полководца; причиною этого, очень натурально, авторъ полагаетъ то, что воспитанники этихъ школъ не получаютъ общаго образованія; чтобы быть хорошимъ полководцемъ, прежде всего надобно быть, по его мнѣнію, человѣкомъ съ развитымъ умомъ—качество, которое дается не спеціальными курсами, а общимъ образованіемъ.

«Неблагодарумно—замѣчаетъ онъ—давать мальчикамъ до шестнадцатилѣтняго возраста воспитаніе различное, смотря по предназначенію ихъ въ судьи, въ администраторы или въ военную службу. Первоначальною цѣлью воспитанія должно быть развитіе тѣла, приготовленіе ума къ ученію и направленіе сердца—это цѣль общая для всѣхъ классовъ общества. Если военное воспитаніе и требуетъ нѣкоторыхъ особенныхъ взмѣненій, то они не важны и удобопонятны» (стр. 13).

Отрывки, нами приведенные, содержатъ въ себѣ основную мысль книги г. Дюра-Лвсала, который во многихъ случаяхъ хорошо развиваетъ ее и подтверждаетъ множествомъ примѣровъ.

Венгерская грамматика съ русскимъ текстомъ, и въ сравненіи съ чувашскимъ и черемисскимъ языками, составленная титулярнымъ совѣтникомъ Андреемъ Дешко. Спб. 1855.

Кто, не зная ни по нѣмецки, ни по латинѣ, захочетъ познакомиться съ венгерскимъ языкомъ, тотъ найдетъ въ грамматикѣ г. Дешко нѣкоторое пособіе для исполненія своего желанія. Кромѣ этого, мы ничего не можемъ сказать въ похвалу его книгѣ, если не считать за похвалу неизбѣжной фразы, что авторъ

заслуживаетъ признательности за самое намѣреніе, если не за выполненіе этого добраго намѣренія. Зная по венгерски, г. Дешко повидимому не почелъ нужнымъ для себя приобрѣсти надлежащія знанія тѣхъ правилъ, безъ которыхъ невозможно написать хорошую грамматику, говоря проще, совершенно незнакомъ съ требованіями науки. Потому онъ вкладываетъ венгерскій языкъ въ рамки старинныхъ латинскихъ грамматикъ, которыя совершенно не приходятся къ этому своеобразному языку. Что же касается выводовъ, которые онъ извлекаетъ изъ своихъ сравненій венгерскаго языка съ чувашскимъ и черемисскимъ, они лишены прочнаго основанія, опять потому, что г. Дешко не познакомился съ приемами и понятіями сравнительной филологіи, и вообще поступаетъ въ этомъ случаѣ безъ всякой критики. Онъ говоритъ, что хочетъ также издать венгерско-русскій словарь—желаемъ ему исполнить это доброе обѣщаніе, но съ тѣмъ вмѣстѣ желаемъ, чтобы онъ, прежде нежели приступить къ составленію словаря, постарался приобрѣсть достаточное филологическое образованіе, безъ котораго нельзя составить хорошаго словаря.

Венгерскія собственныя имена принадлежатъ къ числу наиболѣе искажаемыхъ въ большей части русскихъ журналовъ и газетъ; между тѣмъ выучиться правильно читать ихъ и передавать русскими буквами очень просто; съ этою цѣлью приводимъ здѣсь венгерскую азбуку:

венгерскія буквы	a	á	e	é	i	o	ó
соотвѣтствующія русскія . .	о	а	э	ей	и	о	оу
— — — — —			ц	ő		0	
— — — — —			у	франц. ея	франц. и		

Изъ согласныхъ буквъ только слѣдующія имѣютъ произношеніе, различное отъ значенія ихъ въ латинскомъ языкѣ:

венгерскія буквы	s	cs	cz	gy	ly	ny	ts	tz	ty	sz	zs
соотвѣтствующія русскія . .	ш	ч	ц	дъ	лъ	нь	ч	ц	ть	с	ж

потому Magyar произносится Модеръ; huszár—гусаръ; Debreczen—Добрепенъ.

Въ воспоминаніе 12-го января 1855 года. Учено-литературныя статьи профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета, изданныя по случаю его столѣтняго юбилея. Москва. 1855.

Мысль, вызвавшая сборникъ, изданный «въ воспоминаніе 12-го января 1855 года», прекрасна—день этотъ заслуживаетъ воспоминанія, какъ потому, что Московскій университетъ, оказавшій столь много услугъ великому дѣлу просвѣщенія русской земли, имѣетъ полное право съ гордостью указывать на свою столѣтнюю дѣятельность, такъ—и еще болѣе—потому, что день этотъ былъ праздникой съ торжественностью, достойною высокаго его значенія для русскаго общества: 12-е января 1855 года было одною изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ науки надъ холодною или непріязнью. Чрезвычайное сочувствіе къ торжеству Московскаго университета, обнаруженное всѣми грамотными

людьми, было поразительно и утѣшительно; оно вынудило и у всѣхъ остальныхъ невольное уваженіе къ наукѣ, которую столь многіе и столь горячо желали почтить въ одномъ изъ ея представителей, Московскою университетѣ. Да, памятно должно быть въ исторіи русскаго просвѣщенія 12 января 1855.

Естественно, что ожиданія и требованія, которыми встрѣчены были книги, изданныя по случаю столь важнаго событія, были соотвѣтственны его значенію. Это, быть можетъ, надобно считать одною изъ причинъ того, что онѣ во многомъ не удовлетворили людей, нетерпѣливо ожидавшихъ появленія этихъ изданій. Чѣмъ болѣе высоки ожиданія, тѣмъ возможнѣе разочарованіе. Будь издана «Исторія Московскаго университета», не по случаю его юбилея, а за два года назадъ или двумя годами позже, ее, быть можетъ, похвалили бы ради нѣсколькихъ интересныхъ выписокъ, находящихся въ ней; а если бы «Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета» явился какъ самостоятельное изданіе, а не какъ слѣдствіе юбилея, онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ бы встрѣченъ съ чрезвычайно громкими одобреніями, потому что дѣйствительно представляетъ одно изъ важнѣйшихъ собраній матеріаловъ для исторіи русскою литературы. Но блескъ торжества, въ соотношеніе съ которымъ были поставлены эти изданія, затмилъ ихъ. Нельзя не пожелать, чтобы «Словарь воспитанниковъ Московскаго университета», послѣдній и самый важный изъ сборниковъ, которые должны остаться памятниками юбилея, полною и ученымъ достоинствомъ соотвѣтствовалъ требованіямъ, которыя только отчасти нашли себѣ удовлетвореніе въ двухъ изданіяхъ уже разсмотрѣнныхъ «Современниковъ», и въ книгѣ, о которой мы теперь должны дать отчетъ.

Впрочемъ, важнѣйшій изъ трудовъ, входящихъ въ составъ этой книги, также былъ уже разсмотрѣнъ нами. Это—наслѣдованіе г. Бодянскаго «О времени изобрѣтенія славянскою азбуки», по своей обширности напечатанное отдѣльно. Мы выразили мнѣніе, что вопросъ столь второстепенной важности, какъ споръ: «въ 855 или 862 году была изобрѣтена кирилловская азбука», представляетъ слишкомъ мало интереса для того, чтобы цѣна пріобрѣтеннаго рѣшенія могла искупить огромность ученаго труда, употребленнаго на это г. Бодянскимъ; говорили также что скудость положительныхъ фактовъ, на которыхъ должно основываться его рѣшеніе, едва ли не отнимаетъ возможность прійти къ несомнѣнному выводу, при разнорѣчивыхъ показаніяхъ легендъ, опровергающихъ въ этомъ случаѣ одна другую и большею частью лишенныхъ признаковъ исторической достовѣрности. Но въ то же время признавали мы замѣчательную ученость и неутомимость, обнаруженный нашимъ славянистомъ въ изслѣдованіи избраннаго имъ вопроса, и теперь должны прибавить, что его трудъ на столько же превышаетъ учеными достоинствами всѣ остальные сочиненія, написанныя въ воспоминаніе юбилея, сколько превосходить ихъ объемомъ.

Книга, теперь изданная, содержитъ тринадцать статей гг. Кудравцева, Лешкова, Брашмана, Бѣляева, А. Давыдова, Орнатскаго, Буслаева, Глѣбова, Швейцера, Спасскаго. Любимова, Страхова. Этотъ списокъ именъ показываетъ, что только немногіе изъ наиболѣе извѣстныхъ въ литературѣ проф. Московскаго университета приняли участіе въ составленіи сборника, какъ гг. Буслаевъ и Кудравцевъ, между тѣмъ какъ другіе, изъ которыхъ достаточно назвать гг. Грановскаго, Калачова, Леонтьева и Соловьева, не помѣстились въ этой

книгъ ничего. Этого конечно нельзя приписывать недостатку сочувствія къ юбилею.—подобное предположеніе и неправдоподобно, и положительно опровергается многими фактами, напримѣръ, посвященіемъ четвертаго тома «Пропилей» памяти торжества Московскаго университета. Напротивъ, отсутствіе многихъ именъ въ сборникѣ, нами рассматриваемомъ, конечно должно быть объяснено другими причинами, чисто случайными.

Въ литературномъ отношеніи, безспорно лучшая изъ статей, вошедшихъ въ составъ Сборника, принадлежитъ г. Кудрявцеву, который живо и занимательно рассказалъ одинъ изъ періодовъ войны за независимость Нидерландовъ. Отрывку этому даво заглавіе «Осада Лейдена», хотя эпизодъ объ этомъ событіи занимаетъ только немногія послѣднія страницы разсказа. Первая и большая половина статьи служить введеніемъ къ исторіи лейденской осады. Быть можетъ, картина выиграла бы въ единствѣ еслибъ это изложеніе предъидущихъ обстоятельствъ было сжатѣе: но въ такомъ случаѣ мы лишились бы многихъ подробностей о войнѣ, чрезвычайно замѣчательной и еще не имѣвшей хорошихъ описаній на русскомъ языкѣ. Поэтому мы скорѣе желали бы видѣть статью г. Кудрявцева расширенною до предѣловъ исторіи, хотя того періода войны, который заключается осадой Лейдена—тогда конечно осада Лейдена явилась бы только однимъ изъ событій, равно замѣчательныхъ, а не предметомъ особенной монографіи, которая не представляетъ самостоятельнаго цѣлаго, а кажется только отрывкомъ и не вполне излагаетъ особенныя условія, придавшія оригинальный характеръ и этой войнѣ и осадѣ Лейдена,—именно, взаимныя отношенія различныхъ нидерландскихъ провинцій и, главное, отношенія, которые въ началѣ войны, хотѣли онѣ сохранить къ Испаніи. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ, статья г. Кудрявцева заслуживаетъ полнаго вниманія по интересности предмета, основательному изученію источниковъ и вѣрному изложенію событій.

Нельзя сказать, чтобы столь же вѣрно смотрѣлъ на свой предметъ г. Лешковъ въ статьѣ «Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи». Онъ изъ «Домостроя», «Инструкціи для управленія имѣніемъ» Волинскаго, и книги Посошкова думаетъ извлечь—«древнія русскія понятія о богатствѣ и благосостояніи»—и извлекаетъ изъ нихъ почти только однѣ нравственныя наставленія, вѣдь мало не опредѣлительныя съ точки зрѣнія политической экономіи. «Будь чистотѣ, трудолюбивъ, не пей много вина»—вотъ мысли, находящіяся нами въ «Домостроѣ»—онѣ хороши, но не принадлежатъ политической экономіи. «Инструкція» Волинскаго показываетъ въ немъ заботливаго и умнаго помѣщика, но относится скорѣе къ исторіи сельскаго хозяйства и помѣщичьяго управленія, а не къ исторіи науки о государственномъ благосостояніи; наконецъ книга Посошкова говоритъ болѣе объ условіяхъ хорошей администраціи, нежели о законахъ народнаго благосостоянія; правда, въ ней есть многія мѣста, относящіяся къ области политико-экономическихъ понятій; но какъ пользуется г. Лешковъ словами Посошкова, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра:

«Землю сотвори Богъ недвижиму и владѣніе землевъ еще переходитъ изъ рукъ въ руки. обаче она стоитъ недвижимо»—сказавши эту мысль другими словами, мы получимъ ясное выраженіе для древняго народнаго сознанія о принадлежности землевъ государству, о доступности ея всякому Русскому и о преимущественномъ господствѣ въ Россіи общиннаго владѣнія».

Напротивъ, какими словами ни выражайте мысль Посошкова, если только будете выражать ее, а не теорія современныхъ экономистовъ, которыхъ въ ней нѣтъ и слѣда, все-таки останется въ ней такой смыслъ: «земля, лежащая, напри- мѣръ, на Волгѣ, никогда не передвинется, напри- мѣръ, на берега Днѣпра, сколько разъ ни перемѣняла бы владѣльцевъ»—то есть, смыслъ фразы Посошкова чисто географическій, и не имѣетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго. Иначе и въ стихахъ Пушкина (въ «Подражаніяхъ Корану»):

Земля недвижна; себѣ своды
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не палуть на сушь в воды
И не подавать насъ собой...

можно увидѣть «ясное выраженіе сознанія Бедуиновъ о преимущественномъ господствѣ въ Аравіи общиннаго владѣнія». Поступая такимъ образомъ, легко достичь до какихъ угодно заключеній. И выводы г. Лешкова дѣйствительно зависятъ не отъ фактовъ, вмѣсто которыхъ онъ приводитъ большею частью общія фразы, не имѣющія политико-экономическаго значенія, а только отъ его собственнаго произвола. Намъ здѣсь нѣтъ мѣста подробно говорить объ этихъ заключеніяхъ; но читатели увидятъ, какіе анахронизмы въ нихъ господствуютъ, если мы скажемъ, что г. Лешковъ въ «Домостроѣ» и т. п. находитъ полную систему понятій, развитыхъ только черезъ семьдесятъ лѣтъ, послѣ Адама Смита противниками школь Мальтуса и Жанъ-Батиста Сэ. Это все равно, что открывать въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго теоріи Бонна или Гримма о сродствѣ и исторіи языковъ, а въ арифметикѣ Магницкаго вычисленіе орбиты Нептуна. Прибавимъ, что г. Лешковъ забывая, откуда почерпнулъ свои понятія о народномъ благосостояніи, противопоставляетъ мнимую теорію «Домостроя» и Посошкова современной наукѣ и, разумѣется, отдаетъ преимущество «Домострою».

«Опредѣленіе положеній равновѣсія плавающихъ тѣлъ», статья г. Брашмана, заключаетъ, по словамъ автора, переработку и упрощеніе теорій, данной г. А. Давыдовымъ въ сочиненіи «Теоріи равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость». Сужденіе о достоинствахъ разсужденія г. Брашмана мы должны предоставить специалистамъ, какъ и о статьѣ г. А. Давыдова «Приложеніе теоріи вѣроятностей къ статистикѣ». Относительно послѣдней мы замѣтимъ только, что учевый авторъ, справедливо желая распространить между людьми, занимающимися статистикою, умѣнье прилагать къ ея цифрамъ формулы, предлагаемая теорію вѣроятностей, вѣрно могъ бы достичь этой цѣли переложивъ на обыкновенный языкъ смыслъ формулъ, найденныхъ «Теорію вѣроятностей»—замѣненіе же одной формулы, выраженной языкомъ интегральнаго исчисленія, другою формулою на томъ же таинственномъ языкѣ не объяснить ее людямъ, не знающимъ высшихъ частей математики; а кто можетъ понинать интегральныя формулы, уже давно прилагаетъ ихъ къ статистикѣ. Статья г. Швейцера «О кометахъ, открытыхъ въ 1853 году», имѣетъ несомнѣнно ученое достоинство. «Наглядное доказательство обращеніе земли около своей оси» посредствомъ опыта Фуко съ маятникомъ, привѣшеннымъ на длинной проволоцѣ, интересная и популярная статья г. Спасскаго,—перепечатана изъ «Московскихъ Вѣдомостей», съ нѣкоторыми дополненіями.

Г. Вернадскій такъ строитъ въ своихъ сужденіяхъ о другихъ ученыхъ, что

мы не можем не предполагать чрезвычайнаго достоинства въ его собственныхъ трудахъ; и потому, хотя его «Историческій очеркъ практической статистики» есть одна изъ тѣхъ компиляцій, которыя очень легко составлять каждому, кто знаетъ хотя одинъ изъ иностранныхъ языковъ, но мы остаемся увѣрены, что эта статья должна давать ему право на справедливую гордость.

Къ числу также компиляціонныхъ статей, но имѣющихъ гораздо болѣе ученаго достоинства, принадлежать: «Сравнительный взглядъ на нынѣшнія понятія объ энциклопедіи и понятія о ней древнихъ грековъ и римлянъ», г. Орнатскаго, и «Физиологія аппетита или голода», г. Глѣбова. «Ломоносовъ, какъ физикъ», г. Любинова, представляетъ иногда любопытныя сличенія теорій Ломоносова съ понятіями другихъ тогдашнихъ ученыхъ. Но если мы не ошибаемся, исторія русской науки болѣе выиграла бы отъ этого обзора, еслибы онъ былъ написанъ въ чисто историческомъ духѣ, а не въ тонѣ похвальнаго слова, совершенно излишнемъ потому, что въ геніальныхъ дарованіяхъ Ломоносова никто не сомнѣвается.

Исслѣдованіе г. Бѣляева: «Какъ понимали давность въ разное время русское общество и русскіе законы» — мѣсяграфія, полезная для исторіи русскаго права. Но мы не знаемъ, принесетъ ли особенную пользу исторіи языка «Извлеченіе изъ русской грамматики профессора Барсова», сдѣланное г. Буслаевымъ. Судя по этому извлеченію, трудно согласиться съ почтеннымъ нашимъ ученымъ, что «для исторіи русскаго языка въ XVIII вѣкѣ, грамматика Барсова предлагаетъ весьма много любопытныхъ данныхъ». Неужели любопытными для исторіи языка считаетъ г. Буслаевъ, напримѣръ, слѣдующія замѣтки:

«Въ родит. пад. мн. ч. числа употребляются и *рублей* и *рублевъ*. — Въ мѣсто *полей* и *морей* въ стихахъ употребляется также *поль* и *морь*. — Сокращенныя имена *мать* и *дочь* заимствуютъ родит. единств. отъ своихъ полныхъ *матерь* и *дочерь*.

«Рублевъ» употребляется нынѣ и употреблялось за долго до XVIII вѣка: слѣдовательно, какъ само собою разумѣется, существовало и во время Барсова — новаго факта намъ не доставляетъ его замѣтка. Предположеніе объ имен. матеръ и дочеръ также не стоитъ замѣчанія, по обиходности этихъ формъ. Напрасно такой ученый, какъ г. Буслаевъ, терялъ трудъ на составленіе этого извлеченія. Вообще, наука ничего не выиграетъ отъ желанія видѣть важность въ томъ, что вовсе не важно, ни съ научной, ни съ исторической точки зрѣнія. Мы не упоминали бы объ этомъ, если бы примѣръ, подаваемый г. Буслаевымъ, не дѣйствовалъ на его почитателей, которыхъ число довольно велико, и если бы въ такую же ошибку не впадали и нѣкоторые другіе изъ достойнѣйшихъ нашихъ ученыхъ, бесплодно теряя трудъ на то, чтобы открыть что нибудь замѣчательное въ томъ, что очевидно не можетъ дать никакихъ результатовъ для науки.

Вотъ, напримѣръ, совершенно другое дѣло статья г. Страхова: «Краткая исторія Академической Гимназіи, бывшей при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ» — она даетъ богатые матеріалы для исторіи русскаго образованія. потому что Гимназія при Московскомъ Университетѣ была однимъ изъ важнѣйшихъ учебныхъ учреждений, еще очень немногочисленныхъ въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка, и потому что г. Страховъ умѣетъ составлять изъ своихъ воспоминаній картины полныя и живыя. Каждый, кто интересуется исторіею русской образован-

носта, долженъ желать, чтобы г. Страховъ писалъ болѣе, какъ можно болѣе: его статьи о профессорахъ Страховъ (родственниковъ автора) и Мудровъ, виѣсть съ исторіею Академической Гимназіи, принадлежать къ числу прекраснѣйшихъ матеріаловъ для исторіи нашего просвѣщенія при Императрицѣ Екатеринѣ II и Александрѣ I. «Пятидесяти-семи-лѣтнее (1755—1812) участіе университетскихъ гимназій въ образованіи множества молодыхъ людей» — говоритъ г. Страховъ — «было если не больше, то уже конечно и не меньше участія самаго Университета. Ибо число гимназическихъ учениковъ бывало всегда слишкомъ въ-десятеро болѣе числа студентовъ Университета. Напримѣръ, въ 1787 году было студентовъ 82, и учениковъ 1,010; а въ 1800—1803 годахъ число студентовъ не превышало 102, между тѣмъ какъ учениковъ-гимназистовъ было до 3,300». Г. Страховъ со всѣми подробностями описываетъ порядокъ занятій и устройство этого столь обширнаго заведенія, помѣщеніе, пищу и распредѣленіе времени у казеннокоштныхъ гимназистовъ, предметы ученія, употребительныя награды и наказанія, мѣры къ надзору за учениками и т. д., наконецъ постепенное закрытіе гимназій съ 1804 года и прекращеніе существованія ея послѣ 1812 года, когда изъ немногихъ оставшихся учениковъ большая часть поступила въ военную службу. Все это рассказано просто, отчасти даже наивно, но безыскусственное простодушіе составляетъ одно изъ лучшихъ достоинствъ, если соединено съ умѣньемъ рассказывать вѣрно и занимательно, какъ это и находить въ воспоминаніяхъ г. Страхова.

Библіотека для дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ. Собраніе романовъ, повѣстей и рассказовъ. новыхъ и старыхъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Изданіе *А. Смирдина*. I. «Аптекарьша». Повѣсть графа *В. А. Соллогуба*. Спб. 1855.

Мы желали бы предсказать успѣхъ изданію, предпринимаемому г. Смирдинъ: мысль издать собраніе повѣстей и романовъ заслуживаетъ одобренія; для сборника выбранъ маяжентурный форматъ (въ 24 долю листа), довольно красивый; шрифтъ, которымъ напечатана первая книжка, хорошъ; бумага очень недурна, — однимъ словомъ, виѣшній видъ изданія говоритъ въ его пользу. Но, отъ души желая счастливаго продолженія сборнику г. Смирдина, мы посовѣтуемъ ему обратить болѣе вниманія на выборъ помѣщаемыхъ пьесъ. «Аптекарьша» принадлежитъ къ лучшимъ повѣстямъ графа Соллогуба и въ свое время нравилась публикѣ — противъ нея мы ничего не можемъ сказать, хотя, для пользы изданія, было бы лучше начать его произведеніемъ, которое могло бы возбудить болѣе интереса въ публикѣ. Если бы слѣдующія книжки наполнялись повѣстями и романами, равными по достоинству «Аптекарьшѣ», то «Библіотека дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ» не приобрѣтая слишкомъ большаго успѣха, вѣроятно, не была бы и предпріятіемъ слишкомъ неудачнымъ. Но напечатанный на оберткѣ первой книжки списокъ повѣстей, которыя г. Смирдинъ предполагаетъ помѣстить въ слѣдующихъ выпускахъ, свутылъ насъ: за исключеніемъ двухъ-трехъ произведеній, могущихъ имѣть успѣхъ, списокъ составленъ изъ пьесъ, выбранныхъ несчастливо. — Скажите, могутъ ли не залежаться въ кладовой издателя выпуски, которые будутъ предлагать публикѣ,

напримѣръ, слѣдующіи произведенія, и въ свое время не понравившіяся публикѣ, а нынѣ рѣшительно потерявшія всякую возможность быть прочитанными: «Послѣдшій консулъ въ Кафѣ» г. Шидловскаго; «Фультонъ» г. Каменскаго; «Александрина» г. Фанъ-Дина и проч. и проч. Мы боимся, что подобная перазборчивость можетъ уронить «Библіотеку».—Намъ непріятно говорить это, но мы искренно желали бы предостеречь издателя. Неужели нѣтъ у него знакомаго человѣка, имѣющаго понятіе о литературѣ, съ которымъ могъ-бы онъ посоветоваться?

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Н. Греча. Изданіе А. Смирдина. Три тома. Спб. 1855.

Нашъ вѣкъ, едва ли не по всей справедливости, извѣстенъ у чувствительныхъ людей подъ названіемъ желѣзнаго, хотя нынѣ и добывается каждый годъ въ Сибири, Калифорніи и Австраліи столько золота, что имъ можно было бы гальванопластически позолотить цѣлую Аркадію. Въ самомъ дѣлѣ, что пользы отъ этихъ тысячъ пудовъ золота, когда сердца у людей желѣзные, недоступныя аркадскимъ чувствамъ безпредѣльнаго самоотверженія ради друзей, когда нѣтъ на свѣтѣ Пилатовъ и Орестовъ, или мнимый Пиладъ предастъ Ореста? Къ такому размышленію невольно приходишь, присматриваясь къ дѣламъ, которыя дѣлаются на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ, напримѣръ, явились два Пилادا у Турціи, нарекли ее своимъ Орестомъ, объявили, что сердечная ихъ забота—спасеніе несчастнаго Ореста отъ всякихъ дѣйствительныхъ опасностей, что единственная цѣль всѣхъ ихъ дѣйствій—возвращеніе здоровья и могущества и елавы разстроившему свое здоровье и свои дѣла Оресту. Кажется, слова эти достойны золотого вѣка... Что же оказывается на самомъ дѣлѣ? Орестъ-Турція увѣряетъ своихъ друзей, что давно перестала бояться опасностей, которыми ее пугали, упрощаетъ своимъ друзьямъ прекратить заботы о ея спасеніи—а друзья очень нецеремонно отвѣчаютъ: «Молчи, не твое дѣло; мы заботимся сами о себѣ, а вовсе не о гоѣ». Да, какой тутъ золотой вѣкъ!

То же самое видишь, на что ни посмотришь,—хотя бы, напримѣръ, на изданіе «Сочиненій» г. Греча, вышедшее въ нынѣшнемъ году. Памятно еще намъ первое изданіе этихъ сочиненій, повидимому, неоспоримо доказывавшее возвращеніе золотого вѣка біографію, которая была къ нему приложена. Какою горячею, вѣчною дружбою дышала каждая строка этого замѣчательнаго жизнеописанія! Оно и начиналось объявленіемъ публикѣ, что авторъ біографіи—искренній другъ г. Гречу, что онъ отъ всей души любитъ г. Греча, готовъ ради дружбы подвергнуть себя величайшимъ нареканіямъ и подвергается, печатая эту біографію, и т. д., и т. д. Но—напрасно искали мы дружеской біографіи при новомъ изданіи!—какъ, зачѣмъ, почему исчезла она изъ новаго изданія? Ужели авторъ ея не хочетъ болѣе подвергаться нареканіямъ ради дружбы? Нѣтъ, мы не желали-бы вѣрить этому. Нѣтъ, мы не желали-бы разочароваться въ одномъ изъ трогальнѣйшихъ фактовъ, еще остававшихся на землѣ отголосками золотого вѣка!

Но мы вспомнили о другомъ случаѣ, и отказались отъ сладкой мечты о золотомъ вѣкѣ. Мы вспомнили о судьбѣ, испытанной романомъ г. Греча «Черная женщина» и на глазахъ нашихъ невольно навернулась слеза. Увы, кто поразилъ «Черную женщину»?—Другъ! и какъ поразилъ? самымъ коварнымъ образомъ,—

пазязвилъ бѣдную «Черную женщину» самыми острыми шпильками насмѣшки, увѣряя, что облакаетъ ее въ великолѣпнѣйшее одѣяніе похвалъ, хваля себя за этотъ подвигъ, какъ за величайшее доказательство дружбы! И въ доверіе еію этого коварства, другъ-мучитель еще напоминалъ публикѣ и автору «Черной женщины», что г. Гречъ, авторъ «Черной женщины» — редакторъ журнала, въ которомъ помѣщается эта убійственная для него статья, что г. Гречъ читалъ корректуры этой статьи, и не могъ смягчить ее, напротивъ, принужденъ былъ исправлять каждую шпильку, если она притупилась типографскою опечаткою! Скажите, достигала ли такого жестокосердія даже Инквизиція! Она надѣвала на людей сапоги съ гвоздями, вбитыми остриемъ внутрь, но не заставляла жертву лакировать эти сапоги... Читатель, ваше сердце обливается кровью? Вы не вѣрите въ возможность такой утонченной жестокости? Мы сами не хотѣли бы вѣрять, — но вотъ подлинныя слова коварнаго друга («Библіотека для Чтенія» 1834 г., томъ IV. Критика, стр. 17 и 19):

«Сбираясь говорить въ этомъ журналѣ о книгѣ, написанной его редакторомъ. мы обязаны прежде всего удостовѣрить собственныхъ нашихъ читателей въ возможности говорить здѣсь о ней безпристрастно и нелицемѣрно. Критическая часть этого журнала совершенно независима; ни издатель (А. Ф. Смирдинъ), ни редакторъ не оказываютъ на нее никакого вліянія.....

«Авторъ «Черной женщины», которому лучше всѣхъ извѣстны эти обстоятельства, весьма хорошо знаетъ, что, по особенному устройству Журнала, онъ скорѣе можетъ встрѣтить на его страницахъ суровый приговоръ литературнаго правосудія, чѣмъ комплименты подозрительной услужливости. и если-бъ намъ вздумалось, въ шутку, написать въ его романъ грозное РАЗРУГАЛИ, мы бы легко могли слѣзать вась сидѣтелями любопытнаго психологическаго опыта, — мы могли бъ сами видѣть, или представить себѣ мысленно, лицо бѣднаго автора, который, въ званіи редактора, читаетъ корректуру сочиненной на него укоризны, и дрожащею рукою исправляетъ опечатки въ жестокихъ ударахъ наносимыхъ его самолюбію. Мысль о возможности подобнаго увеселенія, мы увѣрены, неоднократно приходила на мысль почтенному сочинителю «Черной женщины»....

Затѣмъ слѣдуютъ увѣренія, что критикъ въ восторгѣ отъ «Черной женщины», потому что это метафическій романъ, написанный въ доказательство глубокой идеи — именно, желающій доказать истину магнетизма, и съ тѣмъ вмѣстѣ преподробно объясняется, что метафическій романъ не можетъ быть ни романомъ, ни даже сказкою, а всегда останется странною нескладницею, что магнетизмъ, на которомъ основанъ весь интересъ романа — вздоръ и пустяки, которымъ могутъ вѣрить одни невѣжды и простаки; тутъ же критикъ удивляется уму и знаніямъ автора «Черной женщины»; говоритъ, что въ романѣ нѣтъ ни плана, ни правдоподобія, господствуетъ безсвязность и неправдоподобіе и т. д. и въ то же время прибавляетъ, что романъ все-таки превосходитъ... Оказалъ дружбу критикъ автору! — скажешь послѣ всего этого.

Но если человѣку измѣняютъ друзья, то въ людяхъ постороннихъ является невольное желаніе поддержать покудаемаго. Извѣстно, что съ легкой руки друга-критика, начало распространяться и нынѣ совершенно утвердилось мнѣніе, что правильность языка — единственное достоинство въ произведеніяхъ г. Греча. Конечно, мы не рѣшимся принять на себя обязанность защищать достоинства «Черной женщины» или другаго романа г. Греча: «Поездка въ Германію»; но представимъ изъ его «Путевыхъ писемъ», помѣщенныхъ во II томѣ нынѣшняго изданія, и Обо-

зрѣній русской словесности», находящихся въ III томѣ, нѣкоторые мѣста интересны въ историко-литературномъ отношеніи и съ тѣмъ вмѣстѣ показывающія въ авторѣ наблюдательность и замѣчательную способность понимать практическую сторону вещей, — способность, которая, вмѣстѣ съ несомнѣннымъ трудолюбіемъ и начитанностью, достаточно объясняетъ литературные успѣхи почтеннаго автора.

«Въ числѣ предметовъ, которые мнѣ хотѣлось въ подробности узнать и разсмотрѣть въ Парижѣ, не послѣднее мѣсто занимали судилища уголовныя... Слабость есть удѣлъ человечества. Гдѣ подъ солнцемъ найти истинное, совершенное безпристрастіе и правосудіе? Вездѣ знатность, богатство и другія временныя блага ослѣпляютъ людей: сильный порокъ торжествуетъ, слабая добродѣтель угнетается. Не станемъ искать совершенства въ здѣшнемъ мірѣ. Но есть средства обуздать злоупотребленія власти, сорвать личину съ порока въ преступленія, даровать прѣвѣсенной добродѣтели способы оправдаться и восторжествовать надъ кознями злобы и коварства. Сія средства, кромѣ надлежащаго, сообразаго съ цѣлю, воспитанія народнаго, состоятъ въ утвержденіи правосудія на твердомъ, неизбѣжномъ основаніи, въ введеніи ясныхъ, опредѣленныхъ законовъ въ неизмѣнныя формъ, которыя были бы свято наблюдаемы при разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, отъ коихъ зависитъ съ одной стороны жизнь и честь частнаго человека, а съ другой безопасность и спокойствіе гражданскаго общества. Намему времени предоставлено исправленіе многихъ учрежденій и обычаевъ, ведущихся со временъ варварскихъ, когда право сильнаго, самовластіе, суевѣріе въ фанатизмъ предписывали законы. Великіе умомъ и добродѣтелію мужи вникли въ состояніе законодательства и судопроизводства, введенныхъ обстоятельствами, утвержденныхъ временемъ. — в ужаснулись! Судьба человека зависѣла отъ воли нѣкоторыхъ частныхъ людей, нерѣдко опредѣляемыхъ безъ дальнѣйшаго выбора, почти никогда не имѣвшихъ надлежащаго образованія и необходимыхъ познаній. Но и самыя честныя, безпристрастныя изъ свѣтъ людей не могли основывать своихъ сужденій и приговоровъ на ясныхъ, опредѣленныхъ законахъ, равносильныхъ для всякаго гражданина. Правосудіе измѣнялось по времени и мѣсту, по чину, породѣ, богатству подсудимаго! Главнѣйшими средствами для сохраненія правосудія, для обрѣтенія надлежащей срединѣ между потворствомъ, излишне щадящимъ преступниковъ, и безчеловѣчіемъ карающимъ неопытную и неосторожную невинность наравнѣ съ закоснѣлымъ порокомъ, суть: 1) ясное, полное и опредѣленное уголовное уложеніе, не основанное на мечтательныхъ предположеніяхъ, не заимствованное изъ постановленій другихъ земель, но извлеченное изъ вѣрныхъ древнихъ законовъ отечества, ариведенныхъ въ порядокъ, поясненныхъ, согласенныхъ и дополненныхъ; 2) судъ по совѣсти или судъ присяжныхъ (jury) и 3) гласное судопроизводство» (Часть II, стр. 354—356).

«Извѣстно, что Французское уголовное уложеніе и судопроизводство введены были во всѣхъ почти владѣніяхъ Рейнскаго Союза. По изгнаніи французовъ изъ Германіи, прусское правительство намѣревалось въ герцогствѣ Прврейскомъ возобновить прежній уголовный порядокъ; во жители гдѣхъ мѣстъ, привыкшіе уже, въ теченіе двадцати слишкомъ дѣтъ, къ публичному дѣлопроизводству, обратились къ трону съ просьбою не лишать ихъ этого права. Нѣтъ сомнѣнія, что великодушный король не лишитъ новыхъ подданныхъ своихъ на берегахъ Рейна выгодъ, сопряженныхъ съ публичнымъ производствомъ дѣлъ. Можетъ быть, что онъ распространитъ это благодѣяніе и на всѣхъ прочихъ своихъ подданныхъ. Достоинно вниманія, что въ Россіи, въ началѣ XVI вѣка, когда еще большая часть Европы была во мракѣ, едва начинавшемъ рѣдѣть отъ лучей встываго свѣта, существовали присяжные, или, по тогдашнему, цѣловальники» (Часть II, стр. 365—366).

«Русскій народъ подобенъ юношѣ, получавшему въ наслѣдіе отъ отцовъ своихъ начала своихъ добродѣтелей — вѣру, вѣрность и любовь въ отечеству. Онъ заимствовалъ образованіе ума у иноплемennыхъ народовъ; скоро перенялъ полезное, и, въ полномъ чувствѣ силы своей, превзошелъ своихъ учителей дѣлами (это писано вскоре послѣ 1812 года): хитрости противопоставилъ правду, коварству — вѣрность, нече-

стию вѣру, в утвердѣлъ бытіе свое навсегда. За напряженіемъ саль слѣдуетъ усталость, въ юношескихъ дѣлахъ непримѣтная, скоро проходящая. Народъ опять почувствуетъ стремленіе къ подвигамъ и трудамъ. Гдѣ найти ему удовлетвореніе. Въ дѣлахъ мирныхъ, въ подвигахъ гражданскихъ, въ наукахъ, художествахъ, словесности, въ првготовленіи запаса къ тому времени, когда, не имѣя болѣе силы юношеской, тѣлесной, долженъ онъ будетъ превосходить другихъ качествами ума и сердца! Для этого должно наблюдать ходъ его литературы, способствовать ея успѣхамъ, замѣчать встрѣчающіяся ей правитствія и отвращать ихъ, усматривать уклоненія народоваго образа мыслей съ пути истины и добродѣтели, и стараться о направленіи его вновь на этотъ путь, но безъ всякаго принужденія и стѣсненія, которыя производятъ дѣйствія, совершенно противныя предполагаемымъ. Вотъ воспитаніе народное, вотъ истинныя средства обвѣпечать бытіе, цѣлость в свѣту государства на столѣтія!» (Часть III, стр. 288—289).

«Воспитаніе или просвѣщеніе народное есть дѣло тѣлесное, одна изъ важнѣйшихъ и священнѣйшихъ обязанностей правительства. Но всѣ попеченія и ревность занимающихся образованіемъ ювощества становятся тщетными и бевполезыми, если, по вступленіи молодыхъ людей въ свѣтъ, имъ нельзя будетъ употребить талантовъ въ нихъ открытыхъ или имъ сообщенныхъ. Въ разныхъ земляхъ Европы, гдѣ издревле заведены хорошія училища, гдѣ ювощество получаетъ классическое образованіе, и гдѣ надлежало бы ожидать непрерывныхъ в важныхъ плодахъ этого образованія — ввдѣмъ мы совершенно тому противное. Словесность этихъ странъ находится въ вѣчной посредственности. Отчего это происходитъ? Оттого, что въ тѣхъ стравахъ господствуетъ пагубное мѣстничество, заграждающее истиннымъ талантамъ путь къ отличіямъ и наградамъ; оттого, что умственная сила народа, въ тѣхъ стравахъ обитающаго, драгоцнѣйшее достояніе челоѣка, важнѣйшій, если смѣю сказать, капиталъ государства, скопана цѣпями предрасудковъ, подозрительности и недовѣрчивости правительства. Таланты гибнутъ тамъ, вакъ вевешіе цѣты отъ дыханія бурь и стужи! Въ Россіи нѣтъ этихъ препятствій; мудрые ея законодатели, Петръ, Екатерина и Александръ (писано въ 1817 году), основали благоденствіе своихъ подданныхъ на благоразумной свободѣ и приличномъ каждому званію просвѣщеніи. Незнатность и бѣдность породы не препятствуютъ возвышаться людямъ съ способностями и познаніями. Екатерина даровала подданнымъ своимъ свободу изъявлять свов мысли изустно и во всенародныхъ писаніяхъ — в воспріянули отечественные таланты! Державинъ, языкомъ божественной поэзіи, фонъ-Визинъ, слогомъ здраваго в сильнаго разсудка, смѣло говорили предъ тропомъ истины, которыхъ обнародованіе доказало твердость трона сего, на любви подданныхъ къ вѣрѣ к отечеству основаннаго; Александръ довершилъ начатое ею, и то, что въ царствованіе Екатерины было временною царскою милостію, въ правленіе Александра, съ утвержденіемъ устава о цензурѣ, сдѣлалось твердымъ государственнымъ закономъ. Изданіе этого устава, призваннаго всею просвѣщенною Европою превосходнымъ въ своемъ родѣ, ознаменовало возобновленіе отечественной словесности. Исторія русской литературы въ царствованіе Александра свидѣтельствуетъ о его важности в благодѣтельности» (часть III, стр. 319—321).

Хвалить все, что помѣщено въ трехъ томахъ «Сочиненій» г. Греча, было бы напрасно и несправедливо; но можно сказать, что между страницами слабыми, встрѣчаются у него иногда страницы занимательныя и хорошо написанныя.

О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. А. Н. Егунова. Выпускъ I. Москва 1855.

По одной части труда не всегда бываетъ можно дѣлать основательное заключеніе о характерѣ и значеніи цѣлаго труда, а еслибъ въ настоящемъ случаѣ и было это возможно, то г. Егуновъ не хотеть признавать того. Оставимъ же общее суж-

деніе о его изслѣдованіи до появленія слѣдующихъ выпусковъ, и ограничимъ наши замѣчанія только тѣми сторонами его работы, которыя уже окончательно представлены публикѣ въ первомъ выпускѣ.

Вопросъ о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ требуютъ длинныхъ и утомительныхъ вычисленій, и изъ словъ самаго автора мы видимъ, что охота заняться тяжелымъ дѣломъ составленія таблицъ средней цѣнности хлѣба по губершамъ была внушена ему только понятіемъ о важности этихъ выводовъ для рѣшенія чрезвычайно интереснаго вопроса о степени благосостоянія русскаго поселеннаго, которая зависитъ преимущественно отъ доходовъ доставляемыхъ ему земледѣліемъ. Связь цѣнъ хлѣба съ благосостояніемъ поселеннаго очень тѣсна; но мы сомнѣваемся, чтобы г. Егуновъ могъ дойти до вѣрныхъ выводовъ объ этомъ благосостояніи черезъ одно опредѣленіе цѣнности хлѣба. Количество дохода, доставаемого земледѣліемъ, зависитъ не только отъ цѣны, но и отъ количества полученнаго хлѣба. Узнаю ли я, сколько дохода получаетъ смоленскій земледѣлецъ, если цифры, доступныя для меня показываютъ только, что онъ получаетъ 3 руб. 93 коп. за четверть, а не показываютъ, сколько четвертей онъ получаетъ? А для послѣдняго обстоятельства нѣтъ положительныхъ и точныхъ печатныхъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сборъ хлѣба зависитъ отъ урожайности и количества засева; и то и другое не опредѣляется печатными свѣдѣніями съ достаточною точностью. Какъ обыкновенно выражаются объ урожаѣ?—самъ—4, самъ— $3\frac{1}{2}$, самъ 3. Дроби меньше одной половины единицы уже не употребительны въ обыкновенныхъ извѣстіяхъ. А не только одна четверть, даже одна осьмая единицы въ этомъ случаѣ производитъ значительную разницу въ суммѣ дохода. Положимъ, напримѣръ, что мы нашли такое свѣдѣніе: въ 1850 г. въ смоленской губерніи былъ урожай $3\frac{1}{2}$ —вѣдь это не значить, чтобы въ точности 10 четвертей посева принесли именно 35 четвертей сбора, а только то, что онъ принесли болѣе 30 и менѣе 40, быть можетъ 33, быть можетъ и 37.—То и другое равно подходитъ къ самъ— $3\frac{1}{2}$ ближе, чѣмъ къ самъ—3 или самъ—4. Но если съ 10 четвертей получено 33, то за вычетомъ 10 четвертой на сѣмена, остается 23 четверти и доходъ сѣятеля будетъ (по 3 р. 93 к. четверть) 89 р. 39 коп., а если получено 37 четверт., остается за вычетомъ 10 на сѣмена, 27 четв., то доходъ будетъ 105 р. 11 коп.—разница, какъ видимъ, 15 р. 72 коп., или болѣе нежели 17⁰/₁₀₀.—Но еще неопредѣленнѣе цифры, говорящія о количествѣ посева. Вѣдь онъ зависитъ отъ количества земли на тягло, а оно въ различныхъ общинахъ и помѣстьяхъ одной губерніи, даже одного уѣзда очень различно. Если г. Егуновъ признаетъ несовершенную точность въ показаніяхъ цѣнъ, узнать которыя такъ легко—стоитъ только спросить на рынкѣ у кого угодно, и дѣло въ шляпѣ, — то возможна ли хотя приблизительная достовѣрность въ показаніяхъ цифры земли, засеянной въ цѣломъ уѣздѣ? Вѣдь эта цифра должна получиться черезъ сложеніе тысячъ цифръ, о каждой изъ которыхъ надобно заирать особенныя свѣдѣнія. Вѣдь никто, кромѣ хозяина, не знаетъ, навѣрное, сколько хлѣба засеивается въ хозяйствѣ. Возможно ли разспросить всѣхъ землевладѣльцевъ и поселанъ въ уѣздѣ? Да и скажутъ ли они правду? Мы будемъ еще слишкомъ легковѣрны, если согласимся считать погрѣшность въ цифрахъ количества засеваемой въ губерніи земли не больше 30⁰/₁₀₀, когда въ цифрахъ столь удобно получаемыхъ, какъ цѣны хлѣба, она провышаетъ 10⁰/₁₀₀ или 15⁰/₁₀₀. Вообразите же себѣ, до какой степени будетъ вѣренъ выводъ о благосостояніи поселеннаго, если, сдѣлавъ въ цѣнѣ

хлѣба вѣроятную ошибку въ 10⁰о, мы сдѣлаемъ еще въ опредѣленіи урожая вѣроятную ошибку на 17⁰о, и въ количествѣ засѣянной земли на 30⁰о! Въ выводѣ, обремененной столькими ошибками, очень легко приписать поселянину вдвое болѣе или вдвое менѣе дохода, нежели онъ дѣйствительно получаетъ, вмѣсто 100 рублей высчитать 50 или 200, сдѣлать изрядно-живущаго поселянину нищимъ или богачемъ.

Конечно, со временемъ эти цифры посѣва и урожая достигнуть большей точности; во въ настоящее время не только у насъ, но также и въ Германіи или Франціи невозможно, основываясь на нихъ, сдѣлать хотя приблизительно вѣрный выводъ безъ произвольныхъ поправокъ, которыя бы насильственно подвигали цифру къ величинѣ, сообразной съ положеніемъ поселянину, прямо извѣстнымъ не изъ предположеній о цѣнахъ и посѣвахъ хлѣба, а прямо изъ наблюденія надъ его образомъ жизни. Математика даетъ выводы болѣе точные, нежели наблюденіе, но только тогда, когда обладаетъ очень точными элементами для своихъ вычисленій; а когда элементы невѣрны, вычисленіе ведетъ только въ ошибкамъ; потому лучше избѣгать его, пока не получимъ болѣе достовѣрныхъ основныхъ цифръ, и ограничиваться скромнымъ наблюденіемъ, не имѣющимъ притязаній на абсолютную полноту, но и не уненивающимъ или увеличивающимъ вдвое.

Г. Егуновъ говоритъ, что описаній экономическаго быта простолюдиновъ у насъ очень мало, что этотъ источникъ слишкомъ скуденъ, потому и обратился онъ къ вычисленіямъ, т. е. къ гипотезамъ. Мы согласны, что описаніи хозяйственнаго быта простолюдиновъ у насъ очень скудны; но-лучше скудость, нежели совершенная недостовѣрность и произволь. Если нѣтъ матерьяловъ для описанія быта простолюдиновъ во всѣхъ различныхъ сферахъ ихъ занятій, и во всѣхъ губерніяхъ, опишите ихъ быть въ нѣкоторыхъ состояніяхъ и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ: лучше сказать что нибудь вѣрное о Воронежскомъ или Ахтырскомъ уѣздахъ, нежели надѣлать невѣрныхъ гипотезъ о всѣхъ краяхъ и концахъ Россіи.

Но среднія цѣны хлѣба, если и не могутъ быть непогрѣшимыя мѣриломъ экономическаго быта поселянъ, все таки имѣютъ большую важность въ статистикѣ, особенно для соображеній о силѣ, съ какою дѣйствуютъ на народонаселеніе неурожай и застой въ продажѣ отъ излишества урожая, для соображеній въ хлѣбной торговлѣ, путяхъ сообщенія и т. д. Потому таблицы среднихъ цѣнъ хлѣба въ 1846—1853 г. г. стоявшія г. Егунову, безъ сомнѣній, очень многихъ трудовъ, заслуживаютъ полной благодарности, хотя и есть въ нихъ нѣкоторыя подробности дающія поводъ къ возраженіямъ. Особенно важны нѣкоторые случаи, представляемые распределеніемъ губерній на полосы или группы, которое даетъ г. Егуновъ въ таблицахъ VII и VIII. Напримѣръ, Тверская губернія у него отнесена къ сѣверной полосѣ вмѣсто центральной—развѣ быть Тверскаго поселянину ближе къ быту Архангельскаго и Олонецкаго, нежели Московскаго и Костромскаго? Вятская губернія отнесена къ одной полосѣ съ Тульской и Нижегородскою (да и между Тульской и Нижегородскою какое сходство?) и т. д. Но доказывать неестественность въ составленіи этихъ полосъ излишне—довольно взглянуть на нихъ чтобы убѣдиться въ томъ, что г. Егуновъ слѣдовалъ произвольному дѣленію, не вездѣ соблюдая даже свой собственный законъ близости по средней цѣнѣ хлѣба.

Окончимъ нашу рецензію сожалѣніемъ, что г. Егуновъ безъ нужды усыялъ свое изслѣдованіе безчисленными нападеніями на комитетъ Географическаго Обще-

ства, сдѣлавшій нѣсколько замѣчаній на представленную авторомъ въ общество рукопись его изслѣдованія. Положимъ, что замѣчанія комитета были несправедливы, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію автора—чтожь тутъ ужаенаго? развѣ члены Географическаго Общества не могутъ ошибаться? Обижаться тутъ было нечѣмъ, еслибъ они и ошиблись;—вѣдь они же остались бы въ проигрышѣ, если бы публика сказала теперь, что правда на сторонѣ г. Егунова. Но г. Егуновъ оскорбился в надолго оскорбился; вотъ это немного странно въ человѣкѣ, который уже пишетъ не первую статью и могъ бы привыкнуть спокойноѣ принимать и похвалы и замѣчанія. Но и не въ этомъ даже дѣло—пусть г. Егуновъ оскорбился, такъ и быть,—онъ могъ бы выразить свой гнѣвъ, написать хоть тысячу страницъ противъ замѣчаній комитета Географическаго Общества, во опровергнуть ихъ однажды на всегда, и уже не отрывать ни себя ни читателя отъ изложенія своихъ изслѣдованій безпрестанными уклоненіями отъ своего предмета къ Географическому Обществу. Повторять одно и то же сто разъ,—вотъ что неловко съ его стороны, потому что невыгодно для него самого. Читатель утомляется этими безпрестанными отступленіями отъ предмета, и наконецъ говоритъ: «вѣрво г. Егуновъ неправъ, если такъ неумѣренно гнѣвается»—выгодно ли подвергать себѣ такой опасности?

Учебныя руководства для Военно-Учебныхъ Заведаній. Руководство Статистики Россіи. Составлено *А. Соколовскимъ*. Спб. 1855.

Авторъ этого учебника умеръ, совершенно приготовивъ къ изданію свой трудъ, но еще не успѣлъ приступить къ его печатанію, забота о которомъ была возложена на г. Ивавовскаго. Достоинства руководства, одобряемыхъ Штабомъ Военно-Учебныхъ Заведеній, признаются всѣми спеціалистами, и потону мы считаемъ достаточнымъ скавать нѣсколько словъ о системѣ, которая принята въ «Статистикѣ» г. Соколовскаго. Книга его раздѣляется на три части, изъ которыхъ въ первой (Источники основныхъ силъ государства) излагается исторія расширенія предѣловъ Россійской Имперіи, настоящія границы и административное раздѣленіе ея территоріи, орографія, гидрографія, системы водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, обзоръ климата, постепенное увеличеніе населенія въ Россіи, настоящій составъ его по племенамъ, вѣроисповѣданіямъ и городовому или сельскому мѣсту жительства. Во второй части (Народная дѣятельность и ея послѣдствія) говорится о различныхъ отрасляхъ промышленности, заботахъ Правительства о развитіи духовной дѣятельности и настоящемъ ея состояніи. Въ третьей части (Правительственныя силы) сообщается подробный обзоръ военныхъ силъ Россіи и очеркъ ея финансовъ.

Промудрость и благодѣнь Божія въ судьбахъ міра и человѣка. Москва. 1855.

Это обширное сочиненіе представляетъ подробный обзоръ историческихъ событій, явленій природы и фактовъ человѣческой жизни, служащихъ доказательствами Промысла Божественнаго о мирѣ вообще и въ особенности о человѣкѣ. Характеръ изложенія въ немъ отчасти богословскій, отчасти научный, смотря по

различію излагаемыхъ предметовъ, но богословская точка зрѣнія, какъ п должно быть, неуклонно руководить направлеіемъ благочестивыхъ разсуждеій автора. Сочиненіе раздѣляется на семь пясей, которыя, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, были помѣщаемы въ «Прибавленіяхъ» къ «Твореіямъ св. (ѳцовъ», изъ которыхъ нынѣ собраны въ отдѣльную книгу.

Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой землѣ постриженника Святыхъ горы Афонскія инока Парвенія. Въ четырехъ частяхъ. Части 1 и 2. Москва. 1855.

Языкъ этихъ многотомныхъ записовъ прежде всего поражаетъ читателя, представляя оригинальную смѣсь церковнославянскаго съ стариннымъ книжнымъ русскимъ и простонароднымъ русскимъ. Но прочитавъ нѣсколько страницъ, и узнавъ, что инокъ Пареевій до обращенія своего въ православіе на трдцатомъ году жизни, былъ чрезвычайно усерднымъ раскольниковъ, и не получилъ школьнаго воспитанія, мы перестаемъ удивляться его слогу, видя, что онъ естественно образовался отъ равнаго изученія старопечатныхъ книгъ, богословскихъ книгъ прошедшаго вѣка и отъ постоянного обращенія среди простолюдиновъ.

Столь же разнообразно и содержаніе его разсказовъ: онъ равно подробно излагаетъ свои путешествія по святымъ мѣстамъ, свои бесѣды, сначала съ православными, которые обращали его, потомъ съ раскольниками, которыхъ обращалъ онъ, и наконецъ различные интересные анекдоты, слышанные въ путешествіяхъ. Все это записано имъ, повидимому, совершенно безыскусвенно, тѣми самыми фразами слышаннаго языка, какими привыкъ онъ говорить. Напрасно было бы искать системы въ его книгѣ; и точное понятіе объ оригинальности ея наивнаго изложенія можно получить только перелистовавъ ее. Но для спеціалистовъ будетъ она любопытна ужъ по одному тому, что авторъ сообщаетъ много извѣстій о нынѣшнемъ состояніи разныхъ сектъ, съ членами которыхъ сближался, отчасти также и по воспоминаніямъ о православныхъ и раскольникахъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ и въ Молдавіи.

Слова и поученія на воскресные и праздничные дни. *Протоіерея Іоанна Халколиванова.* Двѣ части. Спб. 1855.

Проповѣди протоіерея Халколиванова принадлежать къ числу такъ называемыхъ «обяснительныхъ поученій на Евангельскія чтенія»,—въ каждомъ изъ его словъ сначала разсказывается содержаніе чтеннаго въ тотъ день евангелія, потомъ смыслъ его объясняется и дѣлаются нравственныя примѣненія. Нѣкоторыя изъ этихъ проповѣдей написаны очень простымъ языкомъ, въ другихъ замѣтно болѣе искусственности.

Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губернии. Составлена Яковомъ Соловьевымъ. Съ двумя картами. Москва. 1855.

Книга г. Соловьева—одинъ изъ тѣхъ трудовъ, которые заслуживаютъ полной похвалы безъ всякихъ оговорокъ, и, что еще лучше, искренней признательности со стороны каждаго занимающагося изученіемъ быта своей родины. «Статистика Смоленской губернии» принадлежитъ къ числу очень немногихъ у насъ капитальныхъ сочиненій по этой части, и между ними должна занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Г. Соловьевъ былъ начальникомъ кадастровой комиссіи, посланной отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ Смоленскую губернію для переложенія подушнаго оклада государственныхъ крестьянъ въ поземельный,—это обстоятельство доказываетъ, что онъ имѣлъ способы собрать статистическія данныя объ этой губерніи въ такой полнотѣ и точности, какая невозможна была бы ни для какого другаго лица. Все изложеніе книги его свидѣтельствуетъ, что онъ занимался этимъ съ ревностью, аккуратностью и знаніемъ, какихъ только возможно желать: выводы его всегда осмотрительны и основательны; ученый взглядъ его на сельско-хозяйственные вопросы всегда проникателенъ, здравъ, чуждъ и предубѣжденій рутинны и самообольщеній, въ которыя часто впадаетъ теорія. Однимъ словомъ, книга г. Соловьева—одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пособій для изученій сельско-хозяйственнаго быта въ Россіи, одно изъ столь рѣдкихъ у насъ сочиненій, о которыхъ можно говорить много и говорить съ удовольствіемъ, и намъ пріятно дать подробный отчетъ объ этомъ трудѣ, богатомъ интересными и поучительными данными.

Первая мысль, которая можетъ родиться у рецензента подобной книги—желаніе сравнить цифры и выводы, представляемый авторомъ относительно отдѣльной области, съ фактами, касающимися другихъ частей государства, чтобы опредѣлить отношеніе части къ цѣлому. Но общее понятіе о мѣстѣ, занимаемомъ Смоленскою губерніею въ ряду другихъ, уже достаточно опредѣлилось; и намъ кажется, что нѣкоторые болѣе прежнихъ точные выводы объ этомъ отношеніи представляли бы менѣе интереса, нежели подробное изученіе тѣхъ условій быта въ Смоленской губерніи, которыя болѣе или менѣе общи ей или съ цѣлою Имперіею, или по крайней мѣрѣ съ цѣлымъ сѣверозападнымъ краемъ Имперіи. Но прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о порядкѣ изложенія, принятомъ въ «Сельско-хозяйственной статистикѣ»,—онъ отличается полнотою и послѣдовательностью, такъ что мы можемъ строго держаться его въ нашемъ извлеченіи. Г. Соловьевъ очень основательно начинаетъ очеркомъ историческихъ событій, имѣвшихъ вліяніе на настоящее положеніе Смоленской губерніи (стр. 17—32)—безъ того, по его справедливому замѣчанію, странны показались бы нѣкоторые изъ важнѣйшихъ фактовъ быта; потомъ, въ первой главѣ (стр. 33—85) даетъ геогностическое обзорѣніе формаций и почвъ, системъ водъ, болотъ, климата; вторая глава (стр. 86—152) сообщаетъ свѣдѣнія о числѣ жителей, раздѣленіи ихъ по племенамъ, мѣсту жительства, занятіямъ и сословіямъ: о физическомъ и нравственномъ состояніи рабочаго класса; въ третьей главѣ (стр. 153—256) излагается хозяйственный бытъ населенія: распредѣленіе земель, движеніе поземельной собственности, наемныя пѣны земли, расположеніе селеній, способы управленія

крестьянами, способы пользованія землями, повинности, содержашіе крестьянскаго семейства, запасы продовольствія, недомки, способы займовъ; четвертая глава (стр. 257—322) посвящена статистикѣ земледѣлія, пятая (323—383) второстепеннымъ отраслямъ сельскаго хозяйства: огородничеству, садоводству, пчеловодству, лѣсоводству, скотоводству; шестая глава (стр. 384—486) сельскимъ промысламъ, фабрикамъ, заводамъ и торговлѣ. Изъ двухъ отчетливо иллюминированныхъ картъ, одна показываетъ почвы, лѣсныя породы и средоточія промышленной дѣятельности; другая торговые пути для сбыта земледѣльческихъ произведеній. Самыя полныя и точныя свѣдѣнія г. Соловьевъ имѣтъ о бытѣ государственныхъ крестьянъ; данныя, касающіяся помѣщичьихъ крестьянъ, часто оказывались неполны и должны были быть дополняемы на основаніи приблизительныхъ соображеній. Сверхъ того, нѣкоторые вопросы, напримѣръ, о продолжительности средней жизни въ различныхъ сословіяхъ, оставлены авторомъ безъ рассмотрѣнія, конечно, по недостатку данныхъ; во тѣмъ не менѣе книга г. Соловьева—полнѣйшее и основательнѣйшее изъ всѣхъ вѣдѣмыхъ намъ статистическихъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ частяхъ русской Имперіи.

Нѣкогда Смоленское княжество было одно изъ самыхъ богатыхъ. Одно служило торговымъ путемъ изъ сѣверной Руси и нѣмецкихъ городовъ въ южную Россію и Грецію, благодаря выгодному положенію Смоленска на соединеніи системъ Двины и Днѣпра. Но когда началась борьба между Московскимъ и Литовскимъ княжествами, смоленская область, поле битвъ и грабежа, начала сильно страдать. Литовскіе князья и польскіе короли поддерживали колеблющееся благосостояніе жителей льготами, и Смоленскъ все еще оставался городомъ цвѣтущимъ и торговымъ; другіе города той области также еще сохраняли часть своего благосостоянія; такъ, напримѣръ, въ Рославлѣ жили еще десятки нѣмецкихъ купцовъ. Но войны между Москвою и Польшею все болѣе и болѣе вредили смоленской области, пока Смоленскъ наконецъ былъ разрушенъ въ 1611 году. Какъ обширенъ былъ городъ еще въ началѣ XI вѣка, видимъ изъ того, что въ однихъ посадахъ его, кромѣ сгорѣвшихъ, уцѣлѣло 10 церквей, изъ которыхъ нынѣ уже не существуетъ ни одной. Мало по малу городъ возобновился, и перешелъ къ Россіи «обширнымъ и хорошо отстроеннымъ»; онъ велъ довольно дѣятельную вѣдѣшнюю торговлю; смоленскіе сады славились фруктами. Еще въ началѣ царствованія Екатерины II, несмотря на упадокъ, уже значительный въ сравненіи съ прежнимъ, Смоленскъ былъ однимъ изъ главныхъ торговыхъ городовъ имперіи. Смоленская область, безъ сомнѣнія, раздѣляла относительно благосостоянія судьбу своего главнаго города. Такъ какъ болѣе или менѣе быстрое приращеніе числа жителей въ земляхъ еще недостаточно населенныхъ, служить мѣриломъ благосостоянія, то приведемъ слѣдующія цифры: нынѣшняя Смоленская губернія имѣла жителей:

въ 1722 г. 659,734; въ 1775 г.—892,300; въ 1811 г.—1,056,715; итакъ, между 1722—1775 г. ежегодное увеличеніе населенія было 0,66 на сто; между 1775—1811 г.—только 0,50 на сто—слѣдовательно (говоритъ г. Соловьевъ) въ послѣднемъ періодѣ «распространеніе населенія уже начало встрѣчать препятствія въ средствахъ къ жизни». 1812 годъ, когда почти вся Смоленская губернія подверглась разоренію, нанесъ ея благосостоянію ударъ, отъ котораго до сихъ поръ она еще не совершенно оправилась. Потери губерніи простирались до 75 милліоновъ р. ассигн., кромѣ пожертвованій на сумму 10 милліоновъ, и убытковъ

отъ того, что пропало до полумилліона головъ скота и болѣе 300,000 десятинъ земли остались незастроенными. Въ 1816 г. населеніе было въ одномъ мужескомъ полѣ податныхъ состояній на 56,582 души менѣе, нежели въ 1811 году, и только въ 1834 году оно достигло опять цифры, которая считалась въ 1811 году. Городъ Смоленскъ до 1830 г. оставался почти въ развалинахъ. Да и нынѣ, вмѣсто 15,000 жителей, бывшихъ до 1812 г. опъ не имѣетъ и 11,000. Приращеніе населенія по губерніи было въ 1816—1835 г. 0,50 на сто, а въ 1835—1851 г. еще менѣе—только 0,20 на сто. Изъ этихъ чиселъ, по справедливому замѣчанію г. Соловьева, «слѣдуютъ два заключенія, изъ которыхъ каждое зависитъ отъ другаго: во первыхъ, отечественная война до сихъ поръ оставила слѣды на Смоленской губерніи: во вторыхъ, это именно доказываетъ бѣдность средствъ, которая въ теченіе 40 лѣтъ не позволила вознаградить потерь, причиненныхъ «войною».

Изъ общаго числа 1,083,249 душъ обоого пола, составлявшихъ населеніе Смоленской губерніи въ 1853 году, считалось:

помѣщиковъ	15,995 (обоого пола)	или	1 ¹ / ₂ %
крестьянъ госуд. и помѣщ.	972,334	—	90 %
прочихъ сословій	94,900	—	8 ¹ / ₂ %

Число помѣщичьихъ крестьянъ въ Смоленской губерніи—774,534 души—гораздо значительнѣе, нежели число государственныхъ крестьянъ—197,999 душъ: объясняя этотъ поревѣсъ, г. Соловьевъ говоритъ: «Польскіе короли и русскіе государи неоднократно жаловали частнымъ лицамъ населенныя деревни изъ дворцовыхъ волостей... За неимѣніемъ данныхъ, невозможно опредѣлить, въ какой степени увеличилось число помѣщичьихъ крестьянъ отъ этихъ пожалованій; но во всякомъ случаѣ, оно должно быть значительно; такъ напримѣръ, во время послѣдняго присоединенія Смоленска къ Россіи, весь нынѣшній Порѣчскій уѣздъ, за исключеніемъ Шлойскаго участка, принадлежалъ къ разнымъ дворцовымъ волостямъ. Нынѣ въ этомъ уѣздѣ числится 16,756 душъ муж. пола помѣщичьихъ «крестьянъ», то есть почти столько же, сколько остается государственныхъ крестьянъ (18,251 душа муж. п.)—иначе сказать, въ теченіе послѣднихъ 200 лѣтъ (съ 1654) около половины бывшихъ государственныхъ крестьянъ обращены въ помѣщичьи чрезъ пожалованье.

Интересны цифры, представляющія раздѣленіе крѣпостныхъ крестьянъ между мелкими и богатыми помѣщиками.

число владѣльцевъ имѣющихъ:	общее число принадлежащихъ имъ крестьянъ муж. пола.
менѣе 21 души.	3,039
отъ 21 до 100 душъ	1,741
— 101 — 500 —	737
— 501 — 1000 —	64
болѣе 1000 душъ —	38
	23,127
	82,523
	148,671
	44,214
	79,403

Такимъ образомъ, изъ общаго числа 5,629 помѣщиковъ, 3,039 должны быть отнесены къ числу людей небогатыхъ: на половину менѣе помѣщиковъ, могущихъ жить безбѣдно (1741) и только 839 помѣщиковъ владѣютъ значительными имѣніями (болѣе 100 душъ); изъ нихъ только 102 человека могутъ назваться

богатыми (имѣя болѣе 500 душъ). Изъ общаго числа крестьянъ, немного болѣе одвой четвертой части раздѣлены между 4,780 помѣщиками имѣющими, каждый, меѣе 100 душъ; владѣніе остальными $\frac{3}{4}$ сосредоточено въ рукахъ 839 владѣльцевъ.

Относительно народнаго здоровья, замѣтимъ, что въ Смоленской губерніи находится 26 врачей и 38 фельдшеровъ в лекарскихъ учениковъ. Число оспопрививателей—191; оспа прививается изъ 1000 младенцевъ 650.

Грамотность между государственными крестьянами распространена въ два съ половиною раза болѣе, нежели между помѣщичьими.

О нравственномъ состояніи Смоленскаго населенія г. Соловьевъ замѣчаетъ: «Родительская и дѣтская любовь сильна; но родственныя связи въ другихъ степеняхъ ослабляются отъ семейныхъ раздоровъ, которые болѣею частію происходятъ отъ женщинъ... Явное воровство не можетъ найти себѣ защиты въ общественномъ мнѣніи крестьянъ; но воровство лѣса, воровство господскихъ сѣмянъ во время сѣва, уклоненіе отъ платежа податей, хотя бы и были къ тому средства, не считаются ни за грѣхъ, ни за преступленіе... Религіозность простаго народа обнаруживается въ исполненіи однихъ только обрядовыхъ постановленій: хожденіи въ церковь, соблюденіи постовъ и т. п.; но смысла христіанской религіи, на которомъ основаны всѣ гражданскіе добродѣтели, онъ не понимаетъ».

Очень интересно краткое, но дѣльно составленное изложеніе народныхъ поѣрій у бѣлоруссовъ составляющихъ, какъ извѣстно, половину населенія Смоленской губерніи. Выписываемъ слѣдующія строки, сохраняющія память древней системы дуализма и поклоненія стихіямъ:

«Сотвореніе міра представляется драматически, въ видѣ борьбы Добраго Верховнаго существа со злымъ. Объ этомъ въ Бѣлоруссіи разсказывается цѣлая легенда. Сущность ея та, что Доброе существо вездѣ и во всемъ желало сдѣлать одно только благое; но вездѣ и во всемъ ему мѣшало злое начало. Доброе существо хотѣло создать одивъ только черноземъ, но злое ирамѣшало глину и песокъ. Доброе существо предназначило для земли ровную поверхность; но злое, гдѣ только могло, изборождало ее оврагами и набросало горъ. Сотвореніе воды и огня приписывается также злему началу... Особеннымъ уваженіемъ пользуется огонь. При устройствѣ новаго жилья огонь непременно переносится съ стараго очага. Если, по отдаленности новаго жилища, нельзя перенести туда старыи огонь, то берутъ по крайней мѣрѣ, принадлежности очага — кочергу, ухватъ в т. и.»

Изъ общаго пространства 4,442,661 десятинъ удобной земли въ Смоленской губерніи, г. Соловьевъ полагаетъ:

усадебной	66,773 дес.	выгонной	249,909 дес.
пахатной	1,462,907 —	кустарниковъ	408,725 —
сѣнокосной	847,906 —	лѣсовъ	1,406,441 —

По генеральному межеванію, пахатныхъ земель было показано 1,837,573 десятины, т. е. почти 400,000 десятинъ болѣе, нежели полагаетъ г. Соловьевъ, — эту разницу онъ объясняетъ отчасти неточностью генеральнаго межеванія, отчасти тѣмъ, что, по общему мнѣнію, «хлѣбопашество въ Смоленской губерніи послѣ 1812 года уменьшилось», что подтверждается большими пространствами *зарослей*, или заброшенной пахатной земли, поросшей кустарникомъ.

Въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, на ревизскую душу приходится земли гораздо

болѣе, нежели въ государственныхъ имѣніяхъ, именно казна имѣетъ въ Смоленской губерніи 91,987 ревизскихъ душъ и 470,366 десятинъ, такъ что на душу среднимъ числомъ приходится 5 десятинъ; а помѣщики владѣютъ 350,922 душъ и 3,847,524 десят. земли, такъ что на душу причитается 11 десятинъ. Несмотря на это, казенные крестьяне живутъ лучше, нежели помѣщичьи.

Средняя цѣна ревизской души въ Смоленской губерніи—отъ 150 до 200 р. сер., смотря по уѣзду и количеству угодій; о продажной цѣнѣ ненаселенной земли нельзя сказать ничего опредѣленнаго, потому что ненаселенная земля покупается рѣдко, и то развѣ для округленія угодій, по цѣнѣ случайной, далеко отступающей отъ нормальныхъ условий. Наемной цѣны пахатной земли также нельзя опредѣлить, потому что нѣтъ обычая брать ее въ наѣмы.

Въ числѣ дворянъ Смоленской губерніи есть болѣе 1000, быть можетъ до 2000 человекъ, такихъ которые, вовсе не имѣя крестьянъ, живутъ особенными селами, сами обрабатывая землю. Въ одномъ Рославльскомъ уѣздѣ ихъ считается до 1000 человекъ, кромѣ того есть они въ шести другихъ уѣздахъ. Дворяне, имѣющіе менѣе 20 душъ, «недалеко (по словамъ г. Соловьева) ушли отъ тѣхъ, которые вовсе не имѣютъ крестьянъ», и онъ полагаетъ (стр. 110), что изъ нихъ до 1,500 человекъ также сами обрабатываютъ землю. Напротивъ, богатые помѣщики рѣдко живутъ въ помѣстьяхъ, а болѣею частью въ городахъ и столицахъ. Вообще г. Соловьевъ полагаетъ, что изъ помѣщичьихъ крестьянъ $\frac{2}{3}$ находится подъ непосредственнымъ управленіемъ самихъ владѣльцевъ, а остальная треть находится въ завѣдываніи бурмистровъ изъ крѣпостныхъ людей или наемныхъ управляющихъ. Впрочемъ, наемные управляющіе находятся въ очень неинныхъ имѣніяхъ—по всей губерніи ихъ не болѣе 20. Оброчныхъ крестьянъ въ Смоленской губерніи немного; средняя величина оброка—20 р. сер., при чемъ крестьяне обязаны еще нѣкоторымъ количествомъ рабочихъ дней. Въ самомъ значительнѣйшемъ числѣ имѣній, крестьяне состоятъ на барщинѣ, которую отправляютъ съ 18—20 до 60 лѣтъ.

Земли, принадлежащія селенію, государственные крестьяне дѣлятъ между собою по числу ревизскихъ душъ въ каждой семьѣ, и передѣлъ земель производится вообще отъ ревизіи до ревизіи. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земля раздается по числу тягловыхъ душъ, и передѣлы (впрочемъ, частные, по возможности, не касающіеся другихъ тяголъ) бываютъ съ каждою прибылью или убылью тягловыхъ душъ въ семьѣ. Выгоны и лѣса состоятъ въ общемъ пользованіи. Государственные селенія, замежеванные въ одной дачѣ, также при ревизіи передѣливаются угодьями. Такъ изъ 2,083 селеній при 9-ой ревизіи болѣе 50 передѣляли свои земли.

Сборы съ государственныхъ крестьянъ Смоленской губерніи, до переложения подушныхъ окладовъ въ поземельные, были: подушная подать—95 коп., оброчная 2 р. 58 коп., на содержаніе управленія государственныхъ имуществъ 58³ к., земскія повинности 40¹/₄ коп., и на капиталъ продовольствія 6 коп., всего 4 р. 58 коп. съ ревизской души. Съ переложеніемъ этихъ различныхъ сборовъ на одинъ поземельный налогъ, средняя сумма причитающаяся на ревизскую душу, составляетъ 4 р. 67 коп. сер. Кромѣ того, стоимость различныхъ повинностей отправляемыхъ натурою, составляетъ, среднимъ числомъ, 99 коп. на душу, такъ что сумма всѣхъ окладовъ и повинностей съ казенныхъ крестьянъ можетъ быть считаемъ въ Смоленской губерніи среднимъ числомъ въ 5 р. 66 коп. на душу.

Помѣщичьи крестьяне въ Смоленской губерніи платятъ, по вычисленію г. Соловьева, съ ревизской души казенныхъ податей 1 р. 53 коп., и отправляютъ натурою казенныхъ повинностей по стоимости на деньги не менѣе 81 коп., всего казенныхъ податей и повинностей 2 р. 34 коп. съ души. Цѣнность работъ, которыя должно каждое тягло отправлять на барщину, г. Соловьевъ полагаетъ не менѣе, какъ въ 21 р. сер., и считая на 100 ревизскихъ душъ 50 тяголъ, мы получимъ, что въ Смоленской губерніи помѣщичьи крестьяне платятъ деньгами или исправляютъ натурою повинностей казенныхъ и господскихъ на сумму 12 р. 84 коп. или, круглымъ числомъ, 13 р. сер. на каждую ревизскую душу.

Послѣ этого г. Соловьевъ посредствомъ расчетовъ, основанныхъ на многочисленныхъ показаніяхъ поселянъ, и дополненныхъ осмотрительными и точными соображеніями всѣхъ условій, старается опредѣлить средніе расходы врестьянскаго семейства, состоящаго изъ восьми душъ—двухъ малолѣтнихъ, четырехъ взрослыхъ и двухъ престарѣлыхъ; въ числѣ взрослыхъ онъ полагаетъ двухъ работниковъ и двухъ работницъ. Онъ основательно дѣлаетъ оговорку, что совершенной точности въ этомъ расчетѣ достигъ нынѣ еще невозможно. Тѣмъ не менѣе надобно сказать, что разчетъ его долженъ быть очень близокъ къ истинѣ.

Въ великорусскихъ семьяхъ, расходы на содержаніе вообще нѣсколько значительнѣе, нежели въ бѣлорусскихъ. потому что бѣлоруссы сокращаютъ расходы на пищу и одежду до предѣловъ, которыхъ еще отвращается великоруссъ. Напримѣръ, вмѣсто чистаго ржанаго хлѣба, бѣлорусъ постоянно употребляетъ такъ называемый «пушной хлѣбъ», т. е. смѣшанный съ мякиною. Потону для великорусской и бѣлорусской половины смоленскаго населенія, г. Соловьевъ даетъ различныя смѣты расходовъ. Мы здѣсь можемъ привести только результаты:

	Великорусскаго.	Бѣлорусскаго.
Расходы семейства изъ 2 малолѣтнихъ, 2 стариновъ, 2 работницъ и 2 работниковъ: пища	83 руб. 85 коп.	75 руб. 32 коп.
Одежда	60 — — —	42 — — —
Ремонтъ строеній	6 — 58 —	5 — 6 —
Отопление и освѣщеніе (дрова и лучина)	10 — 50 —	6 — 50 —
Ремонтъ посуды, земледѣльческихъ орудій и проч.	7 — 8 —	5 — — —
Церковныя требы	1 — 50 —	1 — 50 —
Всего	169 руб. 51 коп.	135 руб. 38 коп.

То есть, кромѣ денегъ на уплату повинностей и податей, крестьянская семья изъ 8 человѣкъ должна въ Смоленской губерніи наработать въ годъ для себя массу цѣнностей—великорусская, въ 170 руб. сер., бѣлорусская въ 135 руб. 50 коп., чтобы ея положеніе не сдѣлалось къ концу года хуже, нежели было въ началѣ. Г. Соловьевъ не дѣлаетъ параллельнаго разчета относительно средней величины всѣхъ крестьянскихъ заработковъ, предоставляя читателямъ своей книги судить по собраннымъ у него фактамъ, возможно ли, чтобы расходы, имъ выведенные, покрывались доходами, получаемыми въ благопріятные годы.

Сумма недоимокъ, лежащихъ на государственныхъ крестьянахъ Смоленской губерніи, составляетъ болѣе нежели двойное количество годичнаго оклада этихъ

податой, именно среднимъ чяглоу 10 руб. 41 коп. на ревизскую дуну. Въ томъ числѣ нѣсколько болѣе половины должно быть считаемо послѣдствіемъ 1812 года, другая половина, нѣсколько менѣе, прибавилась въ теченіе послѣднихъ 16 лѣтъ. Пропорціонально, сумма недонмокъ, лежащая на помѣщичьихъ крестьянахъ, нѣсколько значительнѣе, равняясь двумъ съ половиною годовымъ окладамъ казенныхъ податей и составляя 3 руб. 50 коп. на ревизскую дуну. Последняя сумма впрочемъ еще незначительна сравнительно съ массою другихъ долговъ, лежащихъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ—суммы этихъ долговъ г. Соловьевъ впрочемъ не беретса опредѣлить, по недостатку точныхъ свѣдѣній. Сравненіемъ пропорцій недонмокъ по уѣздамъ, авторъ показываетъ, что, чѣмъ имѣнья мелкопомѣстнѣе, тѣмъ болѣе лежитъ на нихъ недонмокъ.

Крестьяне берутъ деньги въ займы или покупаютъ хлѣбъ и скоть съ срочкою платежа на одинаково тяжелыхъ условіяхъ, у прасоловъ или домашнихъ ростовщиковъ. Для отвращенія этого зла, при пяти волостныхъ правленіяхъ (Смоленской губерніи основаны «Вспомогательныя кассы» или сельскіе банки для государственныхъ крестьянъ. Четыре изъ нихъ имѣли капиталъ по 994 руб. сер., а пятая вдвое менѣе, такъ что общая сумма капиталовъ всѣхъ пяти кассъ 4,473 руб. сер. Въ теченіе 7 лѣтъ эти кассы выдали 867 ссудъ, на общую сумму 18,589 руб. 22 копѣйки.

Изложивъ расходы крестьянъ, авторъ переходитъ къ доходамъ, изъ которыхъ главному—земледѣлію, посвящаетъ отдѣльную главу. Общій взглядъ г. Соловьева на состояніе сельскаго хозяйства Смоленской губерніи такъ основателенъ, что мы позволяемъ себѣ небольшую выписку:

«Общая система хозяйства обыкновенная трехпольная. Въ здѣшней губерніи, гдѣ такъ мало луговъ, при истощенныхъ и дурнаго качества земляхъ, неудобства настоящей системы представляются очевидно въ частыхъ неурожаяхъ. Но существуетъ много почти непреодолимыхъ препятствій къ замѣнѣ этой системы другими, съ посѣвами кормовыхъ травъ. Улучшенія крестьянскаго хозяйства, по общему мнѣнію, встрѣчаютъ препятствіе въ способѣ пользованія землями по душамъ или тягламъ. Но если крестьяне могутъ дѣлать свои земли по душамъ въ трехъ клнахъ, то какія могутъ быть затрудненія къ подобному раздѣлу въ четырехъ или болѣе клнахъ! Конечно, для этого нужны рѣшительныя мѣры, съ неизбѣжною, безъ всякаго сомнѣнія весьма трудной борьбой съ народными предрасудками. Помѣщичье хозяйство вполне зависитъ отъ крестьянскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что помѣщичьи земли можно раздѣлить на сколько угодно полей; но обработка ихъ все-таки будетъ производиться крестьянскими орудіями и на крестьянскихъ лошадяхъ. По сему, при улучшеніи системы хозяйства, необходимы: улучшеніе земледѣльческихъ орудій, лучшія породы рабочихъ лошадей и вообще большее развитіе скотоводства. Слѣдовательно, нужны капиталы. Капиталы явились бы и частные, и со стороны правительства, если бы можно было надѣяться, что они принесутъ такіе проценты, какіе доставляютъ другія отрасли промышленности. При дешевизнѣ хлѣба въ сравненіи съ стоимостью воздѣлыванія и при настоящемъ хозяйственномъ бытѣ, на это никакъ нельзя надѣяться. Вотъ почему, если въ Смоленской губерніи и встрѣчаются улучшенныя системы хозяйства, то это скорѣе—или благое намѣреніе безъ желаемыхъ результатовъ, или прихоть помѣщика. Коммерческіе расчеты тутъ нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобныя улучшенія обыкновенно касаются самаго меньшаго количества изъ общаго пространства воздѣлываемыхъ земель въ извѣстномъ хозяйствѣ, такъ что главная часть доходовъ получается отъ земель, обрабатываемыхъ по трехпольному хозяйству. Тамъ же, гдѣ введены улучшенныя способы хозяйства въ болѣемъ размѣрѣ, на это потрачено много денегъ, которыя далеко не приносятъ обыкновенныхъ процентовъ. Почти въ каждомъ уѣздѣ можно найти одно, два или нѣсколько

помѣщичьихъ имѣній, въ которыхъ введено многопольное хозяйство. Эти слабыя попытки выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находятся Смоленская губернія, конечно мало имѣютъ вліянія на общее благосостояніе. Горько, но нельзя не сказать, что отъ этихъ улучшеній помѣщичьяго хозяйства иногда страдаютъ крестьяне, которые съ ихъ тощими лошадыми и дурными сохами съ трудомъ поднимаютъ землю послѣ клевера».

Количество содержаимаго скота ни мало не соразмѣрно пространству удобряемыхъ земель; пропорціонально, у государственныхъ крестьянъ оно нѣсколько значительнѣе, нежели въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, считая въ послѣднихъ и господскіе скотъ. Вообще, скота въ три съ половиною раза менѣе, нежели нужно для достаточнаго удобренія,—именно, менѣе нежели двѣ головы крупнаго скота на десятину, между тѣмъ какъ нужно по крайней мѣрѣ 6 головъ; при истощенныхъ земляхъ, средній доходъ съ десятины озимаго поля (рожь) 10—15 руб. сер., яроваго (овесъ, ячмень, греча) 7—11 руб., всего съ десятины въ трехъ поляхъ 17—26 руб. сер. Средній числомъ, государственные крестьяне имѣютъ 2,5 десятины пахатной земли на ревизскую душу, помѣщичьи обрабатываютъ на себя по 2,4 десятины на душу. Разсчитавъ расходы семейства изъ 8 душъ, въ томъ числѣ 4 мужскаго пола, можемъ легко сосчитать средній доходъ того же семейства отъ хлѣбопашества; именно, при 4 ревизскихъ душахъ, семейство казенныхъ крестьянъ имѣетъ запашки 10 десятинъ, по $3\frac{1}{3}$ въ полѣ, и получаетъ съ нихъ хлѣба на 56—87 р. с., а семья помѣщичьихъ—9 десятинъ или по 3 въ полѣ, и получаетъ хлѣба на 51—78 руб.; при этомъ надобно помнить, что земли первыхъ удобряются лучше, и потому доходъ скорѣе склоняется къ высшему изъ крайнихъ чиселъ, а у послѣднихъ, наоборотъ, къ низшему.

По сравненію засѣва и средняго урожая различныхъ породъ хлѣба и количества ихъ, нужныхъ для продовольствія жителей, г. Соловьевъ находитъ, что при среднемъ урожаѣ, Смоленская губернія можетъ отпускать на продажу: около 180,000 четвертей ячменя, около 105,000 четвертей гречи и 745,000 ч. овса; но должна прикупить изъ другихъ губерній около 315,000 четвертей ржи. При этомъ авторъ думаетъ, что урожай принятъ имъ выше среднихъ, а продовольствіе сокращено до крайняго предѣла, и потону въ дѣйствительности на продажу остается менѣе, а недостатокъ ржи бываетъ значительнѣе, нежели онъ принялъ, для избѣжанія всякихъ упрековъ въ уменьшеніи урожая и преувеличеніи количества, нужнаго для потребленія. Но и при высокихъ цифрахъ средняго урожая, принятыхъ г. Соловьевымъ, очевидно, что Смоленская губернія не въ состояніи прокормить своего населенія безъ ржи изъ другихъ губерній; что касается другихъ отраслей сельскаго хозяйства, доходы съ садоводства и пчеловодства незначительны; конопляники доставляютъ около милліона руб. сер. Что касается лѣсовъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ они почти не имѣютъ цѣны (десятина строеваго лѣса отдается за рубль за 3 руб. сер.), между тѣмъ какъ другіе уѣзды той же губерніи терпятъ большой недостатокъ не только въ строевомъ лѣсѣ, но и въ топливѣ, хотя разстояніе между этими мѣстностями, страдающими одиѣ отъ излишка, другія—отъ скудости, не превышаетъ 200 верстъ. Причиною этого различія въ цѣнахъ—недостатокъ путей сообщенія. Изъ лѣсныхъ уѣздовъ сплавляется въ другія губерніи лѣса на 500,000 р. сер. Относительно скотоводства, авторъ замѣчаетъ, что и лошади и коровы малы ростомъ, тощи и извурены. О лошадяхъ онъ замѣчаетъ:

«при такомъ содержаніи, на какомъ находятся здѣсь крестьянскіе лошади, нельзя ожидать улучшенія породы посредствомъ хорошихъ случныхъ жеребцовъ». Должно замѣтить также, что число лошадей по различнымъ уѣздамъ вовсе не пропорціонально количеству сѣнокосовъ, которое позволяло бы держать гораздо болѣе лошадей. То же слѣдуетъ изъ фактовъ относящихся къ числу и качеству рогатаго скота. Попытки улучшенія породы остаются безуспѣшными, по скудному содержанію скота. Онъ держится почти только для навоза, потому что почти нѣтъ сбыта для молока.

Фабрики и заводы въ Смоленской губерніи малочисленны и незначительны: среднее годовое производство всѣхъ ихъ нельзя оцѣнить выше, какъ 1 миллионъ рублей. Поселянамъ эти фабрики и заводы не приносятъ почти никакихъ выгодъ, потому что всѣ почти работы на нихъ исправляются барщиною.

Торговля, также очень незначительная, состоитъ въ томъ, что Смоленская губернія дешево сбываетъ свои сырые произведешя (овесъ, ячмень, гречу, пеньку, кожи) и дорого покупаетъ всѣ предметы служащіе къ удобству жизни среднему и высшему классамъ ея жителей, — классамъ, какъ мы видѣли, весьма немногочисленнымъ. Крестьянинъ большую часть вещей, въ которыхъ встрѣчается ему надобность, долженъ, по недостатку наличныхъ денегъ, брать въ кредитъ у прасоловъ, которые потомъ берутъ у него въ уплату хлѣбъ, пеньку и проч., съ учетомъ тяжелыхъ процентовъ, съ обманомъ въ мѣрѣ и по слишкомъ дешевой цѣнѣ. Главныя средоточія отпускной торговли — Вѣльская и Порѣчьская пристани и города Ржевъ и Зубцовъ. Изъ нихъ Вѣльская отпускала сырыхъ произведений — въ 1817 г. болѣе, нежели на 19 миллионъ р. асс., въ 1818 г. болѣе, нежели на 10¹/₂ мил. р. асс., нынѣ отпускается на 4 мил. р. сер. Порѣчьская на 2 мил. р. сер. Ржевъ и Зубцовъ отправляютъ вмѣстѣ съ другими сосѣдними пристанями на 6 мил. р. сер. Подвозъ хлѣба, пеньки и проч. къ этимъ пристанямъ занимаетъ довольно большое число крестьянъ въ свободное отъ хлѣбопашества время. Цѣны за провозъ такъ невыгодны для нихъ, что едва прикрываютъ издержки на содержаніе лошади, а часто и не покрываютъ ихъ; но тѣмъ не менѣе крестьянинъ занимается извозомъ, чтобы получать хотя нѣкоторое подспорье въ прокормленіи лошади зимою — онъ считаетъ выгодною уже и то, что хотя часть издержекъ на зимній кормъ ея доставляется платою за извозъ. Работы на шоссе и проводимой нынѣ желѣзной дорогѣ занимаютъ также довольно значительное число рукъ. Интересно вникнуть въ расчеты этихъ рабочихъ съ подрядчиками. Въ контрактахъ всегда означаются довольно многочисленные случаи вычета — изъ нихъ главные: 1) за болѣзнь — проболѣвшій болѣе трехъ дней подвергается, вычету за харчи и медикаменты, кромѣ вычета платы по расчету числа дней; 2) за прогулъ вычитается 2¹/₂ раза дневная выручка; за дни ненастной погоды, когда работы не производятся, также дѣлается вычетъ. Ни одинъ работникъ, какъ бы прилеженъ онъ ни былъ, не избавится отъ того или другаго вычета, и не получитъ полной договорной суммы. Г. Соловьевъ имѣлъ случай разсматривать расчеты подрядчика съ артелью, состоявшею изъ 132 человѣкъ: полная договорная сумма была 29 р. сер., но только 13 работниковъ получили по 27 р. сер., съ вычетомъ 2 р. сер. изъ полной платы, — остальнымъ по расчету пришлось еще менѣе. и 61 человѣкъ получили менѣе 18 рублей, нѣкоторые не болѣе 11 или даже 10 р. сер. изъ условныхъ 29 р. Полной договорной платы, безъ вычетовъ, не пришлось получить ни одному. Вообще же, вмѣсто 3,828 р. сер., которые должна была получить артель (по 29 р. на 132 человѣка), при-

шло ей получить только 2,598 р., остальные 1,230 р., т. е. треть договорной сунны, были удержаны въ видѣ вычетовъ различнаго рода. Всѣ промыслы мелкіе и крупныя, извозъ, земляныя работы, фабрики, заводы и проч. и проч., даютъ нѣкоторое приращеніе къ доходу отъ земледѣлія только одной пятой части сельскаго населенія; средства для жизни у остальныхъ четырехъ пятыхъ частей населенія ограничены однимъ земледѣліемъ.

Мы извлекли, быть можетъ, только сотую долю многочисленныхъ фактовъ быта поселянъ Смоленской губерніи, — фактовъ, излагаемыхъ въ книгѣ г. Соловьева съ полною основательностью, которая должна назваться рѣшительно образцовою: мы привели только немногія изъ его заключеній, высказываемыхъ у него не всегда съ одинаковою рѣшительностью, но всегда дѣльныхъ и истинно-благодѣтельныхъ; — но даже и по этимъ скуднымъ извлеченіямъ читатели конечно видятъ, что книга г. Соловьева, будучи самымъ полнымъ статистическимъ трактатомъ изъ всѣхъ описаній отдѣльныхъ частей Россіи, въ то же время должна быть названа однимъ изъ важнѣйшихъ сочиненій по наслѣдованію русскаго сельскохозяйственнаго быта вообще. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что послѣ сочиненія г. Тенгоборскаго «() производительныхъ силахъ Россіи» еще не выходило у насъ по части статистики книгъ, которыя могли бы значеніемъ своимъ равняться прекрасному труду г. Соловьева.

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія *Василія Львовича Пушкина* (и *Д. В. Веневитинова*). Изданіе *А. Смирдина*. Спб. 1855.

Изданіе г. Смирдина довольно часто соединяло въ одномъ томѣ имена, принадлежащія различнымъ эпохамъ и направленіямъ: такъ, напримѣръ, въ товарищи Хемницеру дало оно не Дмитріева, какъ бы слѣдовало сдѣлать, а Кантемира; Нелединскаго-Мелецкаго соединила не съ Мерзляковымъ, а съ Дельвигомъ и т. д. Но вѣкогда еще сочетаніе не было такъ странно, какъ въ настоящемъ случаѣ. Между Нелединскимъ и Дельвигомъ, писателями разныхъ инколъ, можно найти что нибудь общее — оба они извѣстны своими русскими пѣснями; можно найти хотя отдаленное соотношеніе между насмѣшкою Кантемира и Хемницера; но какимъ образомъ было возникнуть мысли соединить В. Л. Пушкина, посредственнаго стихотворца, отсталого подражателя Дмитріеву, съ Веневитиновымъ, энергическимъ юношею, талантъ и умъ котораго опередилъ и эпоху и самую лѣта его?

Хотя стихотворныя изданія В. Л. Пушкина вообще не заслуживаютъ вниманія, въ исторіи литературы останутся два или три отрывка изъ его полемическихъ посланій противъ партіи Шишкова, — если только исторіи литературы будетъ заниматься тѣми бурями изъ стаканъ воды, которыя до сихъ поръ кажутся важными феноменами нѣкоторымъ нашимъ литературнымъ Эренбергамъ.

Быть можетъ, скажутъ: смѣшно толковать о языкѣ, когда онъ уже обработанъ для литературы; но совершенно другое значеніе имѣютъ вопросы о немъ, когда онъ еще только обрабатывается — тогда вопросы о словахъ и фразахъ дѣйствительно важны — совершенная правда, только надобно прибавить, что неважное мѣсто въ исторіи литературы занимаютъ и періоды литературы, въ которые обязанность литературнаго дѣла состояла въ образованіи литературнаго языка. Вре-

яена Опица, Логенштейна и Готшеда не слишкомъ интересны въ нѣмецкой литературѣ. И, чтобы опереться на авторитетъ, припомнимъ слова Пушкина (разумѣется пленяника, а не дяди) о французской поэзіи: «Малербъ нынѣ забыть подобно Ронсару. Сіи два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли, истинной жизни его не зависящей отъ употребленія»;—кажется къ этому естественно можно прибавить: «и такова же участь періодовъ литературы, въ теченіе которыхъ вопросы о языкѣ казались и писателямъ и читателямъ самыми важными и краеугольными».

Впрочемъ, само собою разумѣется, что какъ бы чуждо ни было высшимъ человѣческимъ интересамъ существенное и главное содержаніе какого нибудь человѣческаго дѣла, но нѣкоторая частица этихъ интересовъ проникаетъ и въ него, потому что человѣкъ вѣчно не перестаетъ быть существомъ мыслящимъ—даже и во младенчествѣ онъ уже обнаруживаетъ нѣкоторые признаки чего-то похожего на мысль, любовь къ истинѣ, на заботы о своемъ благѣ, на любовь къ своимъ ближнимъ. Такъ и во время Опица и Готшеда нѣмецкая литература заключала въ себѣ нѣчто, кромѣ заботы о словахъ, и Малербъ съ Ронсаромъ писали не совершенно пустыя фразы. Дѣло только въ томъ, какой элементъ преобладалъ—стремленіе ли къ выраженію высшихъ человѣческихъ интересовъ или забота о словахъ.

И тѣ споры, въ которыхъ принималъ участіе В. Л. Пушкинъ, подъ вопросами о словахъ скрывали нѣкоторые слѣды—съ одной стороны, вражды, съ другой симпатіи къ высшимъ интересамъ, напримѣръ, къ просвѣщенію. Потому мы—которые смотрѣли бы на обѣ партіи съ одинаковою холодною, если бы подъ словами не таилась мысль, слабая, робкая, неясная, но все-таки мысль,—сочувствуемъ одной сторонѣ, находимъ полезнымъ и справедливымъ, что другая сторона была побѣждена въ этой борьбѣ. Правда, сочувствіе наше должно быть соразмѣрно степени участія мысли въ спорѣ приверженцевъ Шишкова съ школою Карамзина, а это участіе было слабо. Правда и то, что споры эти вовсе не составляли такого сильнаго движенія въ тогдашней литературѣ, какъ думали въ послѣднее время,—схватки, если и были иногда горячи, то походили на борьбу Гораціевъ съ Куріаціями или на ту войну, которую могла бы вести армія княжества Книппгаузена, состоящая изъ 23 человѣкъ, противъ арміи княжества Лихтенштейнскаго, состоящей изъ 19 человѣкъ—Бородинской битвы такія войска не дадутъ, и походы ихъ не надѣлаютъ много шуму въ публикѣ. Но, какъ бы то ни было, все таки борьба Карамзинской школы съ Шишковскою принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ движеній въ нашей литературѣ начала нынѣшняго вѣка; все таки справедливость была на сторонѣ партіи Карамзина,—и В. Л. Пушкинымъ, однимъ изъ ревностныхъ приверженцевъ Карамзинскаго направленія, были сдѣланы двѣ или три счастливыя вылазки въ станъ противниковъ—вылазки, если и не имѣвшія вліянія на ходъ борьбы—В. Л. Пушкинъ не былъ авторитетомъ даже въ то блаженное время, когда авторитетамъ не было числа—то, по крайней мѣрѣ, заслужившія благосклонную улыбку въ его литературныхъ патронахъ и надѣлавшія досады врагамъ. Одинъ изъ этихъ отрывковъ, вѣроятно знакомый большей части нашихъ читателей, мы относимъ въ примѣчаніе *).

* Я вижу весь соборъ безграмотныхъ Славянъ,
Которыми здѣсь вѣкъ къ изыществу поправъ,

часто, ионѣщаемъ здѣсь—этотъ отвѣтъ на злонамѣренныя толки, возбужденныя отрывкомъ, который привели мы въ выноскѣ:

«Кто тѣшитъ жизнь свою наукамъ посвящать,
«Раскольниковъ Славянъ дерзаетъ уличать,
«Кто пишетъ правильно, и не варяжскимъ слогомъ,—
«Не любить русскихъ тотъ, и виновать предъ Богомъ»
Повѣрь, слова невѣжды, пустой кимвала звукъ;
Они безумствуютъ, —сіяетъ свѣтъ наукъ

Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости ни мало,
Они мертвятъ нашъ умъ и варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалить все свое, чужое презираетъ,
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И бѣдный мыслями, печется о словахъ,
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
Чтитъ дарованія, *стремится къ просвѣщенью;*
Кто, согражданъ любя, желаетъ славы ихъ,
Кто чуждъ и зависти, и предразсудковъ злыхъ.
Квириды гордые полсвѣтомъ обладали,
Но общежитію ихъ греки обучали,
И славный Цицеронъ, ораторъ-гражданинъ,
Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
Былъ велерѣчіемъ обязанъ Демосеену.

Такъ: сынъ отечества науками гордится,
Во мракѣ утопать невѣжества стыдится,
Не проповѣдуетъ расколовъ никакихъ,
И въ старинѣ для насъ не видитъ дней благихъ.
Хвалу я воздаю счастливѣйшей судьбинѣ,
О мой любезный другъ, что я родился нынѣ,
Свободно я могу и мыслить и дышать,
И даже *абіе* и *аще* не писать.

Въ сужденіяхъ таковыхъ не вижу я вины:
За что жъ мы на костеръ съ тобой осуждены?
За то, что мы любя словесность и науки,

Противъ меня теперь рыкающій ужасно.
Къ дружинѣ вошеть нашъ Валдусъ велегласно:
«О, братіе мои, зову на помощь васъ!
«Ударимъ на него, и первый буду азъ.
«Кто намъ грамматикъ совѣтуетъ учиться,
«Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится;
«И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить
«Нашъ долгъ, о людие, злодѣя истребить»

Въ славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу;
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь
Словъ много затвердить не есть еще ученье;
Намъ нужны не слова, намъ нужно *просвѣщеніе.*

(Послашіе къ Жуковскому).

Не вѣкъ вадъ букваремъ твердила азъ я *буки*,
За то, что смѣнь мы ученіе хвалить;

Нашествіе татаръ не чтимъ ны вѣвомъ славы,
Мы правду говоримъ,—и слѣдственно не правы.

(Посланіе къ Дашкову).

Для опредѣленія отношеній нынѣшняго состоянія нашей литературы къ ея положенію за эпоху предшествовавшую появленію А. С. Пушкина, интересно было бы замѣтить, какіе именно изъ выписанныхъ нами стиховъ потеряли свой современный интересъ, и какіе, напротивъ, сохранили его.

В. Л. Пушкинъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые подъ споромъ о словахъ видѣли борьбу за просвѣщеніе, и въ этомъ смыслѣ стихи, нами выписанные, принадлежатъ къ числу лучшихъ остатковъ дѣятельности Арзамасскаго Общества. Только они, да еще посланіе къ членамъ Арзамасскаго Общества, въ которомъ онъ упрекаетъ ихъ за неумѣренныя шутки надъ его стихами, да еще эпиграмма о пятнадцати-лѣтнемъ стихотворцѣ, пославшемъ двѣ оды на Парнасъ, и могутъ назваться удачными его произведеніями, если не считать нѣкоторыхъ шутливыхъ стихотвореній, остающихся до сихъ поръ въ памяти любителей пьесъ подобнаго содержанія. Прочія его стихотворенія чрезвычайно слабы и по содержанію—почти всегда безпѣтному, и по формѣ, чуждой поэтическихъ достоинствъ. Они едва ли заслуживаютъ хотя малѣйшее вниманіе.

По личность В. Пушкина и отношенія, въ которыхъ держались къ нему его литературные пріатели, довольно важны для людей, которые захотѣли бы представить точную, чуждую риторическихъ прикрасъ картину стремленій и литературныхъ нравовъ того кружка, который игралъ главную роль въ нашей словесности до начала Пушкинской Эпохи. Нѣсколько анекдотовъ объ этихъ забавахъ можно найти въ «Мелочахъ» г. Дмитріева. Спора нѣтъ, В. Л. Пушкинъ былъ человекъ безъ поэтическаго таланта; но развѣ нѣтъ нынѣ людей лишенныхъ дарованія и одаренныхъ страстью къ стихотворству,—однако же никогда болѣе даровитые пріатели не позволятъ себѣ, да и не захотятъ потѣшаться надъ ними подобнымъ образомъ, потому что это и противорѣчило бы нашимъ понятіямъ о достоинствѣ литератора, да и скучно показалось бы нынѣ заниматься придумывашемъ этихъ продѣлокъ. Но тогда были другія времена: старики, отжившіе свой вѣкъ, смотрѣли на литературу, какъ на препровожденіе времени, требующее важности и солидности, — старики на все смотрятъ довольно угрюмо; и притомъ же они привыкли въ потѣ лица трудиться надъ возвышенными одами, изгоняющими всякую мысль объ удовольствіи. А для молодого поколѣнія литературныя занятія были просто забавою, которой одни продавались по влеченію, другіе—и большая часть—просто «по легкомыслию молодости»; о высокомъ общественномъ значеніи литературы думали очень немногіе: да изъ тѣхъ, въ комъ было нѣкоторое сознаніе объ этомъ, почти ни въ комъ не достигало оно сильнаго развитія. (Конечно, мы говоримъ исключительно о такъ называемой легкой литературѣ; между учеными были всегда люди другаго закала, хотя не всегда было ихъ много). Потому-то понятія---литература, игрушка, потѣха, перемѣшивались очень легко. Конечно, чтобы сдѣлать такой отзывъ, или согласиться съ нимъ, надобно понимать литературу какъ одну изъ важнѣйшихъ стихій въ жизни общества, а не какъ игру съ фанты, шарады и мадригалы, надобно смо-

трѣть на исторію литературы какъ на одну изъ важнѣйшихъ частей общей исторіи народа. Не для всѣхъ еще возможно и нынѣ становиться на такую точку зрѣнія, хотя мы уже имѣемъ Гоголя и многочисленныхъ писателей, продолжающихъ въ томъ же смыслѣ дѣйствовать на развитіе. Дѣйствительно, чтобы мысль была ясна для всѣхъ, нужно, чтобы близкіе факты были явнымъ ея выраженіемъ, а о своей литературѣ мы еще не можемъ сказать, чтобы ея вліянія на публику невозможно было не замѣчать,—оно существуетъ, и уже довольно значительно, но еще не такъ огромно, чтобы быть поразительнымъ для всѣхъ. Это потому, что съ одной стороны люди читающіе еще составляютъ меньшинство въ нашемъ обществѣ, съ другой стороны и потому, что, если отдѣлка художественной формы достигла уже у насъ значительнаго совершенства, то содержаніе нашей литературы не проникло еще до глубины существеннѣйшихъ сторонъ общественной жизни—каждый разъ, когда писатель, невидимому имѣющій достаточно и силъ и охоты, чтобы изобразить ихъ во всей полнотѣ, приступаетъ къ этому дѣлу, имъ какъ бы овладѣваетъ какая-то робость, в овъ отступаетъ назадъ, уклоняется въ сторону, только слегка коснувшись своей задушевной идеи, но не исчерпавъ всей глубины ея.

Какъ бы то ни было, фактъ несомнѣнный, что художественная форма явилась у насъ (мы говоримъ о литературѣ, начинающейся съ Ломоносова)—раньше, нежели содержаніе, и существенный характеръ историческаго движенія литературы съ эпохи Пушкина состоитъ въ томъ, что содержаніе ея мало по малу становилось все глубже и живѣе. Но движеніе это было до послѣдняго времени гораздо сильнѣе въ прозаическомъ отдѣлѣ изящной словесности, нежели въ собственно такъ называемой поэзіи. Лермонтовъ не успѣлъ сдѣлать и самъ столько, сколько сдѣлалъ Гоголь, да и новѣйшіе поэты сдѣлали гораздо менѣе, нежели прозаики.

А между тѣмъ проникновеніе литературы глубокимъ содержаніемъ началось было именно съ поэзіи. Мы не можемъ знать, продолжалъ ли бы свою поэтическую дѣятельность Грибоѣдовъ, или она уже была оставлена имъ для дипломаціи. Но, къ сожалѣнію, мы слишкомъ хорошо можемъ знать, что ранняя смерть отняла у насъ въ Веневитиновъ поэта, котораго содержаніе было бы глубоко и оригинально. Здѣсь мы останавливаемся, потому что имѣемъ намѣреніе представить читателямъ «Современника» о Веневитиновѣ особую статью.

Матеріалы къ ученію объ огнестрѣльныхъ ранахъ, собранные въ походахъ 1848, 1849 и 1850 годовъ докторомъ *Гаральдомъ Шульцомъ*. Перевелъ съ нѣмецкаго *А. Каминъ*. Спб. 1855.

Сочиненіе Шульца принадлежитъ къ лучшимъ по своей части. Авторъ служилъ докторомъ при прусскомъ отрядѣ, сражавшемся противъ датчанъ и хотя число случаевъ, подлежавшихъ его наблюденію, не было многочисленно, по незначительности битвъ, но онъ старался вознаградить недостатокъ матеріаловъ для наблюденій внимательнымъ ихъ изученіемъ и извлекалъ изъ своей необширной практики все, что только было въ ней новаго или поучительнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіемъ его сочиненія въ русскомъ переводѣ оказывается услуга нашимъ военнымъ врачамъ.

Археологическіе и нумизматическіе отрывки. П. Савельева. Книжка 1-я. Спб. 1855.

Ученый авторъ книжки, заглавіе которой ны выписали, не почелъ нужнымъ приложить къ ней предисловія, для объясненія цѣли и объема предпринимаемаго ны новаго изданія. Сколько можемъ судить по содержанію первой книжки, оно будетъ заключать въ себѣ небольшія и чисто спеціальныя монографіи, служашія вообще дополненіемъ къ разнымъ спискамъ восточныхъ монетъ и къ различнымъ описаніямъ мухаммеданскихъ древностей. Такъ въ первой книжкѣ мы находимъ описаніе нѣсколькихъ не бывшихъ еще изданными саманидскихъ диргемовъ, и пяти диваровъ (золотыхъ монетъ) той же династіи. Динары саманидовъ очень рѣдки; до сихъ поръ было извѣстно въ нумизматическихъ кабинетахъ пѣлой Европы только восемь экземпляровъ этихъ монетъ; потому описаніе пяти новыхъ экземпляровъ, недавно пріобрѣтенныхъ Императорскимъ Эрмитажемъ и г. Министромъ Удѣловъ графомъ Перовскимъ, составляетъ значительное дополненіе къ нашимъ знаніямъ объ этомъ классѣ монетъ. Затѣмъ слѣдуютъ прибавленія къ спискамъ восточныхъ монетъ Тизенгаузена и къ списку мѣстъ, гдѣ были найдены клады съ восточными монетами въ Россіи. Вторая статейка описываетъ нынѣшнія монеты Мухаммеданской Азіи, именно монеты Турецкой имперіи, Персіи и Британской Индіи. Третья и четвертая статьи содержатъ рисунки и описанія монгольскихъ старинныхъ вещей, найденныхъ (1853 г.) въ Забайкальской Области, и древностей найденныхъ за Кавказомъ. Послѣднія г. Савельевъ относитъ къ VІІІ—ІХ вѣкамъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ г. Ханыкова, который называетъ ихъ скиескими.

Права и обязанности домовладѣльцевъ, управляющихъ домами и жильцовъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. Руководство, разсмотрѣнное П Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. С.-Петербургъ. 1855.

Заглавіе этой книги достаточно объясняетъ ея пользу для домовладѣльцевъ. Постановленія правительства, которыми они должны руководствоваться, собраны издателемъ изъ «Свода Законовъ» и его «Продолженій» внимательно, и расположены въ порядкѣ, облегчающемъ справки. Къ этимъ законамъ прибавлены извлеченія изъ распоряженій С.-Петербургской Полиціи, относящихся къ тому же предмету—видно, что авторъ преимущественно назначалъ свое «руководство» для жителей Петербурга. Домовладѣльцы въ провинціальныхъ Великороссійскихъ городахъ также будутъ удовлетворены его книгою; но для Москвы и городовъ въ пограничныхъ провинціяхъ сборникъ его будетъ не совершенно достаточенъ, потому что особенныя распоряженія мѣстныхъ полицейскихъ управленій въ этихъ городахъ, значительно различающія отъ общихъ правилъ, не внесены въ его книгу—неполнота, извиняемая тѣмъ, что сборники этихъ мѣстныхъ постановленій можно составить только въ самыхъ городахъ, къ которымъ они относятся.

О значеніи практики къ системѣ современнаго юридическаго образованія. *Д. Мейера.* Казань. 1855.

Г. Мейеръ, заслужившій столь лестную извѣстность, какъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ правовѣдѣнія, развиваешь въ брошюрѣ, заглавіе которой мы выписали, мысль о необходимости соединенія въ университетскомъ преподаваніи теоретическихъ лекцій съ практическими упражненіями въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ. Справедливость этой мысли несомнѣнна, и нельзя не прибавить, что ученый и опытный авторъ излагаетъ ее прекрасно.

Цѣль университетскаго преподаванія у насъ состоитъ не столько въ томъ, чтобы образовывать такъ называемыхъ «дѣльцовъ»,—ихъ мы имѣемъ довольно, и притомъ они могутъ приобретать необходимую ловкость и опытность не иначе, какъ долговременными служебными или адвокатскими занятіями, — сколько въ томъ, чтобы въ молодыхъ людяхъ, намѣреющихся посвятить себя службѣ, поселить возвышенныя и непоколебимыя убѣжденія о святости, ненарушимости права, развить въ нихъ широкій взглядъ на основныя, неприкосновенныя начала права, изъ которыхъ должны вытекать всѣ безчисленныя частныя законодательныя постановленія, составляющія только приложеніе основныхъ началъ права къ даннымъ историческимъ обстоятельствамъ народной жизни. Вся ученая и педагогическая дѣятельность г. Мейера ручается за то, что онъ именно такъ смотритъ на вопросъ; если не ошибаемся, это самое воззрѣніе лежитъ въ основѣ и послѣдней его брошюры. Но съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо, чтобы юридическое образованіе не ограничивалось одною чисто-теоретическою стороною, хотя она и должна считаться кореннымъ элементомъ его; необходимо, чтобы юноша, получившій вѣрныя и высокія понятія о правѣ, приобрѣлъ нѣкоторую привычку прилагать ихъ къ практикѣ, и приобрѣлъ подъ руководствомъ тѣхъ же самыхъ людей, которымъ обязанъ своимъ теоретическимъ развитіемъ,—предоставленный единственно собственнымъ, еще неопытнымъ силамъ, онъ, быть можетъ, не сужмѣлъ бы замѣтить отношенія данныхъ частныхъ фактовъ къ принципамъ права, и въ такомъ случаѣ близокъ былъ бы къ тому, чтобы отвергать тѣсную связь практическихъ случаевъ съ теоретическими началами, совершенно отвергнуть теорію, какъ нѣчто бесполезное для практики и такимъ образомъ потерять все, что приобрѣлъ отъ теоретическаго образованія, — эту мысль развиваешь г. Мейеръ въ своей брошюрѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, справедливо продолжаетъ онъ, дать нѣкоторую практическую опытность юношѣ, получающему теоретическое образованіе, необходимо и для того, чтобы онъ не явился въ среду дѣльцовъ и практиковъ, незнакомый съ техническими приѣмами, которые исключительно у нихъ уважаются, — только это знаніе доставить ому неоспоримое основаніе требовать отъ нихъ уваженія къ себѣ и своимъ познаніямъ. Вмѣстѣ съ доказательствами необходимости ввести практической элементъ въ университетское преподаваніе права, г. Мейеръ излагаетъ методъ и различные способы практическихъ занятій профессора съ студентами. Не говоря о другихъ, болѣе или менѣе ясныхъ для cadaго видахъ этихъ занятій, какъ-то: юридическомъ разборѣ различныхъ дѣлъ профессоромъ съ каеэдра, каждымъ студентомъ въ отдѣльности, примѣрномъ производствѣ и рѣшеніи, съ распределеніемъ различныхъ ролей между

студентами и проч. обратимъ вниманіе читателей только на предлагаемую г. Мейеромъ «юридическую клинику» — родъ занятій, безъ сомнѣнія, могущій принести самые прекрасные плоды:

«Званіе юриста—говоритъ г. Мейеръ—какъ в званіе врача—практическое. Для правтческаго образованія врачей учебнымъ заведеніямъ ввѣряются тысяча больныхъ, на которыхъ студенты учатся примѣнять запасъ теоретическихъ свѣдѣній; сторовніа вѣдомства, сочувствуя просвѣщеннымъ усиліямъ къ образованію вскусныхъ врачей, открываютъ учащимся свои больницы.

«На сколько допускается участіе питомца врачебной науки въ дѣйствительномъ пользованіи больныхъ, на столько, по крайней мѣрѣ, можетъ быть допущено в участіе студента правъ, съ ними уже ознакомленнаго, къ приложенію ихъ подготовленнаго, въ производствѣ суда дѣйствительнаго или въ дѣлахъ, болѣе или менѣе его касающихся. Въ этомъ занятіи молодой человекъ постигаетъ всю важность юридическаго образованія, усматриваетъ на дѣлѣ, какое значеніе имѣютъ интересы, къ обереженію вторыхъ его призываетъ жизнь; чутье жизни шевелитъ страсть, которая съ перваго разу, когда еще не поздно, получаетъ благородное направленіе. Самый уврекъ въ неопытности, въ которомъ такъ часто скрывается софизмъ, уже не въ состояніе будетъ безусловно обезоружить молодого юриста, и потому будетъ высказываемъ съ большею осторожностью и разборчивостью.

«Устройство этой клиники весьма простое: бѣдные люди, нуждающіеся въ совѣтахъ и помощи по какимъ либо касающимся ихъ въ присутственныхъ мѣстахъ дѣламъ, обращаются по усмотрѣнію своему въ заглавдающему практикою, въ присутствіи его учениковъ сообщаютъ подлежащій случай, который и подвергается обсужденію, результатомъ чего должно быть какое либо одобряемое наставникомъ указаніе (профессоръ Саядувовъ позволялъ студентамъ присутствовать при происходившихъ у него на дому юридическихъ консультаціяхъ); по желанію совѣтующагося, тутъ же можетъ быть для него сочинена нужная бумага. Если дѣло таково, что нитереснѣе станетъ являться неоднократно, то оно можетъ быть поручено одному изъ практикантовъ, такъ что на попеченіе каждаго изъ нихъ можетъ достаться по одному дѣлу, или по нѣскольку, подъ руководствомъ, разумѣется, и отвѣтственностью наставника. Понятно, что успѣхъ такой консультаціи обуславливается единственно довѣріемъ, которое она внушитъ основательностью и практичностью совѣтовъ и потому ея развитіе будетъ служить залогомъ ея пользы».

Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лиція на 1855—1856 годъ. Спб. 1855.

Кромѣ отчетовъ о состояніи Александровскаго (бывшаго Царскосельскаго) Лицея за прошодшій годъ, и правилъ, которыми должны руководствоваться лица, желающія помѣстить сыновей или родственниковъ въ это учебное заведеніе, «Памятная книжка» заключаетъ списки начальниковъ, преподавателей и воспитанниковъ Лицея, съ его основанія до настоящаго времени, и большую статью «Торговые пути древнихъ грековъ по Черному морю», написанную Г. П. Сабуровымъ, воспитанникомъ Лицея, кончившимъ курсъ въ 1855 году, съ первою золотою медалью.

Учебный курсъ въ Лицеѣ продолжается четыре года, и въ этотъ краткій періодъ времени, воспитанники должны изучать, кромѣ всѣхъ предметовъ входящихъ въ составъ гимназическаго курса: закона Божія, математики, физики, зоологіи, ботаники, русскаго, славянскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, исторіи, географіи, нѣкоторыхъ частей положительнаго законовѣдѣнія, черченія и рисованія,

еще психологию, логику, практическую механику, химию, англійскій языкъ, сельское хозяйство, статистику, политическую экономію, энциклопедію права, римское право, финансовое право, исторію права и гражданскую архитектуру. Всего, кромѣ 14 предметовъ гимназическаго курса, еще 13 другихъ наукъ.

Сообразно этому значительному количеству преподаваемыхъ предметовъ, число часовъ, проводимыхъ воспитанниками Лицея въ классахъ, также очень значительно—оно простирается до 8¹/₂ часовъ въ день.

Въ теченіе прошедшаго академическаго года число воспитанниковъ Лицея было 120. Изъ нихъ умерло 7, уволено для поступленія въ военную службу 8, и окончило курсъ 20 человекъ. Удостоено перевода изъ низшихъ въ слѣдующіе классы 81, оставленъ по неуспѣшности на второй годъ въ томъ же классѣ только одинъ воспитанникъ.

Между списками воспитанниковъ Лицея, какъ извѣстно, особенно интересенъ списокъ перваго выпуска (1817 г.), потому что онъ заключаетъ въ себѣ имя Пушкина. Въ числѣ его товарищей по Лицею были: князь А. М. Горчаковъ, нынѣ полномочный министръ при вѣнскомъ дворѣ; С. Г. Ломоносовъ, нынѣ полномочный министръ въ Гагѣ; баронъ М. А. Корфъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта и директоръ Императорской Публичной Библіотеки.

Приложенное къ отчетамъ Лицея наслѣдованіе о торговыхъ путяхъ древнихъ грековъ по Черному морю, составленное воспитанникомъ послѣдняго выпуска, г. Сабуровымъ, показываетъ въ молодомъ авторѣ человека съ трудолюбіемъ и основательными познаніями.

Цыганенонъ. Повѣсть для дѣтей. П. М. Шпилевскаго. Спб. 1855.

Въ основаніи повѣсти г. Шпилевскаго лежитъ мысль добрая и справедливая; нѣкоторыя страницы разсказа показываютъ умѣнье говорить съ дѣтьми, — и книжку, нами прочитанную, можно было бы назвать хорошею дѣтскою книжкою, еслибы сентиментальность и неправдоподобіе многихъ подробностей не вредили ея достоинству. Дѣло въ томъ, что сынъ небогатаго помѣщика, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, встрѣчается съ другимъ мальчикомъ, несчастнымъ цыганенкомъ-сиротою, котораго въ таборѣ бранятъ и -бьютъ всѣ, хотя этотъ мальчикъ, выученный различнымъ фокусамъ, кормитъ таборъ своими представленіями. Барченку жаль бѣднаго цыганенка, въ которомъ онъ видитъ мальчика добраго и умнаго; онъ упрашиваетъ своего отца выручить маленькаго Мартина изъ несчастнаго положенія; отецъ соглашается, и Мартинъ принятъ въ домъ своего маленькаго покровителя, дѣлается товарищемъ его игръ, учится у него читать, и всею душою привязывается къ барченку. Это было въ каникулы; когда каникулы кончились, барченокъ отправляется въ гимназію, Мартинъ остается въ домѣ его отца, и черезъ нѣсколько времени начинаетъ такъ сильно тосковать о своемъ пріятелѣ и благодѣтелѣ, что рѣшается бѣжать изъ деревни въ городъ, гдѣ учится барченокъ, сбивается съ дороги, два дня бродитъ по лѣсу безъ пищи; наконецъ найденъ и возвращенъ въ деревню, — но отъ простуды и голода опасно занемогаетъ, — больной, онъ получаетъ отъ своего друга письмо, наполненное упреками: одинъ изъ товарищей по гимназіи сказалъ маленькому его покровителю, что Мартинъ убѣжалъ въ лѣсъ, увлекшись цыганскою при-

вычкою воровать, и гимназистъ повѣрилъ этому. Огорченный упреками его, Мартинъ занемогаетъ еще труднѣе, и гимназистъ, разубѣжденный въ своихъ несправедливыхъ подозрѣніяхъ письмомъ отца, прѣзжаетъ въ деревню, чтобы утѣшить и поддержать духъ своего пріемыша, — но уже поздно: бѣдный Мартинъ умираетъ, осыпая выраженіями признательности и любви своего маленькаго друга, который теперь вдвое сильнѣе прежняго понимаетъ, какую бѣду надѣлало его опрометчивое письмо. Читатели видятъ, что цѣль повѣсти — внушить сочувствіе къ бѣднымъ, безпріютнымъ, показавъ, что эти люди за ласку и ободреніе платятъ безграничною привязанностью, и при малѣйшей возможности становятся людьми добрыми; съ тѣмъ вмѣстѣ показать, какъ остороженъ каждый долженъ быть въ подозрѣніяхъ. Жаль, что многія сцены разсказа, развивающаго эти здравыя мысли, испорчены излишнею сентиментальностью, и что авторъ сдѣлалъ его все совсѣмъ правдоподобнымъ, заставивъ помѣщика не только дать пріютъ цыганенку, но и ухаживать за нимъ, будто за знатнымъ пріемышемъ. Если г. Шпилевскій нанѣренъ продолжать издавать повѣсти для дѣтей, то мы совѣтовали бы ему обращать болѣе вниманія на простоту языка и естественность въ развитіи сюжета, — тогда его повѣсти будутъ лучшіе изданной теперь, которою мы только на половину довольны.

О бытѣ крестьянъ въ Казанской губерніи. Казань. 1855.

Аксентій Ивановичъ Поприщинъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ любопытныхъ «Записокъ», замѣчаетъ, по случаю присланнаго въ «Сѣверную Пчелу» описанія какого-то бала въ городѣ Курскѣ, что «курскіе помѣщики хорошо пишутъ». Авторъ настоящей брошюры — житель Казани, рѣшилсѣ затмить столь почетную извѣстность курскихъ помѣщиковъ, и по выраженію Сумарокова, «принести честь своей родинѣ», описавъ бытъ крестьянъ Казанской губерніи такимъ игривымъ слогомъ, которому позавидуютъ корреспонденты нашихъ газетъ, описывающіе великолѣпіе губернскихъ баловъ. Тѣма у автора, повидимому, очень солидная, — повидимому, она даетъ возможность только передать читателямъ дѣльныя свѣдѣнія, но никакъ не представляетъ случаевъ блеснуть остроуміемъ, — но посмотрите, какими брилліантами умѣлъ ученый авторъ украсить свой сухой предметъ. Онъ описываетъ татаръ, и вдоволь пошутивъ по случаю того, что на французскомъ языкѣ называются они *les tartars*, будто бы нахлынули на Европу изъ тартара, продолжаетъ:

«Голова крещенаго и некрещенаго татарина, по совершенно излишнему въ здѣшнемъ климатѣ подражанію юговосточнымъ вародамъ, или, говоря словами Грибоѣдова, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», непрѣтнно выбрита. Вообще, татары вароць развязный и красивый. Увы! я не могу сказать того же о татаркахъ!.. Конечно, я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ этнографовъ, которые, подобно г. Фуксу, утверждаютъ, будто овѣ отъ природы неуклюжи, будто лица у нихъ калмыковатыя съ рѣзко выдавшимися скулами. Но ужъ и я, свисходительнѣйшій изъ людей, совершенно согласенъ, что онѣ неповоротливы отъ сидячей жизни. Посудите сами: богатыя татарки съ наслаждешемъ предаются кенфу, расслабляющему силы тѣлесныя и душевныя! Здѣсь уже не можетъ быть и рѣчи о тѣлесной ловкости и развязности. Онѣ либо не знаютъ, либо забыли, что первообразцамъ ихъ, арабскимъ красавицамъ, говорить, какъ обыкновенный комплиментъ: «уста твои пунцовы, какъ геннахъ, зубы твои бѣлы, какъ слоновою кость!»

Въ небольшой брошюркѣ, украшенной такими любезными цвѣтами ироніи, дѣльные замѣчанія или сухіе факты, по необходимости, заняли мѣсто второстепенное, — ихъ почти нѣтъ.

О значеніи и постепенномъ учрежденіи сельско-хозяйственныхъ обществъ въ Россіи. С. Пахмана. Казань. 1855.

Нѣтъ надобности говорить о важномъ значеніи обществъ сельскаго хозяйства для успѣховъ народнаго благосостоянія послѣ того, какъ важность и польза этихъ учрежденій столь ясно выражена милостивымъ Высочайшимъ указомъ отъ 14 марта 1855 года, — указомъ, который былъ однимъ изъ первыхъ правительственныхъ дѣйствій нынѣ благополучно царствующаго Монарха и обнародованными вмѣстѣ съ этимъ указомъ Всемиловѣйшими рескриптами двумъ старшимъ и главнѣйшимъ нашимъ экономическимъ обществамъ — вотъ текстъ этихъ замѣчательныхъ актовъ:

Высочайшій указъ г. Министру Государственныхъ Имуществъ.

«Считая сельское хозяйство однимъ изъ главныхъ источниковъ народнаго благосостоянія, и зная, что существующія въ Имперіи сельско-хозяйственныя общества служатъ правительству полезнымъ и важнымъ по сей части орудіемъ, повелѣваю:

1) Императорскому Вольному Экономическому Обществу и Императорскому Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства доставить прилагаемые при семъ рескрипты, коими я подтверждаю дарованныя имъ Моими Августѣйшими Предшественниками права.

2) Лифляндскому Экономическому Обществу, какъ одному изъ старѣйшихъ по учрежденію и постоянно, по засвидѣтельствованію Вашему, трудящемуся съ пользою и успѣхомъ, разрѣшить именоваться Императорскимъ.

3) Императорскому Обществу Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, Императорскому Казанскому Экономическому Обществу, Гольдингенскому, Курляндскому, Эстляндскому, Ярославскому, Лебедянскому, Юговосточному, Кавказскому, Юрьевскому Обществамъ Сельскаго Хозяйства, а также вспомогательнымъ Лифляндскому Экономическому Обществамъ: Перново-Феллинскому, Аренбургскому и Венденъ-Вольмаръ-Валкскому, объявить, что труды ихъ и усердіе не будутъ оставляемы Мною безъ вниманія, и что Я всегда готовъ споспѣшествовать ихъ полезной дѣятельности.

Рескрипты.

1. Господа члены Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества! Въ постоянной моей готовности покровительствовать всѣмъ учрежденіямъ имѣющимъ нѣлію улучшенія разныхъ отраслей народнаго хозяйства. Мнѣ пріятно выразить вамъ то одобреніе, которое Вольное Экономическое Общество заслужило своими долготѣльными и полезными трудами. — Подтверждая всѣ права и преимущества, дарованныя сему Обществу моими Августѣйшими Предшественниками, и предоставляя

ему выдавать, по прежнему, медали установленныя Высокою его Основательницею Императрицею Екатериною II, Я остаюсь въ полномъ упованіи, что Общество будетъ продолжать дѣйствовать на пользу любезной Намъ Россіи, и успѣхи его не оставлю безъ вниманія.

II. Господа члены Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства! Удовольствіемъ считаю удостовѣрить васъ, что Я исполнѣ цѣню постоянныя труды ваши по развитію и улучшенію Сельскаго Хозяйства въ разныхъ странахъ Любезнаго Отечества Нашего, и всегда готовъ покровительствовать полезную дѣятельность вашу. Подтверждая всѣ права и преимущества, дарованныя Московскому Обществу Императоромъ Александромъ Благословеннымъ и Незабвеннымъ Родителемъ Моимъ, Я остаюсь въ полной надеждѣ, что Общество успѣхами своими оправдаетъ Мои ожиданія.

Столь милостивое ободреніе Монарха должно придать новую силу дѣятельности ш-лпхъ Экономическихъ Обществъ, новая эпоха жизни должна начаться для нихъ. Въ такое время, полный и основательный обзоръ предшествующей дѣятельности и настоящаго состоянія ихъ, составленный г. Пахманомъ является какъ нельзя болѣе кстати.

Первое изъ сельскохозяйственныхъ русскихъ обществъ, — Вольное Экономическое, было основано въ 1765 г., въ Петербургѣ—оно, по времени учрежденія, было восьмымъ въ ряду подобныхъ учрежденій въ Европѣ. Въ 1792 г. было основано Лифляндское, въ 1808 г. Эстляндское, въ 1819 г. Московское, въ 1824 г. Бѣлорусское общество. Въ настоящее время г. Пахманъ насчитываетъ въ Россіи 21 общество Сельскаго Хозяйства, и кромѣ того 28 сельскохозяйственныхъ компаній, дѣятельность которыхъ, имѣя прямою цѣлью полученіе денежныхъ выгодъ, въ то же время содѣйствуетъ успѣхамъ различныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

Ложь и дѣйствительность восточной войны. Сочиненіе *Виктора Жюли*. Переводъ С. Р. Спб. 1855.

Брошюрка эта, составленная изъ статей, которыя первоначально печатались въ газетѣ «Санчо», слишкомъ поздно, по нашему мнѣшю, явилась въ русскомъ переводѣ. Последняя изъ помѣщенныхъ въ ней статейъ относится къ 7 января нынѣшняго года, — слѣдовательно, брошюрка трактуетъ о «дѣлахъ давно минувшихъ дней», о періодѣ войны, который уже совершенно потерялъ интересъ для настоящей минуты. Явись она она полгода назадъ—она была бы прочитана съ жадностью, а теперь какое кому дѣло до старыхъ предположеній о ходѣ событій, уже давно совершившихся? Кому теперь любопытно знать, храбро ли будетъ сражаться принцъ Наполеонъ или герцогъ Кембриджскій, когда оба они уже давно воротились во свояси? Кому любопытны сужденія о стратегическихъ способностяхъ Сентъ-Арно, когда не только Сентъ-Арно давно успѣлъ умереть, но и преоимникъ его, Канлиберъ, уже давно отстраненъ отъ команды надъ экспедиціонною арміею? Кому нужны доказательства, что французы ошибутся, разчитывая встрѣтить въ русскихъ воинахъ слабыхъ противниковъ, когда уже цѣлый годъ всѣ французскіе генералы в газеты отдають справедливость стойкому мужеству нашихъ героев?

Если бы брошюрка Жоли была переведена ранѣе, ны почли бы нужнымъ говорить о ней подробно; теперь же довольно будетъ ограничиться нѣсколькими словами. Жоли ненавидитъ англичанъ и Луи-Наполеона, и осуждаетъ ихъ дѣйствія. Но за что ненавидитъ, за что осуждаетъ,—этого не видно изъ его статей, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ являются въ этой брошюрѣ. Года три-четыре тому назадъ, онъ былъ реввостнымъ республиканцемъ,—не знаемъ, оставилъ ли онъ свои прежнія убѣжденія, но въ брошюркѣ нѣтъ доказательствъ, чтобъ онѣ измѣнились. Чѣмъ онъ недоволенъ,—тѣмъ ли, что французы начали войну противъ Россіи, или только тѣмъ, что война ведется не Ледрю-Ролленомъ, а Луи-Наполеономъ? Чего онъ желалъ бы,—того ли, чтобы война была прекращена, или только того, чтобъ она велась со стороны французовъ иначе, умнѣе, энергичнѣе и еще жесточе? Хотѣлъ ли бы онъ, чтобъ французская армія никогда не переступала границъ родины, или того, чтобъ она не плыла на врага въ союзѣ съ англичанами, а шла сухимъ путемъ по Наполеонскому маршруту,—этого ничего не въ казывается въ брошюрѣ. Ясно только, повторяешь, что Жоли осуждаетъ Луи-Наполеона и англичанъ. Но опять: за что онъ не любитъ англичанъ? за то ли, что они аристократы? или за то, что у нихъ больше купцовъ, нежели солдатъ? или просто за то, что они держали Наполеона на Островѣ св. Елены?—это опять остается въ совершенномъ туманѣ. Видно изъ всего, что у Жоли есть какія-то затаенныя мысли, которыхъ онъ не высказываетъ, чтобъ не повредить успѣху своей брошюры. Само собою разумѣется, намъ очень мало пользы отгадывать, что держитъ у себя на умѣ г. Жоли, но дѣло въ томъ, что отъ этихъ умолчаній его брошюра не производитъ на читателя опредѣленнаго впечатлѣнія.

Переведенная у насъ брошюра о Крымской экспедиціи гораздо яснѣе и удовлетворительнѣе. Не говоримъ уже о томъ, что авторъ «Крымской экспедиціи»—кто бы онъ ни былъ, принцъ Наполеонъ или одинъ изъ его адъютантовъ, или Эмиль де Жиранленъ,—разоблачаетъ много тайнъ, а Жоли не знаетъ ничего такого, кромѣ того, что напечатано въ газетахъ и уже всѣмъ намъ давно извѣстно гораздо лучше и полнѣе, нежели изложено въ его брошюрѣ.

Но одного достоинства нельзя отнять у его статей: онѣ написаны бойкимъ перомъ, и въ этомъ отношеніи оправдываютъ старинную извѣстность автора, какъ хорошаго оратора и публициста.

Руководство къ всеобщей исторіи. Сочиненіе *Ф. Лоренца*. Часть III. Отдѣленіе 2. Изданіе второе. Спб. 1855.

Достоинства книги г. Лоренца единогласно признаны всѣми. Мало того, чтобы сказать: «это лучший учебникъ всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ»,—другихъ хорошихъ учебниковъ всеобщей исторіи у насъ нѣтъ, и ставить сочиненіе г. Лоренца выше другихъ русскихъ руководствъ—похвала еще слишкомъ нерѣшительная. Но и въ нѣмецкой литературѣ, очень богатой прекрасными учебниками всеобщей исторіи, сочиненіе г. Лоренца считается однимъ изъ лучшихъ. Авторъ—человѣкъ, котораго по справедливости надобно назвать ученымъ; онъ самостоятельно изучалъ исторію, особенно древнюю, по источникамъ; со всѣми лучшими спеціальными сочиненіями по всеобщей исторіи онъ знакомъ, какъ нельзя лучше. Онъ выказалъ въ

своемъ «Руководствѣ» замѣчательный педагогическій талантъ: рассказъ его сжатъ, но связанъ и полонъ: не обремененъ излишними мелочными подробностями, избыткомъ хронологическихъ цифръ и собственныхъ именъ,—недостатокъ, которымъ почти всегда страдаютъ учебники исторіи,—но содержитъ множество фактовъ, и всѣ важные факты излагаетъ съ обстоятельностью, необходимою для того, чтобъ дать о нихъ живое понятіе—качество, котораго также напрасно будемъ искать въ другихъ нашихъ учебникахъ. Наконецъ, г. Лоренцъ необыкновенно выгодно отличается отъ другихъ тѣмъ, что понимаетъ—и справедливо понимаетъ—значеніе историческихъ событій, имѣютъ взглядъ,—и взглядъ основательный.

Странно, что при такихъ высокихъ достоинствахъ, при такомъ неизмѣримомъ превосходствѣ надъ другими нашими «руководствами» по всеобщей исторіи, учебникъ г. Лоренца мало распространенъ, что только немногіе преподаватели исторіи избираютъ для своего преподаванія эту книгу. Если не ошибаемся, главными затрудненіями въ этомъ случаѣ, преподавателямъ представляются цѣна книги и объемъ ея. Что касается перваго затрудненія, оно дѣйствительно важно—полное сочиненіе г. Лоренца (пять частей) стоитъ 11 р. сер., то есть, вдвое дороже другихъ учебниковъ, и намъ кажется, что издатель поступаетъ нерасчетливо, продавая книгу такъ дорого—выгоднѣе было бы для него продать 10,000 по 4 рубля, нежели 2,000 экземпляровъ по 11 р. Впрочемъ, если бы дѣло останавливалось только за цѣною, оно скоро уладилось бы: издатель понялъ бы, что его собственная выгода требуетъ пониженія цѣны, если съ этимъ соединить всеобщій запросъ на книгу. Вѣроятно, онъ продаетъ книгу дорого только потому, что не видитъ ей слишкомъ большаго сбыта даже при низкой цѣнѣ. Итакъ, дѣло останавливается только объемомъ сочиненія, приводящимъ въ смущеніе многихъ преподавателей.

Но пугаясь того, что руководство г. Лоренца въ полтора или даже въ два раза болѣе по числу страницъ, нежели другія руководства, преподаватели, какъ намъ кажется, недостаточно принимаютъ въ соображеніе, что время, потребное для изученія книги, зависитъ не столько отъ ея объема, сколько отъ содержанія. Страница какой нибудь хронологической таблицы или безсвязнаго перечня собственныхъ именъ отнимаетъ у ученика болѣе времени, нежели двадцать страницъ связнаго, логически развивающагося рассказа, передающаго событія въ живыхъ картинахъ, не обремененнаго десятками ненужныхъ именъ. Советуемъ гг. преподавателямъ всеобщей исторіи обратить на это серьезное вниманіе. Притомъ же, отъ ихъ усмотрѣнія зависитъ выпустить изъ своихъ уроковъ подробности, которыя кажутся имъ слишкомъ длинными,—и самъ г. Лоренцъ уже облегчилъ это, различивъ мелкимъ шрифтомъ подробнѣйшіе рассказы отъ общаго очерка событій.